

М. И. ДЕМКОВЪ,

директоръ Московскаго учительскаго института, авторъ „Исторіи русской педагогіи“,
„Краткой исторіи педагогіки“ и „Курса педагогіки“.

ПЕДАГОГИКА

ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКАЯ и РУССКАЯ.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ХРЕСТОМАТІЯ.

*Для учительскихъ институтовъ и семинарій,
педагогическихъ классовъ женскихъ гимназій
и институтовъ, педагогическихъ курсовъ при го-
родскихъ училищахъ и для народныхъ учителей.*

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая улица, свой домъ.
Москва. - 1911

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Еще въ 1898 г., выпуская въ свѣтъ свой опытъ педагогической хрестоматіи, подъ заглавіемъ „Русская педагогика въ главнѣйшихъ ея представителяхъ“ (выпускъ XII Педагогической бібліотеки, изд. К. Тихомировымъ и А. Адольфомъ), мы ясно сознавали большую потребность въ такой хрестоматіи, которая, знакомя съ первоисточниками, могла бы возбудить у учащейся университетской молодежи охоту и желаніе приняться за самостоятельныя изслѣдованія и работы въ области педагогической литературы, т.-е. такія изслѣдованія, до которыхъ все еще у насъ такъ мало охотниковъ. вмѣстѣ съ тѣмъ и молодымъ педагогамъ она дала бы необходимыя точки опоры въ ихъ дѣятельности, безъ которыхъ они, „что корабль безъ гвоздей“.

Изданная Педагогической Библіотекой „Русская педагогика“ и старалась отвѣтить на такую потребность, давая довольно полную педагогическую хрестоматію, въ которой были помѣщены отрывки изъ лучшихъ мѣстъ русскихъ педагогическихъ писателей старыхъ и новыхъ, предпославъ имъ краткія біографическія и бібліографическія свѣдѣнія.

Имѣлось въ виду, что такой опытъ педагогической хрестоматіи привлечетъ вниманіе читателей къ забытымъ или мало извѣстнымъ педагогическимъ писателямъ, возбудитъ интересъ и вкусъ къ занятію педагогическими во-

---

1) Подробнѣе объ этомъ мой докладъ „О задачахъ серьезной педагогической литературы“ въ Трудахъ Педагогическаго Отдѣла Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества, вып. II, 1894 г., стр. 50.

просами и покажетъ, что наша русская педагогическая литература вовсе не такъ бѣдна, какъ принято думать. вмѣстѣ съ тѣмъ хотѣлось дать пособіе въ руки преподавателей педагогики нашихъ учительскихъ институтовъ, семинарій и педагогическихъ классовъ женскихъ гимназій и другихъ учебныхъ заведеній, не знающихъ порой, гдѣ найти необходимыя свѣдѣнія о русскихъ педагогическихъ писателяхъ, у учащихся возбудить интересъ и вкусъ къ педагогической литературѣ и желаніе поближе познакомиться съ ней.

Время показало, что мы угадали потребность въ такой хрестоматіи, такъ какъ и самая хрестоматія была принята сочувственно, и вскорѣ за тѣмъ появилось нѣсколько историко-педагогическихъ изслѣдованій и даже появились новыя педагогическія хрестоматіи (Н. Н. Завьялова, Первова, А. Н. Острогорскаго).

Недавно нами составлены и выпущены въ свѣтъ двѣ книжки: „Очерки по исторіи педагогики“, М. 1909 г. и „Краткая исторія педагогики“, М. 1910 г., предназначенныя, главнымъ образомъ, для народныхъ учителей и учительницъ, а также какъ руководство для учительскихъ семинарій, институтовъ, женскихъ институтовъ и гимназій и епархіальныхъ женскихъ училищъ, при чемъ въ Очеркахъ изложена вкратцѣ исторія русской педагогики, а въ „Краткой исторіи педагогики“ — краткая исторія западно-европейской педагогики.

Изучивъ хорошо бытъ и потребности народныхъ учителей и учительницъ (въ бытность директоромъ народныхъ училищъ сначала Вологодской, а потомъ Нижегородской губ.), мы можемъ смѣло сказать, что многіе изъ нихъ весьма нуждаются въ рядѣ руководствъ и пособій по педагогикѣ и ея исторіи, и что для громаднаго большинства недоступны сочиненія выдающихся педагоговъ-мыслителей въ подлинникѣ (или въ переводѣ). То же самое касается и воспитанниковъ учительскихъ семинарій и институтовъ и ученицъ VIII класса женскихъ гимназій. Съ цѣлью помочь этой назрѣвшей потребности нами и издается теперь „Педагогика западно-европейская

и русская“, гдѣ даются отрывки какъ изъ важнѣйшихъ западно-европейскихъ, такъ и русскихъ писателей. Она имѣетъ и самостоятельное значеніе и служитъ необходимымъ дополненіемъ къ „Очеркамъ по исторіи русской педагогики“ и къ „Краткой исторіи педагогики“. Однимъ изъ важныхъ пособій для предлагаемаго труда служили Педагогическая Библіотека, изд. К. Тихомировымъ и А. Адольфомъ (нынѣ Д. Н. Корольковымъ), „Исторія русской педагогіи“ М. И. Демкова, ч. I, II и III и его же „Русская педагогика, опытъ педагогической хрестоматіи“. Другія пособія указаны въ текстѣ.

Составитель.

Москва,
6 февраля 1911 г.

ОТДѢЛЪ I.

Педагогика западно-европейская.

I.

Платонъ.

Знаменитый греческій философъ Платонъ жилъ съ 429 года по 348 г. до Р. Х., былъ довольно долгое время (десять лѣтъ) ученикомъ Сократа и послѣ его смерти привелъ въ стройную философскую систему ученіе своего учителя и придалъ образцовую теоретическую обработку собственно педагогическимъ идеямъ.

Поддержка дѣльнаго воспитанія и обученія составляетъ, по Платону, одну изъ прямыхъ обязанностей государства. Воспитаніе Платонъ опредѣляетъ какъ руководство и направленіе дѣтей и юношей къ предписанному закономъ, старѣйшими и лучшими людьми одобренному образу жизни. Воспитаніе важнѣе всякаго иного дѣла, ибо хотя человѣкъ кротокъ отъ природы, но благодаря лишь воспитанію дѣлается лучшимъ изъ всѣхъ живыхъ существъ. При воспитаніи слѣдуетъ обращать вниманіе на гармоническое развитіе тѣла и души, и въ этомъ отношеніи гимнастика и музоугодное воспитаніе являются лучшими воспитательными средствами.

Относительно умственнаго образованія Платонъ совѣтуетъ помнить, что отсутствіе знанія еще не самое большое зло; напротивъ, обиліе свѣдѣній и многознайство при дурномъ воспитаніи гораздо вреднѣе невѣжества. Поэтому не слѣдуетъ обременять молодежь черезчуръ многими знаніями, а надо во всемъ помогать ясныхъ и отчетливыхъ знаній. Первыми науками для умственнаго образованія Платонъ считаетъ математику и астрономію, онъ даже думаетъ, что если бы человѣческое существо

лишилось понятія о числѣ, то мы никогда не достигли бы ни мудрости ни добродѣтели. Ариѳметика, геометрія и астрономія служатъ подготовкой къ высшей наукѣ, каковой является философія.

Главнѣйшими сочиненіями, откуда мы черпаемъ педагогическіе взгляды Платона, являются: „О государствѣ“ и „О законахъ“. Первое вошло въ полное собраніе сочиненій Платона, переведенное проф. Карповымъ, изд. 2, ч. III и IV, а второе перевед. съ греческаго Г. Янчевецкимъ и помѣщалось въ видѣ приложенія къ журналу „Гимназія“, Ревель. 1898.

1.

Значеніе музыки и гимнастики.

По словамъ Платона, Сократъ во второй книгѣ «Политики» указалъ, что весь кругъ образованія стражей города опредѣляется музыкою и гимнастикою. За музыку даже надо прежде взяться, чѣмъ за гимнастику, «ибо начало всякаго дѣла весьма важно, — особенно для нѣжнаго возраста, вѣдь тогда-то преимущественно образуется и устанавливается характеръ». Музыка и гимнастика, по ученію Платона, соединены между собою тѣснѣйшимъ образомъ; такъ что, при недостаткѣ той или другой, воспитаніе юношей не можетъ быть удовлетворительно, то-есть не сдѣлаются они столь же образованными, какъ и мужественными.

«Хорошій подборъ словъ, и гармоничность, и благоприличіе, и благоразмѣренность, — говорилъ Сократъ, — сообразуются съ благонравіемъ; благонравіе же у насъ не недостатокъ ума, не простосердечіе въ смыслѣ ласки, а дѣйствительно доброе и прекрасное свойство сердца со стороны нравственной. Такъ не должны ли юноши стремиться къ этому во всемъ, если хотятъ дѣлать свое дѣло? Конечно, должны. Этимъ-то вѣдь все отпечатлѣвается и въ живописи, и въ каждомъ художествѣ; это всегда есть и въ тканѣ, и въ раскрашиваніи, и въ постройкѣ дома, и въ отдѣлкѣ всякой рухляди, даже въ природѣ тѣлъ и растеній; благоприличіе и неблагоприличіе имѣетъ мѣсто вездѣ. И неблагоприличіе, неблагоразмѣренность, негармоничность суть сестры злословія и злонаравія. — Но только ли поэтовъ

должны мы ограничивать и принуждать къ тому, чтобы въ своихъ стихотвореніяхъ представляли они образы благонравія; либо ужъ и не писали бы у насъ, или требовать, чтобы и другіе мастера ни на живописныхъ картинахъ, ни на зданіяхъ, ни на какой иной художественной вещи не изображали ничего безнравственнаго, постыднаго, низкаго и непристойнаго; а кто не можетъ не дѣлать этого, тому не позволять работать у насъ, чтобы наши стражи, питаясь образами зла, будто дурною травой, и каждый день собирая себѣ пищу, постепенно многое отъ многихъ предметовъ, незамѣтно не скопили въ своей душѣ одного великаго зла? Не такихъ ли надобно искать художниковъ, которые могутъ благородно изслѣдовать природу прекраснаго и благопристойнаго, чтобы юноши, живя будто въ какомъ здоровомъ мѣстѣ, получали пользу отъ всего, что ни приращается добраго къ ихъ зрѣнію или слуху, несясь подобно вѣтерку, навѣвающиму здоровье отъ цѣлебныхъ мѣстъ, и незамѣтно, съ самаго дѣтства, приводя ихъ къ подобію, содружеству и согласію съ прекраснымъ словомъ? Да, питаться такимъ образомъ было бы весьма хорошо, сказалъ Главконъ.—Поэтому-то,—продолжалъ Сократъ,—главнѣйшая пища не заключается ли въ музыкѣ, такъ какъ ритмъ и гармонія особенно вѣдряются въ душу, весьма сильно трогаютъ ее и дѣлаютъ благопристойною, если кто питается правильно, а когда нѣтъ,—выходитъ противное?»

«Послѣ же музыки надобно юношей воспитывать гимнастикой. А состоитъ она, какъ я думаю, въ чемъ-то такомъ: впрочемъ, смотри и ты; вѣдь мнѣ не представляется, что у кого хорошее тѣло, у того оно собственною силою образуетъ добрую душу; напротивъ, я думаю, что добрая душа собственною силою доставляетъ возможно наилучшее тѣло.—Стало-быть, если, достаточно раскрывъ мышленіе, мы передадимъ ему попеченіе о тѣлѣ, то не поступимъ ли правильно? При этомъ будемъ помнить, что простота въ музыкѣ водворяетъ въ душу разсудительность, а простота въ гимнастикѣ сообщаетъ тѣлу здоровье».

«Поэтому, кто превосходно соединяетъ гимнастику съ музыкой и весьма мѣрно прилагаетъ ихъ къ душѣ, того

мы, по справедливости, можемъ называть человѣкомъ совершенно музыкальнымъ и гораздо лучше настроеннымъ, чѣмъ тотъ, кто умѣетъ подстроить одну струну подъ другую».

2.

О воспитаніи.

«На вопросъ: что можетъ дать особеннаго городу правильное воспитаніе одного юноши или одного хора, конечно, можно отвѣтить, что отъ одного для города пользы будетъ мало; но если ты спросишь о воспитаніи вообще, что оно даетъ городу, то нетрудно отвѣтить, что отъ хорошаго воспитанія люди дѣлаются хорошими людьми, а сдѣлавшись таковыми, они всякое дѣло хорошо дѣлаютъ и на войнѣ побѣждаютъ враговъ».

«Я утверждаю, что всякій человѣкъ, желающій въ чемъ бы то ни было совершенства, долженъ упражняться въ этомъ съ дѣтства, какъ въ играхъ, такъ и въ серьезныхъ занятіяхъ, сообразно каждому назначенію. Такъ, на примѣръ, желающій быть хорошимъ земледѣльцемъ или зодчимъ, долженъ уже въ дѣтствѣ имѣть соотвѣтствующія игрушки, зодчій—строительныя, земледѣлецъ—земледѣльческія, и обязанность воспитателя—доставить маленькія орудія въ родѣ настоящихъ, и при этихъ играхъ сообщать необходимѣйшія предварительныя свѣдѣнія: строителю мѣрять и ставить, военному ѣздить верхомъ и т. д. и стараться посредствомъ игръ направлять желанія и склонности мальчиковъ въ ту сторону, гдѣ они должны будутъ остановиться. Главнымъ дѣломъ въ воспитаніи мы считаемъ дать направленіе, которое посредствомъ игръ доведетъ душу до возможно большей любви къ тому, что сдѣлаетъ взрослою совершеннѣйшимъ въ искусствѣ своего дѣланія».

«Теперь мы не оставимъ безъ разсмотрѣнія и того, что называютъ воспитаніемъ. Часто мы, чтобы выразить одобреніе или порицаніе воспитанію кого-либо, говоримъ: «онъ воспитанъ» или «онъ не воспитанъ», хотя такой человѣкъ можетъ быть очень образованнымъ для торговли, для судоходства и т. п. Оказывается, что не это мы считаемъ вос-

питаніемъ, а приведеніе до того совершенства, которое вызываетъ желаніе и стремленіе сдѣлаться совершеннымъ гражданиномъ, умѣющимъ повелѣвать и повиноваться по чувству долга. Такое воспитаніе, какъ кажется, имѣетъ въ виду наши бесѣды и считаетъ его единственнымъ; а воспитаніе, обращенное на пріобрѣтеніе денегъ или на физическую силу или на другое знаніе, не направленное на умъ и на чувство долга, будетъ прикладное, низшее и рѣшительно недостойное называться воспитаніемъ. Впрочемъ, не будемъ спорить о названіи; останемся лишь при томъ положеніи, что человѣкъ, правильно воспитанный, почти всегда хорошъ, что на воспитаніе нельзя смотрѣть, какъ на нѣчто маловажное, такъ какъ изъ всѣхъ высшихъ благъ это первое, что достается для лучшаго человѣка».

«Первыя чувствованія дѣтей—чувство удовольствія и чувство печали, и въ первыхъ выражаются возрастающія въ душѣ добродѣтели и пороки. Разумъ и правильное сужденіе пріобрѣтаютъ немногіе, и то къ старости; и кому эти блага достаются, того мы называемъ цѣльнымъ человекомъ». «Такимъ образомъ,—говоритъ Платонъ устами аѳинскаго гостя,—воспитаніемъ я называю первое возвращеніе въ дѣтяхъ добродѣтели. Удовольствіе и любовь, печаль и ненависть являются въ душѣ, когда дѣти не могутъ еще обнять ихъ словомъ; когда же обнимутъ и согласуютъ съ словомъ посредствомъ правильнаго пріученія соответствующими нравами, то это полное согласіе будетъ добродѣтель. Быть правильно воспитаннымъ къ удовольствію или печали, такъ чтобы отъ юности и до старости любить, что слѣдуетъ любить, и ненавидѣть, что слѣдуетъ ненавидѣть, вотъ это, если выразишь словомъ, и назовешь воспитаніемъ, скажешь какъ разъ по моимъ мыслямъ».

«И вотъ въ жизни большая часть этихъ правильно направленныхъ удовольствій и печалей, которыя и составляютъ цѣль воспитанія, расплзается и извращается; но боги, изъ жалости къ роду человѣческому, на трудъ родившемуся, установили отдыхъ отъ трудовъ—чередующіеся праздники боговъ, и къ нимъ придали соучастниковъ празднествъ—Музу съ Аполлономъ предводителемъ и Діо-

ниса, чтобы на этихъ праздникахъ возстановлять бывшее воспитаніе. Разсмотримъ теперь, правильно ли и сообразно ли съ природою такое объясненіе. Какъ извѣстно, юность не можетъ сохранять спокойствія въ тѣлѣ и въ голосѣ: то она скачетъ, прыгаетъ, съ удовольствіемъ затѣваетъ игры, танцуетъ, то она готова кричать всякимъ голосомъ. И вотъ прочія животныя не имѣютъ чувства правильности или неправильности движеній, называемыхъ тактомъ и гармоніей. Намъ же данные богами упомянутые соучастники празднествъ даровали также радостное чувство такта и гармоніи, которыми они же приводятъ насъ въ ожиданіе, руководятъ и собираютъ насъ для пѣсенъ и пляски. Да и самое слово «хоръ» происходитъ отъ хара (радость). И такъ примемъ сперва положеніе, что первое воспитаніе совершается чрезъ Музъ и Аполлона и, стало-быть, хорошо воспитанный тотъ, кто умѣетъ хорошо пѣть и плясать.

«Слѣдовательно, если мы знаемъ, въ чемъ красота пѣнія и пляски, то мы знаемъ также, въ чемъ правильность или неправильность воспитанія; въ противномъ случаѣ мы не будемъ въ состояніи указать, гдѣ и какъ охранять воспитаніе. Я утверждаю, что всѣ три хора должны напѣвать молодымъ и воспріимчивымъ душамъ разное хорошее, но, главнымъ образомъ, то, что для боговъ пріятнѣйшая жизнь и добродѣтельнѣйшая жизнь одно и то же».

(Изъ „Законовъ“ Платона).

II.

Аристотель.

Аристотель родился въ 384 г. до Р. Х. въ Стагирѣ. Его отецъ Никомахъ былъ придворнымъ врачомъ македонскаго царя Аминты. На 18 году жизни Аристотель пришелъ въ Аѳины и вступилъ въ кругъ учениковъ Платона, къ которому онъ принадлежалъ до самой его смерти въ теченіе 20 лѣтъ. По смерти Платона онъ открылъ въ Аѳинахъ свою собственную школу риторики, но въ 342 г. принялъ приглашеніе македонскаго двора взять

на себя воспитаніе Александра, который (род. 356 г.) тогда только что вступилъ въ юношескій возрастъ; онъ оставался при македонскомъ дворѣ до похода Александра въ Азію. Въ 334 году Аристотель возвратился въ Аѳины и открылъ здѣсь въ Ликее школу, получившую имя перипатетической, вѣроятно, отъ обычая Аристотеля ходить при научной бесѣдѣ. Имѣвшій самъ средства къ жизни, при несомнѣнной помощи могучаго царя, Аристотель имѣлъ всевозможныя средства для своихъ изысканій и первый составилъ громадное собраніе книгъ. Онъ не только ученый, но и наблюдатель перваго ранга, одинаково выдающійся, какъ самымъ разнообразнымъ философскимъ и историческимъ знаніемъ, такъ и самыми обширными свѣдѣніями.

Главнѣйшими источниками педагогическихъ воззрѣній Аристотеля служатъ его „Этика“ и „Политика“. Изслѣдованія показали, что текстъ, который дѣйствительно принадлежитъ Аристотелю, есть „Этика“ Никомаха. „Этика“ раздѣляется на 10 книгъ, въ первой изъ нихъ Аристотель разсматриваетъ вопросъ о томъ, что должно считать высшимъ благомъ, и находитъ, что оно заключается въ дѣятельности, сообразно съ добродѣтелью, а во второй книгѣ, посвященной анализу добродѣтели, Аристотель находитъ, что добродѣтель — прибрѣтенное, не прирожденное свойство души.

Непосредственнымъ продолженіемъ и завершеніемъ „Этики“ служитъ „Политика“, богатая педагогическими замѣчаніями, откуда мы и приводимъ рядъ выдержекъ по переводу Н. Скворцова.

Такъ какъ добродѣтель составляетъ самую существенную часть блаженства, то Аристотель признаетъ, такъ же, какъ и Платонъ, главной задачей государства—воспитаніе въ народѣ добродѣтели, и потому онъ рѣшительно порицаетъ, если государство вмѣсто мирнаго попеченія о нравственномъ и научномъ образованіи склонно къ войнѣ и завоеванію. „Никто,—говоритъ Аристотель,—не можетъ оспаривать того, что законодатель всего болѣе долженъ заботиться о воспитаніи юношества, потому что отъ невниманія къ этому дѣлу страдаетъ само политическое устройство государства“. Образование общественныхъ дѣятелей должно быть дѣломъ общественнымъ и, слѣдовательно, относительно воспитанія дѣтей должны быть опредѣленныя постановленія закона.

1.

Общія замѣчанія о воспитаніи дѣтей до семи лѣтъ.

Употребляемая дѣтьми пища оказываетъ огромное вліяніе на развитіе и укрѣпленіе ихъ тѣла. Изъ наблюденія, какъ надъ прочими животными, такъ и надъ тѣми народами, которые заботятся объ образованіи воинскаго тѣлосложенія, оказывается, что молочная пища особенно пригодна для укрѣпленія тѣла. Но спиртуозную пищу, въ избѣжаніе разныхъ происходящихъ отъ нея болѣзней, слѣдуетъ давать дѣтямъ въ наименьшемъ количествѣ. Кромѣ того, для укрѣпленія тѣла дѣтей, полезны также нѣкоторыя движенія, какія только можно допустить въ такомъ раннемъ возрастѣ. Но чтобы они не повредили при этомъ своихъ нѣжныхъ членовъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и въ наше время употребляются для этого извѣстныя механическія орудія, которыя удерживаютъ тѣло отъ опаснаго для него наклоненія. Равнымъ образомъ полезно также съ малыхъ лѣтъ приучать дѣтей къ холоду,—это очень хорошо какъ для здоровья, такъ въ послѣдствіи и для воинскихъ дѣйствій. Поэтому у нѣкоторыхъ варваровъ существуетъ обычай тотчасъ послѣ рожденія погружать дѣтей въ холодную воду, а у другихъ, какъ, на примѣръ, у кельтовъ, завертываютъ ихъ въ легкое покрывало. Къ чему можно привыкнуть, къ тому лучше начинать приучать съ дѣтскаго возраста, такъ чтобы съ теченіемъ времени постепенно развивать эту привычку. Тѣло дѣтей, вслѣдствіе большой теплоты въ ихъ организмѣ, по самой природѣ своей способно къ перенесенію холода. Итакъ, вотъ какого рода попеченія слѣдуетъ имѣть о дѣтяхъ перваго возраста. Въ слѣдующемъ затѣмъ возрастѣ, до пяти лѣтъ—когда изъ опасности повредить росту дитяти, не хорошо еще принуждать его къ ученю, или къ какому-либо необходимому въ жизни труду—слѣдуетъ заставлять дѣтей дѣлать нѣкоторыя движенія, чтобы уничтожить чрезъ это неповоротливость ихъ тѣла. Движенія эти должно доставлять дѣтямъ, какъ посредствомъ разнаго

рода занятій, такъ и посредствомъ игръ; но самыя эти игры не должны быть недостойны людей свободныхъ, слишкомъ утомительны и азартны. Попеченіе о такихъ малюткахъ со стороны начальниковъ ихъ, такъ называемыхъ педономовъ, должно имѣть также въ виду тѣ рѣчи и сказки, какія могутъ доходить до ихъ слуха. Потому что все это должно готовить дѣтей къ ихъ послѣдующимъ занятіямъ. На этомъ основаніи игры ихъ, по возможности, должны походить на то, чѣмъ они будутъ заниматься впоследствии. Неправильно поступаютъ тѣ, которые въ своихъ законахъ запрещаютъ дѣтямъ крикъ и плачь: то и другое, доставляя нѣкоторымъ образомъ упражненіе ихъ тѣлу, полезно для ихъ развитія. Какъ задержка дыханія доставляетъ трудящимся новую силу, такъ то же самое бываетъ и съ дѣтьми, когда они напрягаются во время крика и плача. Наблюдая за образованіемъ жизни дѣтей въ другихъ отношеніяхъ, педомомы должны также обращать вниманіе и на то, чтобы дѣти какъ можно менѣе были въ обществѣ рабовъ, такъ какъ дѣти этого возраста, и даже до семи лѣтъ, непременно должны воспитываться дома. Кромѣ того, очень умно уже и съ этого возраста удалять дѣтей отъ всего того, что оскорбительно для ушей и глазъ свободнаго человека. Вообще законодатель, очищая государство отъ вредныхъ, какихъ бы то ни было, золъ, долженъ изгнать изъ него и всякое сквернословіе, потому что когда есть легкая возможность сказать что-либо постыдное, то отъ слова близко и къ самому дѣлу, но особенно должно наблюдать за дѣтьми, чтобы они не говорили и не слышали ничего дурного. А въ случаѣ, если окажется, что кто-либо изъ людей свободныхъ, но не принадлежащихъ къ числу лицъ, допущенныхъ къ участию въ сисситіяхъ, говоритъ или дѣлаетъ запрещенное, то слѣдуетъ наказать его лишеніемъ чести и побоями; а если онъ постарше, то за такой, достойный только раба, поступокъ, стоитъ наказать его такого рода лишеніемъ чести, которое ставило бы его ниже свободнаго человека. Запрещеніе говорить постыдныя рѣчи, какъ само собою очевидно, простирается также на созерцаніе картинъ и піесъ подобнаго рода. Поэтому правители

государства должны заботиться о томъ, чтобы о подобныхъ вещахъ не напоминала гражданамъ ни статуя и никакая картина.

Всякое первое впечатлѣніе для насъ болѣе завлекательно; поэтому отъ молодыхъ людей должно устранять все дурное, особенно то, что деморализуетъ или расслабляетъ ихъ въ моральномъ отношеніи. Напротивъ, въ продолженіе двухъ лѣтъ, съ пяти до семи, дѣти должны уже наглядно знакомиться съ тѣмъ, что придется имъ изучать впоследствии.

2.

Значеніе воспитанія для политическаго быта государства.

Никто не можетъ оспаривать того, что законодатель всего болѣе долженъ заботиться о воспитаніи юношества, потому что отъ невниманія къ этому дѣлу страдаетъ само политическое устройство государства, ибо жизнь гражданъ въ каждомъ государствѣ должна соответствовать его политическому устройству. Характеръ моральнаго состоянія того или другого общества служитъ обыкновенно охраною его политическаго устройства, опредѣляя собою ту или другую форму его быта. Такъ демократическое настроеніе общества стоитъ въ связи съ демократическимъ устройствомъ, олигархическое—съ олигархическимъ и т. п., такъ что лучшее нравственное настроеніе общества всегда условливаетъ собою и наилучшую форму его политическаго быта. Если во всякомъ знаніи, во всякомъ искусствѣ есть нѣчто такое, что напередъ должно быть усвоено посредствомъ обученія и навыка, для того, чтобы дѣйствовать въ предѣлахъ этого искусства или знанія, то ясно, что такое приготовленіе необходимо и для добродѣтельной дѣятельности. А такъ какъ цѣль государства одна, то и воспитаніе всѣхъ гражданъ, очевидно, должно быть одно; слѣдовательно, оно должно быть дѣломъ общественнымъ, а не частнымъ, какъ это бываетъ теперь, когда каждый по-своему заботится о своихъ дѣтяхъ, уча ихъ, чему вздумается. Нѣтъ, образованіе общественныхъ дѣятелей должно быть дѣломъ обществен-

нымъ, и никто изъ гражданъ не долженъ считать себя принадлежащимъ самому себѣ, но всѣ, напротивъ, должны считать себя принадлежащими государству; и если каждый гражданинъ есть только часть государства, то попеченіе о каждой части цѣлаго, естественно, должно итти рука объ руку съ попеченіемъ о цѣломъ. Въ этомъ отношеніи нельзя довольно нахвалиться на лакедемонянъ за то, что они прилагаютъ столь большое попеченіе о дѣтяхъ, притомъ пекутся о нихъ общими усиліями. Итакъ, очевидно, что касательно воспитанія дѣтей должны быть опредѣленныя постановленія закона, само же воспитаніе должно быть дѣломъ общественнымъ.

3.

Основные дисциплины общаго образованія.

Несомнѣнно, что изъ области полезнаго дѣти должны учиться только тому, что необходимо, но и не всему необходимому, такъ какъ необходимыя занятія дѣлятся на занятія, свойственныя людямъ свободнымъ и рабамъ.

Очевидно, что дѣти должны быть допущены къ занятію только тѣми полезными предметами, которые не сдѣлаютъ ихъ лишь простыми ремесленниками; ремесленническимъ же занятіемъ должно называть такое занятіе и такія искусство и знаніе, которыя или тѣло, или душу, или мышленіе людей свободныхъ дѣлаютъ неспособными къ добродѣтельной дѣятельности. Поэтому всѣ тѣ искусства, которыя ухудшаютъ тѣло, равно какъ всѣ промысловыя занятія, мы называемъ ремесленническими (ванавсическими), такъ какъ они дѣлаютъ мысль человѣка неспособною къ схолическимъ занятіямъ и тупою. Но если изученіе тѣхъ или другихъ свободныхъ знаній въ извѣстной мѣрѣ не противорѣчитъ интересамъ свободнаго человѣка, то исключительное занятіе ими бываетъ причиною такихъ же дурныхъ послѣдствій, о которыхъ мы сейчасъ сказали. Большая разница въ томъ, съ какою цѣлію кто что-либо дѣлаетъ или изучаетъ: если для себя или друзей или просто изъ добродѣтели, то въ такомъ случаѣ никакое занятіе не недостойно свободнаго

8756

Віцебскі педагогическі
ІНСТІТУТ ІМ. С. М. КІРАВА

человѣка, а если то же самое дѣло дѣлаетъ кто-либо по волѣ другихъ, то въ этомъ случаѣ, кажется, онъ работаетъ, какъ наемникъ и рабъ. Въ настоящей системѣ воспитанія тѣ и другія занятія, какъ сказано прежде, мѣшаются между собою.

Существуютъ четыре дисциплины, въ изученіи которыхъ обыкновенно воспитывается наше юношество, — онѣ суть: грамота, гимнастика, музыка и четвертый предметъ, который, впрочемъ, принимаютъ только нѣкоторые, — графика. Грамоту и графику изучаютъ, какъ предметы, полезные въ жизни и имѣющіе въ ней большое приложеніе; гимнастику — для развитія мужества. Касательно же цѣли музыки есть нѣкоторое недоумѣніе. Такъ, въ наше время большею частію занимаются ею просто для удовольствія, но сперва она была принята въ систему воспитанія, конечно, потому, что человѣкъ, по самой природѣ своей, какъ не разъ уже было говорено, стремится не только къ тому, чтобы вести правильно трудовую жизнь, но и къ тому, чтобы быть въ состояніи хорошо пользоваться досугомъ, потому что досугъ, чтобы сказать о немъ еще разъ, есть цѣль всякой дѣятельности. Но такъ какъ въ жизни необходимы и трудъ и досугъ, — хотя досугъ, конечно, предпочтительнѣе труда, — то намъ должно изслѣдовать теперь общій вопросъ о томъ, что должно быть содержаніемъ досуга? Не забава же; потому что забава была бы тогда цѣлью нашей жизни, что невозможно, тѣмъ болѣе, что къ забавамъ должно прибѣгать только во время трудовъ (потому что кто трудится, тотъ нуждается въ отдыхѣ, а забава и имѣетъ назначеніе наполнить время отдыха, такъ какъ время труда есть время утомленія и напряженія силъ). На этомъ основаніи, къ забавѣ всегда должно прибѣгать во время, благопріятное для пользованія ею, обращаясь къ ней какъ къ лѣкарству, потому что душа человѣка во время забавы находится въ развязномъ состояніи и отдыхаетъ, наслаждаясь тѣмъ удовольствіемъ, которое доставляетъ забава. Но досугъ или схолическое состояніе само собою, кажется, доставляетъ и удовольствіе, и счастье, и блаженство — блага, которыя не имѣютъ мѣста въ жизни людей, занятыхъ работой, но до-

ступны лишь людямъ схолической жизни. Человѣкъ, занятый работой, трудится для какой-нибудь цѣли, которой еще нѣтъ; а нравственное наслажденіе, будучи само для себя цѣлью, есть такое состояніе, находясь въ которомъ, какъ всѣ полагаютъ, мы живемъ безъ тоски и печали, но въ удовольствіи. Хотя представленіе объ этомъ удовольствіи не у всѣхъ одно и то же, напротивъ, каждый понимаетъ его по-своему, сообразно съ своимъ собственнымъ настроеніемъ, но чѣмъ кто лучше, тѣмъ и удовольствія ищетъ наилучшаго, полагая его въ томъ, что прекраснѣе всего прекраснаго. Отсюда ясно, что для достойнаго провозженія схолическаго времени должно также кое-чему учиться и воспитываться, притомъ содержаніе этого воспитанія и обученія должно быть интересно для насъ само по себѣ, между тѣмъ какъ занятія, потребныя для трудовой жизни, суть порожденія нужды и служатъ для цѣли внѣ себя. И вотъ издавна введена въ воспитаніе музыка,—не какъ что-нибудь необходимое (въ ней нѣтъ ничего такого) и не какъ что-нибудь полезное—въ томъ смыслѣ, какъ полезна, на примѣръ, грамота въ коммерціи, въ хозяйствѣ, для занятія науками и политическими дѣлами, или какъ графика, которая, очевидно, можетъ быть полезна для болѣе правильнаго сужденія о произведеніяхъ художниковъ, или, наконецъ, какъ гимнастика полезна для здоровья и укрѣпленія тѣла—ничего такого мы не видимъ отъ музыки. Поэтому музыку слѣдуетъ считать занятіемъ, которое съ достоинствомъ можетъ наполнить схолическое время, что, кажется, и имѣли въ виду наши предки, которые ввели ее въ воспитаніе. И дѣйствительно, музыка принята въ такомъ образѣ жизни, который считается достойнымъ людей свободныхъ. Такъ, Гомеръ говоритъ въ своихъ стихахъ: «на великолѣпный пиръ можно позвать и пѣвца», или, сказавъ напередъ о другихъ лицахъ, которыя зовутъ пѣвца, прибавляетъ: «который всѣхъ услаждаетъ». Также и въ другихъ мѣстахъ Одиссей называетъ наилучшимъ то препровожденіе времени, когда люди, приглашенные къ столу, съ веселымъ лицомъ въ тѣсномъ кружкѣ сидятъ въ домѣ и слушаютъ пѣвца.

Итакъ, очевидно, что въ воспитаніе входятъ нѣкоторые такіе предметы, заниматься которыми должны дѣти, не какъ предметами полезными и необходимыми, а какъ предметами прекрасными и достойными людей свободныхъ.

Но относительно обученія дѣтей полезнымъ предметамъ, должно замѣтить также, что нѣкоторымъ изъ нихъ, какъ, на примѣръ, грамотѣ, должно учить ихъ не только изъ-за непосредственной отъ нихъ пользы, но и потому, что они открываютъ путь къ изученію многихъ другихъ наукъ. Равнымъ образомъ и графіку не должно изучать только для того, чтобы не ошибаться въ своихъ хозяйственныхъ счетахъ, или чтобы не быть обманутымъ при покупкѣ и продажѣ разныхъ домашнихъ вещей, но потому болѣе, что эта наука изощряетъ чувство пластической красоты. А искать всюду только полезнаго нимаго не неприлично для людей съ возвышенной душою и свободныхъ по своей природѣ.

Выше мы сказали, что прежде всего должно воспитывать дѣтей въ привычкахъ, а не въ наукахъ, и сперва развивать ихъ тѣло, а не мышленіе; если такъ, то ясно, что напередъ должно поручить дѣтей искусству гимнаста и педотриба, съ тѣмъ, чтобы развить ихъ тѣло и сдѣлать его способнымъ къ той или другой дѣятельности.

Повторяемъ еще разъ, что, заботясь о воспитаніи дѣтей, не должно обращать вниманія исключительно только на одну какую-нибудь сторону.

Во всякомъ случаѣ, первая роль въ воспитаніи должна принадлежать красотѣ, а не звѣрству, потому что волкъ и всякое другое дикое животное никогда не въ силахъ выиграть истинно блестящей побѣды, къ чему способенъ лишь умственно развитой человѣкъ. Поэтому, кто старается о развитіи дѣтей исключительно съ одной только физической стороны, оставляя безъ воспитанія другія также необходимыя стороны, тотъ, по правдѣ сказать, приготавливаетъ изъ нихъ только ремесленниковъ, годныхъ лишь для одной какой-либо дѣятельности, да и въ этой-то дѣятельности, они, какъ легко понять, бываютъ хуже другихъ.

Что касается до гимнастики, то во взглядѣ на пользу и на способы гимнастическихъ упражненій нѣтъ никакого

разногласія. До зрѣлаго возраста гимнастическія упражненія должны быть болѣе легки, при чемъ должно избѣгать тяжелой пищи и слишкомъ большихъ трудовъ, чтобы ничто не препятствовало возрастанію и укрѣпленію тѣла. А что усиленные труды дѣйствительно могутъ повредить здоровью тѣла, то вотъ не малое тому доказательство: между побѣдителями на олимпійскихъ играхъ едва ли найдутся двое или трое, которые, и будучи мужчинами, также одержали бы побѣду, какъ одержали ее еще дѣтьми; причина та, что эти люди уже съ дѣтства теряютъ обыкновенно свою силу, вынося разныя, принудительныя для нихъ гимнастическія упражненія.

Основной вопросъ касательно музыки есть слѣдующій: необходима ли музыка въ программѣ воспитанія, и каково ея значеніе—собственно ли воспитательное, или она только забава, или, наконецъ, она пригодна для препровожденія схолическаго времени. Безспорно, что музыка годится для всего этого и во всемъ этомъ, кажется, имѣетъ свою долю. Такъ забава нужна, на примѣръ, для отдыха, а отдыхъ, конечно, пріятенъ (потому что отдыхъ есть лѣкарство противъ утомленія отъ трудовъ), равнымъ образомъ, препровожденіе схолическаго времени должно состоять не только въ прекрасномъ, но въ пріятномъ, потому что въ составъ счастья жизни одинаково входитъ и то и другое; а музыка одна, или вмѣстѣ съ пѣніемъ,—какъ всѣ согласны въ томъ—есть нѣчто весьма пріятное. Такъ и Музей¹⁾ говоритъ: «для смертныхъ пѣніе весьма пріятно». Итакъ, вотъ разумное основаніе, по которому музыка принята вездѣ въ общественныхъ собраніяхъ и дома во время досуга, какъ самое лучшее средство провести время весело. Одного этого достаточно уже для того, чтобы учить дѣтей музыкѣ, потому что всѣ невинныя удовольствія, не противорѣча цѣли человѣческой жизни, въ то же время служатъ наилучшимъ средствомъ отдохновенія.

---

¹⁾ Музей—поэтъ глубокой древности.

III.

Квинтиліанъ.

Маркъ Фабій Квинтиліанъ родился въ 42 г., умеръ около 100 г. по Р. Х., въ своихъ риторическихъ „Правилахъ“ установилъ полную теорію для образованія оратора и помѣстилъ въ нихъ важныя замѣтки касательно воспитанія и обученія вообще. Будучи знаменитымъ ораторомъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ продолженіе двадцати лѣтъ содержалъ общественную школу, которую посѣщало большое количество слушателей, въ числѣ ихъ находился и знаменитый Плиній Младшій. Квинтиліанъ былъ первымъ преподавателемъ, получавшимъ окладъ изъ государственной казны и носившимъ титулъ профессора краснорѣчія. Квинтиліану принадлежатъ „Institutionis oratoriae libri XII“, переведенныя съ латинскаго въ 1834 г. Александромъ Никольскимъ подъ заглавіемъ „Марка Фабія Квинтиліана двѣнадцать книгъ риторическихъ наставленій“, откуда мы и дѣлаемъ выдержки, подвергнувъ ихъ небольшимъ измѣненіямъ и исправленіямъ согласно латинскому тексту.

Несмотря на спеціальный характеръ, «Наставленіе оратору» имѣетъ много интересныхъ мѣстъ, посвященныхъ воспитанію и обученію. Педагогическіе взгляды Квинтиліана оказали устойчивое вліяніе на педагогику послѣдующихъ вѣковъ. Въ монастырскихъ и соборныхъ школахъ Западной Европы до XI вѣка обучали большею частью по его указаніямъ. Потомъ на нѣкоторое время исчезаютъ слѣды его вліянія, и даже творенія его совсѣмъ забываются. Но съ XIV в., когда ревностно принялись за изученіе древности, „Правила краснорѣчія“ Квинтиліана были открыты съ восторгомъ, и Квинтиліанъ долгое время служилъ источникомъ, откуда гуманисты XV и XVI вѣковъ черпали свои теоріи о педагогикѣ.

1.

Лучше ли учить дѣтей дома, или отдавать въ училища?

Представимъ, что дитя мало-по-малу подросло и, вышедъ изъ-подъ надзора нянекъ, должно быть занято уже настоя-

щимъ, прямымъ ученіемъ. Итакъ, здѣсь особенно надлежитъ изслѣдовать вопросъ: полезнѣ ли дома и въ семейномъ кругу обучать будущаго оратора, или посылать въ училища и поручать попеченію общественныхъ наставниковъ: знаю, что послѣднее средство и законодатели благоустроенныхъ государствъ и знаменитые писатели одобряютъ.

Полагаютъ, что нравы портятся въ училищахъ; это иногда случается, но они портятся и въ домѣ родительскомъ: многіе примѣры и то и другое подтверждаютъ. Если дитя отъ природы склонно къ дурному, если объ исправленіи его не приложили попеченія въ нѣжномъ возрастѣ, то не менѣе найдетъ случаевъ къ порокамъ и безъ училищныхъ товарищей. Ибо можетъ попасть въ домъ злонравный учитель, можетъ столько же приносить вредъ и обращеніе съ развратными слугами, сколько и съ неосторожными и малоскромными соучениками. Если дитя имѣетъ доброе сердце, если родители чужды слѣпой и непробудной безопасности, то можно найти и добронравнаго учителя, о чемъ наиболѣе заботиться заставляетъ благоразуміе, и приучить питомца къ строгому порядку.

Итакъ, легко удалить эту опасность. Но, а когда не сами мы портили нравы дѣтей нашихъ? Тотчасъ мы сами начинаемъ ослаблять ихъ разными потворствами. Такое нѣжное и потачливое воспитаніе, которое называемъ снисхожденіемъ, всѣ силы тѣла и ума изнуряетъ. Чего не пожелаетъ въ лѣтахъ возмужалыхъ тотъ, кто съ младенчества привыкъ къ нѣгѣ и роскоши? Ребенокъ едва лепетать еще можетъ, а уже умѣетъ различать лакомыя яства и ихъ требуетъ. Мы печемся прежде всего о усовершенствованіи вкуса въ яствахъ, а не заботимся о томъ, чтобы онъ хорошо говорилъ.

Говорятъ также, что учитель, имѣя одного у себя ученика, займется имъ гораздо болѣе. Но, во-первыхъ, никто не мѣшаетъ опредѣлить особеннаго наставника къ воспитывающемуся въ училищахъ. Да если бы и сдѣлать это было невозможно, то вселучше предпочесть, по моему мнѣнію, надлежитъ торжественность общественнаго и благо-

устроеннаго собранія, уединенности и безвѣстности частныхъ домовъ. Ибо всякій хорошій учитель желаетъ имѣть, сколько можно, болѣе слушателей и почитаетъ себя достойнымъ обширнѣйшаго поприща. А человекъ посредственныхъ способностей, чувствуя свою слабость, не пренебрегаетъ мѣстомъ и въ частномъ домѣ, а иногда и должностью приставника.

А затѣмъ будущій ораторъ, предназначенный для многолюдныхъ собраній, и который имѣетъ жизнь, какъ предъ лицомъ цѣлой республики, долженъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ привыкать не страшиться многолюдства, и преодолевать ту застѣнчивость, которая отъ уединенной и какъ бы затворнической жизни происходитъ. Надобно, чтобы духъ непрестанно возбуждался и возвышался; вмѣсто того онъ въ уединеніи или слабѣетъ и какъ бы во мракѣ остается, или, напротивъ, дѣлается суетно самонадѣяннымъ. Ибо тотъ, кто себя ни съ кѣмъ не сравниваетъ, по необходимости слишкомъ много о себѣ думаетъ. А потомъ, когда надобно предъ другими людьми оказать свои знанія, приходитъ онъ въ замѣшательство, и все новое затрудняетъ его, такъ какъ учился въ уединеніи тому, что дѣлать нужно въ присутствіи многихъ.

Я не говорю о дѣтскихъ дружественныхъ связяхъ, которыя ненарушимо сохраняются до самой старости, какъ священныя обязательства. Онѣ, безъ сомнѣнія, должны быть таковыми, ибо съ ученіемъ вмѣстѣ начинаются. Да и въ обыкновенномъ кругу, какъ вести себя, гдѣ научится тотъ, кто устранился отъ общежитія, которое не только людямъ, но даже безсловеснымъ животнымъ свойственно. Прибавьте, что дома дитя можетъ учиться только тому, чему одного его учать; а въ училищѣ узнаетъ и то, чему другихъ учать. Ежедневно будетъ слышать, почему иное одобряется, и какъ другое поправляется... Къ сему прибавлю еще, что и самые учителя не могутъ имѣть той силы и живости въ словѣ предъ однимъ ученикомъ, какими возбуждаются при многолюдномъ собраніи.

Цѣль риторики.

По Квинтилиану, цѣль риторики состоитъ въ искусствѣ хорошо говорить, а ораторъ преимущественно долженъ быть человѣкомъ честнымъ.

«И дѣйствительно Создатель міра ничѣмъ столько не отличилъ человѣка отъ прочихъ животныхъ, какъ даромъ слова. Мы видимъ, что безсловесныя превосходятъ насъ величиною тѣла, силою, терпѣніемъ, скоростью и меньше требуютъ посторонней помощи. Ибо и ходить, и промышлять пищу, и переплывать воды, безъ наставника, самою природою научаются. Большая же часть изъ нихъ въ собственномъ тѣлѣ находятъ защиту отъ стужи, имѣютъ естественное противъ враговъ оружіе, и кормъ почти повсюду встрѣчаютъ. А человѣку все сіе великаго труда стоитъ. Зато данъ намъ разумъ, и посредствомъ онаго Творецъ восхотѣлъ насъ приобщить существамъ безсмертнымъ. Но самый разумъ послужилъ бы намъ не великою помощію, и являлся бы не въ полномъ блескѣ, если бы не могли мы словомъ выражать того, что мыслию постигаемъ: сего - то и недостаетъ въ животныхъ болѣе, нежели нѣкоего смысла или разумѣнія. Ибо строить логовища, вить гнѣзда, выводить и воспитывать птенцовъ, запасать на зиму кормъ, и составлять нѣчто для насъ неподражаемое, какъ-то: воскъ и медъ, есть дѣло, можетъ-быть, нѣкотораго искусства, однако всѣ они называются безсловесными и неразумными тварями, потому что не имѣютъ способности говорить. Да и человѣку нѣмому много ли помогаетъ разумъ, сіе небесное вдохновеніе?

«Итакъ, если нѣтъ лучшаго дара, воспріятаго нами отъ Бога, какъ даръ слова, то что иное можетъ быть достойнѣе попеченія и трудовъ нашихъ? Въ чемъ желательнѣе превзойти людей, какъ не въ томъ, чѣмъ люди превосходятъ прочихъ животныхъ, тѣмъ болѣе, что никакой трудъ толь обильнаго плода не приноситъ. Мы въ томъ совершенно увѣримся, если представимъ себѣ, какъ и на какую сте-

пень совершенства вознесено нынѣ краснорѣчіе, и еще вознестись можетъ. Ибо не говоря уже, что защищать друзей, направлять совѣтами сенатъ, народъ и войско, полезно и прилично честному человѣку: не лестно ли только то, чтобы общею со всѣми способностью мыслить пріобрѣсти столько превосходства и славы, чтобы слова въ устахъ оратора, какъ и въ устахъ Перикла, казались не словами, а молніею и громомъ?»

3.

Какъ распознать способности въ дѣтяхъ.

Благоразумный наставникъ, во-первыхъ, долженъ узнать свойства ума и склонностей поручаемаго ему отрока. Особенный признакъ ума въ малолѣтнихъ есть память; ея дѣйствіе двоякое: скоро понимать и не забывать, что поняли. Быстрые умы, подобно преждевременнымъ плодамъ, почти никогда совершенно не созрѣваютъ. Они познаются изъ того, что малое удобно дѣлаютъ; они смѣлы, тотчасъ оказываютъ, что только сдѣлать въ силахъ; но силы сіи недалеко въ нихъ простираются: они, напр., въ чтеніи, легче разбираютъ слова, произносятъ ихъ смѣло и безъ запинки, дѣлаютъ немного, но скоро; тутъ нѣтъ истинной силы, нѣтъ прочнаго основанія; какъ брошенныя на самой поверхности земли сѣмена скорѣе выходятъ и, какъ похожія на хлѣбъ травы, прежде жатвы въ пустыхъ своихъ колосьяхъ желтѣютъ. Все это плѣняетъ насъ въ дѣтяхъ; но успѣхъ ихъ на томъ только останавливается, и скоро прежнее удивленіе исчезаетъ.

Послѣ таковыхъ замѣчаній надобно смотрѣть, какъ приличнѣе поступать съ учащимися. Иной требуетъ понужденія; другой не терпитъ строгихъ приказаній, тотъ возбуждается страхомъ, а у другого тѣмъ же самымъ отнимается бодрость; иной успѣваетъ отъ постояннаго прилежанія, другой отъ повременныхъ порывовъ. Я желалъ бы имѣть такого ученика, который бы и похвалою поощрялся, и любочестіемъ трогался, и даже плакалъ, когда отстанетъ

отъ товарищей. Я не опасаясь лѣности и нерадѣнія въ томъ, на кого хула и честь равно имѣютъ доброе дѣйствіе.

Дѣтямъ, какихъ бы они свойствъ ни были, давать надобно нѣкоторый роздыхъ; не только потому, что непрерывный трудъ неестественъ, и что даже неодушевленные вещи сохраняютъ силы свои не иначе, какъ оставаясь на нѣкоторое время въ покоѣ; но и для того, что прилежаніе зависитъ отъ доброй воли, которой произвести принужденіемъ не можно. Такимъ образомъ отдохнувъ, охотнѣе принимаются за ученіе; и умъ, коему свойственна свобода, становится добрѣе. Я не охуждаю и дѣтскихъ игръ. Это означаетъ живость ихъ; напротивъ, еще не могу надѣяться, чтобы тотъ задумчивый и всегда угрюмый ребенокъ, который вялъ и въ играхъ, наиболѣе свойственныхъ его возрасту, любилъ ревностно учиться.

Однако въ таковыхъ роздыхахъ надобно хранить мѣру или средину, дабы отъ недостатка ихъ не родилась ненависть къ ученію, а отъ излишества — привычка къ праздности. Есть также и для изошренія дѣтскихъ умовъ забавы: не бесполезно, напр., дѣлать ученикамъ разные вопросы, на которые старались бы они давать лучшіе другъ предъ другомъ отвѣты. Также и нравы въ играхъ удобнѣе познаются; нѣтъ возраста, въ коемъ бы доброе и худое такъ скоро перенималось; тогда-то и должно пещися о исправленіи всего дурного, ибо дѣти притворяются еще не умѣютъ, и болѣе слушаются наставленій. Скорѣе переломить, нежели исправить. Итакъ, нужно приучать ребенка, чтобы не дѣлалъ ничего по прихоти, по злости или съ нерадѣніемъ, и всегда помнить, что привычка, въ малолѣтствѣ снисканная, есть великое дѣло, какъ говоритъ Виргилій.

4.

О наказаніяхъ.

Я не одобряю обычая наказывать дѣтей тѣлесно, хотя это почти всѣми принято, и Хризиппомъ не отвергается. Такое наказаніе мнѣ кажется подло и однимъ рабамъ свойственно, и справедливо для всякаго другого возраста понимается за сущее оскорбленіе.

Смѣло скажу, не было бы и нужды прибѣгать къ столь унижительнымъ мѣрамъ, если бы усердный учитель неопустительно требовалъ отъ своего ученика вѣрнаго отчета въ ученіи. Нынѣ проступки дѣтей, происходящіе отъ нерадѣнія учителей, исправляются, повидимому, не тѣмъ, чтобы стараться обращать ихъ на лучшее, а только чтобы наказывать, для чего они того не исполнили. При томъ же, если думаешь розгою, какъ единственнымъ средствомъ, понудить ребенка къ ученію, то какъ поступить съ юношею, коему грозить ею неприлично, а учиться гораздо больше надобно? Прибавьте еще, что при побояхъ, отъ страха или боли, случаются такія непристойности, о которыхъ и говорить нельзя: дитя же отъ такого посрамленія приходитъ въ уныніе, скучаетъ, отъ общества другихъ удаляется. По словамъ Квинтиліана «не должно позволять никому унижать сей слабый возрастъ, собственными силами отражать оскорбленій не могущій».

5.

О чтеніи ораторовъ и историковъ у ритора.

И подлинно, читать вмѣстѣ съ ребенкомъ для того только, чтобы онъ научился вѣрнѣе и точнѣе пробѣгать глазами письменна, и даже чтобы изъяснить силу какого ни есть мало употребительнаго слова, должно почитать гораздо ниже обязанности ритора: но показывать красоты въ рѣчи или недостатки, когда встрѣтятся, относится прямо до званія и должности того, кто выдаетъ себя за наставника въ краснорѣчіи. «Наставникъ въ изложеніи долженъ дать замѣтить, какое реченіе есть собственно красиво и благородно; въ какомъ случаѣ распространеніе похвально, въ чемъ состоитъ противоположное достоинство; какія метафоры, какія фигуры въ реченіяхъ, что есть слогъ гладкій и періодическій и вмѣстѣ мужественный и сильный. Не бесполезно также читать съ дѣтьми иногда и такія сочиненія, которыя наполнены недостатками, но которымъ многіе, по дурному своему вкусу, удивляются, и показываютъ въ нихъ мысли и выраженія не собственные, темныя,

надутыя, слабыя, низкія, подлыя, непристойныя, которыя не только отъ всѣхъ почти ободряются, но, что всего хуже, и ободряются единственно потому, что онѣ дурны. Ибо рѣчь правильная, естественная, кажется имъ не заключающею въ себѣ великаго ума; а тому, что отступаетъ отъ здороваго разсудка, какъ нѣкимъ изящнѣйшимъ и изысканнѣйшимъ красотамъ удивляются: подобно тому какъ иные безобразными и чѣмъ-либо уродливыми тѣлами плѣняются болѣе, нежели тѣми, которыя изъ природной цѣлости ничего не потеряли».

«Но учитель не всегда долженъ дѣлать одни только замѣчанія; необходимо возможно часто требовать мнѣнія и отъ учениковъ, и тѣмъ узнавать собственное ихъ сужденіе. Симъ поддержится ихъ вниманіе, и сказанное не будетъ проходить мимо ихъ ушей: вмѣстѣ съ тѣмъ они учатся изобрѣтать и правильно понимать вещи. Ибо, для чего же мы ихъ и учимъ, какъ не для того, чтобы ихъ не вѣкъ учить? Могъ бы я смѣло сказать, что сей родъ упражненія принесетъ учащимся болѣе пользы, нежели всѣ правила, которыя также, безъ сомнѣнія, нужны; но чрезъ все обширное пространство наукъ и знаній, почти ежедневно возникающихъ, кто пройти можетъ? Хотя о воинскомъ искусствѣ преподаны нѣкоторыя общія правила, но гораздо полезнѣе знать, какъ, гдѣ и когда кто ни есть изъ полководцевъ поступилъ благоразумно, или напротивъ. Ибо почти во всемъ не столько пособляютъ правила, сколько опытъ».

6.

Какихъ писателей прежде читать должно.

Нетрудно отвѣчать на вопросъ, какихъ авторовъ должны сперва читать начинающіе. Одни хотятъ ихъ прежде занимать писателями низшей степени, какъ вразумительнѣйшими, другіе—наиболѣе краснорѣчивыми, какъ болѣе нравящимися юнымъ умамъ. Мое же мнѣніе давать имъ, сначала и всегда, читать самыхъ лучшихъ, которые писали съ наибольшей чистотой и ясностью въ слогѣ; а поэтому Ливія предпочитаю Саллюстію, ибо Ливій—сочинитель важ-

нѣйшей исторіи, но къ уразумѣнію его потребны высшія знанія. Равно и Цицеронъ, мнѣ кажется, пріятенъ и довольно ясенъ: онъ не только принести пользу, но и полюбитъся можетъ начинающимъ; а полюбивъ Цицерона, какъ говоритъ Ливій, можно и уподобиться Цицерону.

Но здѣсь надлежитъ учителю избѣгать двухъ крайностей: во-первыхъ, по излишней любви къ древности, не заставлятъ дѣтей углубляться въ чтеніе Гракховъ, Катоновъ и подобныхъ имъ писателей. Черезъ то легко могутъ они привыкнуть къ слогу сухому и варварскому, да и понимать ихъ хорошенько еще не въ состояніи. «А когда укрѣпится въ нихъ разсудокъ, и съ этой стороны не будетъ настоятъ опасности, тогда и древнихъ и новѣйшихъ писателей читать безъ различія совѣтую; твердая и мужественная сила въ словѣ первыхъ, ежели отрясемъ съ нихъ прахъ грубаго вѣка, придаетъ нашему слогу болѣе изящества; да и въ послѣднихъ найдемъ много хорошаго. Ибо природа надѣлила насъ не меньшими способностями; мы измѣнили вкусъ свой и слишкомъ заприхотничали».

Древніе превосходны, не столько по блистательности ума, сколько по основательности мыслей. Итакъ, надлежитъ читать авторовъ съ разборомъ и смотрѣть, чтобы въ смѣси не попасть на худое.

7.

Надо заставлятъ дѣтей учить наизусть нѣкоторыя мѣста изъ ораторовъ или историковъ.

По моему мнѣнію, надо совсѣмъ оставить обычай давать дѣтямъ учить наизусть собственныя ихъ сочиненія и читать ихъ, какъ водится, въ извѣстные дни. Правда, сего особенно требуютъ родители, полагая въ дѣтяхъ своихъ тѣмъ болѣе успѣхъ, чѣмъ чаще слышатъ отъ нихъ такое чтеніе, и дѣйствительно успѣхи зависятъ отъ прилежанія. Я согласенъ, чтобы дѣти, сколько можно болѣе занимались сочиненіемъ; но совѣтовалъ бы лучше давать имъ выучивать избранныя мѣста изъ ораторовъ и историковъ

или другихъ достойныхъ вниманія писателей. Ибо память болѣе изощряется, когда чужое затверживаемъ; привыкнувъ къ труднѣйшему въ семь родѣ упражненію, легче уже и свое собственное удерживать въ головѣ будемъ; сверхъ того, хорошіе примѣры въ умѣ на всякой случай останутся, и дѣти образу выученной наизусть рѣчи подражать нечувствительно научатся. Лучшія слова, выраженія и фигуры будутъ встрѣчаться сами собою: искать ихъ не для чего далеко: память, какъ запасная сокровищница, не преминетъ доставлять ихъ. Къ тому жъ не безъ пріятности приводятся чужія мнѣнія во всякой рѣчи, а паче въ рѣчахъ судебныхъ. Ибо такіе приводы, кстати употребленные, болѣе дѣйствуютъ, нежели самыя доказательства, нами къ дѣлу отъ себя излагаемая, что доставляютъ намъ вѣщшую честь, нежели собственные наши мысли.

Однако можно иногда позволять дѣтямъ читать и свои сочиненія, чтобы не лишить ихъ похвалы, которой ищутъ, какъ воздаяніе за труды свои. Но эти дѣлать только тогда надобно, когда что ни есть напишутъ поусерднѣе, чтобы такое позволеніе казалось имъ наградой за прилежаніе, и веселило ихъ тою мыслью, что сіе достойно заслужили.

8.

О подражаніи.

«Нѣтъ сомнѣнія, что не малая часть искусства зависитъ отъ подражанія. Ибо какъ первое и главное дѣло есть изобрѣтать, такъ и самое полезное есть похвальнымъ изобрѣтеніямъ сообразоваться. Да и все въ жизни нашей располагается по образцу: что одобряемъ въ другихъ, то и сами дѣлать охотно стараемся, такъ дѣти, чтобы научиться писать, снимаютъ почеркъ съ буквъ въ данныхъ прописяхъ, такъ учащіеся музыкѣ голосъ учителя, живописцы избранный подлинникъ, селянинъ удачный въ земледѣліи опытъ примѣромъ себѣ поставляютъ. Мы видимъ, что начало всякаго изученія по предположеннымъ правиламъ совершается. Мы необходимо должны быть или похожими или непохожими на хорошіе образцы свои: похожими дѣ-

лаетъ рѣдко природа, подражаніе часто. Но и то самое удобство наше пріобрѣтать о различныхъ вещахъ познаніе, удобство, котораго люди первыхъ временъ лишены были по неимѣнію руководителей и примѣровъ, коимъ бы послѣдовать могли,—и то самое удобство, говорю, обратится намъ во вредъ, если не будетъ сопровождаемо благоразуміемъ и осторожностью. Итакъ, во-первыхъ, подражаніе само по себѣ не принесетъ пользы и потому, что лѣнивый умъ обыкновенно довольствуется чужими только изобрѣтеніями. И дѣйствительно, что было бы съ первобытными вѣками, когда бы люди, не имѣя никакихъ образцовъ, не стали ничего ни вымышлять, ни дѣлать, кромѣ того, что уже знали? Конечно, при томъ одномъ и остались бы. Почему же не доискиваться, чего прежде не было». «Да и стыдно останавливаться, сравнившись съ образцомъ своимъ. Изочти всѣ искусства, ни одного не найдешь, которое оставалось бы таковымъ, каковымъ изобрѣтено было первоначально: неужели же одинъ нашъ вѣкъ осужденъ на ту злополучную участь, что намъ къ старому ничего новаго прибавить невозможно? Ибо однимъ подражаніемъ нельзя достигнуть сей цѣли. Если не присовокуплять ничего къ тому, что прежде насъ было, то какъ надѣяться когда-либо увидѣть совершеннаго оратора, если и въ самыхъ превосходнѣйшихъ, доселѣ намъ извѣстныхъ витіяхъ, примѣчается или недостатокъ или излишество? Но и не льстясь достигнуть самой высокой степени совершенства, не должно, такъ сказать, опускать рукъ и рабски слѣдовать за образцомъ своимъ: потребно благороднѣйшее усиліе. Кто старается быть первымъ, если другихъ иногда не превзойдетъ, по крайней мѣрѣ, сравняется съ ними. Сравниться никакъ не можно съ тѣмъ, по слѣдамъ коего неуклонно итти себѣ предположимъ. Ибо тотъ всегда назадъ, кто не смѣетъ итти впередъ.

«Итакъ, надлежитъ съ величайшимъ вниманіемъ разсмотрѣть все, что касается подражанія. И прежде всего смотрѣть, кому подражать хотимъ. Ибо многіе избираютъ для себя самые худые и ни къ чему негодные образцы. Итакъ, прежде всего надобно знать, чему хотимъ подражать, и чѣмъ оно достойно подражанія. Потомъ надлежитъ съ пред-

пріемлемымъ трудомъ соразмѣрять свои силы. Ибо есть вещи, которымъ подражать или слабость природы не позволяетъ, или намъ вовсе несвойственно. Человѣкъ ума тонкаго, нѣжнаго не долженъ избирать одни предметы сильные и стремительности требующіе; и тотъ, кто имѣетъ разумъ твердый, но пылкій и бѣглый, гоняясь за мыслями тонкими, потеряетъ силу свою и не достигнетъ нѣжности, которую показать желаетъ».

IV.

Св. Іоаннъ Златоустъ.

Изъ выдающихся отцовъ церкви, имѣвшихъ громадное значеніе для христіанской педагогики, слѣдуетъ указать на св. Іоанна Златоуста (род. 347 г., ум. 408), который мысли свои о воспитаніи изложилъ въ сочиненіи „О воспитаніи дѣтей“, „Гомиліяхъ“ — бесѣдахъ и въ извѣстномъ сочиненіи „О монашествѣ“.

Съ раннихъ лѣтъ Іоаннъ Златоустъ былъ воодушевленъ ко всему святому и къ высокой нравственной жизни. Руководствомъ для всякаго воспитанія, по мнѣнію его, должно служить то божественное воспитаніе человѣка, въ силу котораго Богъ снисходитъ къ человѣку, дабы вознести его къ Себѣ. Поэтому истинное искусство воспитанія сперва снисходитъ, а потомъ возноситъ.

Лучшій воспитатель для ребенка — женщина, мать. Мужья вѣдь часто отвлекаются путешествіями и общественными занятіями, тогда какъ жена, свободная отъ этихъ заботъ, тѣмъ лучше можетъ заняться дѣтьми. Кромѣ матери, важнѣйшія убѣжища образованія—монастыри, ибо въ нихъ мальчики удалены отъ порчи свѣта, рано знакомятся съ Священнымъ Писаніемъ и привыкаютъ къ христіанской жизни.

Въ своемъ сочиненіи „О воспитаніи дѣтей“¹⁾ Іоаннъ Златоустъ ясно и опредѣленно высказываетъ свой взглядъ на значеніе и цѣль воспитанія. Совершенно отвергая врожденность въ человѣкѣ зла, онъ прямо высказываетъ убѣжденіе, что зло вкоре-

---

¹⁾ Есть русскій переводъ Филарета, архіепископа черниговскаго, откуда мы и дѣлаемъ здѣсь выдержки.

няется вслѣдствіе дурного воспитанія, а съ тѣмъ вмѣстѣ высказываетъ свою рѣшительную вѣру во всемогущество воспитанія: „не отъ естества приходитъ людямъ зло,—говоритъ онъ,—но своею волею злы бываемъ“. Такимъ образомъ, по Златоусту, родители могутъ сдѣлать все изъ своихъ дѣтей, отъ нихъ зависитъ посять въ душѣ или зло или добро, приготовить имъ безконечное блаженство въ будущей жизни или вѣчное мученіе въ аду. Для древне-русской педагогики имя Іоанна Златоуста также имѣетъ большое значеніе. Ни одного отца церкви творенія не были такъ любимы и такъ распространены въ нашей древней письменности, какъ творенія св. Іоанна Златоуста. Богатство мысли соединялось въ его поученіи съ необыкновеннымъ краснорѣчіемъ, а главнымъ образомъ, привлекало читателей внутреннее содержаніе его наставленій. Іоаннъ Златоустъ, по преимуществу, проповѣдникъ любви къ ближнимъ. Такое достоинство педагогическихъ наставленій Іоанна Златоуста было причиной того, что они съ давнихъ поръ начали входить въ педагогическія статьи нашихъ сборниковъ. Какъ цѣнились они въ старину, видно изъ того, что рѣдко сборникъ не имѣетъ хоть одной изъ этихъ статей. Одинъ изъ самыхъ раннихъ сборниковъ словъ Іоанна Златоуста—Златоуструй; затѣмъ на русской почвѣ появились Златоусты, Измарагды. Златоусты появляются съ XIV в., впослѣдствіи они пополнялись и разнообразились новыми дополненіями и вставками, появились и статьи, принадлежавшія русскимъ авторамъ, хотя приписываемыя ими Іоанну Златоусту. Можно сказать, что сочиненіе его „О воспитаніи дѣтей“ послужило образцомъ для множества статей этого рода.

1.

О воспитаніи дѣтей.

1. Родить дѣтей есть дѣло природы; но образовать дѣтей и воспитать ихъ въ добродѣтели—дѣло ума и воли.

2. Подъ долгомъ воспитать своихъ дѣтей я разумѣю не одно то, чтобы не допустить ихъ умереть съ голоду, чѣмъ люди, кажется, и ограничиваютъ свои обязанности по отношенію къ дѣтямъ. Для этого не нужно ни книгъ ни постановленій; объ этомъ весьма громко говоритъ природа.

Я говорю о попеченіи образовать сердца дѣтей въ добродѣтели и благочестіи, — долгъ священный, котораго нельзя преступить, не сдѣлавшись виновнымъ въ нѣкотораго рода дѣтоубійствѣ.

3. Эта обязанность общая какъ для отцовъ, такъ и для матерей. Есть отцы, которые не щадятъ ничего, чтобы доставить дѣтямъ своимъ учителей въ удовольствіяхъ и потворствовать прихотямъ ихъ, какъ богатыхъ наслѣдниковъ; а чтобы дѣти были христіанами, чтобы упражнялись въ благочестіи, — до этого имъ мало нужды. Преступное ослѣпленіе! — Сей-то грубой невнимательности должно приписывать всѣ безпорядки, отъ которыхъ стонетъ общество. Положимъ, что вы пріобрѣли для нихъ большое имущество, но если они не будутъ умѣть благоразумно вести себя, оно сохранился у нихъ недолго. Имущество будетъ расточено, оно погибнетъ съ обладателями своими, оно будетъ самымъ печальнымъ для нихъ наслѣдіемъ.

4. Ваши дѣти всегда будутъ довольно богаты, если получатъ отъ васъ хорошее воспитаніе, способное упорядочить ихъ нравы и хорошо устроить ихъ поведеніе. Итакъ, старайтесь не о томъ, чтобы сдѣлать ихъ богатыми, но о томъ, чтобы сдѣлать ихъ благочестивыми, владыками своихъ страстей, богатыми въ добродѣтеляхъ. Пріучите ихъ не вымышлять мнимыхъ нуждъ, и блага міра сего цѣнить такъ, чего они стоятъ. Внимательно наблюдайте за ихъ поступками, за ихъ сообществами, за ихъ связями и — не ожидайте отъ Бога никакой милости, если не исполняете сего долга.

5. Если апостоль заповѣдуетъ намъ болѣе пещись о другихъ, чѣмъ о себѣ, и если мы бываемъ виновны, когда нерадимъ о ихъ пользѣ, то не гораздо ли болѣе бываемъ виновны въ томъ случаѣ, когда это относится къ тѣмъ, кои къ намъ такъ близки? Не Я ли, — скажетъ намъ Господь, — далъ мѣсто симъ дѣтямъ въ семействѣ вашемъ? Не Я ли ввѣрилъ ихъ вашему попеченію, поставивъ васъ ихъ владыками, попечителями, судіями; Я далъ вамъ полную власть надъ ними; Я возложилъ на васъ всѣ заботы о ихъ воспитаніи. Вы скажете Мнѣ, что они не хотѣли

подклониться подъ иго, что они его свергли. Но это-то и надлежало предотвратить въ самомъ началѣ; вы должны были овладѣть первыми ихъ впечатлѣніями, — наложить узду, когда они еще не имѣли силы разорвать ее; подклонить эту юную душу подъ иго долга, приучить ее къ нему, образовать ее по оному, обвязать рану, когда она только что зарождалась; исторгнуть терніе, когда оно начинало только являться около сего нѣжнаго растенія, а не ожидать, пока оно пуститъ глубокіе корни, пока страсти, усилясь постепеннымъ развитіемъ, сдѣлаются необузданными и неукротимыми.

6. Премудрый говоритъ: суть ли ти чада, накажи я, и приклони отъ юности выю ихъ (Сир. VII, 25). Но Господь не только внушаетъ намъ сіе повелѣніе устами Своего пророка, но еще беретъ нашу сторону, обезпечивая исполненіе сей заповѣди страшнымъ наказаніемъ, коимъ угрожаетъ дѣтямъ, непокорнымъ власти своихъ родителей: человекъ, иже аще зло речеть отцу своему или матери своей, смертію да умретъ (Лев. XX, 9). Онъ наказываетъ смертію тѣхъ, которые становятся виновными противу васъ, а вы хладнокровно смотрите на тѣ вины, которыя они совершаютъ противъ самой верховной власти. Они возстаютъ противъ Самого Бога, преступая Его заповѣди; а вы на это взираете безъ легчайшаго негодованія, безъ малѣйшаго дѣтямъ укора. Что теряетъ Онъ отъ ихъ оскорбленій? Ничего. Но вы, чего вы не должны страшиться за самихъ себя?—Потому что кто оставляетъ Господа, тотъ не станетъ уже уважать ни своего отца ни себя самого.

7. Дѣти, покорныя и вѣрныя Богу, въ повиновеніи закону Его нашли бы обильный источникъ счастья даже временнаго. Бѣдный съ христіанскими нравами заставляеть уважать и любить себя, между тѣмъ какъ при зломъ и развращенномъ сердцѣ все ваше богатство не спасетъ отъ негодованія и отвращенія всего, что васъ окружаетъ.

8. Юноша, которому вы дадите доброе воспитаніе, мало того, что приобрѣтетъ себѣ всеобщее уваженіе, сколько онъ сдѣлается милѣе для васъ самихъ! Ваша привязанность къ нему не будетъ однимъ простымъ влеченіемъ природы; она

будетъ плодомъ его добродѣтели. За это, во время вашей старости, вы въ свою чреду получите отъ него всѣ услуги сыновней любви; онъ будетъ вашею опорою. Потому что, какъ тѣ, кои не почитаютъ Господа, презираютъ и своихъ родителей; такъ, напротивъ, тѣ, кои чтутъ Бога, Отца всѣхъ человѣковъ, всегда будутъ всячески уважать и тѣхъ, отъ кого они получили жизнь.

9. Положимъ, что вы исполните заповѣди закона во всѣхъ другихъ отношеніяхъ; но, будучи невѣрны этой одной заповѣди, вы будете наказаны строго. Выслушайте на это доказательство, взятое изъ исторіи одного древняго народа. Вы тотчасъ увидите, какому страшному осужденію подвергаютъ себя отцы, небрегущіе о воспитаніи дѣтей своихъ. У іудеевъ былъ одинъ священникъ, уважаемый за кротость своего нрава; онъ назывался Иліей. Сей священникъ имѣлъ двухъ сыновъ, которые предавались всѣмъ порокамъ. Отецъ не заботился объ этомъ и едва обращалъ на то свое вниманіе; или ежели развратъ ихъ, доходя до высшей степени, заставлялъ его дѣлать имъ выговоры, онъ дѣлалъ это, но безъ должной ревности и власти. Ему слѣдовало бы строго наказывать ихъ, прогнать ихъ съ своихъ глазъ, употребить мѣры строгія, чтобъ прекратить ихъ беспорядки. Ничего не бывало; онъ ограничивался тѣмъ, что говорилъ имъ въ видѣ увѣщанія: ни, чада, не творите тако; яко не благъ слухъ, его же азъ слышу о васъ (1 Цар. II, 24). Это ли надлежало говорить? Они оскорбили Бога,—и ты называешь ихъ своими чадами? Они забыли Того, Кому обязаны своимъ существованіемъ; а ты признаешь еще ихъ за свое семейство? Напрасно будешь представлять тѣ увѣщанія, которыя ты дѣлалъ имъ. Нѣтъ,—здѣсь требовались не увѣщанія, но уроки сильные, истязанія строгія, врачество такъ же крѣпкое, какъ и зло. Ты долженъ былъ дѣйствовать страхомъ и исторгнуть это юное сердце изъ его оцѣпенѣнія. Увѣщанія!—Дѣти Иліи не имѣли въ нихъ недостатка. Безполезныя слова! Преступная кротость, которой они сдѣлались жертвами! Начинается война, несчастные дѣлаются добычею непріятеля; отецъ, узнавъ о ихъ злополучіи, падаетъ на землю, и, разбивъ голову, умираетъ.

10. Я сейчасъ говорилъ вамъ, что отцы, которые не заботятся дать христіанское воспитаніе дѣтямъ своимъ, суть чадоубійцы, убійцы собственныхъ дѣтей. Неправда ли? Кого долженъ винить Илія въ смерти своихъ дѣтей? Самого себя. Отецъ погубилъ и себя и ихъ. Между тѣмъ мы ежедневно видимъ передъ собою то же самое. Сколько есть родителей, которые не хотятъ взять на себя труда исправить своихъ дѣтей, непокорныхъ и развращенныхъ! Они какъ будто боятся огорчить дѣтей, если будутъ строгимъ словомъ обуздывать порочныя наклонности, которымъ они предаются. Что же выходитъ? Беспорядки увеличиваются; безнаказанность доводитъ до государственныхъ преступленій; суды пробуждаются; несчастные умираютъ на мѣстѣ казни. Не исправляя ихъ, дѣлаетесь ихъ сообщниками. Вы отказались отъ личныхъ правъ своихъ надъ ними и подвергли ихъ строгости общественнаго наказанія; вотъ человѣческое правосудіе употребило надъ ними свои строгія правила. Вы страшитесь унижить ихъ легкимъ наказаніемъ въ вашемъ присутствіи; но какое ужасное безчестіе падеть на васъ, когда сына вашего болѣе не станетъ, и отецъ, всюду преслѣдуемый взорами обвинителей, не осмѣлится уже нигдѣ показаться.

11. Итакъ, умоляю васъ, позаботьтесь о добромъ воспитаніи дѣтей вашихъ. Прежде всего помышляйте о спасеніи душъ ихъ. Богъ поставилъ васъ главами и учителями всего вашего семейства; вашъ долгъ—наблюдать, и наблюдать непрестанно, за поведеніемъ своей жены и своихъ дѣтей. Послушайте святого Павла: «Если жены ваши,—говоритъ онъ,—хотятъ чему научиться, пусть спрашиваютъ о томъ у мужей своихъ». Воспитывайте дѣтей своихъ въ ученіи и наставленіи Господнемъ (1 Корин. XIV, 35; Ефес. VI, 4).

12. Если бы отцы старались дать своимъ дѣтямъ доброе воспитаніе, то не нужны были бы ни законы, ни суды, ни судилища, ни наказанія. Палачи есть потому, что нѣтъ нравственности.

13 (17). Все у насъ должно быть второстепеннымъ въ сравненіи съ заботой о дѣтяхъ и съ тѣмъ, чтобы воспитывать ихъ въ наказаніи и ученіи Господни. Кто прежде

всего научается быть любомудрымъ, тотъ черезъ это пріобрѣтаетъ богатство, превосходящее всякое богатство, и величайшую славу. Не такъ полезно образовать сына, преподавая ему науки и внѣшнія знанія, посредствомъ которыхъ онъ станетъ пріобрѣтать деньги, сколько если научить его искусству презирать деньги. Если хочешь сдѣлать его богатымъ, поступай такимъ образомъ. Богатъ не тотъ, кто заботится о большомъ стяжаніи имѣнія и владѣетъ многимъ, а тотъ, кто ни въ чемъ не имѣетъ нужды. Это внушай твоему сыну; этому учи его; въ этомъ величайшее богатство. Не заботься о томъ, чтобы сдѣлать его извѣстнымъ по внѣшней учености и доставить ему славу; но старайся о томъ, чтобы научить его презирать славу настоящей жизни; отъ этого онъ будетъ славнѣе и знаменитѣе. Это возможно сдѣлать и богатому и бѣдному. Этому научаются не отъ свѣтскихъ учителей и не при пособіи наукъ, а изъ божественныхъ писаній. Не заботься, чтобы сынъ твой здѣсь пожилъ долго, но чтобы тамъ удостоился жизни безпредѣльной и нескончаемой; давай ему великое, а не малое. Внимай словамъ апостола Павла: воспитывайте ихъ въ наказаніи и ученіи Господни. Не риторомъ старайся сдѣлать его, но научи его любомудрію. Если онъ не будетъ риторомъ, отсюда не произойдетъ еще никакого вреда; а при недостаткѣ любомудрія, самое обильное риторство не принесетъ никакой пользы. Благоповеденіе нужно, а не остроуміе,—нравственность, а не сила рѣчи,—дѣла, а не слова: это доставляетъ царство, это даруетъ и дѣйствительныя блага. Не языкъ изощрай, но очищай душу.

V.

Мишель Монтэнъ.

Мишель Монтэнъ (1533—1592) изучалъ право въ Тулузѣ. Съ 1554 г. въ теченіе 15 лѣтъ былъ совѣтникомъ бордоскаго парламента, но дѣлами занимался мало. Оставивъ службу, владѣя значительнымъ состояніемъ, Монтэнъ посвятилъ себя чтенію раз-

ныхъ книгъ и составленію своихъ „Опытовъ“, сборникъ взглядовъ на самые разнообразныя предметы. Въ различныхъ мѣстахъ „Опытовъ“ Монтэнъ касается педагогическихъ вопросовъ. Педантизмъ — вотъ главный недостатокъ воспитанія, современнаго Монтэню, и съ нимъ Монтэнъ борется со всею энергіею. Монтэню хотѣлось бы сообщить ребенку способность самостоятельнаго сужденія и практическую сноровку, необходимую въ жизни. На русскомъ языкѣ существуютъ „Мысли о воспитаніи дѣтей“, избранныя мѣста изъ „Опытовъ“, перев. съ француз. Б. Смирнова, откуда мы и дѣлаемъ выдержки.

1.

О педантизмѣ.

Больше всего я презиралъ педантичное знаніе. Впослѣдствіи съ годами я убѣдился, что на это есть безспорнѣйшее основаніе, и что величайшіе ученые не есть величайшіе мудрецы.

Но до сихъ поръ я не могу понять, какъ можетъ случиться, что душа, обогащенная многочисленными познаніями, не дѣлается живѣе и возвышеннѣе; и какъ можетъ не улучшаться заурядный и грубый умъ, обогащаясь понятіями и сужденіями возвышеннѣйшихъ умовъ въ мірѣ. Тотъ, кто получаетъ много чужого мощнаго и обширнаго мозга (сказала мнѣ одна дѣвица, лучшая изъ нашихъ принцессъ, говоря о комъ-то), тотъ долженъ смять, стѣснить, уменьшить свой собственный, чтобы дать мѣсто чужому; приходится сказать, что какъ растенія погибаютъ отъ чрезмѣрной сырости, какъ лампы тухнутъ отъ переполненія масломъ, такъ и мозгъ отъ чрезмѣрныхъ занятій и знаній, отъ переполненія массой различныхъ предметовъ, теряетъ способность разсуждать, и эта тяжесть давитъ его и заставляетъ коснѣть.

При томъ методѣ, по которому мы учимся, немудрено, что ни ученики ни учителя не дѣлаются болѣе ловкими, хотя и дѣлаются болѣе учеными. На самомъ дѣлѣ, всѣ заботы и расходы на насъ у нашихъ отцовъ ограничиваются

желаніемъ набить наши головы знаніями; при этомъ не требуется ни правильнаго сужденія ни добродѣтели.

Мы работаемъ только для того, чтобы напичкать память, а разумъ и совѣсть не наполняемъ. Какъ иногда птицы летятъ на поиски за зернами и, найдя ихъ и не отвѣдавъ, несутъ, чтобы положить въ ротъ птенцамъ, такъ и наши педанты выберутъ мудрость изъ книгъ, помѣстятъ ее на кончикъ языка, чтобы вновь ее отдать и пустить на вѣтеръ.

Но самое худшее заключается въ томъ, что ихъ ученики и птенцы не кормятся и не подкрѣпляются наукой; ее передаютъ изъ рукъ въ руки только для того, чтобы блеснуть ею, чтобы другихъ позабавить и заставить говорить о себѣ,—совсѣмъ какъ размѣнная монета, которую употребляютъ только для счета.

Мы собираемъ мнѣнія и знанія другихъ и этимъ ограничиваемся, вмѣсто того, чтобы сдѣлать ихъ своимъ достояніемъ. Мы смахиваемъ на человѣка, который, имѣя надобность въ огнѣ, идетъ къ сосѣду и, найдя у него большой, яркій огонь, садится грѣться, совсѣмъ забывъ о томъ, что ему надо захватить огня съ собой. Что за толкъ въ пиццѣ, которая не переваривается, не превращается въ пищевую кашу и не усваивается нашимъ организмомъ? Думаемъ ли мы, что Лукулль, вслѣдствіе образованія сдѣлавшійся великимъ полководцемъ, хотя ему и недоставало опытности, учился по-нашему? Мы слишкомъ надѣемся на другихъ, вслѣдствіе чего наши силы ослабѣваютъ. Хочу ли я преодолѣть ужасъ смерти, я долженъ учиться этому у Сенеки. Хочу ли я найти утѣшеніе себѣ или другому, я долженъ заимствоваться имъ у Цицерона. Я бы, можетъ-быть, нашелъ его и въ самомъ себѣ, если бы меня къ этому приучили. Я не люблю это несостоятельное и вымоленное знаніе. Если мы, благодаря учености другихъ, и можемъ сдѣлаться учеными, то все-таки не сдѣлаемся мудрыми, потому что таковыми дѣлаетъ насъ только собственная мудрость.

О самостоятельности.

Не нужно надѣвать на душу знаніе, какъ какую-нибудь одежду, надо его претворять въ плоть, не надо только грунтовать ее, надо прочно окрашивать; если наука не измѣняетъ и не улучшаетъ несовершенное состояніе души, то лучше все бросить,—это опасный мечъ, который мѣшаетъ своему хозяину и даже ранить его, если у него слабая рука, и если онъ не знакомъ хорошо съ его употребленіемъ, такъ что лучше бы было ничего не учить.

Постоянно кричатъ ученику въ уши, какъ будто льютъ въ воронку; а обязанность ученика состоитъ только въ повтореніи сказаннаго. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы учитель исправилъ эту сторону дѣла, чтобъ онъ съ самаго начала, сообразно съ способностями воспитанника, давалъ ему возможность высказаться, развивая въ немъ вкусъ къ вещамъ, заставляя его производить между ними выборъ и различать ихъ, чтобы иногда онъ указывалъ ученику путь, а иногда предоставлялъ ему и самому находить его. Я не хочу, чтобъ учитель находилъ и говорилъ всегда одинъ; я хочу, чтобы онъ, въ свою очередь, выслушивалъ слова ученика. Сократъ и потомъ Архезилай сначала заставляли говорить своихъ учениковъ, а потомъ уже сами говорили имъ.

Хорошо, если учитель заставитъ ученика итти передъ собою, чтобъ имѣть возможность судить объ его манерахъ ходьбы, а также и о томъ, насколько онъ долженъ снизойти до него, чтобы сообразоваться съ силами ученика. Не будетъ этого соотношенія—мы все испортимъ. Умѣть выбрать это соотношеніе и на основаніи послѣдняго дѣйствовать — это обязанность, самая трудная изъ всѣхъ мнѣ извѣстныхъ; а умѣть снизойти до его дѣтскихъ поступковъ и руководить ими—это можетъ сдѣлать только возвышенная и сильная душа. Я смѣлѣе и тверже иду на гору, чѣмъ подъ гору.

Пусть учитель требуетъ отъ дѣтей отчета не въ однихъ только словахъ, а также въ смыслѣ и въ сущности урока;

пусть онъ судить о пользѣ, имъ приносимой, не по свидѣтельству ихъ памяти, но по доказательствамъ, представляемымъ ихъ жизнью. Пусть учитель заставитъ учениковъ изложить выученное во ста различныхъ видахъ и примѣнить это къ столькимъ же различнымъ случаямъ, для того, чтобы видѣть, хорошо ли они все это поняли и усвоили: пусть онъ возьметъ педагогическія правила Платона за руководство въ томъ, что ему надо дѣлать. Это вѣдь доказательство несваренія и слабости желудка, когда возвращаютъ обратно пищу въ томъ же видѣ, въ какомъ ее поглотили: желудокъ не сдѣлалъ своего дѣла, если онъ не измѣнилъ ни качества ни формы того, что ему было дано для переварки. Наша душа волнуется лишь попустому, если она связана и предана на волю чужимъ фантазіямъ, если она раба и плѣнница ихъ уроковъ: насъ настолько пріучили къ помочамъ, что мы не можемъ ходить свободно; наша бодрость и свобода угасли.

Въ Пизѣ я познакомился съ однимъ безупречнымъ человекомъ, но до такой степени поклонникомъ Аристотеля, что главнѣйшимъ правиломъ его было: «согласіе съ ученіемъ Аристотеля есть пробный камень и необходимость для всякихъ серьезныхъ мыслей и для всякой истины; все другое—простыя химеры и суета; онъ все позналъ и все сказалъ».

Эта мысль, вслѣдствіе того, что ей придали нѣсколько болѣе широкое и неудобное толкованіе, долго подвергала его опасности быть выданнымъ римской инквизиціи.

Такъ пусть наставникъ заставитъ ученика все изслѣдовать и пусть ничего не вбиваетъ ему въ голову при помощи простого авторитета и безъ всякаго основанія. Пусть принципы Аристотеля будутъ для ученика тѣмъ же, чѣмъ принципы стоиковъ и эпикурейцевъ; пусть ему укажутъ различныя сужденія, а ученикъ самъ выберетъ, если сможетъ; если же не сможетъ, то останется въ сомнѣніи.

По-моему, и сомнѣніе имѣетъ не меньше значенія, нежели знаніе. Если ученикъ принимаетъ мнѣнія Ксенофонта и Платона при помощи собственнаго размышленія, то это будутъ уже не ихъ мнѣнія, а его собственныя.

Кто слѣдуетъ за другимъ, не слѣдуетъ ни за чѣмъ, онъ ничего не находитъ, такъ какъ ничего не ищетъ. Пусть онъ, по крайней мѣрѣ, знаетъ, что знаетъ. Пусть онъ проникнется духомъ тѣхъ людей, а не заучиваетъ ихъ правила; пусть смѣло забываетъ, если хочетъ, откуда онъ ихъ взялъ, лишь бы только умѣлъ ихъ усвоить. Истина и разумъ общи для всѣхъ, и никакъ не принадлежатъ болѣе тому, кто ихъ высказалъ раньше, нежели тому, кто ихъ высказалъ послѣ: известная мысль одинаково принадлежитъ Платону и мнѣ, такъ какъ мы съ нимъ одинаково понимаемъ и видимъ. Пчелы и тутъ и тамъ собираютъ съ цвѣтовъ; но изъ собраннаго онѣ впоследствии дѣлаютъ медъ, который имъ принадлежитъ; это уже болѣе не тимьянъ, не майоранъ. Такимъ же образомъ ученикъ примѣнитъ заимствованное у другихъ и смѣшаетъ все, чтобы сдѣлать изъ всего этого свое собственное произведеніе, на примѣръ, свое мнѣніе. Его воспитаніе, работа и занятія не имѣютъ иной цѣли, кромѣ развитія разума. Пусть онъ умалчиваетъ о томъ, что ему при этомъ помогало, и пусть онъ покажетъ мнѣ то, что онъ сдѣлалъ изъ всего заимствованнаго.

Выгода, приносимая намъ нашими занятіями, заключается въ томъ, что мы становимся отъ этого лучше и умнѣе. «Разумъ,—говоритъ Епихармъ,—видитъ и слышитъ; разумъ отовсюду извлекаетъ выгоду, все упорядочиваетъ, всюду дѣйствуетъ, всюду господствуетъ и управляетъ; все остальное слѣпо, глухо и не имѣетъ души». Конечно, мы дѣлаемъ ученика раболѣпнымъ и трусливымъ, не давая ему свободы дѣйствовать самостоятельно.

Кто когда-либо спрашивалъ ученика о томъ, что онъ думаетъ о риторикѣ и грамматикѣ, о той или другой мысли Цицерона? Намъ вклеиваютъ ихъ въ память, какъ изреченія оракула, гдѣ буквы и слоги составляютъ всю суть. Знать наизусть еще не значитъ знать; это просто значитъ сохранять то, что дано памяти на сохраненіе. Тѣмъ, что знаютъ, какъ слѣдуетъ, тѣмъ распоряжаются, не взирая на учителя, не обращая своихъ взоровъ къ книгѣ. Какое жалкое знаніе—знаніе чисто книжное! Я думаю, что это послѣд-

нее служить украшеніемъ, а не фундаментомъ; я слѣдую въ этомъ случаѣ мнѣнію Платона, который говоритъ: «твердость, честность, искренность—вотъ истинная философія; другія знанія и вообще все, имѣющее иную цѣль, есть простыя прикрасы».

VI.

Амосъ Коменскій.

Янъ Амосъ Коменскій родился 28 марта 1592 г. въ небольшомъ моравскомъ городкѣ Нивницѣ. Отецъ его Мартинъ Коменскій былъ по ремеслу своему мельникъ и принадлежалъ къ общинѣ моравскихъ братьевъ.

Янъ Амосъ рано лишился своихъ родителей и, заброшенный нерадивымъ опекуномъ и предоставленный самому себѣ, лишь на 16 году поступилъ въ латинскую школу въ Преровѣ. На двадцатомъ году мы видимъ Коменскаго въ Герборской академіи (въ герцогствѣ Нассау), гдѣ онъ обращаетъ на себя вниманіе какъ выдающимися способностями, такъ и отличными успѣхами. Черезъ два года онъ поступаетъ въ Гейдельбергскій университетъ, гдѣ особенно увлекался математикой. Въ 1614 году Амосъ Коменскій былъ назначенъ руководителемъ школы братства въ Преровѣ, а въ 1616 г. принялъ санъ священника и чрезъ нѣкоторое время сдѣлался пастыремъ общины въ Фульнекѣ. Послѣ несчастной битвы для чеховъ при Бѣлой горѣ (1620 г.), городъ Фульнекъ былъ взятъ и разоренъ до тла наемнымъ войскомъ католической лиги. Коменскій лишился при этомъ почти всего своего имущества и всей своей библіотеки. Съ 1624 г. Коменскій въ теченіе двухъ лѣтъ укрывался отъ преслѣдованія іезуитовъ и австрійскихъ властей въ богемскихъ горахъ. Когда такая жизнь сдѣлалась, наконецъ, невыносимой, болѣе 30 тысячъ чешскихъ семействъ рѣшили покинуть родину и переселиться въ Польшу (въ г. Лѣшно). Здѣсь Коменскій вскорѣ сдѣлался ректоромъ лѣшненской гимназіи и со всею энергіею приступилъ къ осуществленію своихъ педагогическихъ плановъ и идеаловъ. Къ этому періоду его жизни относится „Открытая дверь языковъ“,

гдѣ онъ указалъ на новый способъ изученія языковъ. Въ 1632 г. вышло знаменитѣйшее и величайшее произведеніе Амоса Коменскаго, доставившее ему крупную извѣстность во всемъ образованномъ мірѣ. Это—„Великая Дидактика“, гдѣ Коменскій изложилъ свой планъ воспитанія и ученія и высказалъ высокое мнѣніе о школѣ (школа должна быть мастерскою гуманности). На Коменскаго обратили вниманіе лучшіе люди Западной Европы. Въ 1632 г. послѣдовало приглашеніе шведскаго правительства, предлагавшаго Коменскому взять на себя реформу всего учебнаго дѣла въ Швеціи. Онъ въ то время, однако, отклонилъ это лестное приглашеніе, будучи занятъ вопросомъ о коренномъ преобразованіи всего воспитанія, результатомъ чего и явилась „Великая Дидактика“. Слухъ о Коменскомъ достигъ Англійи и обратилъ на него вниманіе англійскаго правительства. Его пригласили пріѣхать въ Лондонъ. Въ 1641 г. онъ прибылъ туда съ предложеніемъ основать Всеобщій Колледжъ, исключительною цѣлью котораго было бы развитіе научнаго знанія и гдѣ могли бы заниматься ученые люди всѣхъ націй. Однако проекту этому не суждено было сбыться. Смуты въ Ирландіи поглотили вниманіе англійскаго правительства, и Коменскій съ его планомъ былъ забытъ.

Но вскорѣ его пригласили въ Швецію, гдѣ въ то время государственный канцлеръ Оксенширнъ выказалъ Коменскому большое вниманіе. Здѣсь Коменскому поручена была прежде всего разработка методики латинскаго языка (въ то время основного предмета въ школахъ) и изданіе новыхъ учебныхъ книгъ, въ которыхъ чувствовалась большая нужда. Въ 1646 г. Коменскій представилъ на усмотрѣніе шведской комиссіи 3 работы: „Новѣйшій методъ языкознанія“ и 2 учебника „Преддверіе“ и „Дверь“, которые по исправленіи были уже напечатаны въ Лѣшнѣ.

Однако въ Швеціи Коменскій оставался недолго. Въ его жизни произошли значительныя перемѣны. Въ 1648 г. онъ былъ выбранъ моравскими братьями старшимъ епископомъ и предсѣдателемъ синода, поэтому долженъ былъ переселиться въ городъ Лѣшно.

Тридцатилѣтняя война окончилась, между протестантами и католиками былъ заключенъ миръ, но при общемъ раздѣлѣ сла-

вяне были забыты Западной Европой: протестанты-чехи исключены изъ договора. Такимъ образомъ моравское братство распалось. Самъ Коменскій въ 1650 г. переселился въ Шарошскій Потокъ, гдѣ съ новой энергіей принялся за реформу школы и проработалъ четыре года. Къ этому времени относится его знаменитый „Видимый міръ въ картинахъ“. Это зародышъ всего того, что слишкомъ хорошо извѣстно намъ теперь и что обыкновенно носитъ названіе „Первая книга для чтенія“, „Азбука съ картинками“, „Наглядная азбука“, „Родное слово“, „Добрыя сѣмена“.

Въ іюлѣ 1654 г. Коменскій возвратился въ Лѣшно, а черезъ годъ это послѣднее убѣжище моравскихъ братьевъ было взято и совершенно разорено поляками. Коменскій потерялъ все, что имѣлъ. Онъ переселился въ Гамбургъ, гдѣ тяжело заболѣлъ. Въ эти трудныя минуты помощь явилась со стороны сына его прежняго покровителя (въ Швеціи) ванъ - Геера, который въ 1656 году вызвалъ Коменскаго въ Амстердамъ. Здѣсь провелъ Коменскій остатки дней своихъ въ довольствѣ и почетѣ, несмотря на преклонный возрастъ, еще бодрый духомъ и тѣломъ, занимаясь обученіемъ молодыхъ людей и научными трудами. Здѣсь онъ привелъ въ порядокъ свои сочиненія и издалъ ихъ въ 1657 г. Умеръ Коменскій 15 ноября 1670 года.

На русскомъ языкѣ есть нѣсколько переводовъ „Великой Дидактики“ Амоса Коменскаго. Въ 1875—76 г., благодаря С. И. Миропольскому и редакціи журнала „Семья и Школа“, она появилась впервые. „Педагогическая Библіотека“, издававшаяся съ 1893 г. Адольфомъ и Тихомировымъ, началась также выпускомъ „Великой Дидактики“, въ переводѣ А. Адольфа и С. Любоудрова. Въ 1896 г. было выпущено роскошное изданіе „Великой Дидактики“—латинскій текстъ съ русскимъ переводомъ тѣхъ же лицъ; второй выпускъ 1893 г. содержалъ мелкія сочиненія, примыкающія къ „Великой Дидактикѣ“, откуда мы дѣлаемъ нѣсколько выдержекъ. Большинство же выдержекъ взято изъ перевода „Великой Дидактики“ С. І. Р. въ изданіи журнала „Гимназія“ за 1893 г. Мы также пользовались переводомъ „Открытой двери языковъ или разсадника всѣхъ языковъ и наукъ“ въ изданіи журнала „Гимназія“ 1892 г. для нѣсколькихъ выдержекъ

Изъ предисловія къ „Открытой двери языковъ“.

Что въ училищахъ недостаточно еще извѣстенъ правильный и цѣлесообразный способъ преподаванія языковъ, объ этомъ говоритъ само дѣло.

Многіе, предавшіеся изученію, состарились надъ вокабулами. На одинъ латинскій языкъ требовалось десять и болѣе лѣтъ, иногда цѣлая жизнь, съ медленными, жалкими, не вознаграждающими затратъ, результатами.

На это и раньше жаловались такія личности, какъ Вивъ, Эразмъ, Штурмъ, Фришлинъ, Дорнавій и др. Жалобы ихъ слишкомъ извѣстны, хотя и не излѣчиваютъ зла въ самомъ корнѣ.

Выдающіеся умы, какъ Скалигеръ, Липсій и др., оставивъ обычную, несчастно истоптанную дорогу, достигали языковѣдѣнія и образованія болѣе прямыми, не дорожными путями. Но эти пути они показали немногимъ; да и не всякій рѣшится на собственныя изысканія, и, какъ говорится, плыть безъ пробокъ.

Вслѣдствіе этого, училища, сколько ни усваиваютъ современныхъ знаній и улучшеній, въ большинствѣ сохранили свои ненормальности и доселѣ. На длинныхъ, сбивчивыхъ, темныхъ, часто бесполезныхъ грамматическихъ правилахъ ученики стоятъ—вѣрнѣе сказать, задерживаются—цѣлые годы. Вотъ главное зло.

Въ эти же годы учениковъ набиваютъ безпредметными вокабулами, т.-е. ученики не имѣютъ представленія о предметахъ, выражаемыхъ словами,—отъ чего впечатлѣніе получалось бы легче, прочнѣе и съ очевидной пригодностью,—и не знаютъ сочетанія словъ, свойственныхъ каждому языку. Въ обоихъ случаяхъ видимая ошибочность. Слова служатъ знаками предметовъ; но, если предметъ неизвѣстенъ, слово не будетъ имѣть смысла. Мальчикъ можетъ узнать тысячу словъ, но, если не умѣетъ примѣнить,

весь этот запас ни къ чему не служить. Если кто надѣется построить рѣчь изъ отдѣльныхъ вокабулъ, то это все равно, какъ если бы онъ надѣялся взять въ охапку песокъ или же вывести стѣну изъ щебня, но безъ извести. Такимъ образомъ изученіе латинскаго языка изъ словарей и лексиконовъ крайне затруднительно. Помочь этому обстоятельству надѣялись введеніемъ въ училища хорошихъ писателей — Теренція, Плавта, Цицерона, Вергилія, Горація, на томъ основаніи, что оттуда, вмѣстѣ съ усвоеніемъ языка, приобрѣтаются разныя свѣдѣнія, и что изъ этихъ античныхъ писателей, какъ изъ чистаго источника, лучше всего можетъ быть почерпнута самая чистая латинская рѣчь.

Но насколько это похвально, настолько неудобно. Во-первыхъ, приобрѣсти столько писателей не всякій можетъ. Во-вторыхъ, направлять юношество на такую массу томовъ и на такихъ авторовъ, которые большею частію трактуютъ о вопросахъ, недоступныхъ для дѣтскаго возраста и чуждыхъ нашему употребленію, значитъ то же самое, что пустить въ океанъ маленькую лодочку, когда назначеніе ея плавать въ мелкомъ озерѣ: или будетъ прибита къ берегу, или будетъ залита волнами. Если же кто счастливо и одолѣетъ, все-таки найдено, что цѣли своей—достаточнаго знанія латыни—не достигнетъ: такъ какъ эти авторы трактовали не о всѣхъ вопросахъ, и, если бъ трактовали даже о всѣхъ вопросахъ своего времени, все-таки о нашихъ вопросахъ не трактуютъ, да и не могли.

Поэтому является необходимость въ присоединеніи къ нимъ другихъ еще авторовъ, древнихъ и новыхъ, напр., по ботаникѣ, металлургіи, хозяйству, военному дѣлу, архитектурѣ и пр.; и этому конца нѣтъ.

Наконецъ, если кто теряетъ столько лѣтъ ради изученія языка, то когда же онъ приступитъ къ самому предмету этого языка? когда укрѣпитъ свой разумъ изученіемъ здравой философіи? когда проникнетъ въ святилище богословія, въ тайны медицины? когда раскроетъ томы правовѣдѣнія? когда достигнетъ конца обученія и, что еще важнѣе, когда займется практикой столь мучительно изучаемаго, на благо

церкви и государству? Собственно никогда, въ виду краткости этой жизни, или же слишкомъ поздно; пойметъ только, что жизнь потрачена на приготовленіе къ жизни.

Поэтому всячески должно стремиться создать такое руководство, чтобы всѣ слова и выраженія были собраны въ одно цѣлое и въ короткое время, при возможно меньшемъ усилии, составили легкій, вѣрный и пріятный переходъ къ самимъ авторамъ.

Выпуская свою «Открытую дверь языковъ», Коменскій говоритъ, что онъ руководился слѣдующимъ: основное правило дидактики говоритъ, что пониманіе и языкъ всегда слѣдуютъ вмѣстѣ, и что настолько человекъ можетъ высказаться, насколько имѣетъ пониманія; если же онъ понимаетъ и не можетъ выразить, то ничѣмъ не отличается отъ статуи, а издавать бессмысленные звуки свойственно развѣ попугаямъ. Поэтому я признаю необходимымъ весь кругъ предметовъ распредѣлить по извѣстнымъ группамъ, соотвѣтственно дѣтскому разумѣнію, и то, что должно быть выражено словесно, закрѣпить сперва образно.

2.

Задачи „Великой Дидактики“.

Мы беремъ на себя смѣлость обѣщать великое ученіе о преподаваніи, т.-е. общее искусство учить всѣхъ всему и именно вѣрно учить, чтобы результатъ не замедлилъ показаться; далѣе, легко учить, безъ мученія или отвращенія для учащихъ и учащихся, а къ высшему взаимному удовольствію тѣхъ и другихъ; далѣе, основательно учить: не только поверхностно и для вида, а для внушенія истиннаго знанія, для образованія кротости нравовъ и искренняго благочестія. Наконецъ, мы имѣемъ въ виду все это изложить a priori (въ видѣ выводовъ разума), т.-е. на основаніи самой неизмѣнной природы вещей, изъ которой, какъ изъ живого источника, будемъ выводить постоянно текущіе ручейки, съ тѣмъ, чтобы затѣмъ свести ихъ въ одинъ общій потокъ для установленія общаго искусства.

Это, въ самомъ дѣлѣ, серьезное дѣло и, какъ оно есть предметъ желанія всѣхъ, такъ должно быть взвѣшено сужденіемъ всѣхъ и выполнено соединенными усиліями всѣхъ, такъ какъ касается общаго блага всего человѣчества. Какую лучшую и большую услугу мы можемъ оказать государству, какъ ни обученіемъ и образованіемъ юношества особенно въ нынѣшнее время и при нынѣшнихъ нравахъ, когда оно такъ низко пало, что, по выраженію Цицерона, необходимо содѣйствіе всѣмъ въ дѣлѣ обузданія его. Но Филиппъ Меланхтонъ замѣтилъ, что правильно образовать юношество труднѣе, чѣмъ завоевать Трою. Сюда же относятся также слова Григорія Назіанзскаго: искусство искусствъ есть образованіе человѣка, такъ какъ онъ самое разностороннее и загадочное между всѣми созданіями.

Потому представить искусство искусствъ—трудное дѣло и требуетъ тщательнаго обсужденія не одного человѣка, а многихъ, такъ какъ ни одинъ отдѣльный человѣкъ не бываетъ такъ проницателенъ, чтобы отъ взгляда его не ускользнуло очень многое.

Оставивъ въ сторонѣ чужія открытія, мысли, наблюденія и совѣты, я взялся самъ прямо изслѣдовать дѣло и выяснитъ причины, основанія, роды и цѣли искусства обученія.

Таково происхожденіе этого моего сочиненія, которое (надѣюсь) полнѣе раскрываетъ дѣло, чѣмъ это до сихъ поръ сдѣлано; оно сначала было составлено на родномъ языкѣ для пользованія моего народа, но затѣмъ, по совѣту нѣкоторыхъ дѣльныхъ людей, переведено на латинскій языкъ, чтобы оно, гдѣ возможно, могло принести общую пользу.

Какъ говоритъ Любинъ въ своемъ ученіи о преподаваніи, любовь повелѣваетъ, чтобы то, что Богомъ открыто для блага человѣчества, не было завистливо скрывается отъ рода смертныхъ, а предоставляемо для пользованія всего міра.

Такова природа всѣхъ истинныхъ благъ, что они всѣмъ могутъ быть сообщены; чѣмъ больше и чѣмъ большому количеству людей сообщаются, тѣмъ больше и тѣмъ обильнѣе они удовлетворяютъ всѣхъ.

3.

Польза искусства обученія.

Чтобы обученіе производилось правильнымъ способомъ, это важно:

1. Для родителей, которые до сихъ поръ по большей части не знали, чего могли бы требовать отъ своихъ дѣтей. Они прискивали учителей, приглашали ихъ, ласкали ихъ подарками, также мѣняли ихъ столь же часто напрасно, какъ съ нѣкоторою пользою. Когда же разъ установленъ несомнѣнно вѣрный способъ преподаванія, то ожидаемый результатъ не замедлитъ показаться.

2. Для учителей, иному изъ которыхъ искусство обученія было совершенно неизвѣстно и которые, когда желали исполнить свой долгъ, измучивались и въ трудномъ напряженіи истощали свои силы или мѣняли способъ обученія, желая то тѣмъ, то другимъ способомъ достигнуть одного результата, но не безъ значительной траты времени и силъ.

3. Для учениковъ, которые въ состояніи будутъ безъ затрудненія и пресыщенія, безъ жалобъ и побоевъ, какъ бы играя въ свое удовольствіе, достигнуть высотъ знанія.

4. Для школъ, которыя въ улучшеніи способа обученія не только приобрѣтутъ свѣжесть силъ, но и будутъ безконечно размножаться. Онѣ будутъ поистинѣ пріятнымъ мѣстомъ игры и удовольствія. И когда (вслѣдствіе несомнѣнности метода) изъ каждаго ученика выйдетъ учитель (низшей или высшей ступени), то никогда не будетъ недостатка въ дѣльныхъ школьныхъ учителяхъ, и учебное дѣло всегда будетъ въ цвѣтущемъ состояніи.

5. Для государствъ, по вышеприведенному свидѣтельству Цицерона. Кому же не покажутся справедливыми слова пифагорейца Діогена (у Стобея): Что есть основаніе всего государства? Воспитаніе юношей; ибо едва ли когда-нибудь виноградныя лозы, не имѣвшія хорошаго ухода, принесутъ полезные плоды.

6. Для церквей, такъ какъ одно только благоустройство школьнаго дѣла въ состояніи содѣйствовать тому, чтобы у

церквей не было недостатка въ образованныхъ учителяхъ, и чтобы у образованныхъ учителей не было недостатка въ соотвѣтствующихъ слушателяхъ.

7. Наконецъ, для неба важно, чтобы школы были преобразованы въ цѣляхъ всесторонняго и общаго образованія духа, чтобы тѣмъ легче чрезъ сіяніе божественнаго свѣта могли быть выведены изъ мрака тѣ, которыхъ не могъ пробудить оглушительный звукъ божественной трубы.

4.

Человѣкъ долженъ получить образованіе.

Природа даетъ сѣмена знанія, нравственности и религіи; самой науки, добродѣтели и религіи она не даетъ. Потому кто-то довольно удачно назвалъ человѣка «существомъ, подлежащимъ школенію», такъ какъ онъ можетъ быть человѣкомъ, только будучи воспитанъ.

Что человѣкъ долженъ быть воспитываемъ, это доказывается примѣромъ другихъ твореній. Потому никто пусть не думаетъ, что можно быть человѣкомъ, не учившись поступать по-человѣчески. Это очевидно изъ примѣровъ всѣхъ твореній, которыя, назначенныя къ пользованію человѣку, не достигаютъ этого назначенія иначе, какъ если не будутъ приготовлены нашими же руками.

Человѣкъ по своему тѣлу способенъ работать, однако мы видимъ, что ему прирождена одна только способность къ этому: для того, чтобы ходить, стоять, сидѣть, работать руками, онъ нуждается въ ученіи. Почему же нашъ духъ долженъ имѣть преимущество быть совершеннымъ безъ предварительнаго обученія, когда для всѣхъ твореній существуетъ законъ постепеннаго развитія какъ въ отношеніи матеріи, такъ и въ отношеніи дѣйствій? Даже объ ангелахъ, стоящихъ ближе всего къ совершенству Божію, извѣстно, что они не все знаютъ, а постепенно достигаютъ познанія удивительной премудрости Божіей, какъ мы на это уже указывали.

Но если намъ даже не грозитъ опасность смерти и жизнь для насъ, сколько возможно, обезпечена, то все-таки должно

по возможности рано начинать образованіе, такъ какъ жизнь должна проходить не въ ученіи, а въ дѣйствованіи. Слѣдовательно, необходимо возможно раньше приготовиться къ дѣятельности жизни, чтобы намъ не пришлось разстаться съ дѣятельностью прежде, чѣмъ успѣли научиться ей. Даже если бы кому-нибудь дана была возможность вѣчно учиться, то множество предметовъ, представленныхъ Создателемъ нашему наблюденію, столь безгранично, что если бы кому-нибудь была дана жизнь Нестора, все-таки ему необходимо было бы наиполезнѣйшимъ образомъ проводить ее, чтобы обнять всюду разсѣянные сокровища божественной мудрости и черезъ то доставить себѣ все необходимое для счастливой жизни. Слѣдовательно, рано должны быть открыты чувства человѣка для наблюденія вещей, такъ какъ онъ во всю жизнь свою долженъ многое познать, испытать и совершить.

Чтобы человѣкъ могъ быть воспитанъ въ человѣчности, Богъ далъ ему годы юности, въ которые онъ не способенъ къ другому дѣлу, кромѣ образованія.

5.

Все юношество обоого пола нужно поручить школъ.

Такъ какъ люди и ихъ занятія настолько размножились, что рѣдки такіе, кто умѣлъ и могъ бы или при своихъ занятіяхъ въ состояніи были бы сами обучать своихъ дѣтей, то давно установился такой благой порядокъ, по которому особо избраннымъ лицамъ, отличающимся знаніемъ науки и строгостью нравовъ, одновременно поручаются для воспитанія дѣти многихъ. Такихъ воспитателей юношества обыкновенно называютъ учителями, школьмейстерами, наставниками, профессорами; опредѣленные же мѣста, назначенныя для ихъ обычныхъ занятій, называются школами, элементарными школами (дѣтскими садами), аудиторіями, коллегіями, гимназіями, академіями и т. д.

Школы должны быть общимъ мѣстомъ обученія юношества. Не только дѣти богатыхъ и знатныхъ, но всѣ въ

равной мѣрѣ, дѣти и дворянѣ, и горожанѣ, и богатыхъ, и бѣдныхъ, и мальчики, и дѣвочки, въ большихъ и малыхъ городахъ, въ мѣстечкахъ и деревняхъ, должны бы воспитываемы въ школѣ, какъ это будетъ ниже доказано.

Во-первыхъ, всѣ, кто родились людьми, родились для одной и той же главной цѣли—быть людьми, т.-е. разумными созданіями, господами надъ остальными твореніями и образомъ и подобіемъ своего Создателя. Всѣ, слѣдовательно, должны быть доведены до того, чтобы они, посвященные въ науки, добродѣтели и религію, были въ состояніи полезно провести настоящую жизнь и достойно приготовиться къ будущей.

Мы не знаемъ, къ какому призванію Божественное Провидѣніе назначило того или другого человѣка. Но то опредѣленно извѣстно, что Богъ иногда изъ бѣднѣйшихъ, низшихъ и самыхъ невидныхъ людей готовитъ особенныя орудія своей славы. Потому будемъ подражать солнцу на небѣ, которое освѣщаетъ всю землю, согрѣваетъ и оживляетъ, чтобы все, что можетъ жить, зеленѣть, цвѣсти и приносить плоды, на самомъ дѣлѣ жило, зеленѣло, цвѣло и приносило плоды.

Нѣтъ важности въ томъ, что иные отъ природы кажутся слабыми и тупоумными; это только знакъ того, что для нихъ еще больше требуется общей заботливости. Чѣмъ кто неспособнѣе и злонравнѣе отъ природы, тѣмъ больше онъ нуждается въ помощи, чтобы въ возможной мѣрѣ освободиться отъ животнаго слабоумія и тупости. Опытъ свидѣтельствуетъ, что люди отъ природы медлительные, дѣлали такіе успѣхи въ наукахъ, что превосходили талантливыхъ; это же говоритъ и выраженіе поэта: «настойчивая работа все побѣждаетъ». Кромѣ того, какъ иной въ дѣтствѣ бываетъ очень здоровъ, но затѣмъ дѣлается болѣзненнымъ и худѣетъ, другой же сначала имѣетъ слабое и болѣзненное тѣло, а затѣмъ дѣлается здоровымъ и вырастаетъ въ статнаго юношу, такъ бываетъ въ отношеніи духовныхъ способностей, а именно, что одни созрѣваютъ рано, но скоро истощаются и впадаютъ въ тупоуміе, тогда какъ другіе

сначала бывают слабы, а потомъ успѣшно подвигаются впередъ.

Нельзя указать никакого достаточнаго основанія, почему и другой полъ не можетъ участвовать въ изученіи знаній (латинскаго или родного языка). И женщины, суть образъ и подобіе Божіе, равно участвуютъ въ благодати и будущемъ царствѣ, равно одарены живымъ, воспріимчивымъ къ знаніямъ духомъ (часто болѣе, чѣмъ нашъ полъ); имъ равнымъ образомъ открытъ доступъ къ высшимъ состояніямъ, такъ какъ онѣ часто дѣлались правительницами государствъ, благими совѣтницами царей и князей, научались искусству лѣчить болѣзни и другими способами приносили пользу человѣческому роду, также исполняли пророческое служеніе и самими Богомъ были посылаемы дѣлать внушенія священникамъ и епископамъ. Почему же мы должны ихъ допускать только къ азбукѣ и литературу держать дальше отъ нихъ? Боимся ли мы ихъ легкомыслія? Но чѣмъ больше мы будемъ занимать ихъ мысли, тѣмъ меньше мѣста будетъ легкомыслію, которое происходитъ отъ пустоты духа.

Быть - можетъ, кто-нибудь скажетъ: что выйдетъ изъ того, если всѣ ремесленники, крестьяне, носильщики тяжестей и даже женщины будутъ учены? Отвѣтъ: то выйдетъ, что, если это общее образованіе юношества будетъ производимо правильными средствами, ни у кого не будетъ недостатка въ благородномъ матеріалѣ для мышленія, сужденія и наблюденія. Всѣ будутъ знать, какъ дѣйствія и стремленія жизни должны быть регулируемы, какія границы должно соблюдать и какъ каждому обезпечить свое положеніе. Кромѣ того, всѣ, даже во время труда и работы, будутъ услаждать себя размышленіемъ о словѣхъ и дѣлахъ Божіихъ, и опасной для плоти и крови праздности будутъ избѣгать черезъ частое чтеніе Библии и другихъ хорошихъ книгъ.

6.

Преподаваніе въ школахъ должно быть обширное.

Чему въ школѣ должно учить и учиться.

Теперь нужно доказать, что въ школахъ должно обучать всѣхъ всему. Это, однако, не должно такъ понимать, что мы отъ всѣхъ требуемъ знанія всѣхъ наукъ и искусствъ (въ особенности полнаго и совершенно точнаго); это само по себѣ было бы бесполезно, да при краткости нашей жизни ни для кого и невозможно. Мы видимъ, что каждая отдѣльная наука простирается такъ широко и глубоко (надо подумать только о физикѣ, ариѳметикѣ, геометріи и т. п., а также о сельскомъ хозяйствѣ, садоводствѣ и т. п.), что даже при наилучшихъ способностяхъ не хватило бы и цѣлой жизни для того, чтобы самому производить изслѣдованія и опыты. Всѣ должны учиться знать основанія, причины и цѣли главнѣйшаго изъ того, что бываетъ и происходитъ, такъ какъ всѣ посылаются въ міръ, и не только для того, чтобы быть наблюдателями, а дѣятелями въ будущихъ событіяхъ. Вообще, должно о томъ заботиться, чтобы никому въ мірѣ не встрѣтилось ничего столь незнакомаго, о чемъ бы онъ не могъ имѣть свое сужденіе, а напротивъ, все могъ бы мудро и безошибочно примѣнять къ определенной цѣли.

Слѣдовательно, всѣми силами должно стремиться къ тому, чтобы въ школахъ и съ помощью школъ: 1) были развиваемы способности черезъ пріобрѣтеніе познаній и навыковъ; 2) были изучаемы и облагораживаемы языки; 3) были возвышаемы нравы, и 4) было достигаемо сердечное почитаніе Бога.

Мудро говорилъ тотъ, кто сказалъ, что школы—*мастерскія гуманности*, такъ какъ онѣ, безъ сомнѣнія, содѣйствуютъ тому, чтобы человѣкъ дѣйствительно сдѣлался человѣкомъ, т.-е. чтобы онъ, примѣнительно къ прежде выставленнымъ цѣлямъ, былъ: 1) разумнымъ существомъ; 2) существомъ,

владѣющимъ всѣми другими созданіями (и также самимъ собою); 3) существомъ, составляющимъ радость своего Творца. Это и исполнится, когда школы будутъ образовывать людей, по духу мудрыхъ, по дѣйствіямъ благоразумныхъ и по сердцу благочестивыхъ.

7.

Школы могутъ быть преобразованы къ лучшему.

Мы обѣщаемъ такое устройство школъ, чтобы въ силу него: 1) все юношество (не исключая и тѣхъ, кому Богъ отказалъ въ разсудкѣ) получило образованіе; 2) и именно во всемъ томъ, что въ состояніи сдѣлать человека мудрымъ, честнымъ и святымъ; 3) чтобы это образованіе, какъ приготовленіе къ жизни, было закончено до наступленія болѣе зрѣлаго возраста; 4) чтобы оно происходило безъ побоевъ и жестокости, безъ всякаго принужденія, по возможности легко, пріятно и какъ бы само собою (какъ живое тѣло подвигается впередъ въ своемъ ростѣ, не вытягивая и не разрывая своихъ членовъ, такъ какъ тѣло само по себѣ, когда ему правильно даютъ пищу, имѣютъ за нимъ уходъ и даютъ возможность упражняться его членамъ, мало-помалу увеличивается въ ростѣ и силѣ: такъ, говорю я, пища, уходъ и упражненія, предоставляемая духу, сами собою ведутъ его къ мудрости, добродѣтели и благочестію); 5) чтобы образованіе было не блестящее, а истинное, не поверхностное, а основательное, т.-е. чтобы разумное существо, человекъ, долженъ быть наученъ руководствоваться не чужимъ, а своимъ собственнымъ разумомъ, не только читать въ книгахъ чужія мнѣнія о вещахъ или заучивать ихъ наизусть и высказывать, а долженъ самостоятельно проникнуть до корня вещей и усвоить истинное пониманіе и употребленіе ихъ. То же самое должно сказать объ основаніи добрыхъ нравовъ и благочестія; 6) чтобы это образованіе достигалось не съ трудомъ, а совсѣмъ легко; именно общественному обученію должно посвящать не болѣе, какъ четыре часа ежедневно и притомъ такъ, что одного учи-

теля достаточно для обученія сотенъ учениковъ одновременно, съ трудомъ въ десять разъ менѣе легкимъ, чѣмъ какой нынѣ требуется для одного ученика.

8.

Тѣло должно быть охраняемо отъ болѣзней.

Тѣло должно быть охраняемо отъ болѣзней и несчастныхъ случаевъ, во-первыхъ, потому, что оно есть мѣсто-пребываніе души и именно исключительное, потому что по разрушеніи его душа тотчасъ же должна уйти изъ этого міра; когда оно постепенно разстраивается, страдая то тою, то другою болѣзнью, то душа, его гостя, имѣетъ неуютное жилище. Потому, если мы въ томъ мірскомъ дворцѣ, въ который ввела насъ благодать Божія, хотимъ жить возможно долго и удобно, то должны имѣть мудрую заботливость о тѣлѣ. Во-вторыхъ, это самое тѣло для разумной души служить не только жилищемъ, но органомъ, безъ котораго она не можетъ ничего слышать, ничего видѣть, ничего говорить, ничего дѣлать и даже ничего думать. Такъ какъ нѣтъ ничего въ разсудкѣ, что прежде не было бы въ чувствахъ, то духъ матеріаль всѣхъ своихъ мыслей получаетъ исключительно отъ чувствъ и не иначе выполняетъ мышленіе, какъ черезъ родъ внутреннихъ чувствованій, именно черезъ наблюденіе полученныхъ отъ вещей образовъ. Потому и происходитъ, что при пораженіи мозга поражена и сила воображенія и что при страданіи какой-либо части тѣла страдаетъ и душа. Слѣдовательно, совершенно справедливо можно сказать:

«Должно молиться, чтобы въ здоровомъ тѣлѣ жилъ здоровый духъ».

9.

О методѣ.

Методъ, чтобы возбуждать вкусъ къ ученію, долженъ быть прежде всего естественнымъ. Что естественно, то дѣлается свободно. Вода не нуждается въ принужденіи, чтобы

течь внизъ по покатости, надо только удалить плотину или что ее удерживаетъ, и она тотчасъ потечетъ внизъ. Также птица не требуетъ понужденія къ летанію, стоитъ только открыть клѣтку; также глазъ или ухо не приходится принуждать обратиться къ красивой картинѣ или къ красивой мелодіи, скорѣе придется удерживать. Методъ, чтобы могъ дѣйствовать возбуждающимъ образомъ на души, съ извѣстною осторожностью долженъ быть подслащиваемъ, такъ чтобы все, даже самое серьезное, представлялось ученику въ миломъ и привлекательномъ видѣ, именно въ формѣ разговора или состязанія въ разгадываніи загадокъ или въ сравненіяхъ и басняхъ.

10.

Все съ своихъ основаній.

Природа готовитъ все съ первыхъ основаній, которыя по величинѣ незначительны, но въ то же время очень важны.

Напримѣръ, матерія, изъ которой образовывается птица, сжата въ одной каплѣ и заключена въ скорлупѣ, чтобы легко было матери носить ее въ своей утробѣ и согрѣвать при высиживаніи. Однако она содержитъ въ себѣ существо цѣлой птицы, такъ какъ послѣ изъ нея образуется тѣло птицы съ заключающеюся въ немъ жизнью.

Подобнымъ же образомъ и дерево, сколь бы большое оно ни было, цѣликомъ содержится какъ въ своемъ зернѣ и плодѣ, такъ и въ концахъ своихъ сучьевъ и въ прививкѣ; когда что-нибудь изъ этого положить въ землю, то опять вырастетъ дерево.

Противъ этого правила въ школахъ обыкновенно много погрѣшаютъ. Большинство учителей выбиваются изъ силъ, стараясь вмѣсто сѣмени сажать прямо растеніе и вмѣсто черенковъ прививать деревья, такъ какъ вмѣсто первоначальныхъ основаній сообщаютъ ученикамъ хаосъ различныхъ умозаключеній и полныхъ текстовъ. И, однако, насколько вѣрно то, что міръ состоитъ изъ четырехъ элементовъ, настолько вѣрно и то, что преподаваніе основывается

на очень немногихъ принципахъ, отъ которыхъ (послѣ того какъ стали извѣстны роды различенія) происходитъ безчисленное множество выводовъ, какъ у дерева изъ крѣпкихъ корней могутъ происходить сотни вѣтвей, тысячи листьевъ, цвѣтовъ и плодовъ.

Здѣсь мы замѣтимъ, что:

1. Всякое искусство должно быть объято въ самыхъ краткихъ и связныхъ правилахъ.

2. Всякое правило должно быть выражено въ самыхъ краткихъ и ясныхъ словахъ.

3. Ко всякому правилу должно быть присоединено возможно большее число примѣровъ, чтобы было достаточно ясно, какъ далеко простирается примѣненіе этого правила.

11.

Природа переходитъ отъ болѣе легкаго къ болѣе трудному.

Надо, чтобъ учебный матеріалъ постепенно слагался такимъ образомъ, чтобы ученикъ знакомился сначала съ ближайшимъ и близкимъ и затѣмъ съ болѣе и болѣе отдаленнымъ. Потому, когда ученикамъ въ первый разъ приводятся правила (какъ, напр., въ логикѣ, риторикѣ и т. д.), то ихъ нельзя объяснять такими примѣрами, которые далеки отъ ихъ пониманія, какъ, напр., изъ теологіи, политики, поэзіи и т. д., а такими, которые взяты изъ обыденной жизни. Иначе ученики не поймутъ ни правила ни примѣненія правила.

Когда въ ученикахъ прежде всего упражняются чувства (это самое легкое), затѣмъ память, потомъ пониманіе и, наконецъ, сужденіе, такая постепенность должна быть соблюдаема потому, что всякое знаніе начинается съ воззрѣнія, и потомъ при посредствѣ силы воображенія переходитъ въ память; черезъ перечисленія (индукцію) частнаго образуется пониманіе общаго, и, наконецъ, выступаетъ сужденіе о предметахъ, достаточно понятыхъ для укрѣпленія знанія.

Методъ нравственнаго образованія.

До сихъ поръ рѣчь шла о томъ, какъ могутъ быть облегчены занятія науками, искусствами и языками. Здѣсь умѣстно вспомнить слова Сенеки (изъ 89 письма): «это не есть цѣль ученія, а только предшествуетъ ученію», это есть только приготовленіе къ болѣе великому или, какъ онъ говоритъ, «это только первые начатки, а не оконченное дѣло». Что же будетъ настоящимъ ученіемъ? Ученіе мудрости, которое должно сдѣлать насъ благородными, сильными и великодушными. Это то, что выше нами означено подъ названіемъ нравственности и благочестія; только черезъ это мы дѣйствительно возвысимся надъ остальными созданіями и приблизимся къ Богу.

Потому сколь возможно должно заботиться, чтобы искусство обучать истинной нравственности и благочестію было точно опредѣлено и введено въ школахъ, чтобы послѣднія были тѣмъ, что о нихъ сказано, — мастерскими гуманности.

Искусство нравственнаго образованія имѣетъ шестнадцать основныхъ правилъ.

I. Первое изъ нихъ гласитъ: добродѣтели всѣ безъ исключенія должны быть прививаемы юношеству.

Изъ того, что справедливо и честно, ничто не можетъ отсутствовать, не оставляя за собою пробѣла и не нарушая гармоніи.

II. Прежде всего должны быть внушаемы основныя или такъ называемыя кардинальныя добродѣтели: благоразуміе, умѣренность, мужество и справедливость.

III. Благоразуміе почерпается изъ хорошаго преподаванія, когда научаются правильно различать вещи и ихъ достоинство.

IV. Къ умѣренности въ пищу и питье, въ снѣ и бодрствованіи, въ работѣ и отдыхѣ, въ говореніи и молчаніи ученики должны быть приучаемы во все время обученія.

V. Мужеству они должны учиться въ побѣжденіи самого себя, именно они должны подавлять въ себѣ желаніе

бѣгать и играть въ недозволенное время и обуздывать въ себѣ нетерпѣніе, сопротивленіе и гнѣвъ.

VI. Справедливости они учатся, когда никого не оскорбляютъ, за всякимъ признають его права, избѣгаютъ лжи и лукавства и въ отношеніи ко всѣмъ являются услужливыми и любезными.

VII. Виды мужества, прежде всего необходимые юношеству—это благородное прямодушіе въ обращеніи и выносливость въ работѣ.

VIII. Благородное прямодушіе пріобрѣтается черезъ частое обращеніе съ приличными людьми и черезъ дѣланіе всего въ ихъ присутствіи.

IX. Выносливость въ работѣ молодые люди пріобрѣтають тѣмъ, если всегда чѣмъ-нибудь занимаются, серьезнымъ ли дѣломъ или игрою.

X. Родственная справедливости добродѣтель—услужливость въ отношеніи къ другимъ—въ особенности должна быть внушаема дѣтямъ.

XI. Образованіе къ добродѣтели должно начинаться рано, пока еще пороки не успѣли овладѣть душами.

XII. Добродѣтели изучаются черезъ постоянную честность въ поступкахъ.

XIII. Ученикъ всегда долженъ видѣть примѣры правильной жизни со стороны родителей, нянекъ, учителей и товарищей.

XIV. Къ примѣрамъ, однако, должны быть присоединяемы предписанія и правила.

XV. Затѣмъ дѣти должны быть охраняемы отъ обращенія съ чѣмъ бы то ни было дурнымъ, чтобы имъ не заразиться.

XVI. Но такъ какъ мы никоимъ образомъ не можемъ быть настолько осторожными, чтобы иногда не вкралось что-нибудь дурное, то необходима вообще строгая дисциплина для предохраненія отъ дурныхъ нравовъ.

Школьная дисциплина.

Очень обычная въ Богеміи поговорка: «школа безъ дисциплины то же, что мельница безъ воды», совершенно справедлива. Если отъ мельницы отвести воду, то она остановится, и когда въ школѣ недостаетъ дисциплины, то все придетъ въ застой. Какъ поле, когда оно не засѣяно, тотчасъ же зарастаетъ пагубною для сѣмени сорною травою, такъ обрастаютъ и деревья, когда ихъ не чистятъ, и выпускаютъ бесполезные отростки. Изъ этого, однако, не слѣдуетъ, что школа должна быть полна воплей и ударовъ, а должна быть полна бдительности и вниманія со стороны учащихъ и учащихся. Ибо что другое школьная дисциплина, какъ не довѣрчивое обращеніе, черезъ которое ученики должны сдѣлаться истинными учениками?

Потому образователь юношества долженъ знать: а) цѣль, б) матерію и с) форму дисциплины, чтобы ему не быть въ неизвѣстности о томъ, почему, когда и какъ должно примѣнять правильную строгость.

То, думаю я, прежде всего вѣрно, что школьную дисциплину должно примѣнять противъ неисправныхъ учениковъ; однако не потому, что они допустили неисправности (то, что произошло, уже не можетъ быть уничтожено), но для того, чтобы они въ будущемъ больше не допускали. Слѣдовательно, дисциплина должна быть примѣняема безъ горячности, гнѣва или ненависти, съ такою чистотою и откровенностью, чтобы тотъ, противъ кого она примѣняется, понималъ, что она примѣняется для его же блага, и есть только выраженіе отеческой заботливости начальниковъ, и чтобы онъ потому строгость принималъ такъ же, какъ принимаютъ предписанное врачомъ горькое лѣкарство.

Но строгая дисциплина примѣняется не для достиженія успѣховъ въ обученіи, а для нравственнаго поведенія. Обученіе, когда оно правильно поставлено, уже само по себѣ заключаетъ въ себѣ прелесть для душъ, такъ какъ, собственно, пріятностью привлекаетъ и увлекаетъ всѣхъ (исключо-

чая ненормальности). Если этого не бывает, то виною тому не учащіеся, а учащіе. Когда мы не умѣемъ искусствомъ привлекать души, то напрасно стали бы примѣнять силу. Удары и побои не въ состояніи внушить любовь къ наукамъ, а какъ разъ наоборотъ, вызываютъ отвращеніе къ нимъ. Потому, какъ скоро замѣчаютъ болѣзненное отвращеніе къ обученію, то оно должно быть уничтожаемо духовными средствами и кроткими мѣрами, вмѣсто того, чтобы усиливать его рѣзкостью.

Если же иногда нужно прибѣгать къ средствамъ поощренія, то это лучше сдѣлать другимъ способомъ, чѣмъ ударами: то черезъ болѣе рѣзкое слово, то черезъ порицаніе передъ другими, то черезъ указаніе на другихъ съ похвалою: «смотри, какъ тотъ или другой внимателенъ, какъ онъ все правильно понимаетъ, а ты сидишь, какъ дубина!» Иногда можно поощрять насмѣшками: «посмотрите на профилію—такой легкой вещи ты не понимаешь! Гдѣ ты опять блуждаешь своими мыслями?» Могутъ быть введены также недѣльные или, по крайней мѣрѣ, мѣсячныя соревнованія для пріобрѣтенія мѣста или похвалы, какъ и въ другомъ мѣстѣ это уже показано. Только за тѣмъ нужно смотрѣть, чтобы это не обращалось въ пустую игру и шутку безъ результатовъ; а чтобы любовь къ похвалѣ и боязнь порицанія и отставанія возбуждали ревность во всѣхъ отношеніяхъ. Потому прежде всего необходимо, чтобы присутствовалъ учитель, чтобы дѣло велось серьезно и безъ прикрасы, чтобы лѣнивымъ былъ дѣлаемъ выговоръ, прилежные же были хвалимы передъ всѣми.

Школьная дисциплина должна вести къ тому, чтобы намъ въ тѣхъ, кого воспитываемъ для Бога и для церкви, образовать, постоянно поддерживать и укрѣплять то душевное состояніе, подобное тому, которое Богъ требуетъ отъ своихъ дѣтей—чтобы они радовались съ трепетомъ, со страхомъ и трепетомъ совершали свое спасеніе и всегда радовались въ Господѣ, чтобы они любили и боялись своихъ воспитателей и чтобы они не только охотно поддавались руководительству учителей, но и сами добровольно стремились къ тому же. Это душевное настроеніе не мо-

жетъ быть производимо другими средствами, кромѣ тѣхъ, которыя нами уже указаны, именно: добрымъ примѣромъ, ласковымъ словомъ и прямымъ и откровеннымъ обращеніемъ.

14.

Идея народной школы.

(Народная школа должна предшествовать латинской школѣ). Что все юношество обоого пола должно быть посылаемо въ общественныя школы, это мы уже доказали. Теперь я къ этому прибавлю, что все юношество сначала должно быть поручаемо народной школѣ. Съ этимъ не сходятся мнѣнія нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицъ.

1. Я имѣю въ виду общее обученіе всѣхъ, кто родились людьми, всему человѣческому. Потому они должны быть обучаемы вмѣстѣ, насколько это возможно, чтобы они взаимно другъ друга возбуждали и поощряли. 2. Всѣхъ мы желаемъ обучить всѣмъ добродѣтелямъ, также скромности, согласію и взаимной услужливости. Слѣдовательно, ихъ нельзя лишать преждевременно взаимнаго общенія, также отдѣльнымъ дѣтямъ не должно давать повода передъ другими самостоятельно смотрѣть на себя и пренебрегать ими. 3. На шестомъ году жизни опредѣлять, къ какому призванію кто пригоденъ, къ наукамъ или къ ремеслу, мнѣ кажется опрометчивостью: здѣсь еще достаточно ясно не выступаютъ ни силы духа ни склонности характера, позднѣе и то и другое лучше обнаружится, какъ и въ саду нельзя узнать, какія растенія вырывать, и какія оставлять, пока они еще совершенно молоды, а можно узнать это только тогда, когда растенія подрастутъ. Также дѣти богатыхъ и знатныхъ родителей и чиновниковъ не одни родились для того состоянія, для котораго должны быть открыты латинскія школы, при чемъ прочимъ должно быть поголовно отказываемо. Вѣтеръ дуетъ, гдѣ онъ хочетъ, и также не начинаетъ дуть всегда въ опредѣленный часъ.

Четвертое основаніе для меня состоитъ въ томъ, что мой универсальный методъ не простирается только на обыкно-

венно столь бесплодно любимую нимфу—латинскій языкъ, а ищетъ пути къ равномерному развитію національныхъ языковъ всѣхъ народовъ (чтобы всякій духъ больше и больше хвалилъ Господа), съ чѣмъ несогласно столь смѣлое обхождение цѣлаго родного языка.

Въ-пятыхъ, обучать кого-нибудь чужому языку прежде, чѣмъ онъ освоился съ роднымъ языкомъ, значитъ то же самое, когда бы ты захотѣлъ своего сына учить верховой ѣздѣ прежде чѣмъ онъ еще научился ходить.

15.

Законы благоустроенной школы.

1. Главнѣйшею школьною цѣлью должно быть то, чтобы она представляла такую мастерскую, которая способна была бы изъ людей дѣлать воистину людей, изъ христіанъ—воистину христіанъ. Это будетъ тогда, когда допущенные къ этому сообществу мудрости: а) мудры умомъ, б) владѣютъ языкомъ, с) искусны въ работахъ, д) образованы въ нравахъ и е) отъ всего сердца благочестивы.

2. Знать, дѣйствовать и говорить—вотъ въ чемъ соль мудрости, корень, необходимый каждому въ человѣческой жизни, безъ котораго все было бы нелѣпо, безвкусно и обречено на гибель. Каждая изъ нашихъ жертвъ (которую мы здѣсь приносимъ Богу, т.-е. именно христіанское юношество), да посыпается солью¹⁾.

3. Кто учитъ только говорить и не учитъ вмѣстѣ съ тѣмъ знать (т.-е. кто учитъ говорить безъ пониманія вещей), тотъ не доводитъ такимъ образомъ человѣческой природы до ея совершенства, но лишь снаружи подбѣливаетъ ее. Тѣ же, которые учатъ понимать вещи, но не учатъ вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлать, представляютъ изъ себя нѣчто въ родѣ фарисеевъ; они говорятъ и не дѣлаютъ²⁾. Наконецъ понимать и дѣлать вещи, не отдавая себѣ, однако, отчета въ пользѣ знанія и дѣйствія, это—полуневѣжество. Наша мастерская людей, школа, должна, чтобы образовать людей,

¹⁾ Левит. II, 13; Марк. IX, 49.

²⁾ Матѣ. XXIII, 3.

знающихъ вещи, опытныхъ въ исполненіи и знакомыхъ съ пользой, вести всюду умы черезъ вещи такимъ образомъ, чтобы они понимали пользу отъ нихъ и были предохранены отъ злоупотребленія. Это принесетъ значительную пользу во всей жизни (хозяйственной, государственной, церковной).

4. И такъ какъ въ жизни приходишь въ столкновение не только съ вещами, но и съ лицами, то и школа, подобно мастерской добродѣтелей и челоуѣчности, должна стремиться къ тому, чтобы питомцы ея сдѣлались способными также и для личнаго общенія (во всякомъ обществѣ).

5. Наконецъ, такъ какъ мы постоянно ходимъ передъ очами Божиими, то всѣ должны быть приучены во всякое время взирать на Него и почитать Его съ священнымъ трепетомъ. Поэтому школа должна стараться быть мастерской внутренняго благочестія и истиннымъ святилищемъ.

6. Поэтому всѣ школы должны свою дѣятельность и свои упражненія клонить къ тому, чтобы юные кандидаты жизни научились все, что имъ встрѣтится въ жизни: а) знать, б) мочь, с) высказывать, д) примѣнять на пользу добродѣтели и е) разсматривать какъ нѣчто, побуждающее къ благочестію.

7. При соблюденіи этихъ условій школа можетъ быть и будетъ дѣйствительно истиннымъ разсадникомъ государства и церкви, прекраснымъ прообразомъ жизни и счастья, пятиструнной арфой св. Духа, ушами Божиими, внемлющими сладкой гармоніи.

8. Серьезнымъ занятіямъ посвящается ежедневно только четыре часа, къ которымъ присоединяются еще одинъ часъ утромъ для молитвы, послѣ обѣда для музыки и математики и послѣ ученья — повтореніе пройденнаго за этотъ день. Все остальное время остается свободнымъ для домашнихъ дѣлъ, приличнаго отдохновенія и частныхъ занятій.

9. То, что должно изучить въ школѣ (выучить наизусть, на рассказъ, сдѣлать), нужно показать на такомъ примѣрѣ, глядя на который можно было бы подражать ему. (Безъ примѣра ничему не выучишься).

То, что приводится въ видѣ примѣра, должно быть точно, чтобы тотъ, кто старательно подражаетъ, не могъ

ошибиться. (Невозможно не перенять ошибокъ отъ ошибочныхъ образцовъ).

Образецъ, предложенный для подражанія, долженъ быть живой вещью или представлять передачу ея по живому оригиналу, будетъ ли то пластическое изображеніе, или картина, или описаніе на словахъ (впрочемъ, живое обозрѣніе самой вещи всегда самое лучшее).

Въ вещахъ, которыя не могутъ быть изображены или представлены и все-таки должны быть представлены для подражанія (напр., добродѣтели), самъ учитель долженъ служить живымъ примѣромъ.

10. Хотя наша школа, поскольку она есть школа гуманности, не устраняетъ ни одной изъ книгъ человѣческихъ (развѣ ужъ тамъ будетъ содержаться что-либо ничтожное, бесполезное, вредное), однако, въ виду того, что мы намѣрены образовать своихъ учениковъ болѣе для Бога, нежели для міра, мы желаемъ, чтобы и здѣсь также предпочтительно господствовали божественныя писанія.

Такъ какъ существуетъ мнѣніе, что эти послѣднія въ силу своей возвышенности превосходятъ пониманіе нѣжнаго возраста, то должны быть присоединены свѣтскія сочиненія съ той цѣлью, чтобы они пролагали дорогу чтенію и пониманію божественныхъ писаній, какъ вѣрные путеводители во всемъ томъ, что должно знать или не знать, дѣлать или не дѣлать, надѣяться или бояться.

Тѣ, которые это хорошо дѣлаютъ, должны быть нашими, тѣ, за которыхъ нельзя ручаться, должны быть устранены.

Далѣе, намъ необходимъ извѣстный методъ въ занятіяхъ, чтобы, слѣдуя ему, образователь юношества такъ же быстро, какъ и со вкусомъ, образовывалъ умы къ мудрости, къ краснорѣчію, къ искусствамъ, добродѣтелямъ и благочестію и чтобы работающій механически мастеръ могъ обработать данный матеріаль при помощи данныхъ орудій и могъ сдѣлать его годнымъ для употребленія.

Вѣчнымъ закономъ метода да будетъ: учить и учиться всему черезъ примѣръ, предписаніе и примѣненіе или подражаніе.

Законы для учителей.

1. Учителя должны быть люди набожные, честные, дѣятельные и прилежные, живые образцы добродѣтелей, привить которыя они должны другимъ, и притомъ не только для виду, но и на самомъ дѣлѣ. (Видъ очень скоро измѣняется; притворство недолго выдерживаетъ).

2. Чтобы быть въ состояніи съ любовью посвящать себя обязанностямъ своего призванія и предохранить себя отъ скуки и отвращенія, они должны, во-первыхъ, остерегаться слишкомъ низко цѣнить себя и смотрѣть на себя съ презрѣніемъ. Тѣ, кто сами считаютъ за стыдъ быть учителями и остаются ими только ради денегъ, бѣгутъ, конечно, отсюда, какъ съ жерновой мельницы, лишь только найдутъ другое жизненное призваніе, обеспечивающее имъ большій доходъ. Но наши полагаютъ, что они поставлены на высокомъ почетномъ мѣстѣ, что имъ вручена должность, настолько превосходная, какъ никакая другая подъ солнцемъ, именно, чтобы творить подобія Божіи, образованныя по чертамъ Его, или, какъ говорится у пророка ¹⁾, «насаждать небо и основывать землю», т.-е. полагать основанія церкви и государства. Увѣренные, что ихъ труды служатъ на благо рода человѣческаго, они будутъ воспѣвать съ Давидомъ: «Мнѣ выпалъ жребій самый пріятный, мнѣ досталось достояніе прекрасное» ²⁾, и будутъ стараться, поскольку это отъ нихъ зависитъ, сдѣлать все возможное для цѣли столь возвышенной.

3. Итакъ, ближайшая забота будетъ состоять въ томъ, чтобы могуче увлекать учениковъ благимъ примѣромъ, ибо нѣтъ ничего естественнѣе, какъ чтобы послѣдующіе ступали по слѣдамъ предыдущихъ, и чтобы ученики образовывались по образцу учителя. Руководство, которое дается только въ видѣ словъ и предписаній, обладаетъ силой со-

---

¹⁾ Ис. LI, 16.

²⁾ Псал. XVI, 6.

общать дѣлу только весьма слабое движеніе. Поэтому наши учителя должны остерегаться походить на путеводителей, которые лишь показывают простертой рукой, куда нужно идти, а сами не идутъ.

17.

Законы для ректора.

1. Ректоръ долженъ помнить о томъ, что онъ долженъ быть главнымъ свѣтомъ для всей школы и ея вершиной.

2. Поэтому онъ долженъ являть собой примѣръ добродѣтели, благочестія и дѣятельности и во всѣхъ отношеніяхъ служить живымъ закономъ и правиломъ, по которому легко сглаживается все неровное.

3. Уваженіе къ себѣ со стороны другихъ онъ долженъ поддерживать чистотой нравовъ, гуманнымъ обращеніемъ со всякимъ и неутомимой бдительностью въ своей должности; онъ долженъ также прилежно слѣдить, идутъ ли по его стопамъ всѣ коллеги, учителя, воспитатели.

4. Постоянно долженъ онъ заботиться о томъ, чтобы ничего не дѣлалось противно законамъ и установленіямъ, но чтобы все сохранялось на своемъ мѣстѣ, въ своемъ порядкѣ и въ своей силѣ; и если онъ видитъ, что что-либо хочетъ выйти изъ своей колеи, то онъ долженъ тотчасъ же принять мѣры улучшенія и предотвратить худшее зло.

5. Особенно долженъ онъ не забывать и неоднократно повторять своимъ товарищамъ, что никто не научится черезъ одни предписанія, но черезъ частое показываніе и постоянное подражаніе, и при этомъ содѣйствовать тому, чтобы они были скорѣе возбудителями, нежели образователями, скорѣе руководителями, нежели распорядителями умовъ и чтобы желали и считаться таковыми, и чтобы это было не послѣдней изъ тайнъ лучшей дидактики.

6. Онъ долженъ добросовѣстно хранить подъ своимъ вѣрнымъ попеченіемъ архивъ школы, въ которомъ хранятся извѣстія объ основаніи, привилегіи, законы, статуты, акты и хронику, смотря на него, какъ на самое драгоцѣнное сокровище школы.

О дѣятельности.

Къ изученію надо присоединить исполненіе, въ которомъ должно упражнять нашихъ учениковъ, т.-е. къ познанію вещей требуется прибавить активную дѣятельность. Безъ этой дѣятельности человѣкъ, даже и знающій вещи, будетъ неумѣло вращаться среди вещей; незнакомый съ искусствомъ, онъ будетъ представляться неспособнымъ и вслѣдствіе этого негоднымъ для житейской дѣятельности. Чтобы подобнаго не случилось съ учениками пансофической школы, ради этой высокой цѣли она прибавитъ требованіе, чтобы никто изъ обучающихся въ ней не былъ выпускаемъ, прежде чѣмъ онъ будетъ хорошо обученъ тѣмъ видамъ дѣятельности, которые требуютъ особенной предусмотрительности. Чтобы наши ученики въ томъ мѣстѣ обученія учились не для школы, а для жизни, отсюда должны выходить юноши дѣятельные, на все готовые, искусные, прилежные,—люди, которымъ со временемъ можно будетъ безъ опасенія ввѣрить всякое житейское дѣло. Если бы были подобныя школы, и притомъ въ каждой общинѣ, то это было бы вообще противоядіе противъ лѣности и неумѣлости и даже противъ нестроенія, горькой бѣдности, нечистоты. Въ особенности это будетъ достигнуто тогда, когда школы эти, сверхъ того, привыкнутъ—какъ и должно быть въ дѣйствительности—подобнаго рода дѣятельность украшать честными нравами и всѣмъ пріятною рѣчью, и станутъ увѣнчивать все это богобоязненностію, сердцемъ, воспламененнымъ любовью къ Богу и готовностію проводить жизнь угоднымъ Богу образомъ.

Упражненія чувствъ.

Упражненія чувствъ прежде всего необходимы и не должны нигдѣ и никогда прерываться, потому что для ума чувства суть лѣстницы къ наукѣ. Поэтому мы должны

стараться, чтобы все то, знаніе чего мы желаемъ сообщить ученикамъ, было представлено ихъ чувствамъ, чтобы самыя предметы, будучи непосредственно налицо, трогали, приводили въ движеніе, привлекали чувства, а послѣднія, въ свою очередь,—разсудокъ; и такимъ образомъ, чтобы не мы говорили съ учениками, а самыя вещи. Надо, чтобы въ нашей школѣ, чтобы то, что нужно знать о самыхъ вещахъ, было изучаемо посредствомъ самыхъ вещей, т.-е. должно насколько возможно выставлять самыя вещи для разсматриванія, осязанія, слушанія и т. п.,—все равно, будетъ ли это дѣлаемо при посредствѣ дѣйствительныхъ вещей или замѣняющихъ ихъ изображеній. Для такихъ упражненій чувствъ хорошо будетъ наполнить всѣ стѣны учебной комнаты извнѣ и внутри картинами, письменами, изреченіями, рельефами и т. п.

VII.

Джонъ Локкъ.

Джонъ Локкъ (1632—1704) родился въ Англіи въ г. Рингтонѣ. Отецъ его, небогатый землевладѣлецъ, занимался адвокатурой. Въ 1646 г. Локка отдали въ Вестминстерскую школу, гдѣ главными предметами занятій были греческій и латинскій языки. Въ 1652 г. онъ поступилъ въ Оксфордскій университетъ. Ни школа ни университетъ не удовлетворили Локка, хотя Оксфордскій университетъ былъ въ ту пору самымъ лучшимъ въ Англіи. Умы того времени были увлечены ученіемъ Бэкона и Декарта, и это отразилось и на Локкѣ, съ отвращеніемъ говорившемъ о школьной схоластикѣ. Въ 1665 г. Локкъ сопровождалъ въ качествѣ секретаря англійскаго посла, сэра Вальтера Вена, къ бранденбургскому двору. Затѣмъ вернулся въ Оксфордъ и занялся естественно-научными изслѣдованіями. Въ 1667 г. познакомился съ лордомъ Эшли, впослѣдствіи графомъ Шефстбери, имѣвшимъ большое вліяніе на судьбу Локка, который долгое время состоялъ у него секретаремъ и воспитателемъ сына. Когда Шефстбери впалъ въ немилость у короля, Локкъ послѣдовалъ вмѣстѣ съ

нимъ въ изгнаніе (1683) и проживалъ въ разныхъ городахъ З. Европы, гдѣ посвятилъ себя преимущественно научной и педагогической дѣятельности.

Весною 1687 г. Локкъ окончилъ свое сочиненіе „Опытъ о человѣческомъ разумѣ“, которое сдѣлало его творцомъ опытной психологіи. Въ іюль 1693 г. Локкъ издалъ свои знаменитыя „Мысли о воспитаніи“, которыя положили начало англійской научной педагогикѣ, имѣли значительное вліяніе и на континентѣ Европы. Локкъ скончался 28 октября 1704 г.

Локку посчастливилось въ русской литературѣ. Его неоднократно переводили и издавали. Въ 1754 г. было издано „О воспитаніи дѣтей Господина Локка. Переводъ съ французскаго на російскій языкъ проф. Император. Москов. Унив. Николая Поповскаго, 2 части“. Переводъ этого сочиненія проф. Поповскимъ былъ сдѣланъ такъ хорошо, что о немъ извѣстный Новиковъ отозвался въ такихъ словахъ: „Также перевелъ (Поповскій) прозою книгу о воспитаніи дѣтей въ 2 частяхъ славнаго Локка. Сей переводъ, по мнѣнію знающихъ людей, едва ли не превосходитъ подлинникъ“. Въ 1788 г. этотъ переводъ былъ напечатанъ даже вторымъ изданіемъ. Затѣмъ интересъ къ Локку замираетъ. И только въ 1857 и 1858 гг. въ видѣ особаго приложенія къ книжкамъ журнала „Русскій Педагогическій Вѣстникъ“, издававшегося Н. А. Вышнеградскимъ, появляется снова переводъ теперь уже съ англійскаго, а не съ французскаго. Но этотъ переводъ отличался отступленіями отъ подлинника. Съ цѣлью дать переводъ возможно близкій къ подлиннику редація журнала „Русской Школы“ вновь издала „Мысли о воспитаніи Джона Локка“ въ переводѣ Петра Вейнберга, Спб. 1890, откуда мы и дѣлаемъ здѣсь рядъ выдержекъ. Наконецъ въ 1896 г. „Педагогическая Библіотека“, издававшаяся К. Тихомировымъ и А. Адольфомъ, вновь издала „Мысли о воспитаніи“ въ переводѣ съ англійскаго А. Басистова.

1.

Здоровый духъ въ здоровомъ тѣлѣ.

«Здоровый духъ въ здоровомъ тѣлѣ» — вотъ краткое, но полное описаніе счастливаго состоянія въ здѣшнемъ мірѣ. Тому, кто обладаетъ этими двумя вещами, остается желать

немногого, а у кого недостаетъ одной изъ нихъ, тотъ едва ли сдѣлается лучше, имѣя взамѣнъ что-либо другое. Счастье или несчастье людей по большей части есть дѣло ихъ собственныхъ рукъ. Человѣкъ, духъ котораго не направляетъ его мудро, никогда не пойдетъ надлежащей дорогой, а тотъ, чье тѣло хрупко и слабо, никогда не будетъ способенъ подвигаться на этой дорогѣ впередъ. Соглашаюсь, бывають духовные и тѣлесные организмы людей столь сильные и такъ хорошо устроенные природой, что они не нуждаются въ особенно большой помощи со стороны другихъ, но силою своихъ природныхъ даровъ уже съ колыбели ведутся къ тому, что прекрасно, и, благодаря счастливому складу своей натуры, способны творить чудеса. Но примѣры такого рода немногочисленны, и я, кажется, могу сказать, что изъ всѣхъ людей, встрѣчаемыхъ нами, девять частей изъ десяти суть то, что они суть—добрые или злые, полезные или негодные—черезъ свое воспитаніе. Оно именно производитъ большое различіе между людьми. Незначительныя или почти нечувствительныя впечатлѣнія, получаемыя нами въ нѣжномъ дѣтскомъ возрастѣ, имѣють очень важныя и прочныя послѣдствія; здѣсь мы видимъ то же, что въ устьяхъ нѣкоторыхъ рѣкъ, гдѣ легкое дѣйствіе человеческой руки поворачиваетъ послушныя воды въ каналы, которые заставляютъ ихъ принимать совершенно противоположное направленіе, и посредствомъ этого незамѣтнаго хода, даваемого имъ уже у самаго источника, онѣ получаютъ различныя теченія и, наконецъ, достигаютъ очень отдаленныхъ и далеко лежащихъ другъ отъ друга мѣстъ.

Мнѣ представляется, что духъ дѣтей направить тѣмъ или другимъ путемъ такъ же легко, какъ воду, и хотя онъ—главная часть, и первѣйшая забота наша должна быть о внутренней сторонѣ, но глиняной оболочкой его тоже не слѣдуетъ пренебрегать.

2.

П л а в а н ь е .

Мнѣ нѣтъ надобности говорить здѣсь о плаваньи въ ту пору его жизни, когда возрастъ еще позволяетъ ему учиться

плавать и есть у него кто-нибудь для преподаванія уроковъ. Плаванье спасаетъ жизнь многимъ людямъ, и римляне считали его столь необходимымъ, что ставили на ряду съ науками; обычною фразою у нихъ для обозначенія дурно воспитаннаго и ни на что негоднаго человѣка было, что онъ не выучился ни читать ни плавать: *Nec literas didicit, nec natare*. Но, независимо отъ приобрѣтенія искусства, которое можетъ принести ему пользу въ случаѣ нужды, выгоды здоровья вслѣдствіе частаго купанья въ холодной водѣ въ лѣтній зной такъ многочисленны, что, думаю, излишне говорить что-нибудь для возбужденія склонности къ этому упражненію, предполагая, что при немъ всегда будетъ принимаема единственная предосторожность: отнюдь не входить въ воду, когда отъ тѣлеснаго упражненія вспотѣлъ, или въ крови и пульсѣ осталось какое-нибудь возбужденіе.

3.

В о з д у х ъ .

Другое правило, соблюденіе котораго весьма полезно для здоровья всякаго человѣка, особенно же дѣтей—быть много на чистомъ воздухѣ и какъ можно меньше—около огня, даже зимою. Этимъ онъ приучить себя также къ жарѣ и холоду, солнечному свѣту и дождю, если же тѣло человѣка не будетъ выносить всѣ эти вещи, оно впослѣдствіи окажетъ очень мало пригоднымъ для него въ этомъ свѣтѣ, и когда онъ вырастетъ, будетъ уже слишкомъ поздно начинать приучать его къ тому. Надо начинать съ раннихъ лѣтъ и потомъ итти постепенно. Такимъ образомъ тѣло будетъ доведено до возможности переносить что бы то ни было. Если бы я посовѣтовалъ ему бѣгать по вѣтру и на солнцѣ безъ шапки, сомнѣваюсь, что это могло бы быть исполнено. Была бы сдѣлана тысяча возраженій, которыя въ концѣ-концовъ свелись бы къ одному—что онъ загоритъ отъ солнца. Если же моего молодого господчика постоянно держать въ тѣни и никогда не выводить на солнце и вѣтеръ изъ боязни за его наружность, то это—хорошее средство сдѣлать изъ него моднаго щеголя, но не человѣка

дѣла. И хотя на красоту слѣдуетъ обращать больше вниманія у дочерей, но я позволю себѣ сказать, что чѣмъ болѣе будутъ и онѣ находиться на воздухѣ, тѣмъ крѣпче и здоровѣе будутъ, безъ вреда для своей наружности, и чѣмъ ближе ихъ воспитаніе будетъ подходить къ суровому воспитанію ихъ братьевъ, тѣмъ болѣе значительныя выгоды извлекутъ онѣ себѣ изъ этого на все остальное время своей жизни.

4.

С О Н Ъ.

Изъ всѣхъ вещей, отзывающихся изнѣженностью и женственностью, ни въ чемъ нельзя дѣлать дѣтямъ столько снисхожденія, какъ относительно сна. Здѣсь исключительно надо предоставлять имъ полную волю; ничто не способствуетъ росту и здоровью дѣтей больше, чѣмъ сонъ. Единственное, что требуетъ въ этомъ пунктѣ регулированія—какую именно пору двадцати четырехъ часовъ отводить для сна, вопросъ, который легко разрѣшить, сказавъ только, что очень полезно приучать дѣтей вставать рано утромъ. Поступать такимъ образомъ—самое лучшее для здоровья, и тотъ, для кого съ дѣтства, вслѣдствіе установившейся привычки, раннее вставанье сдѣлалось легкимъ и обыкновеннымъ дѣломъ, не будетъ, придя въ зрѣлый возрастъ, тратить наилучшую и полезнѣйшую часть своей жизни на спанье и лежаніе въ постели. Итакъ, если дѣтей должно будить рано утромъ, то изъ этого натурально слѣдуетъ, что имъ нужно и ложиться въ постель рано; этимъ они приучатся избѣгать вредныхъ для здоровья часовъ кутежа, приходящихся обыкновенно вечеромъ, и тотъ, кто разумно распредѣляетъ свои часы, бываетъ рѣдко виновенъ въ какихъ-нибудь большихъ безпорядкахъ. Я не хочу этимъ сказать, что вашъ сынъ, когда онъ уже выросъ, не долженъ оставаться въ обществѣ послѣ восьми часовъ, или болтать за стаканомъ вина до полночи. Вамъ слѣдуетъ только, посредствомъ приучиванья съ самыхъ малыхъ лѣтъ, внушать ему нерасположеніе къ этимъ непригодностямъ насколько возможно; и не малая выгода получится, если онъ, вслѣд-

ствіе привычки противоположной, находя долгое сидѣнье неудобнымъ для себя, будетъ часто избѣгать его и очень рѣдко устраивать ночныя пиршества. Но ежели такого результата не достигнешь, а мода и товарищество возьмутъ верхъ и побудятъ его жить такъ, какъ другіе живутъ, начиная съ двадцатилѣтняго возраста, то все-таки стоитъ труда приучить его покаместъ рано вставать и рано ложиться, ради улучшенія его здоровья въ это время и другихъ выгодъ.

Великое лѣкарство природы есть сонъ. Кто лишенъ его, страдаетъ отъ этого, и весьма несчастливъ тотъ, кто можетъ принимать это цѣлительное средство только въ изящной позолоченной чашкѣ своей матери, а не въ деревянной посудинѣ. Кто имѣетъ здоровый сонъ, тотъ принимаетъ это лѣкарство, и все равно гдѣ: на мягкой ли постели, или на твердыхъ доскахъ. Единственная необходимая здѣсь вещь—сонъ.

5.

Л ѣ к а р с т в а .

Быть-можетъ, отъ меня ожидаютъ, что, для предотвращения болѣзней, я дамъ нѣкоторыя указанія насчетъ лѣкарствъ; тутъ я имѣю только одно правило, которое нужно свято соблюдать—никогда не давать дѣтямъ никакого лѣкарства для предупрежденія болѣзни. Исполненіе уже данныхъ мною совѣтовъ достигнетъ, я полагаю, въ этомъ случаѣ цѣли успѣшнѣе, чѣмъ цѣлебныя питья барынь или снадобья аптекарей. Тщательно избѣгайте такого образа дѣйствій, а иначе, вмѣсто того, чтобы предотвратить болѣзни, вы будете только накликать ихъ. Точно такъ же не слѣдуетъ при каждомъ незначительномъ нездоровьѣ давать дѣтямъ лѣкарство, или звать къ нимъ доктора, особенно если онъ ретивый человѣкъ, который немедленно начнетъ уставлять ихъ окна склянками и банками и наполнять ихъ желудки медикаментами. Здоровье совершенно предоставлять дѣтей ихъ натурѣ, чѣмъ отдавать въ руки человѣка, любящаго давать лѣкарство, или думающаго, что дѣтей можно лѣчить въ обыкновенномъ нездоровьѣ чѣмъ-нибудь инымъ, кромѣ

діэты, или другимъ какимъ, весьма мало отличающимся отъ нея, способомъ; какъ моимъ соображеніямъ, такъ и моему опыту представляется соотвѣтствующимъ, чтобы при нѣжномъ организмѣ дѣтей относительно нихъ дѣлали какъ можно меньше, и только въ томъ случаѣ, когда этого требуетъ безусловная необходимость. Немного холодной, дистиллированной, настоенной краснымъ макомъ, воды, которая есть настоящая желудочная вода, въ соединеніи съ покоемъ и воздержаніемъ отъ мяса, часто кладутъ въ самомъ началѣ конецъ многимъ разстройствамъ, которыя, при слишкомъ усердномъ употребленіи лѣкарствъ, могли бы обратиться въ сильныя болѣзни. Когда такое легкое врачеваніе оказывается не останавливающимъ недуга и не препятствующимъ ему обратиться въ дѣйствительную болѣзнь, тогда время прибѣгнуть къ совѣту какого-нибудь трезво мыслящаго и осторожнаго доктора. Въ этомъ пунктѣ, надѣюсь, мнѣ легко повѣрятъ; никто не имѣетъ повода сомнѣваться въ справедливости мнѣнія человѣка, отдавшаго нѣкоторое время на изученіе медицины, если онъ совѣтуетъ вамъ не быть слишкомъ усерднымъ въ обращеніи къ лѣкарствамъ и врачамъ.

6.

Желанія.

Мнѣ представляется яснымъ, что основаніе всякой добродѣтели и всякаго превосходства лежитъ въ силѣ человѣка отречься отъ удовлетворенія своихъ собственныхъ желаній въ тѣхъ случаяхъ, когда разсудокъ не одобряетъ ихъ. Эту силу должно пріобрѣтать и развивать посредствомъ привычки, которая легко усвоивается, если начать вкоренять ее съ раннихъ лѣтъ. Если бы поэтому меня захотѣли послушать, то я посоветовалъ бы, чтобы въ противоположность тому, какъ это обыкновенно дѣлается, дѣтей съ самой колыбели пріучали подавлять свои желанія и жить безъ своихъ влеченій къ тому или другому. Первое, чему слѣдовало бы ихъ научать, — что никакая вещь не будетъ имъ даваться ради того, что она имъ нравится, но только въ тѣхъ случаяхъ, когда она будетъ признана годною для

нихъ. Если бы имъ не отказывали въ предметахъ, соотвѣтствующихъ ихъ потребностямъ, но при этомъ отнюдь не давали того, чего они однажды потребовали съ крикомъ и плачемъ, то они пріучались бы обходиться безъ этихъ вещей, никогда не прибѣгали бы къ оранью и брюзгливости для того, чтобы настоять на своемъ, и были бы несносны для самихъ себя и для другихъ въ половину меньше, чѣмъ тогда, когда съ ними не поступаютъ такимъ образомъ съ самаго начала. Если бы они никогда не видѣли своихъ желаній удовлетворенными, благодаря выраженному ими относительно этого нетерпѣнію, то не требовали бы себѣ другихъ вещей точно такъ же, какъ не кричали бы, чтобъ имъ подали луну съ неба.

7.

О наградахъ.

Битье дѣтей и всѣ другіе способы рабскихъ и тѣлесныхъ наказаній не тѣ мѣры, какія должны имѣть мѣсто въ воспитаніи тѣхъ, которыхъ мы хотѣли бы сдѣлать умными, добрыми и разсудительными людьми; поэтому онѣ должны употребляться рѣдко, и только по важнымъ причинамъ и въ самыхъ крайнихъ случаяхъ. Съ другой стороны, должно старательно избѣгать льстить дѣтямъ, награждая ихъ такими вещами, которыя имъ нравятся. Тотъ, кто даетъ своему сыну яблоко, или пряники, или что-нибудь другое въ этомъ родѣ, приходящееся ему наиболѣе по вкусу, съ цѣлью пріохотить его къ ученію—этимъ только поощряетъ его склонность къ удовольствіямъ и развиваетъ въ немъ тѣ опасныя влеченія, которыя слѣдовало подавлять и уничтожать всевозможными средствами. Никогда не надѣйтесь научить его управлять ими, если границы, которыя вы ставите его склонности, съ одной стороны, возмѣщаются удовлетвореніемъ, доставляемымъ ей вами, съ другой. Для того, чтобы сдѣлать изъ него добраго, разумнаго и добродѣтельнаго человѣка, подобаешь учить его противостоятъ своимъ вожделѣніямъ и отрекаться отъ влеченій къ богатой и утонченной жизни, или тому, что пріятно для его нѣба,

и т. п., когда разумъ совѣтуетъ ему противное, и долгъ того требуетъ. Но когда вы побуждаете его сдѣлать что-нибудь хорошее, предлагая за то деньги, или вознаграждаете его трудъ сидѣнья за книгой удовольствіемъ съѣсть какой-нибудь лакомый кусочекъ; когда вы обѣщаете ему кружевной галстухъ или изящный новый костюмъ за исполненіе какой-нибудь изъ его легкихъ обязанностей,—то, давая все это въ видѣ награды, что иное дѣлаете вы, какъ не выставляя ихъ хорошими вещами, къ достиженію которыхъ ему слѣдуетъ стремиться, поддерживая въ немъ такимъ образомъ влеченіе къ нимъ и приучая его видѣть въ нихъ свое счастье? Такъ-то люди, желая возбудить въ своихъ дѣтяхъ неправильно примѣняемыми наградами и наказаніями прилежаніе къ грамматикѣ, танцамъ, или какому-нибудь другому занятію подобнаго рода, не имѣющему никакого важнаго значенія для счастья или пользы ихъ въ послѣдующей жизни, приносятъ въ жертву ихъ добродѣтель, извращаютъ порядокъ ихъ воспитанія и научаютъ ихъ сластолюбію, гордости, алчности и т. п. Ибо, потворствуя такимъ образомъ тѣмъ дурнымъ склонностямъ, которыя слѣдовало бы сдерживать и подавлять, эти люди кладутъ фундаментъ тѣхъ будущихъ пороковъ, которые не могутъ быть устранены ничѣмъ; кромѣ укрощенія нашихъ желаній и приучиванія ихъ съ раннихъ лѣтъ подчиняться разуму.

8.

О правилахъ.

И здѣсь позвольте мнѣ обратить вниманіе на одну вещь, которую я считаю ошибкою въ обыкновенной методѣ воспитанія; это—обремененіе памяти дѣтей, при всякомъ случаѣ, правилами и предписаніями, которыхъ они часто не понимаютъ, и которыя постоянно забываются такъ же скоро, какъ даются. Если есть что-нибудь, что вы желали бы видѣть сдѣланнымъ дѣтьми или сдѣланнымъ иначе, а они забываютъ исполнить ваше приказаніе или исполняютъ неискусно, то заставляйте продѣлывать это нѣсколько разъ, до тѣхъ поръ, пока результатъ не выйдетъ вполнѣ

удовлетворительнымъ. Такимъ способомъ вы достигаете слѣдующихъ двухъ выгодъ. Во-первыхъ, знаете, такое ли это дѣло, которое они могутъ исполнить, или котораго, по его свойству, можно ожидать отъ нихъ, ибо по временамъ дѣтей заставляютъ дѣлать вещи, которыя по испытанію оказываются выше ихъ силъ, и для исполненія которыхъ требуется предварительное обученіе и упражненіе. Но для воспитателя гораздо легче приказывать, чѣмъ учить. Вторая выгода, которой вы достигнете этимъ, будетъ заключаться въ томъ, что, благодаря повторенію одного и того же дѣйствія до тѣхъ поръ, пока оно не войдетъ у нихъ въ привычку, исполненіе не будетъ находиться въ зависимости отъ памяти или размышленія, спутниковъ благоразумія и зрѣлаго возраста, но не дѣтскаго, а обратится въ дѣло, для нихъ совершенно натуральное. Такъ, напримѣръ, для хорошо воспитаннаго человѣка отдавать поклонъ джентльмену, когда тотъ кланяется ему, или смотрѣть ему прямо въ лицо, когда тотъ говоритъ съ нимъ — такъ же естественно, какъ дышать; и то, и другое не требуетъ ни обдумыванія ни размышленія. Исправивъ такимъ путемъ какой-либо недостатокъ въ вашемъ ребенкѣ, вы исправили его уже навсегда, и такимъ образомъ вы искорените ихъ всѣ, одинъ за другимъ, и насадите какія вамъ угодно привычки.

Я видѣлъ родителей, наваливавшихъ на своихъ дѣтей столько правилъ, что для бѣдныхъ малютокъ было невозможно запомнить десятую часть ихъ, а ужъ и подавно — исполнять ихъ. Однакоже они и словами и ударами наказывались за нарушеніе этихъ многочисленныхъ и часто очень бессмысленныхъ предписаній. Натуральнымъ послѣдствіемъ этого было, что дѣти не обращали вниманія на говорившееся имъ, когда для нихъ было очевидно, что никакая внимательность, на которую только они были способны, недостаточна для предохраненія себя отъ нарушеній этихъ правилъ и отъ наказаній, этимъ вызываемыхъ.

Потому пусть правилъ, даваемыхъ вами сыну вашему, будетъ сколь возможно мало, и скорѣе меньше, чѣмъ больше того, что вы находите безусловно необходимымъ.

9.

П р и в ы ч к и.

Но прошу помнить, что дѣтей надо учить не правилами, которыя всегда ускользають изъ ихъ памяти. Все, что, по вашему мнѣнію, они должны дѣлать, укрѣпляйте въ нихъ неуклоннымъ упражненіемъ, каждый разъ, какъ къ тому будетъ представляться случай, и, если возможно, создавайте такіе случаи. Это будетъ порождать въ нихъ привычки, которыя, будучи разъ установлены, дѣйствуютъ сами собой и легко и естественно, безъ помощи памяти. Но тутъ позвольте мнѣ сдѣлать два предостереженія: 1) во-первыхъ, въ томъ, что вы желаете обратить у нихъ въ привычку, заставляете ихъ упражняться ласковыми словами и кроткими увѣщаніями, скорѣе какъ бы напоминая имъ то, что они позабыли, чѣмъ рѣзко упрекая и браня, точно они провинились умышленно; 2) второе, о чемъ вамъ слѣдуетъ заботиться, это—не вкоренять въ нихъ слишкомъ много привычекъ разомъ, иначе разнообразіемъ вы будете сбивать ихъ съ толку и не доведете до совершенства ни въ одной. Когда постоянное упражненіе сдѣлаетъ для нихъ что-либо легкимъ и естественнымъ, и они будутъ исполнять это безъ размышленія, тогда можете переходить къ другому.

10.

Разсужденія съ дѣтьми.

Быть-можетъ, удивятся, что я говорю о разсужденіи съ дѣтьми, а между тѣмъ я не могу не считать этого способа самымъ правильнымъ въ обращеніи съ ними. Они начинаютъ понимать разсужденія съ ними такъ же рано, какъ языкъ, и если мои наблюденія меня не обманываютъ, любятъ; чтобъ съ ними начинали обращаться какъ съ разумными существами раньше, чѣмъ многимъ это кажется. Это гордость, которую должно поддерживать въ нихъ, и, насколько возможно, дѣлать важнѣйшимъ орудіемъ для ихъ исправленія.

Но когда я говорю о разсужденіи, то имѣю въ виду только такое, которое соотвѣтствуетъ способностямъ и развитію ребенка. Никому не придетъ въ голову, что съ мальчикомъ трехъ или семи лѣтъ можно разсуждать точно такъ же, какъ съ взрослымъ человекомъ. Длинные рѣчи и философскіе доводы въ лучшемъ случаѣ изумляютъ и смущаютъ дѣтей, но ничему не научаютъ ихъ. Поэтому, когда я утверждаю, что съ ними надо обращаться, какъ съ разумными существами, то понимаю подъ этимъ, что вы, кротостью вашего обращенія и спокойною сдержанностью даже въ дѣлаемыхъ имъ выговорахъ, должны давать имъ понимать, что дѣлаемое вами разумно и полезно и необходимо для нихъ, и что приказывать или запрещать имъ что-либо побуждаютъ васъ не прихоть, страсть или фантазія. Это они способны понимать, и нѣтъ такой добродѣтели, къ которой вы хотѣли бы ихъ подвинуть, и такого порока, отъ котораго нужно бы ихъ воздержать, какихъ нельзя было бы разъяснить посредствомъ убѣжденія; но это должны быть такіе доводы, которые приспособлены къ ихъ возрасту и пониманію, и излагать ихъ необходимо всегда въ немногихъ и ясныхъ словахъ. Основанія, на которыхъ построены различныя обязанности, и источники правды и неправды, откуда они исходятъ, не легко, быть-можетъ, уяснить и взрослымъ людямъ, не привыкшимъ отвлекать свои мысли отъ общепринятыхъ мнѣній. Тѣмъ менѣе доступны дѣтямъ издалека почерпаемая толкованія и доказательства. Они не могутъ понимать силу пространныхъ выводовъ. Доводы, которыми хотите дѣйствовать на нихъ, должны быть очевидны и соотвѣтственны уровню ихъ мыслей, и таковы, чтобы ихъ можно было (если позволительно такъ выразиться) чувствовать и осязать.

11.

О выборѣ воспитателя.

Во всемъ дѣлѣ воспитанія нѣтъ ничего, на что обращалось бы такъ мало вниманія, и ничего, что было бы такъ трудно исполнять, какъ то, къ чему я перехожу теперь;

именно, что къ дѣтямъ, съ той минуты, какъ они начали говорить, долженъ быть приставленъ разумный, даже мудрый человекъ, на обязанности котораго лежитъ вести ихъ правильнымъ путемъ и воздерживать отъ всего дурного, особенно отъ заразы испорченнаго общества. Я думаю, что такая профессія требуетъ большой нравственной трезвости, умеренности, деликатности, усердія и благоразумія — качества, какія едва ли можно найти соединенными въ лицахъ, пріобрѣтаемыхъ за обыкновенное жалованье, и которыя вообще найти гдѣ бы то ни было не легко. Что касается до расхода на этотъ предметъ, то, по моему мнѣнію, наилучшее употребленіе, какое можно дѣлать изъ денегъ, — это тратить ихъ на своихъ дѣтей; и поэтому хотя содержаніе воспитателя вызываетъ издержки болѣе обыкновенныхъ, но его нельзя находить дорогимъ. Тотъ, кто какую бы то ни было цѣною доставляетъ своему ребенку хорошую душу, надѣленную добрыми принципами, пригодную для добродѣтели и для принесенія пользы, украшенную при этомъ свѣтскимъ приличіемъ и благовоспитанностью, дѣлаетъ для него покупку цѣннѣе той, которую сдѣлалъ бы, если бы истратилъ деньги на прибавленіе большого количества земли къ своимъ прежнимъ десятинамъ. Будьте бережливы сколько угодно относительно бездѣлушекъ и игрушекъ, шелка и лентъ, кружевъ и другихъ бесполезныхъ расходовъ; но не скупитесь въ такомъ необходимомъ дѣлѣ, какъ это. Нехорошо хозяйничаетъ тотъ, кто дѣлаетъ своего ребенка богатымъ по деньгамъ и бѣднымъ по душѣ.

Если вы найдете труднымъ отыскать такого воспитателя, какого мы желаемъ, то это не должно удивлять васъ. Я могу только сказать: не жалѣйте ни трудовъ ни денегъ для пріобрѣтенія такового. Этимъ путемъ можно достигнуть всего, и я смѣю увѣрить васъ, что если вамъ удастся добыть хорошаго воспитателя, вы никогда не раскаетесь въ понесенномъ расходѣ, но будете всегда находить удовлетвореніе въ мысли, что дали этимъ деньгамъ наилучшее употребленіе.

О любознательности у дѣтей.

Любознательность у дѣтей есть только желаніе узнать что-либо, и поэтому должно поощрять его въ нихъ не только какъ хорошій признакъ, но и какъ великое орудіе, которымъ природа снабдила ихъ для устраненія того невѣдѣнья, въ которомъ они рождаются на свѣтъ, и съ которымъ, безъ этой живой пытливости, они навсегда бы оставались тупыми и бесполезными существами. Средства поощрять это свойство и поддерживать его въ постоянной дѣятельности заключаются, я полагаю, въ слѣдующемъ.

Не отталкивать и не обезкураживать ребенка, когда онъ предлагаетъ вопросы, и не допускать, чтобы изъ-за нихъ смѣялись надъ нимъ; но отвѣчать на всѣ его вопросы и объяснять то, что онъ желаетъ узнать, такимъ образомъ, чтобъ дѣлать это понятнымъ для него сообразно способностямъ его возраста и свѣдѣніямъ, какія онъ имѣетъ. Но не затемняйте его пониманія превышающими это послѣднее объясненіями или свѣдѣніями, а также разнообразіемъ или количествомъ вещей, не имѣющихъ отношенія къ его цѣли въ данную минуту. Замѣчайте, что желаетъ его умъ разъяснить въ предложенномъ вопросѣ, а не то, въ какихъ словахъ онъ выражаетъ его; и когда вы отвѣтили ему и удовлетворили его, то увидите, какъ отъ этого расширились его мысли и какъ надлежащими отвѣтами вы можете повести его дальше, чѣмъ, быть-можетъ, вамъ кажется. Ибо знаніе пріятно для разума такъ же, какъ свѣтъ для глазъ; дѣтямъ оно доставляетъ величайшее наслажденіе, особенно когда они видятъ, что на ихъ вопросы обращается вниманіе, и что ихъ желаніе узнать поощряется и похваляется. И я не сомнѣваюсь, что одна изъ важныхъ причинъ, почему многія дѣти совершенно предаются глупымъ играмъ и нелѣпо проводятъ все свое время, заключается въ томъ, что они видятъ свою любознательность неудовлетворяемою и свои вопросы—оставляемыми безъ отвѣта. Но если бы къ нимъ относиться привѣтливѣе и съ боль-

шимъ уваженіемъ и отвѣчать на ихъ вопросы какъ слѣдуетъ, къ ихъ полному удовлетворенію, то я не сомнѣваюсь, что они находили бы больше удовольствія въ ученіи и пріобрѣтеніи познаній, такъ какъ тутъ всегда были бы для нихъ новизна и разнообразіе, т.-е. то, что такъ нравится имъ, чѣмъ въ занятіи все однѣми и тѣми же играми и игрушками.

Какъ нельзя пренебрегать вопросами дѣтей, точно такъ же слѣдуетъ тщательно заботиться, чтобы они никогда не получали фальшивыхъ или уклончивыхъ отвѣтовъ. Они легко усматриваютъ, когда къ нимъ относятся свысока или обманываютъ ихъ, и быстро научаются тому искусству пренебреженія, притворства и фальши, которое наблюдаютъ у другихъ. Нарушать правду нельзя въ общеніи съ кѣмъ бы то ни было, а ужъ подавно съ дѣтьми; ибо если мы играемъ съ ними въ фальшивую игру, то не только обманываемъ ихъ ожиданія и препятствуемъ пріобрѣтенію ими знаній, но и вносимъ порчу въ ихъ невинность и научаемъ ихъ худшему изъ пороковъ. Дѣти—путешественники, только что прибывшіе въ чужую страну, которая имъ совсѣмъ невѣдома; поэтому для насъ должно быть вопросомъ совѣсти—не вести ихъ по ложной дорогѣ. И хотя вопросы ихъ представляются иногда не особенно содержательными, но на нихъ все-таки должно отвѣчать серьезно, ибо если они и кажутся намъ (намъ, для которыхъ въ нихъ нѣтъ ничего неизвѣстнаго) не стоящими того, чтобы предлагать ихъ, то они важны для тѣхъ, кто ровно ничего не знаетъ.

13.

О правдивости и благорасположеніи.

Когда положено основаніе добродѣтели установленіемъ истиннаго понятія о Богѣ—такого, какому мудро научаетъ исповѣданіе вѣры и какое соотвѣтствуетъ степени развитія ребенка—и пріученіемъ его молиться Богу, тогда первая вещь, которою должно вслѣдъ за этимъ заняться, есть внушеніе ему безусловной обязанности говорить правду и склоненіе его всевозможными средствами къ благорасположенію.

Пусть онъ узнаетъ, что двадцать проступковъ можно простить скорѣе, чѣмъ одно нарушеніе правды съ цѣлью прикрыть одну вину какимъ-нибудь оправданіемъ. А научить его своевременно любить другихъ и быть относительно нихъ благорасположеннымъ, значить рано поселять въ нихъ истинныя основанія для того, чтобы сдѣлаться честнымъ человѣкомъ, ибо вся несправедливость обыкновенно имѣеть источникомъ слишкомъ большую любовь къ самому себѣ и слишкомъ малую къ другимъ.

14.

Объ ученіи.

Вы удивляетесь, быть-можетъ, что я ставлю ученіе въ концѣ, особенно когда я скажу вамъ, что придаю ему самое малое значеніе. Это можетъ показаться страннымъ въ устахъ книжнаго человѣка и тѣмъ болѣе имѣеть видъ парадокса, что ученье обыкновенно признается главнымъ, если не единственно важнымъ для дѣтей занятіемъ, и что почти его одно имѣютъ люди въ виду, когда говорятъ о воспитаніи. Когда я вижу, какой шумъ поднимаютъ изъ-за капли латыни и греческаго, сколько лѣтъ тратится на нихъ, и сколько тревоги и работы вызываютъ ими безъ цѣли, то съ трудомъ могу не быть того мнѣнія, что родители дѣтей постоянно живутъ подъ страхомъ розги учителя, на которую они смотрятъ, какъ на единственное орудіе воспитанія, находя также, что весь предметъ его составляютъ одинъ-два языка. Иначе, какъ было бы возможно, чтобы ребенка приковывали къ скамьѣ въ теченіе семи, восьми или десяти лучшихъ лѣтъ его жизни, для ознакомленія его съ однимъ-двумя языками, выучиться которымъ можно бы, по моему мнѣнію, при гораздо меньшемъ расходованіи времени и труда и почти играя?

Обученіе должно имѣть мѣсто, но стоять на второмъ планѣ, только какъ пособникъ болѣе важнымъ качествамъ. Найдите кого-нибудь, способнаго благоразумно дать надлежащую форму манерѣ вашего сына держать себя, отдайте его въ руки человѣка, который, насколько это возможно

охранить его невинность, будетъ холить и питать въ немъ добрыя начала, деликатно исправлять и искоренять всѣ дурныя склонности и насаждать хорошія привычки. Это—главное дѣло, а когда оно обезпечено, тогда можно присоединить сюда и обученіе, и повести его, какъ я думаю, весьма удобнымъ путемъ.

VIII.

Р о л л е н ь .

Шарль Ролленъ родился 30 января 1661 года въ Парижѣ. Отецъ его былъ слесаремъ и подготовлялъ сына къ своему ремеслу. Но обстоятельства сложились иначе. Одинъ монахъ бенедиктинскаго монастыря, подмѣтивъ способности Роллена, обучилъ его грамотѣ и помѣстилъ на казенное содержаніе въ пансіонъ, воспитанники котораго проходили курсъ въ сосѣднемъ коллежѣ Плеси. Здѣсь юный Ролленъ съ большимъ усердіемъ принялся за ученіе и обнаружилъ блестящіе успѣхи. По окончаніи курса Ролленъ въ теченіе девяти лѣтъ очень успѣшно преподавалъ словесность въ томъ же коллежѣ, гдѣ получилъ образованіе; затѣмъ онъ былъ приглашенъ преподавателемъ въ Парижскій королевскій коллежъ, гдѣ и оставался въ теченіе 48 лѣтъ (1688—1736).

Современники рисуютъ Роллена образцовымъ преподавателемъ и хорошимъ педагогомъ. Ставятъ ему въ заслугу его обширныя познанія, здравый смыслъ, хорошій вкусъ, тонкое умѣнье различать истину и красоту, его постоянное стремленіе извлекать изъ преподаваемаго полезныя правила поведенія, оживлять мораль краснорѣчіемъ и поэзіей, древнюю мудрость—христіанскимъ благочестіемъ.

Въ 1694 г. Ролленъ былъ избранъ ректоромъ Парижскаго университета и пробылъ въ этомъ званіи два года. Въ 1699 г. былъ назначенъ директоромъ коллежа Бове и въ этой должности пробылъ 13 лѣтъ. Коллежъ Бове, основанный еще въ XVI в., пришелъ было въ упадокъ, но Ролленъ въ короткое время привелъ его въ цвѣтущее состояніе: онъ подобралъ хорошихъ учителей

и далъ ему образцовое устройство, такъ что коллежъ Бове при Ролленѣ снова скоро вошелъ въ славу. Однако по проискамъ іезуитовъ въ 1712 г. Роллена смѣстили съ должности, и онъ рѣшилъ свои досуги посвятить литературнымъ занятіямъ и особенно занялся вопросами воспитанія и образованія, результатомъ чего и явились въ 1726 г. два первые тома его „Трактата“ подъ заглавіемъ „О способахъ преподавать словесныя науки примѣнительно къ развитію ума и сердца“. Два другихъ изданы въ 1728 г. Трактатъ объ образованіи переведенъ П. Д. Первовымъ и вошелъ въ составъ „Педагогической Библіотеки“, въ изданіи К. Тихомирова, М., 1908 г., откуда мы и дѣлаемъ выдержки.

Умеръ Ролленъ въ сентябрѣ 1741 г.

1.

Цѣль образованія.

Французская школа, учрежденная королями Франціи для содѣйствія образованію молодежи, ставитъ себѣ въ этомъ столь важномъ дѣлѣ три великія задачи: знаніе, нравственность и религію. Она прежде всего задается цѣлью культивировать умъ молодыхъ людей и украсить его всѣми познаніями, къ которымъ они въ эту пору способны. Затѣмъ она старается, опираясь на начала чести и честности, исправить и направить ихъ сердце, чтобы создать изъ нихъ хорошихъ гражданъ. Наконецъ она пытается закончить и усовершенствовать то, что доселѣ набросано было лишь вчернѣ, заботится увѣнчать, такъ сказать, зданіе и изъ юноши создать человѣка-христіанина.

2.

Дары образованія.

Дѣйствительно, умъ питается и укрѣпляется возвышенными истинами, доставляемыми ему ученіемъ. Онъ растетъ и увеличивается, такъ сказать, при общеніи съ великими людьми, произведенія которыхъ изучаетъ, подобно тому, какъ мы перенимаемъ манеры и чувства тѣхъ, съ которыми обыкновенно живемъ. Онъ имѣетъ притязаніе достигнуть,

въ благородномъ соревнованіи, ихъ славы и надѣется на это въ виду успѣха, достигнутаго тѣми. Онъ забываетъ собственную слабость и дѣлаетъ удачныя усилія, чтобы подняться вмѣстѣ съ ними надъ самимъ собою. Если онъ лишень иной разъ собственныхъ запасовъ и заключень въ очень узкія границы, то онъ бываетъ мало изобрѣтательнымъ и легко истощается. Но образованіе восполняетъ его бесплодность и заставляетъ его извлекать изъ другого источника то, чего ему не хватаетъ. Оно чужою помощію расширяетъ его познанія и свѣдѣнія, отодвигаетъ дальше его цѣли, умножаетъ его идеи, дѣлаетъ ихъ болѣе разнообразными, болѣе точными и живыми: оно научаетъ его смотрѣть на истину съ разныхъ сторонъ, открываетъ ему плодovitость принциповъ и помогаетъ извлекать изъ нихъ самыя отдаленныя послѣдствія.

Мы рождаемся въ мракѣ невѣжества, а дурное воспитаніе присоединяетъ сюда много ложныхъ предразсудковъ. Образованіе разсѣиваетъ первый и исправляетъ второе. Оно придаетъ нашимъ мыслямъ и разсужденіямъ правильность и точность. Оно приучаетъ насъ вносить порядокъ и стройность во всѣ матеріалы, о которыхъ намъ приходится говорить или писать. Оно представляетъ намъ въ качествѣ руководителей и образцовъ просвѣщеннѣйшихъ и мудрѣйшихъ людей древности, которыхъ мы, вмѣстѣ съ Сенекою, вполне можемъ назвать въ этомъ смыслѣ учителями и наставниками человѣческаго рода. Одолжая намъ на время ихъ разсужденіе и ихъ глаза, оно даетъ намъ возможность увѣренно итти къ свѣту, несомому передъ нами этими избранными вождями, которые, выдержавши суровое испытаніе у столькихъ имперій, заслуженно и единодушно признаны для всѣхъ послѣдующихъ вѣковъ верховными судьями хорошаго вкуса и законченными образцами того, что только есть въ литературѣ наиболѣе совершеннаго.

Но если бы это обученіе служило только для того, чтобы приобрѣсти привычку къ труду, смягчать имъ скорби, останавливать и сдерживать легкомысліе, преодолевать отвращеніе къ сидячей и прилежной жизни и ко всему, что подчиняетъ и плѣняетъ, то и это ужъ было бы очень

большой выгодой. А ученье, дѣйствительно, отвлекаетъ отъ праздности, отъ игры и разврата. Оно съ пользою наполняетъ пустоту дня, которая столькихъ людей такъ сильно давить; оно дѣлаетъ весьма пріятнымъ досугъ, который, безъ помощи словесныхъ наукъ, былъ бы чѣмъ-то въ родѣ смерти и могилы для живого человѣка. Оно даетъ намъ возможность здраво судить о появляющихся литературныхъ трудахъ, входить въ общеніе съ умными людьми, вступать въ лучшіе кружки, принимать участіе въ самыхъ ученыхъ разговорахъ, содѣйствовать, съ своей стороны, бесѣдѣ тамъ, гдѣ безъ этого люди сидѣли бы нѣмыми, дѣлать ее болѣе полезной и пріятной, перемѣшивая факты съ разсужденіями и смѣняя одни другими.

3.

Цѣль всѣхъ занятій.

Цѣль всѣхъ занятій—сдѣлать человѣка лучшимъ. Хорошіе учителя эту именно цѣль и ставятъ себѣ при воспитаніи юношества. Они мало цѣнятъ знанія, если послѣднія не ведутъ къ добродѣтели. Они считаютъ за ничто самую обширную эрудицію, если она лишена честности. Они предпочитаютъ честнаго человѣка ученому и, просвѣщая молодыхъ людей тѣмъ, что древность имѣетъ въ себѣ наиболѣе прекраснаго, мечтаютъ сдѣлать ихъ не столько ловкими, сколько добродѣтельными,—хорошими сыновьями, хорошими отцами, хорошими учителями, хорошими друзьями, хорошими гражданами.

Нетрудно примѣнить этотъ принципъ и къ изученію изящной литературы и наукъ. Онъ научаетъ насъ не пренебрегать ими, но извлекать изъ нихъ всю пользу, которую слѣдуетъ получить, разсматривать ихъ не какъ цѣль, но какъ средства, могущія вести къ ней. Они не имѣютъ непосредственнымъ предметомъ своимъ добродѣтель, но они готовятъ къ ней; въ этомъ отношеніи они—то же, что первые элементы грамматики по отношенію къ самой изящной литературѣ и наукамъ, т.-е. орудія, очень полезныя, если умѣть дать имъ хорошее употребленіе.

А должнымъ образомъ употреблять ихъ—это значитъ искусно пользоваться всѣми встрѣчающимися при чтеніи авторовъ сентенціями, примѣрами, замѣчательными случаями—съ цѣлью внушить молодымъ людямъ любовь къ добродѣтели и ужасъ передъ порокомъ.

Въ сердцѣ человѣка, со времени его испорченности, есть несчастная склонность ко злу, которая скоро портитъ въ дѣтяхъ небольшую долю хорошихъ расположеній, остающихся тамъ, если родители и учителя непрерывно не стараются питать и выращивать слабыя сѣмена добра, драгоценный остатокъ прежней невинности, и если они не вырываютъ съ неутомимой заботой терніевъ и колючекъ, которыя безпрестанно производитъ столь дурная почва.

Любви къ богатствамъ и удовольствіямъ, если она дѣлается господствующею страстью, слѣдуетъ противопоставлять противоположные примѣры древности. Вкусъ къ истинной славѣ и истинному величію со дня на день все болѣе и болѣе утрачивается между нами. Люди новые, упоенные внезапнымъ счастіемъ, безумные расходы которыхъ не могутъ все-таки окончательно истощить ихъ огромныя имущества, приучаютъ насъ не находить ничего великаго и почетнаго внѣ богатствъ — и притомъ огромныхъ богатствъ—смотрѣть не только на бѣдность, но и на честную умѣренность какъ на невыносимый стыдъ, полагать всю заслугу и всю честь въ великолѣпнѣ постройкѣ, мебели, экипажей, стола.

Какой контрастъ этому дурному вкусу представляетъ древняя исторія! Она показываетъ намъ консуловъ и диктаторовъ, которыхъ брали отъ сохи. Какое, повидимому, низкое состояніе! А межъ тѣмъ эти руки, загрубѣлыя отъ сельскихъ работъ, поддерживали колеблющееся государство и спасали республику. Они не только не думали о своемъ обогащеніи, но даже отказывались отъ золота, которое имъ предлагали, находя, что прекраснѣе повелѣвать обладателями золота, чѣмъ самимъ обладать имъ.

Справедливо замѣчаютъ, что ничто такъ не способно внушить чувства добродѣтели и отвратить отъ порока, какъ бесѣда съ хорошими людьми, потому что она мало-

по-малу внѣдряется и проникаетъ до сердца. Слушаніе ихъ, частое лицезрѣніе замѣняетъ наставленія. Одно ихъ присутствіе, даже когда они молчатъ, говоритъ и поучаетъ. Эту пользу и нужно, главнымъ образомъ, извлекать изъ чтенія авторовъ. Оно, такъ сказать, ставитъ насъ въ сношенія со всѣми великими людьми, какіе были въ древности. Мы бесѣдуемъ, путешествуемъ, живемъ съ ними; мы слышимъ ихъ рѣчи, являемся свидѣтелями ихъ дѣяній. Мы незамѣтно входимъ въ ихъ чувствованія и въ ихъ правила. Мы заимствуемъ отъ нихъ благородство и величіе духа, безкорыстіе, ненависть къ несправедливости, любовь къ общественному благу,—свойства, со всѣхъ сторонъ блистающія въ ихъ жизни.

4.

Хорошій вкусъ.

Вкусъ, какъ мы будемъ разсматривать здѣсь, есть, въ примѣненіи къ чтенію авторовъ и сочиненію, тонкое, живое, ясное и точное умѣнье распознавать всю красоту, истину и правду мыслей и выраженій, составляющихъ рѣчь. Онъ умѣетъ различать, что сообразно съ самыми строгими приличіями, что свойственно каждому характеру, что соотвѣтственно различнымъ обстоятельствамъ. Отмѣчая, благодаря тонкому и изысканному чутью, прелести, обороты, манеры, выраженія, наиболѣе способные нравиться, онъ въ то же время замѣчаетъ всѣ недостатки, производящіе противоположное дѣйствіе, и разбираетъ, въ чемъ именно состоятъ эти недостатки и насколько они удаляются отъ самыхъ строгихъ правилъ искусства и истинныхъ красотъ природы.

Это счастливое свойство, которое лучше чувствуется, чѣмъ опредѣляется, есть не столько слѣдствіе таланта, сколько слѣдствіе сужденія, есть нѣчто въ родѣ природнаго разума, усовершенствованнаго занятіями. Оно служитъ въ сочиненіи руководствомъ для ума и направляетъ его. Оно извлекаетъ пользу изъ воображенія, не отдаваясь, однако, ему, и остается всегда владыкой надъ нимъ. Оно совѣтуется во всемъ съ природой, слѣдуетъ за ней шагъ за шагомъ

и бываетъ вѣрнымъ выраженіемъ ея. Трезвое и сдержанное среди изобилія и богатствъ, оно съ мѣрою и мудростью тратитъ красоты и прелести рѣчи. Оно не позволяетъ ослѣплять себя ложью, какою бы блестящею ни была она. Оно равно оскорбляется и слишкомъ многимъ и слишкомъ малымъ. Оно умѣетъ остановиться тамъ именно, гдѣ нужно, и отсѣкаетъ безъ сожалѣнія и безъ жалости все, что заходитъ за предѣлы прекраснаго и совершеннаго. Недостатокъ этого свойства и порождаетъ всѣ испорченные стили, напыщенность, ложный блескъ, остроты, что бываетъ, когда, по словамъ Квинтиліана, геній лишенъ сужденія и позволяетъ себя обманывать внѣшностью прекраснаго.

Этотъ вкусъ, простой и единый въ своемъ принципѣ, видоизмѣняется и умножается безконечными способами, однако такимъ образомъ, что, подъ тысячью различныхъ формъ, въ прозѣ или въ стихахъ, въ стилѣ широкомъ или сжатомъ, забавномъ или серьезномъ, онъ всегда одинъ и тотъ же и всюду вноситъ нѣкоторыя черты истиннаго и естественнаго, которыя сразу чувствуетъ всякій умѣющій распознавать.

Почти всѣ люди знакомы съ основными началами вкуса, хотя въ большинствѣ ихъ они мало развиты, за недостаткомъ образованія или размышленія, и даже заглушены или искажены порочнымъ воспитаніемъ, дурными привычками, господствующими предубѣжденіями вѣка и страны.

Тѣмъ не менѣе, какъ ни испорченъ бываетъ вкусъ, онъ не погибаетъ совершенно: у людей всегда остаются опредѣленные пункты, запечатлѣнные въ глубинѣ ихъ сердца, въ которыхъ они согласны и сходятся между собою. Разъ эти тайныя сѣмена культивированы съ нѣкоторою заботливостью, они могутъ быть доведены до отборной чистоты и совершенства. И если случается, что эти первыя понятія пробуждаются отъ нѣ котораго свѣта, блескъ котораго дѣлаетъ умы внимательными къ неизмѣннымъ правиламъ истины и красоты, который открываетъ имъ естественные выводы и необходимыя послѣдствія и служитъ имъ въ то же время образцомъ, облегчающимъ приспособленіе, то мы обыкновенно замѣчаемъ, что наиболѣе разумные люди съ радостью

освобождаются въ этомъ случаѣ отъ своихъ старыхъ ошибокъ, исправляютъ ложность прежнихъ своихъ сужденій, возвращаются къ тому, что очищенный и вѣрный вкусъ заключаетъ въ себѣ наиболѣе правильнаго, наиболѣе нѣжнаго и тонкаго, и мало-по-малу увлекаютъ за собою всѣхъ прочихъ.

Хорошій вкусъ, о которомъ мы говоримъ здѣсь, именно вкусъ литературный, не ограничивается тѣмъ, что называютъ знаніями; онъ незамѣтно вліяетъ и на другія искусства, какъ-то: на архитектуру, живопись, скульптуру, музыку. Одно и то же умѣнье различать вводитъ всюду то же изящество, ту же симметрію, тотъ же порядокъ въ расположеніи частей; оно дѣлаетъ насъ внимательными къ благородной простотѣ, къ естественнымъ красотамъ, къ надлежащему выбору орнаментовъ. Наоборотъ, испорченность вкуса въ искусствахъ всегда была показателемъ и слѣдствіемъ испорченности въ литературѣ. Орнаменты старинныхъ готическихъ зданій, тяжелые, нестройные, грубые, помѣщенные обыкновенно безъ разбора, вопреки хорошимъ правиламъ, съ нарушеніемъ красивыхъ пропорцій, были подобіемъ сочиненій авторовъ того вѣка.

Хорошій вкусъ отъ литературы передается даже общественнымъ нравамъ и манерѣ жить. Привычка обращаться къ основнымъ правиламъ въ одномъ дѣлѣ естественно ведетъ къ привычкѣ обращаться къ нимъ и въ другихъ дѣлахъ.

Это должно пробудить въ школѣ вниманіе учителей: они должны принять мѣры и помѣшать, насколько это въ ихъ власти, паденію хорошаго вкуса; если они обязались (какъ это есть и на самомъ дѣлѣ) вести общественное воспитаніе молодежи, то они должны считать эту заботу существенною частью своей обязанности. Привычки, нравы, законы древнихъ народовъ измѣнились; они часто противоположны нашему характеру и нашимъ обычаямъ, и знаніе ихъ можетъ быть для насъ не особенно необходимымъ. Факты прошли безвозвратно; великія событія миновали, не вызвавъ ожиданія имъ подобныхъ; революціи государствъ и имперій имѣютъ, быть-можетъ, мало отношенія къ на-

шему настоящему положенію и къ нашимъ нуждамъ, а по-этому дѣлаются менѣе интересными. Но хорошій вкусъ, основанный на неизмѣнныхъ началахъ, одинъ и тотъ же для всѣхъ временъ; это главный результатъ, который молодые люди должны извлечь изъ чтенія древнихъ авторовъ, которые справедливо всегда считались учителями, блюстителями и стражами здраваго краснорѣчія и хорошаго вкуса. Наконецъ среди всего, что можетъ содѣйствовать образованію ума, эта часть, можно сказать, является наиболѣе существенной, такую, которую слѣдуетъ предпочитать всѣмъ прочимъ.

Этотъ хорошій вкусъ не ограничивается изящной литературой: разъ онъ уже проникъ, онъ касается всѣхъ искусствъ, всѣхъ наукъ, всѣхъ знаній. Онъ состоитъ тогда въ извѣстнаго рода правильномъ и точномъ умѣннн различать, что есть въ каждой изъ наукъ и въ каждомъ изъ знаній наиболѣе важнаго, прекраснаго, полезнаго, наиболѣе существеннаго, подходящаго или необходимаго для тѣхъ, кто ими занимается,—въ умѣннн, слѣдовательно, распознавать, до чего слѣдуетъ доводить изученіе, что нужно выкинуть, что заслуживаетъ особеннаго труда и преимущества передъ всѣмъ остальнымъ. Безъ этого умѣннн различать можно опустить существенное въ своей профессіи, не замѣтивъ пропуска; и этотъ недостатокъ не такъ рѣдко встрѣчается, какъ думаютъ.

5.

Какую слѣдуетъ ставить себѣ цѣль при воспитаніи?

Чтобы успѣшно вести воспитаніе юношества, первымъ шагомъ, мнѣ кажется, должно быть ясное установленіе цѣли воспитанія, разсмотрѣніе вопроса, по какому пути можно достигнуть этой цѣли, и выборъ искуснаго и испытаннаго руководителя, который былъ бы въ состояніи надежно вести насъ къ ней.

Стоитъ немного подумать, и мы легко признаемъ, что цѣль учителей состоитъ не въ томъ, чтобы научить своихъ

учениковъ только греческому и латинскому языку, научить дѣлать переводы, составлять стихи, развивать тему, обременить ихъ память историческими фактами и датами, научить составлять по формѣ силлогизмы, чертить на бумагѣ линіи и фигуры. Эти познанія полезны и цѣнны—я не отрицаю этого,—но только какъ средства, а не какъ цѣль; они полезны, когда ведутъ насъ къ другому, когда мы не довольствуемся ими, когда они служатъ подготовкой и орудіемъ для лучшихъ вещей, при знаніи которыхъ все остальное бываетъ бесполезнымъ. Молодые люди имѣли бы много поводовъ жаловаться, если бы они были осуждены проводить восемь или десять лучшихъ лѣтъ жизни за изученіемъ, съ большими издержками и съ невѣроятными трудами, одного или двухъ языковъ и другихъ подобныхъ вещей, которыми, быть-можетъ, рѣдко придется пользоваться. Цѣль учителей, при этомъ длинномъ рядѣ занятій, состоитъ въ томъ, чтобы приучить учениковъ къ серьезному труду, заставить ихъ цѣнить и любить науки, возбудить въ нихъ голодъ и жажду къ знанію, которые, по выходѣ изъ коллежа, побуждали бы ихъ искать знанія, показать имъ путь къ нему, дать имъ почувствовать пользу его и цѣну и этимъ расположить ихъ къ занятію различныхъ должностей, на которыя призываетъ ихъ божественное Провидѣніе. Цѣль учителей еще болѣе въ томъ, чтобы формировать умъ и сердце, защищать невинность дѣтей, внушать имъ начала чести и честности, прививать имъ хорошія привычки, исправлять и преодолевать кроткими путями дурныя наклонности, замѣчаемыя въ нихъ, какъ-то: гордость, заносчивость, самомнѣніе, глупое чванство, всегда занятое мыслью унижать другихъ, слѣпое самолюбіе, внимательное единство къ своимъ выгодамъ, страсть къ насмѣшкамъ, которой пріятно задѣвать другихъ и издѣваться, лѣнь и беспечность, которыя дѣлаютъ бесполезными всѣ хорошія качества ума.

Воспитаніе, собственно говоря, есть искусство направлять и отдѣлывать умы. Это изъ всѣхъ знаній самое трудное, самое рѣдкое и въ то же время самое важное, но имъ недостаточно занимаются.

Чтобы достигнуть своей цѣли, учитель прежде всего долженъ хорошо и до глубины изучить природныя свойства и характеръ дѣтей, ибо съ этимъ онъ и долженъ собразовать свое поведеніе. Одни дѣти опускаются и расслабѣваютъ, если ихъ не принуждаешь; другія не могутъ выносить, когда съ ними обходятся властно и свысока. Однихъ страхъ сдерживаетъ, другихъ, наоборотъ, ослабляетъ и лишаетъ мужества. Отъ однихъ можно добиться успѣха только съ помощью труда и прилежанія; другія занимаютъ, когда вздумается, урывками. Желать поставить всѣхъ подъ одинъ уровень и подчинить одному и тому же правилу—значитъ насиловать природу. Благоразуміе учителя состоитъ въ умѣнши держаться середины, которая одинаково далека отъ обѣихъ крайностей, ибо здѣсь зло очень близко къ добру, легко одно принять за другое и обмануться; оттого-то такъ трудно руководить молодыми людьми. Излишекъ свободы даетъ мѣсто своеволію; излишекъ принужденія притупляетъ умъ. Похвала возбуждаетъ и поощряетъ, но она же внушаетъ тщеславіе и самонадѣянность. Нужно, значитъ, держаться правильнаго образа дѣйствій, балансируя и избѣгая обѣихъ этихъ неудобствъ.

ІХ.

Ф е н е л о н ъ .

Франсуа Солиньякъ де Ламмотъ де Фенелонъ родился 6 августа 1651 г. въ замкѣ Фенелонъ, въ нынѣшнемъ департаментѣ Дордонъ, и принадлежалъ къ одной знатной и старинной фамиліи южной Франціи. Фенелонъ, будучи 12-лѣтнимъ мальчикомъ, говорилъ по-латыни, недурно понималъ по-гречески и прочелъ нѣсколькихъ доступныхъ его возрасту древнихъ авторовъ. Поступилъ сначала въ ближайшій университетъ въ Кагоръ, откуда перешелъ въ Парижъ, въ коллегію Дюплесси, гдѣ слушалъ богословскія науки. 18 лѣтъ удалился отъ свѣтскаго шума въ духовную семинарію, въ Сенъ-Сулписъ, гдѣ въ теченіе пяти лѣтъ готовился къ духовной дѣятельности. Здѣсь онъ мечталъ

о миссіяхъ въ далекія страны, о духовномъ воспитаніи дикарей С. Америки и Канады. По окончаніи курса онъ былъ посвященъ въ санъ священника и поставленъ, по назначенію парижскаго архіепископа, во главѣ одного общества образованныхъ дамъ высшаго круга, которое имѣло своею задачей обученіе вновь обращенныхъ въ католичество протестантскихъ дѣвушекъ. На этомъ поприщѣ Фенелонъ работалъ въ теченіе десяти лѣтъ и заявилъ себя здѣсь мудрымъ руководителемъ и опытнымъ педагогомъ. Плодомъ этой его дѣятельности было сочиненіе „О воспитаніи дѣвицъ“, вышедшее въ 1687 г. и пріобрѣтшее вскорѣ большую извѣстность.

16 августа 1689 г. Фенелонъ былъ назначенъ воспитателемъ трехъ сыновей дофина (наслѣдника французскаго престола) и превосходно выполнилъ свое назначеніе. Основныя черты той педагогической системы, которую на практикѣ осуществилъ Фенелонъ при воспитаніи герцога Бургундскаго, мы находимъ въ его трактатѣ „О воспитаніи дѣвицъ“. Эта система, съ одной стороны, основана на философіи Декарта, а съ другой—на христіанской любви, и состояла въ гармоническомъ сочетаніи твердости и энергіи съ кротостью и терпѣніемъ. Впослѣдствіи Фенелонъ въ 1695 г., будучи уже назначенъ архіепискомъ въ Камбре, написалъ не менѣе важное въ педагогическомъ отношеніи сочиненіе „Телемакъ“. Въ живыхъ образахъ даны здѣсь наставленія относительно всевозможныхъ отраслей жизни и управленія. Это „зеркало государей“ было встрѣчено съ восторгомъ какъ во Франціи, такъ и за границей, выдержало множество изданій и было переведено почти на всѣ извѣстные языки. За чистоту и изящество стиля „Телемакъ“ сдѣлался школьною книгою вездѣ въ Европѣ при обученіи французскому языку.

Книга „О воспитаніи дѣвицъ“—первый трактатъ, обратившій серьезное вниманіе на воспитаніе женщинъ. На русскомъ языкѣ она появилась впервые въ 1788 г. въ переводѣ Ивана Туманскаго. Мы дѣлаемъ выдержки изъ книги „О воспитаніи дѣвицъ“ по переводу В. Недачина. Москва. 1896 г. (изд. „Педагогической Библіотеки“).

Важность воспитанія дѣвиць.

Ни къ чему не относятся такъ небрежно, какъ къ воспитанію дѣвиць; произволь и капризь матерей имѣеть тутъ очень часто рѣшающее значеніе. Обыкновенно полагають, что для дѣвушекъ достаточно образованія самаго ничтожнаго. Воспитаніе мальчиковъ считается одною изъ важнѣйшихъ заботъ по отношенію къ общественному благу, и хотя въ этомъ случаѣ происходитъ не менѣе ошибокъ, чѣмъ при воспитаніи дѣвочекъ, однако, всѣ убѣждены въ томъ, что для успѣха въ этомъ дѣлѣ требуется много свѣдѣній. Самые талантливые люди пытались установить опредѣленныя правила по этому предмету. Явилось много учителей и учебныхъ заведеній. Огромныя средства тратятся на изданіе книгъ, на научныя изслѣдованія, на открытія новыхъ методовъ обученія языковъ, на выборъ учителей. Хотя эти заботы отличаются скорѣе наружнымъ блескомъ, чѣмъ основательностью, однако, онѣ указываютъ на то высокое значеніе, которое общество придаетъ мужскому образованію. Говорять, что дѣвушкамъ не нужна ученость, потому что она дѣлаетъ ихъ тщеславными и неестественными; достаточно, если онѣ сумѣють вести свое повседневное хозяйство и будутъ непрекословно подчиняться мужу. При этомъ обыкновенно приводятъ въ примѣръ многихъ женщинъ, которыхъ ученость сдѣлала смѣшными, и послѣ этого уже считаютъ себя въ правѣ слѣпо поручать дочерей руководству ихъ невѣжественныхъ и безразсудныхъ матерей.

Безъ сомнѣнія, слѣдуетъ опасаться, чтобы изъ дѣвушки не вышло такой ученой, которая въ глазахъ другихъ была бы смѣшна. Женщины обладаютъ обыкновенно умомъ болѣе слабымъ и болѣе пытливымъ, чѣмъ мужчины; поэтому совершенно неумѣстно вовлекать ихъ въ изученіе такихъ предметовъ, которые могутъ вскружить имъ головы. Имъ не придется управлять государствомъ, вести войны, или итти по духовному вѣдомству. Такимъ образомъ, онѣ могутъ обойтись безъ подробнаго знакомства съ тѣмъ, что

относится къ области политики, военнаго искусства, юриспруденціи, философіи, богословія. Точно такъ же большая часть искусствъ техническихъ къ нимъ не подходитъ: онѣ созданы для занятій, не требующихъ большого усилія. Ихъ тѣло и духъ менѣе сильны и устойчивы, чѣмъ тѣло и духъ мужчины; взамѣнъ этого природа надѣлила ихъ усидчивостью, бережливостью и аккуратностью, чтобы онѣ могли скромно заниматься у себя дома.

Но что же вытекаетъ изъ естественной слабости женщины? Чѣмъ онѣ слабѣе, тѣмъ болѣе онѣ нуждаются въ подкрѣпленіи. Развѣ не на нихъ лежатъ тѣ обязанности, которыя составляютъ основу всей человѣческой жизни? Не женщина ли разоряетъ или же поддерживаетъ домъ, не она ли управляетъ всѣми мелочами домашней жизни, и, слѣдовательно, не отъ нея ли зависитъ все то, что ближе всего касается рода человѣческаго вообще? Благодаря этому, именно женщина и оказываетъ рѣшающее вліяніе на нравы всего міра какъ хорошіе, такъ и дурные. Женщина разсудительная, рачительная и глубоко религіозная есть душа цѣлой семьи: она печется о благахъ земныхъ, равно какъ и о спасеніи души. Мужчина, пользующійся авторитетомъ въ обществѣ, не можетъ своими собственными средствами устроить надлежащаго благосостоянія своей семьи, если женщина тому не содѣйствуетъ.

Міръ не призракъ; онъ не что иное, какъ совокупность множества отдѣльныхъ семей. Кто же, какъ не женщины, можетъ столь заботливо и исправно управлять ими,—какъ не женщины, которыя, кромѣ своего естественнаго вліянія и усердія, обладаютъ врожденной заботливостью, внимательностью къ мелочамъ, изобрѣтательностью, способностью убѣждать и во все входять? И можетъ ли мужчина ожидать лично для себя радостей въ жизни, если въ своемъ тѣсномъ семейномъ кругу онъ найдетъ лишь одни огорченія? Что станется съ дѣтьми, нашимъ будущимъ поколѣніемъ, если матери будутъ портить ихъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ?

Вотъ занятія женщины, которыя не менѣе важны для общества, чѣмъ занятія мужчины, такъ какъ женщина

должна управлять домомъ, составлять счастье мужа и хорошо воспитывать своихъ дѣтей. Прибавьте къ этому, что добродѣтель такъ же необходима для женщины, какъ и для мужчины; но не говоря уже о томъ благѣ или злѣ, которое женщины могутъ принести обществу,—онѣ суть половина рода человѣческаго, искупленная кровью Иисуса Христа и предназначенная къ жизни вѣчной.

Наконецъ, кромѣ пользы, приносимой женщинами, хорошо воспитанными, надо принять въ соображеніе и то зло, которое онѣ причиняютъ обществу, если имъ недостаетъ воспитанія, внудряющаго въ нихъ добродѣтель. Дурное воспитаніе женщинъ, несомнѣнно, дѣлаетъ болѣе зла, чѣмъ дурное воспитаніе мужчинъ, потому что самые недостатки мужчинъ происходятъ обыкновенно въ силу дурного воспитанія, полученнаго ими отъ матерей, или являются слѣдствіемъ тѣхъ увлеченій другими женщинами, въ которыя они впадаютъ въ болѣе зрѣломъ возрастѣ.

Какія интриги предстаютъ передъ нами въ исторіи, какое поправленіе законовъ и нравовъ, какія кровавыя войны, перемѣны религій, наконецъ, какіе государственные перевороты, коихъ причиной бывала распущенность женщинъ! Вотъ что свидѣтельствуется о важности хорошаго воспитанія для дѣвушки. Постараемся же изыскать къ тому способы.

2.

Недостатки обычнаго воспитанія.

Отсутствіе знаній бываетъ причиною того, что дѣвушка скучаетъ и не можетъ подыскать себѣ настоящаго дѣла. Достигнувъ извѣстнаго возраста и не привыкши сосредоточиваться на серіозныхъ предметахъ, дѣвушка не можетъ имѣть къ нимъ ни влеченія ни уваженія. Все, что серіозно, ей кажется скучнымъ; все, что требуетъ постояннаго вниманія, утомляетъ ее; склонность къ удовольствіямъ, столь сильная въ молодости, примѣръ сверстницъ, поглощенныхъ удовольствіями,—все это заставляеть дѣвушекъ бояться правильной и трудолюбивой жизни. Въ этомъ раннемъ возрастѣ дѣвушкѣ недостаетъ ни опытности ни вліянія,

чтобы распоряжаться хоть чѣмъ-нибудь въ домѣ своихъ родителей. Она даже не понимаетъ, насколько важно примѣниться ко всему этому, если только мать не позаботится посвятить ее во все это подробно. Если она принадлежитъ къ богатой семьѣ, то ей нѣтъ нужды въ ручномъ трудѣ; она будетъ работать только нѣсколько часовъ въ день, и то потому, что принято, не сознавая причинъ, говорить, что женщинѣ слѣдуетъ работать. Обыкновенно это только дѣлается для виду и нисколько не приучаетъ ее къ послѣдовательному труду.

Чѣмъ же остается дѣвушкѣ заниматься при этихъ условіяхъ? Общество матери, которая постоянно слѣдитъ за ней, бранитъ ее, воображаетъ, что, не спуская ей ничего, она ее хорошо воспитываетъ, притворяется передъ ней, заставляетъ ее терпѣть отъ того, что она сама не въ духѣ, и предстаетъ передъ ней всегда поглощенной домашними заботами,—такое общество стѣсняетъ и отталкиваетъ дѣвушку. И вотъ ее отовсюду окружаютъ женщины льстивыя, которыя стараются вкрасься въ ея довѣріе, угождая ей низкими и вредными средствами, потакаютъ всѣмъ ея затѣямъ, занимаютъ ее разговорами обо всемъ, что можетъ отвратить ее отъ добра; обязанности по отношенію къ религіи кажутся ей дѣломъ скучнымъ и помѣхой во всѣхъ удовольствіяхъ. Займетса ли она тогда чѣмъ-нибудь полезнымъ? Конечно, нѣтъ: бездѣйствіе обратится у нея въ неисправимую привычку.

Рождается пустота; которую нельзя наполнить ничѣмъ серьезнымъ, а рядомъ съ нею занимаетъ мѣсто и легкомысліе. Въ праздности дѣвушка предается лѣни, и эта лѣнь, какъ слабость души, есть неизсякаемый источникъ скуки. Дѣвушка привыкаетъ спать на цѣлую треть болѣе, чѣмъ то необходимо для сохраненія здоровья. Такой сонъ только ослабляетъ ее, изнѣживааетъ и располагаетъ къ тѣлеснымъ недугамъ, тогда какъ сонъ умеренный, вмѣстѣ съ правильными движеніями, дѣлаетъ человѣка веселымъ, добрымъ и крѣпкимъ, и все это, безъ сомнѣнія, должнымъ образомъ совершенствуетъ тѣло, не говоря уже о выгодахъ, которыя извлекаетъ при этомъ умъ. Эта изнѣженность и праздность,

въ соединеніи съ недостаткомъ образованія, рождаютъ пагубную склонность къ различнымъ развлеченіямъ и зрѣлищамъ, которыя развиваютъ нескромное и ненасытное любопытство.

Люди образованные и занятые серіознымъ наблюдаютъ должную мѣру любопытства. Свѣдѣнія, которыми онѣ обладаютъ, даютъ имъ возможность пренебрегать тѣмъ, чего они не знаютъ. Такіе люди ясно видятъ бесполезность и смѣшную сторону предметовъ, которые такъ спѣшатъ изучать люди невѣжественные и праздные.

Напротивъ, дѣвушки, дурно воспитанныя и ничѣмъ незанятыя, обладаютъ блуждающимъ воображеніемъ. За недостаткомъ серіозной пищи ихъ воображеніе съ увлеченіемъ обращается на вещи пустыя или опасныя. Тѣ изъ нихъ, у которыхъ есть природный умъ, становятся неестественными и читаютъ всякія книги, которыя могутъ дать пищу ихъ суетности. Такія дѣвушки зачитываются романами, комедіями, рассказами и вздорными приключеніями, въ которыхъ непременно примѣшана грубая любовь. Онѣ приобрѣтаютъ мечтательный умъ, привыкаютъ къ напыщенному языку героевъ этихъ романовъ и черезъ это становятся непригодными для жизни, ибо всѣ эти прекрасныя воображаемыя страсти, всѣ эти приключенія, придуманныя авторомъ ради удовольствія читателей, не имѣютъ ничего общаго ни съ истинными причинами, двигающими и рѣшающими всѣ мірскія дѣла, ни съ тѣми разочарованіями, которыя встрѣчаются намъ на жизненномъ пути.

3.

Не должно насиловать дѣтской природы.

Мы уже замѣтили, что мозгъ ребенка влаженъ и горячъ, что и обусловливаетъ въ дѣтяхъ постоянную подвижность; благодаря этой подвижности дѣтскаго мозга, всѣ предметы легко въ немъ запечатлѣваются, и впечатлѣнія эти весьма жизненны. Поэтому надо спѣшить начертать въ дѣтскихъ умахъ какъ можно больше, пока еще складывается ихъ характеръ. Но при этомъ слѣдуетъ дѣлать самый тщатель-

ный выборъ понятій, которыя мы хотимъ имъ внушить: въ сосудъ столь маленькій и драгоцѣнный слѣдуетъ вливать лишь наилучшее содержимое. Надо помнить, что въ этомъ возрастѣ мы должны вкладывать въ дѣтскіе умы лишь то, что мы надѣемся удержать въ нихъ на всю жизнь. Первые образы, начертанные въ мозгу, пока онъ еще нѣженъ и не переполненъ другими впечатлѣніями, оставляютъ самый глубокій слѣдъ; затѣмъ эти образы твердѣютъ, по мѣрѣ того, какъ съ годами мозгъ высыхаетъ, и становятся неизгладимыми; въ этомъ лежатъ причины того, что въ старости вспоминаются предметы даже отдаленной молодости, тогда какъ образы, являющіеся въ послѣдующемъ возрастѣ, запечатлѣваются слабѣе, ибо слѣды были сдѣланы въ мозгу въ то время, когда онъ полонъ впечатлѣній.

Мозгъ ребенка подобенъ зажженной свѣчкѣ, поставленной на вѣтру: ея пламя постоянно колеблется. Ребенокъ задаетъ вамъ вопросъ, и вы не успѣете ему еще отвѣтить, какъ онъ устоялся въ полъ и разсматриваетъ тамъ узоры или считаетъ стекла въ окнѣ. Если бы вы вздумали вернуть его къ первому его вопросу, то вы непременно стѣснили бы его и держали бы его, какъ въ плѣну. Поэтому надо съ большою осторожностью обращаться съ органами ребенка, пока онъ совсѣмъ не окрѣпнетъ. На его вопросы отвѣчайте ему немедленно и позволяйте ему задавать другіе, сколько ему угодно. Поддерживайте только его любознательность и содѣйствуйте увеличенію въ немъ запаса хорошихъ свѣдѣній. Придетъ время, когда всѣ эти познанія займутъ надлежащее мѣсто въ его окрѣпшемъ мозгу, и ребенокъ научится разсуждать послѣдовательно. Вы же можете ограничиться лишь тѣмъ, что будете его поправлять въ неправильныхъ сужденіяхъ и при каждомъ удобномъ случаѣ показывать ему, какъ слѣдуетъ выводить правильное заключеніе.

Позволяйте ребенку играть и соединяйте игры съ обученіемъ: пусть мудрость показывается ему черезъ извѣстные промежутки и не иначе, какъ съ веселымъ лицомъ. Берегитесь утомлять его излишнею точностью.

Чтобы заставить дѣтей полюбить общество людей хорошихъ, надо указать имъ на хорошія и выгодныя ихъ стороны, на ихъ искренность, скромность, безкорыстіе, вѣрность, благоразуміе, особенно на ихъ благочестіе, какъ источникъ всѣхъ остальныхъ добродѣтелей.

4.

О разсказахъ изъ священной исторіи.

Надо стараться наиболѣе развивать въ дѣтяхъ любовь къ священной исторіи. При этомъ не старайтесь увѣрять ихъ, что разсказы изъ священной исторіи прекрасны, чему они, вѣроятно, не повѣрили бы, а заставьте ихъ самихъ почувствовать это. Укажите имъ на то, какъ эти разсказы важны, своеобразны и чудесны, полны естественной простоты и благородной живости въ изложеніи. Разсказы о сотвореніи міра, о грѣхопаденіи Адама, о потопѣ, призваніи Авраама, жертвоприношеніи Исаака, о приключеніяхъ Іосифа, которыхъ мы уже касались, о рожденіи и бѣгствѣ Моисея не только способны пробудить любознательность дѣтей, но откроютъ имъ начала религіи, заложатъ основы ея въ дѣтскихъ умахъ. Надо совершенно не знать самой сущности религіи, чтобы не видѣть, что она вся зиждется на исторіи; ея установленіе и непрерывное продолженіе, все, что заставляеть насъ вѣрить въ нее и проводить ее въ жизнь,—все это представляетъ рядъ дѣйствительныхъ и чудесныхъ событій. Не слѣдуетъ думать, что знакомство съ этими фактами должно носить строго научный характеръ: разсказы изъ священной исторіи сами по себѣ кратки, разнообразны и способны заинтересовать даже самые грубые умы. Богъ, который лучше, чѣмъ кто-либо, знаетъ имъ же созданный разумъ человѣческій, раскрылъ религію въ фактахъ самыхъ простыхъ и доступныхъ пониманію, которые не только не затрудняютъ простыхъ людей, но даже помогутъ постигнуть тайны религіи и сохранить ихъ въ своей памяти.

Наставленіе женщинамъ касательно ихъ обязанностей.

На обязанности женщины лежитъ забота о воспитаніи дѣтей, мальчиковъ до извѣстнаго возраста, дѣвочекъ до выхода замужъ или поступленія въ монастырь, затѣмъ надзоръ за прислугой, присмотръ за ея поведеніемъ и службой, веденіе мелкихъ расходовъ и умѣнье все сдѣлать прилично и экономно, а часто даже завѣдываніе сельскимъ хозяйствомъ и доходами съ него.

Знанія женщинъ, равно какъ и мужчинъ, должны ограничиваться лишь тѣмъ, что имѣетъ прямое отношеніе къ ихъ обязанностямъ. Разница же ихъ назначенія влечетъ за собою и различіе въ получаемомъ ими образованіи.

Я не стану перечислять здѣсь всѣхъ тѣхъ познаній, которыми должна обладать женщина для воспитанія своихъ дѣтей.

Къ этому обширному кругу обязанностей прибавьте еще хозяйство. Большинство женщинъ пренебрегаютъ имъ, какъ занятіемъ низкимъ, которое прилично лишь крестьянамъ или фермерамъ, а самое большее—дворецкому или экономкѣ.

Только по невѣжеству относятся онѣ съ презрѣніемъ къ изученію хозяйства. Древніе греки и римляне, столь дѣльные и просвѣщенные народы, изучали эту науку весьма тщательно; самые выдающіеся умы этихъ народовъ древняго міра оставили сочиненія, дошедшія и до нашего времени, гдѣ они на основаніи собственнаго опыта отмѣтили всѣ мельчайшія подробности, касающіяся земледѣлія.

Безъ сомнѣнія, для успѣшнаго изученія всего, что относится къ хозяйству, или для должнаго руководства цѣлою семьей, которая представляетъ собою какъ бы маленькое государство,—нужно гораздо болѣе обширный и возвышенный умъ, чѣмъ для игры, сужденій о модахъ и упражненія въ пріятныхъ разговорахъ. Умъ, который не идетъ дальше умѣнія хорошо говорить, достоинъ презрѣнія:

повсюду мы встрѣчаемъ женщинъ, разговоръ которыхъ полонъ самыхъ строгихъ правилъ, а между тѣмъ поведеніе весьма легкомысленно благодаря тому, что въ раннемъ дѣтствѣ оно было худо направлено.

Относительно чистоты поступайте такъ же, какъ и относительно бережливости. Приучайте дѣвушку не переносить ничего грязнаго и беспорядочнаго и замѣчать даже малѣйшій беспорядокъ въ домѣ. Внушите ей убѣжденіе въ томъ, что ничто такъ не способствуетъ бережливости и чистотѣ, какъ умѣніе держать каждую вещь на своемъ мѣстѣ. Это, повидимому, пустое требованіе приносить, однако, много пользы, если исполняется точно и неуклонно. Вамъ нужна какая-нибудь вещь, и вы ни минуты не теряете на ея отысканіе; вы просто берете ее, въ случаѣ надобности, безъ всякихъ хлопотъ, ссоръ или споровъ, а потомъ опять кладете ее на прежнее мѣсто. Этотъ порядокъ и составляетъ главное основаніе опрятности, а строго правильное размѣщеніе вещей больше всего бросается на видъ. Кромѣ того, ставя каждую вещь на ея надлежащее мѣсто, мы не только достигаемъ красоты или удовольствія, но также и берегаемъ ее. Отъ этого вещь портится гораздо меньше, не подвергается всякимъ случайностямъ и содержится въ чистотѣ. Напримѣръ, сосудъ какой-нибудь не скоро пылится или разбивается, если его каждый день послѣ употребленія ставить на свое мѣсто. За порядкомъ же неизмѣнно слѣдуетъ и чистота. Къ этому можно прибавить ту выгоду, что привычка хозяйки къ порядку и въ прислугѣ искореняетъ лѣнь и беспорядочность. Сверхъ того, строго заведеннымъ порядкомъ мы ускоримъ и облегчимъ работу слугъ, а себя избавимъ отъ раздраженій по поводу ихъ медленности, которая часто происходитъ потому, что отъ беспорядка вещей ихъ трудно бываетъ скоро отыскать.

X.

Жанъ-Жакъ Руссо.

Жанъ-Жакъ Руссо родился 28 іюня 1712 г. въ Женевѣ. Мать его умерла вскорѣ послѣ родовъ, и онъ остался на попеченіи своего отца Исаака, часовыхъ дѣлъ мастера и учителя танцевъ, человека безпечнаго и легкомысленнаго. Отецъ научилъ Жанъ-Жака очень рано читать и пристрастилъ его къ чтенію романовъ, оставшихся послѣ его матери. Скоро были перечитаны всѣ романы изъ библіотеки покойной матери: они болѣзненно разстроили пылкое воображеніе семилѣтняго чтеца. Послѣ романовъ принялись за книги, оставшіяся отъ дѣда Жанъ-Жака. Тутъ были сочиненія Плутарха, Овидія, Фонтенеля, Лабрюйера, Боссюэта и др. Занимая мальчика чтеніемъ, отецъ въ остальномъ предоставилъ ему полную свободу и въ общемъ мало заботился о воспитаніи. Вскорѣ вслѣдствіе неблагопріятно сложившихся обстоятельствъ, Исаакъ бѣжалъ изъ Женевы, оставивъ сына на произволъ судьбы. Послѣ бѣгства отца, Жанъ-Жака взялъ на воспитаніе дядя его, инженеръ Бернаръ, который скоро отослалъ его съ своимъ сыномъ въ сосѣдную деревню къ пастору, содержавшему пансіонъ для мальчиковъ. Здѣсь Жанъ-Жакъ учился латыни и другимъ предметамъ, о которыхъ отзывался впослѣдствіи съ насмѣшкою; но самое главное — впервые соприкоснулся съ природою. Здѣсь именно, когда онъ разсаживалъ и поливалъ кусты и цвѣты, когда ухаживалъ за своими растеніями, зародилось въ немъ то чарующее чувство любви къ природѣ, которымъ проникнуты столь многія страницы его произведеній. Близость къ природѣ и простотѣ сельской жизни навсегда остались его завѣтною мечтою, его идеаломъ.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ обоихъ мальчиковъ взяли изъ пансіона, и Жанъ-Жакъ жилъ два года у дяди безъ опредѣленнаго дѣла. Затѣмъ дядя помѣстилъ Жанъ-Жака въ контору нотаріуса, но скучныя канцелярскія занятія пришлись не по вкусу Руссо, и его вскорѣ уволили за неспособность. Послѣ этого Жанъ-Жакъ былъ опредѣленъ къ граверу, у котораго и про-

былъ три года ученикомъ. Художественное ремесло гравера ему нравилось, но дурное обращеніе хозяина и обидная зависимость отъ него вскорѣ отняла у него всякую охоту къ работѣ. Чтобы не попадаться на глаза жестокому хозяину, Жанъ-Жакъ рѣшилъ его покинуть навсегда. Это было 14 марта 1728 года. Отсюда и начинается странствующая жизнь Руссо.

Онъ перешелъ границу и попалъ въ Италію. По совѣту одного католическаго священника обратился за помощью къ извѣстной благотворительницѣ Франсуазѣ Варансъ, которая обласкала его и приняла въ немъ участіе. Нѣкоторое время прожилъ въ монастырѣ въ Туринѣ, гдѣ патеры обратили его въ католичество. Оставивъ пріютъ, онъ поступилъ лакеемъ къ одной знатной дамѣ, а потомъ перешелъ къ Гувону, который, оцѣнивъ его способности, послалъ учиться къ своему сыну, въ то время аббату. Аббатъ Гувонъ, человекъ высоко образованный, сталъ ежедневно заниматься съ Руссо; но латынь Руссо не давалась, зато онъ научился чистому итальянскому языку и пріучился читать книги съ толкомъ. Послѣ этого Жанъ-Жакъ поселился у Варансъ и прожилъ у нея десять лѣтъ. Варансъ учила Руссо хорошимъ манерамъ и читала съ нимъ серіозныя книги. Такъ какъ было время подумать о профессіи, то она опредѣлила его въ духовную семинарію, съ цѣлью приготовить изъ него священника. Но Руссо учился здѣсь плохо и скоро оставилъ семинарію. Тогда Варансъ пришла мысль сдѣлать изъ него музыканта, и она помѣстила его въ музыкальную школу. Нѣсколько лѣтъ провелъ Руссо среди музыки, сельскихъ учителей, разныхъ проектовъ и путешествій, переходя безпрестанно отъ одного предмета къ другому, стараясь рѣшиться на что-нибудь и не зная, на что именно. Въ 1738—39 г. Руссо поселился въ Шарлотахъ, гдѣ Варансъ купила себѣ небольшой домикъ. Въ 1710 г. Жанъ-Жакъ разстался съ Варансъ и поступилъ въ воспитатели (гувернеры) двухъ дѣтей Мабли, главнаго судьи въ Ліонѣ. Цѣлый годъ Руссо не щадилъ трудовъ, но при своемъ пылкомъ характерѣ не могъ справиться съ задачей воспитанія и, наконецъ, рѣшилъ, что къ этому занятію онъ совершенно неспособенъ. Онъ снова поселился у Варансъ и на досугѣ сталъ изучать теорію музыки и попалъ на мысль замѣнять нотныя знаки цифрами. Въ 1741 г. онъ былъ уже въ Парижѣ, съ 15 луйдорами въ карманѣ, со

своею комедією „Нарциссъ“ и музыкальнымъ проектомъ. Проектъ этотъ не доставилъ ему матеріальной выгоды, но далъ возможность познакомиться съ парижскими знаменитостями. Здѣсь же Руссо женился на простой дѣвушкѣ. Въ 1749 году Дижонская академія предложила на премію сочиненіе на тему: „Возрожденіе наукъ и искусствъ способствовало ли очищенію нравовъ?“ Руссо рѣшилъ написать сочиненіе на эту тему и излилъ всю накопившуюся горечь противъ трактирной и салонной цивилизаціи. Руссо увѣрялъ, что наука испортила души, что она породила роскошь, родилась изъ пороковъ. И несмотря на то, что на вопросъ Руссо отвѣтилъ отрицательно, Дижонская академія удостоила его искомой преміи. Разсужденіе, увѣнчанное академіей, имѣло шумный успѣхъ. Въ защиту науки и просвѣщенія посыпались возраженія. Руссо писалъ многочисленные отвѣты, издавая ихъ отдѣльными брошюрами. Словомъ, онъ добился извѣстности.

Въ 1756 г. по приглашенію г-жи д'Эпинэ Руссо поселился въ замкѣ Шевретъ близъ Монморанси, и занялся обработкой нѣсколькихъ сочиненій: „Общественнаго договора“, „Новой Элоизы“ и „Эмиля“.

„Новая Элоиза“ вышла въ началѣ 1761 г. и затронула множество вопросовъ: о помощи бѣднымъ, воспитаніи дѣтей, домашней экономіи, земледѣліи и пр. Но главная слава Руссо его „Эмиль“, вышедшій въ 1762 г. и затронувшій разнообразныя вопросы воспитанія. Вліяніе „Эмиля“ было изумительно, имъ зачитывались громадныя круги общества; онъ вызвалъ множество подражаній и опроверженій. Обществомъ овладѣло настоящее увлеченіе педагогическими вопросами; даже высокопоставленныя лица зачитывались Эмилемъ и старались извлекать изъ него полезныя для себя наставленія.

19 іюня 1762 г. Женевскій совѣтъ присудилъ сжечь „Общественный договоръ“ и „Эмиля“, а Бернскій совѣтъ издалъ приказъ объ удаленіи автора изъ предѣловъ страны. Руссо сначала поселился въ Монтъе, а въ 1765 г. прибылъ въ Парижъ, въ 1766 г. поселился въ Англии. И тутъ проявились первые симптомы душевной болѣзни, постигшей Руссо: ему всюду мерещились враги, заговоры, интриги. Въ 1768 г. онъ окончилъ свою „Исповѣдь“, и съ 1770 г. снова поселился въ Парижѣ. 2 іюля 1778 г. Руссо скончался.

На русскомъ языкѣ есть „Эмиль или о воспитаніи“ переводъ П. Первова, изд. „Педагогической Библіотеки“. М. 1896 г. Отсюда мы и дѣлаемъ выдержки.

1.

О воспитаніи.

Мы рождаемся слабыми, — намъ нужна сила; мы рождаемся всего лишенными, — намъ нужна помощь; мы рождаемся бессмысленными, — намъ нуженъ разумъ. Все, чего мы не имѣемъ при рожденіи и безъ чего мы не можемъ обойтись, ставши взрослыми, дано намъ воспитаніемъ.

Воспитаніе это дается намъ или природою, или людьми, или вещами. Внутреннее развитіе нашихъ способностей и нашихъ органовъ есть воспитаніе, получаемое отъ природы; обученіе тому, какъ пользоваться этимъ развитіемъ, есть воспитаніе со стороны людей, а приобрѣтеніе нами собственнаго опыта относительно предметовъ, дающихъ намъ воспріятія, есть воспитаніе со стороны вещей.

Каждый изъ насъ, значитъ, есть результатъ работы троякаго рода учителей. Ученикъ, въ которомъ эти различные уроки противорѣчатъ другъ другу, дурно воспитанъ и никогда не будетъ въ ладу съ самимъ собою; въ комъ они всѣ попадаютъ въ одни и тѣ же пункты и стремятся къ однѣмъ и тѣмъ же задачамъ, тотъ одинъ идетъ къ своей цѣли и живетъ правильно. Онъ одинъ — хорошо воспитанъ.

2.

Задачи воспитанія.

Въ естественномъ строѣ, такъ какъ люди всѣ равны, то общее званіе ихъ быть человѣкомъ; а кто хорошо воспитанъ для этого званія, тотъ не можетъ быть дурнымъ исполнителемъ и въ тѣхъ званіяхъ, которыя относятся сюда. Пусть предназначаютъ моего воспитанника къ тому, чтобы носить саблю, служить церкви, быть адвокатомъ, — мнѣ все равно. Прежде званія родителей природа зоветъ его къ че-

ловѣческой жизни. Жить—вотъ ремесло, которому я хочу учить его. Выходя изъ моихъ рукъ, онъ не будетъ—соглашаюсь въ этомъ—ни судьей, ни солдатомъ, ни священникомъ: онъ будетъ прежде всего человѣкомъ; всѣмъ, чѣмъ долженъ быть человѣкъ, онъ сумѣетъ быть, въ случаѣ надобности, такъ же хорошо, какъ и всякій другой, и, какъ не перемѣщала бы его съ мѣста на мѣсто судьба, онъ всегда будетъ на своемъ мѣстѣ. «Овладевъ я тобою, Судьба, и тебя полонилъ; всѣ входы твои преградилъ я, чтобы не могла ты добраться до меня».

Изученіе человѣческаго состоянія есть наша истинная наука. Кто умѣетъ лучше всѣхъ выносить блага и бѣдствія этой жизни, тотъ изъ насъ, по-моему, и воспитанъ лучше всѣхъ; отсюда слѣдуетъ, что истинное воспитаніе состоитъ не столько въ правилахъ, сколько въ упражненіяхъ. Научаться мы начинаемъ, начиная жить; наше воспитаніе начинается вмѣстѣ съ нами; нашъ первый наставникъ—наша кормилица.

Если бы люди родились привязанными къ почвѣ своей страны, если бы цѣлый годъ продолжалось одно и то же время года, если бы каждый такъ крѣпко былъ связанъ съ своимъ состояніемъ, что никогда не могъ бы его перемѣнить, то установившаяся практика была бы пригодна въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ; ребенокъ, воспитанный для своего положенія, никогда не выходя изъ него, не могъ бы и подвергаться случайностямъ другого положенія. Но при видѣ измѣнчивости человѣческихъ дѣлъ, при видѣ того безпокойнаго и подвижнаго духа нашего вѣка, который съ каждымъ поколѣніемъ все перевертываетъ, можно ли придумать что-нибудь безразсуднѣе этой методы—такъ воспитывать ребенка, какъ будто бы ему не предстоитъ никогда выходить изъ своей комнаты, какъ будто онъ долженъ быть безпрестанно окруженнымъ своими людьми?

Думаютъ только о томъ, какъ бы уберечь своего ребенка; это недостаточно: нужно научить, чтобы онъ умѣлъ сохранять себя, когда станетъ взрослымъ, выносить удары рока, презирать избытокъ и нищету, жить, если придется, во льдахъ Исландіи или на раскаленномъ утесѣ Мальты.

Все дѣло не въ томъ, чтобы помѣшать ему умереть, а въ томъ, чтобы заставить его жить. А жить это не значитъ дышать: это значитъ дѣйствовать, это значитъ пользоваться нашими органами, чувствами, способностями, всѣми частями нашего существа, дающими намъ сознаніе нашего бытія. Не тотъ человекъ больше всего жилъ, который можетъ насчитать больше лѣтъ, а тотъ, кто больше всего чувствовалъ жизнь.

3.

О воспитаніи чувствъ.

Въ первые годы жизни, когда память и воображеніе еще бездѣйствуютъ, ребенокъ внимателенъ лишь къ тому, что въ данное время дѣйствуетъ на его чувства; такъ какъ ощущенія его служатъ первымъ матеріаломъ для его познаній, то представлять ихъ ему въ надлежащемъ порядкѣ значитъ готовить его память къ тому, чтобы со временемъ она въ томъ же порядкѣ доставляла ихъ и его разуму. Но такъ какъ ребенокъ внимателенъ только къ своимъ ощущеніямъ, то на первый разъ достаточно отчетливо показать ему связь этихъ самыхъ ощущеній съ предметами ихъ производящими. Онъ хочетъ до всего дотронуться, все взять въ руки: не препятствуйте этой пытливости,—она даетъ ему первые опыты знанія, самые необходимые. Этимъ, именно путемъ онъ научается ощущать тепло, холодъ, твердость и мягкость, тяжесть и легкость тѣлъ, судить объ ихъ величинѣ, фигурѣ и о всякихъ доступныхъ чувству свойствахъ,—судить съ помощью зрѣнія, осязанія, слуха, особенно съ помощью сопоставленія зрѣнія съ осязаніемъ, посредствомъ оцѣнки на взглядъ того ощущенія, которое онъ получилъ бы при помощи пальцевъ.

Для упражненія въ искусствѣ нужно прежде всего добыть орудія, а чтобъ эти орудія употреблять съ пользою, ихъ нужно сдѣлать достаточно прочными, такъ чтобы они могли выдержать работу. Чтобы научиться думать, нужно, значитъ, упражнять свои чувства, свои органы, которые служатъ орудіемъ нашего разумѣнія.

Упражнять чувства это не только значит пользоваться ими: это значит учиться хорошо судить съ помощью ихъ, учиться, такъ сказать, чувствовать; ибо мы умѣемъ осязать, видѣть, слышать, только такъ, какъ научились.

Бываютъ упражненія чисто естественныя, механическія, которыя содѣйствуютъ укрѣпленію тѣла, но не даютъ никакой пищи сужденію: дѣти плаваютъ, бѣгаютъ, прыгаютъ, гоняютъ кубарь, пускаютъ камни,—все это очень хорошо; но развѣ мы имѣемъ только руки и ноги? Развѣ у насъ нѣтъ, кромѣ того, глазъ, ушей, и развѣ эти органы излишни при существованіи первыхъ? Упражняйте же не только силы, но и всѣ чувства, ими управляющіе; извлекайте изъ каждаго всю возможную пользу, затѣмъ впечатлѣнія одного повѣряйте другимъ. Измѣряйте, считайте, взвѣшивайте, сравнивайте. Покажите ребенку, какъ выгодно никогда не дѣлать недостаточныхъ или излишнихъ усилій. Если вы приучите его предвидѣть такимъ образомъ результаты всѣхъ его движеній и путемъ опыта исправлять ошибки, то не ясно ли, что чѣмъ больше онъ будетъ дѣйствовать, тѣмъ станетъ разсудительнѣе?

4.

Объ истинныхъ потребностяхъ.

Держите ребенка въ одной зависимости отъ вещей и вы будете слѣдовать порядку природы въ постепенномъ ходѣ его воспитанія. Противопоставляйте его неразумной волѣ одни только физическія препятствія или такія наказанія, которыя вытекаютъ изъ самыхъ дѣйствій и которыя онъ при случаѣ припоминаетъ; нѣтъ нужды запрещать дурной поступокъ, достаточно помѣшать совершенію его. Опытъ или безсиліе должны одни замѣнять для него законъ. Соглашайтесь исполнить его желанія не потому, что онъ этого требуетъ, а потому, что это ему нужно. Когда онъ дѣйствуетъ, пусть не знаетъ, что это—послушаніе; когда же за него дѣйствуютъ другіе, пусть не знаетъ, что это—власть. Пусть онъ одинаково чувствуетъ свободу какъ въ своихъ

дѣйствіяхъ, такъ и въ вашихъ. Вознаграждайте ихъ недостатокъ силы ровно настолько, насколько это нужно ему, чтобы быть свободнымъ, а не властнымъ; пусть онъ, принимая ваши услуги съ нѣкотораго рода смиреніемъ, мечтаетъ о томъ моментѣ, когда сумѣетъ обойтись безъ нихъ и когда будетъ имѣть честь самъ служить себѣ.

Для укрѣпленія тѣла и содѣйствія его росту, природа имѣетъ свои средства, которымъ никогда не слѣдуетъ противодѣйствовать. Не нужно принуждать ребенка остаться на мѣстѣ, когда ему хочется ходить, или заставлять ходить, когда ему хочется остаться на мѣстѣ. Если свобода дѣтей не искажена по нашей винѣ, они не захотятъ ничего бесполезнаго. Пусть они бѣгаютъ, прыгаютъ, кричатъ, когда имъ хочется. Всѣ ихъ движенія вызваны потребностями ихъ организма, который стремится окрѣпнуть; но нужно недовѣрчиво относиться къ тѣмъ желаніямъ, которыхъ они не могутъ выполнить сами, такъ что исполнять ихъ придется другимъ. Въ этомъ случаѣ нужно заботливо отличать потребность истинную, естественную отъ зарождающейся прихоти или отъ той потребности, которая происходитъ вслѣдствіе указаннаго мною избытка жизни.

5.

Учите тому, что полезно для ребенка.

Когда, не испытывая еще нужды, дѣти уже предвидятъ ихъ, то разумѣніе ихъ, значитъ, уже очень развито,—они начинаютъ узнавать цѣну времени. Въ такихъ случаяхъ слѣдуетъ приучать ихъ направлять свои занятія на предметы полезные, но эта польза должна быть осязательной для ихъ возраста и доступной ихъ пониманію. Вы ему безпрестанно говорите: «Все, что я требую отъ тебя, служить для твоей же пользы; но ты не въ состояніи понять этого. Что мнѣ за дѣло, исполняешь ты или нѣтъ то, что я требую, вѣдь ты трудишься для себя одного». Всѣми этими прекрасными рѣчами, которыя вы держите теперь передъ нимъ, съ цѣлью сдѣлать его мудрымъ, вы подготавливаете успѣхъ тѣхъ рѣчей, съ которыми со временемъ обратится

къ нему мечтатель, тайновидецъ, шарлатанъ, плутъ или любой безумецъ, желая поймать его въ свою ловушку или навязать ему свое безуміе.

Взрослому слѣдуетъ знать много такого, полезности чего ребенокъ не сумѣетъ понять; но нужно ли и можно ли учить ребенка всему тому, что слѣдуетъ знать взрослому? Старайтесь научить ребенка тому, что полезно для его возраста, и вы увидите, что все его время будетъ съ избыткомъ наполнено. Зачѣмъ вы хотите, въ ущербъ занятіямъ, которыя приличны ему теперь, засадить его за занятія, свойственныя тому возрасту, дожить до котораго у него столь мало вѣроятія? Но, скажете вы, время ли учиться чему-нибудь тогда, когда придетъ моментъ знаніе употребить въ дѣло? Не знаю,—но знаю одно, что невозможно научиться этому раньше, ибо истинные наши учителя—это опытъ и чувствованіе, а что потребно человѣку, это человѣкъ лучше всего чувствуетъ среди тѣхъ отношеній, въ какія онъ попалъ. Ребенокъ знаетъ, что онъ созданъ для того, чтобы стать взрослымъ; всѣ понятія, которыя онъ можетъ имѣть о состояніи взрослого человѣка, являются для него предметомъ знанія; но онъ долженъ оставаться въ абсолютномъ невѣжествѣ относительно тѣхъ идей объ этомъ состояніи, которыя ему не подъ силу. Вся моя книга есть не что иное, какъ непрерывное доказательство этого принципа воспитанія.

Какъ скоро мы добились того, что воспитанникъ нашъ усвоилъ идею, соединенную со словомъ «полезный», мы имѣемъ новое важное средство для управленія имъ: слово это сильно поражаетъ его, потому что онъ понимаетъ его только въ примѣненіи къ своему возрасту и ясно видитъ, что здѣсь дѣло касается его настоящаго благосостоянія. На вашихъ дѣтей это слово не дѣйствуетъ, потому что вы не озаботились дать имъ понятіе о пользѣ, доступное ихъ уму, и потому что, разъ другіе обязаны всегда доставлять имъ то, что полезно для нихъ, они сами не имѣютъ уже нужды помышлять объ этомъ и не знаютъ, что такое польза.

«На что это нужно?»—вотъ слова, которыя отнынѣ дѣлаются священными, рѣшающими разногласіе между имъ и

мною во всѣхъ дѣйствіяхъ нашей жизни; вотъ вопросъ, который съ моей стороны неизмѣнно слѣдуетъ за всѣми его вопросами и служить уздою для тѣхъ многочисленныхъ, глупыхъ и скучныхъ разспрашиваній, которыми дѣти, безъ усталости и пользы, утомляютъ всѣхъ окружающихъ—скорѣе съ цѣлью проявить надъ ними нѣкотораго рода власть, чѣмъ извлечь изъ этого какую-нибудь пользу. Кому внушаютъ, какъ наиболѣе важный урокъ, желаніе знать только полезное, тотъ вопрошаетъ, подобно Сократу; онъ не задаетъ ни одного вопроса, не давши себѣ въ немъ отчета, котораго, какъ онъ знаетъ, потребуютъ отъ него прежде, чѣмъ разрѣшить вопросъ.

Прежде всего вы должны хорошо помнить, что лишь въ рѣдкихъ случаяхъ вашей задачей будетъ указывать, что онъ долженъ изучать: это его дѣло—желать, искать, находить; ваше дѣло—сдѣлать ученіе доступнымъ для него, искусно зародить въ немъ это желаніе и дать ему средства удовлетворить его. Отсюда слѣдуетъ, что вопросы ваши должны быть немногочисленными, но строго выбранными; а такъ какъ ему приходится чаще обращаться къ вамъ съ вопросами, чѣмъ вамъ къ нему, то вы всегда будете болѣе обеспечены и чаще будете имѣть возможность сказать ему: «а на что тебѣ нужно то, о чемъ ты спрашиваешь меня?»

6.

Р о б и н з о н ъ .

Если ужъ намъ неперемѣнно нужны книги, то существуетъ книга, которая содержитъ, по моему мнѣнію, самый удачный трактатъ о естественномъ воспитаніи. Эта книга будетъ первою, которую прочтетъ Эмиль, она одна будетъ долго составлять всю его библіотеку и всегда будетъ занимать въ ней почетное мѣсто. Она будетъ текстомъ, для котораго всѣ наши бесѣды по естественнымъ наукамъ будутъ служить лишь комментариемъ. При нашемъ движеніи впередъ, она будетъ мѣриломъ нашего сужденія; и пока не испортится нашъ вкусъ, чтеніе этой книги всегда намъ будетъ нравиться. Какая же это чудесная книга: не Ари-

стотель ли, не Плиніи ли, не Бюффонъ ли?—Нѣтъ, это—Робинзонъ Крузо.

Робинзонъ Крузо на своемъ островѣ,—одинъ, лишенный помощи себѣ подобныхъ и всякаго рода орудій, обезпечивающій, однако, себѣ пропитаніе и самосохраненіе и достигающій даже нѣкотораго благосостоянія,—вотъ предметъ, интересный для всякаго возраста, предметъ, который тысячью способовъ можно сдѣлать занимательнымъ для дѣтей. Вотъ какимъ путемъ мы осуществляемъ необитаемый островъ, который служить мнѣ сначала для сравненія. Конечно, человѣкъ въ этомъ положеніи не есть членъ общества; вѣроятно, не таково будетъ и положеніе Эмиля; но все-таки по этому именно положенію онъ долженъ оцѣнивать и всѣ другія. Самый вѣрный способъ возвыситься надъ предразсудками и сообразоваться въ своихъ сужденіяхъ съ истинными отношеніями вещей—это поставить себя на мѣсто человѣка изолированнаго и судить о всемъ такъ, какъ долженъ судить этотъ человѣкъ,—самъ о своей пользѣ.

Романъ этотъ, освобожденный отъ всякихъ пустяковъ, начинающійся съ кораблекрушенія Робинзона возлѣ его острова и оканчивающійся прибытіемъ корабля, который возьметъ его оттуда, будетъ для Эмиля одновременно и развлеченіемъ и наставленіемъ въ ту пору, о которой идетъ здѣсь рѣчь. Я хочу, чтобы у него голова пошла кругомъ отъ этого, чтобы онъ безпрестанно занимался своимъ замкомъ, козами, плантаціями; чтобъ онъ изучилъ въ подробности,—не по книгамъ, а въ самыхъ вещахъ,—все то, что нужно знать въ подобномъ случаѣ; чтобъ онъ самъ считалъ себя Робинзономъ, чтобы представилъ себя одѣтымъ въ шкуры, съ большимъ колпакомъ на головѣ, съ большою саблей, во всемъ его странномъ нарядѣ, — исключая зонтика, въ которомъ онъ не будетъ нуждаться. Я хочу, чтобъ онъ задавался вопросами, какія принять мѣры въ случаѣ недостатка того или иного предмета, чтобъ онъ внимательно прослѣдилъ поведеніе своего героя, поискалъ, не упустилъ ли тотъ чего, нельзя ли было сдѣлать что-нибудь лучше, чтобъ онъ старательно отмѣтилъ его ошибки и воспользовался ими, чтобы при случаѣ самому не дѣлать подобныхъ

промаховъ; будьте увѣрены, что онъ и самъ захочетъ осуществить подобнаго рода поселокъ—это настоящій воздушный замокъ для того счастливаго возраста, когда не знаютъ иного счастья, кромѣ удовлетворенія необходимыхъ потребностей и свободы.

Какимъ обильнымъ источникомъ является это увлеченіе для человѣка ловкаго, который для того только и зарождаетъ его въ ребенкѣ, чтобъ извлечь изъ него пользу! Ребенокъ, торопясь устроить складъ вещей на своемъ островѣ, проявитъ больше страсти къ ученію, чѣмъ учитель къ преподаванію. Онъ захочетъ знать все, что полезно для этого, и притомъ—только полезное: вамъ не нужно будетъ руководить имъ, а придется лишь сдерживать его. Впрочемъ, поспѣшимъ поселить его на этотъ островъ, пока онъ ограничиваетъ этимъ свои мечты о счастьѣ; ибо близокъ день, когда, если онъ и захочетъ на немъ жить, то жить не одинъ, когда его не надолго удовлетворитъ и Пятница, на котораго онъ теперь не обращаетъ вниманія.

7.

О значеніи ремесль.

Первымъ и наиболѣе почтеннымъ изъ всѣхъ искусствъ является земледѣліе; на второмъ мѣстѣ я поставилъ бы кузнечное искусство, на третьемъ—плотничье и т. д. Ребенокъ, не обольщенный еще обычными предразсудками, будетъ судить точно такъ же. Сколько важныхъ размышлений по этому поводу извлечетъ нашъ Эмиль изъ своего Робинзона!

Во всемъ, что онъ увидитъ, во всемъ, что станетъ дѣлать, онъ захочетъ узнать все, онъ захочетъ знать основы всего; переходя отъ орудія къ орудію, онъ непремѣнно захочетъ дойти до перваго; онъ ничего не станетъ допускать въ видѣ предположенія и откажется учиться тому, что требуетъ предварительныхъ познаній, которыхъ у него нѣтъ еще; если онъ увидитъ, какъ дѣлаютъ пружину, ему захочется знать, какъ извлекли изъ рудника желѣзо; если онъ увидитъ, какъ собираютъ составныя части сундука, ему за-

хочется знать, какъ было срублено дерево; если онъ работаетъ самъ, по поводу каждаго орудія, которымъ пользуется, онъ не приминетъ спросить себя: «Если бы у меня не было этого орудія, какъ мнѣ слѣдовало бы поступить, чтобы приготовить подобное орудіе или обойтись безъ него?»

На какую массу интересныхъ предметовъ можно такимъ образомъ направить любознательность ребенка, не выходя ни разу изъ среды отношеній дѣйствительныхъ и матеріальныхъ, доступныхъ его пониманію, и не допуская возникнуть въ его умѣ ни одной идеи, которой онъ не могъ бы постичь! Искусство наставника состоитъ въ томъ, чтобы не направлять его наблюдательности на мелочи, ни съ чѣмъ не связанныя, но постоянно приближать его къ основнымъ отношеніямъ, съ которыми онъ долженъ со временемъ ознакомиться, чтобы пріобрѣсти правильное сужденіе о хорошемъ и дурномъ строѣ гражданскаго общества. Нужно умѣть приспособлять бесѣды, которыми занимаешь его, къ тому складу ума, который ему дали.

Изъ всѣхъ знаній, которыя могутъ доставить человѣку средства къ существованію, ручной трудъ больше всего приближаетъ его къ естественному состоянію; изъ всѣхъ званій самое независимое отъ судьбы и людей — это званіе ремесленника. Ремесленникъ зависитъ только отъ своего труда; онъ свободенъ,—на столько же свободенъ, на сколько земледѣлецъ есть рабъ, ибо послѣдній зависитъ отъ своего поля, сборами съ котораго можетъ овладѣть другой. Непрiятель, государь, сильный сосѣдъ, проигранная тяжба могутъ лишить его этого поля; съ помощью этого поля его можно притѣснять на тысячу манеровъ; но какъ только захотятъ притѣснить ремесленника, онъ сейчасъ же готовъ въ путь-дорогу: руки—при немъ, и онъ уходитъ. Несмотря на то, земледѣліе есть первое ремесло человѣка: оно самое честное, самое полезное, и слѣдовательно, самое благородное изъ всѣхъ, какими только можетъ онъ заниматься. Я не твержу Эмилю: «учись земледѣлію»,—онъ уже знакомъ съ нимъ. Всѣ полевые работы ему хорошо извѣстны: съ нихъ именно онъ и началъ, къ

нимъ же постоянно и возвращается. Итакъ, я говорю ему: «воздѣлывай наслѣдіе отцовъ твоихъ. Но если ты потеряешь это наслѣдіе или если у тебя нѣтъ его, тогда что дѣлать?—Учись ремеслу».

Дѣло не столько въ томъ, чтобы научить ремеслу ради самого знанія ремесла, сколько въ томъ, чтобы побѣдить предразсудки, выражающіеся въ презрѣніи къ нему. Вамъ никогда не придется зарабатывать свое пропитаніе. Ну что жъ?—тѣмъ хуже, тѣмъ хуже для васъ! Но все равно: работайте не по необходимости,—работайте ради славы. Снизойдите до званія ремесленника, чтобы стать выше вашего званія.

Помните, что не таланта я требую отъ васъ, а ремесла,—настоящаго ремесла, искусства чисто механическаго, при которомъ руки работаютъ больше головы, которое не ведетъ къ богатству, но даетъ возможность обойтись безъ него.

Я рѣшительно хочу, чтобы Эмиль обучался ремеслу.—«Честному, по крайней мѣрѣ, ремеслу», скажете вы? Что значитъ это слово? Развѣ не всякое ремесло, полезное для общества, честно?

8.

О довѣриі къ воспитателю.

Довѣріе Эмиля къ воспитателю должно быть иного рода: оно должно основываться на авторитетѣ разума, на превосходствѣ познаній,—на преимуществахъ, которыя молодой человѣкъ въ состояніи оцѣнить и въ которыхъ онъ видитъ для себя пользу. Долгій опытъ убѣдилъ его, что онъ любимъ своимъ руководителемъ, что руководитель этотъ—человѣкъ умный, просвѣщенный, желающій ему счастья и знающій, что можетъ доставить его. Онъ долженъ знать, что для собственной выгоды ему слѣдуетъ слушаться его совѣтовъ. А если бы наставникъ позволялъ обманывать себя, какъ ученика, онъ потерялъ бы право требовать отъ него уваженія и преподавать ему наставленія. Еще менѣе воспитанникъ долженъ предполагать, что наставникъ нарочно позволяетъ ему попадать въ ловушки и разставлять сѣти его простотѣ. Что же нужно дѣлать, чтобы избѣжать

одновременно того и другого неудобства? То, что всего лучше и всего естественнѣе: быть простымъ и правдивымъ, какъ онъ, предупреждать объ опасностяхъ, которымъ онъ подвергается; указывать на нихъ ясно, осязательно, но безъ преувеличенія, безъ недовольства, безъ педантическихъ выходокъ, въ особенности—не выдавая совѣтовъ за приказанія, пока они не станутъ приказаніями и пока этотъ повелительный тонъ не сдѣлается рѣшительно необходимымъ. Если онъ заупрямится и послѣ этого,—какъ это часто и будетъ случаться,—то прекратите всякіе разговоры: оставьте его на свободѣ, слѣдуйте за нимъ, подражайте ему, и все это—весело, чистосердечно; увлекайтесь, забавляйтесь, какъ и онъ, если это возможно. Если послѣдствія становятся слишкомъ серьезными, вы всегда—тутъ, чтобъ остановить его; а между тѣмъ молодой человѣкъ, будучи свидѣтелемъ вашей предусмотрительности и вашей снисходительности, какъ будетъ пораженъ одной и тронутъ другой! Всѣ его ошибки—это узы, которыя онъ даетъ вамъ, чтобы вы могли задержать его въ случаѣ нужды. А высшее искусство наставника состоитъ здѣсь въ томъ, чтобы вызвать случаи и такъ направлять увѣщанія, чтобы заранѣе знать, когда молодой человѣкъ уступитъ и когда будетъ упрямиться, чтобы всюду окружать его уроками опыта, не подвергая никогда слишкомъ большимъ опасностямъ.

ХІ.

Иммануиль Кантъ.

Великій мыслитель XVIII в., отецъ современной философіи, Иммануиль Кантъ родился 10 апрѣля 1724 г. въ городѣ Кенигсбергѣ. Онъ былъ сыномъ простого ремесленника; воспитывался подъ вліяніемъ матери, которая съ раннихъ лѣтъ внушала ему строгое благочестіе. 17 лѣтъ Кантъ поступилъ въ Кенигсбергскій университетъ, гдѣ съ любовью занимался математикой и естествознаніемъ. Занятіе математикой наложило особую печать на весь складъ мыслей будущаго философа. Желая посвятить себя педагогической дѣятельности, Кантъ, по окончаніи универ-

ситетскихъ занятій, въ 1746 г. принялъ мѣсто домашняго учителя, каковымъ и пробылъ въ теченіе девяти лѣтъ у разныхъ лицъ, принадлежащихъ къ высшему кругу.

Свою академическую дѣятельность Кантъ началъ въ университетѣ родного города, въ качествѣ приватъ-доцента математики, физики и философіи въ 1755 г. Съ этихъ поръ начинаются годы его возрастающей ученой славы. Лекторскій талантъ обратилъ на Канта вниманіе образованныхъ кружковъ въ Кенигсбергѣ, литературные труды распространили его славу по отечеству. Три его главнѣйшихъ сочиненія, въ которыхъ онъ развилъ и обосновалъ свою систему, а именно „Критика чистаго разума“ въ 1781 г., „Критика практическаго разума“ въ 1788 г. и „Критика способности сужденія“ въ 1790 г., поставили его сразу во главѣ философскаго движенія современной ему, богатой событіями и идеями эпохи: его система была преподаваема со всѣхъ профессорскихъ кафедръ нѣмецкихъ университетовъ, имѣла массу послѣдователей въ Голландіи и Англии, его имя упоминалось съ великимъ уваженіемъ во Франціи, достигло и до Россіи.

По словамъ историка педагогики Рауша, „понятіе долга, развитое Кантомъ въ его „Критикѣ практическаго разума“, дало прусскому народу въ тяжелыя времена извѣстную нравственную силу“. По Циллеру „внушить юношеству Кантовскій категорическій императивъ даже въ настоящее время—высокая задача воспитанія“.

При своей всеобъемлющей философской дѣятельности, Кантъ, естественно, не могъ не коснуться области воспитанія. „Эмилъ“ Руссо и школьныя реформы Базедова привлекли его особенное вниманіе. Высказать самостоятельно взгляды на задачи воспитанія Канту пришлось тогда, когда онъ въ 1776 г. приступилъ къ чтенію обязательныхъ лекцій по педагогикѣ. Самъ Кантъ не издавалъ specialнаго сочиненія по педагогикѣ; записки его „О педагогикѣ“ изданы ученикомъ его Ринкомъ въ 1803 году. Несмотря на отсутствіе системы, въ книгѣ содержится весьма много мѣткихъ и цѣнныхъ замѣчаній, которыми воспользовались и развили впослѣдствіи Нимейеръ, Гербартъ, Вильманъ и др.

Умеръ Кантъ 1 февраля 1804 г.

Для своихъ выдержекъ здѣсь мы воспользовались переводомъ „О педагогикѣ“ С. Любомудрова, изд. 1896 г.

Человѣкъ можетъ стать человѣкомъ только черезъ воспитаніе.

Человѣкъ можетъ стать человѣкомъ только черезъ воспитаніе. Онъ то, что дѣлаетъ изъ него воспитаніе. Слѣдуетъ замѣтить, что человѣкъ можетъ быть воспитанъ только человѣкомъ,—людьми, точно такъ же получившими воспитаніе. Поэтому недостатокъ въ дисциплинѣ и обученіи у нѣкоторыхъ людей дѣлаетъ ихъ, въ свою очередь, плохими воспитателями ихъ питомцевъ. Если бы когда-нибудь за наше воспитаніе взялось существо высшаго порядка, тогда, дѣйствительно, увидали бы, что можетъ выйти изъ человѣка. Но такъ какъ воспитаніе одному научаетъ человѣка, другое только развиваетъ въ немъ, то и нельзя знать, какъ далеко простираются у него природныя способности. Если бы въ данномъ отношеніи сдѣланъ былъ, по крайней мѣрѣ, опытъ, при содѣйствіи правителей и при соединенныхъ усиліяхъ многихъ лицъ, то уже одно это дало бы намъ разгадку относительно того, до чего приблизительно въ состояніи дойти человѣкъ.

Упущеніе въ дисциплинѣ—большее зло, нежели упущеніе въ культурѣ, ибо послѣднее можно наверстать еще и впослѣдствіи; дикость же нельзя искоренить, и упущеніе въ дисциплинѣ возмѣстить невозможно. Можетъ быть воспитаніе будетъ постепенно улучшаться, и каждое послѣдующее поколѣніе будетъ дѣлать шагъ дальше по пути къ усовершенствованію человѣчества, ибо въ воспитаніи кроется великая тайна усовершенствованія человѣческой природы. Теперь это можетъ осуществиться. Ибо лишь теперь начинаютъ судить правильно и давать себѣ ясный отчетъ въ томъ, что, собственно, принадлежитъ къ хорошему воспитанію. Заманчиво представить себѣ, что благодаря воспитанію человѣческая природа будетъ развиваться все лучше и лучше, и что ей можно придать такую форму, которая соотвѣтствовала бы идеалу человѣчности. Эта надежда открываетъ передъ нами въ перспективѣ будущее болѣе счастливое поколѣніе людей.

Планъ теоріи воспитанія—прекрасный идеаль, и не бѣда, если мы не въ состояніи тотчасъ же осуществить его. Только не слѣдуетъ сейчасъ же считать идею несбыточной и называть ее лишь прекраснымъ сномъ, хотя бы при ея осуществленіи и представлялись препятствія.

Идея есть не что иное, какъ понятіе о совершенствѣ, еще не осуществленномъ на опытѣ. Напримѣръ, идея о совершенномъ по правиламъ справедливости управляемомъ государствѣ. Развѣ она вслѣдствіе этого есть нѣчто невозможное? Прежде всего наша идея должна быть только правильна, и тогда она при всѣхъ препятствіяхъ, которыя стоятъ еще на пути къ ея осуществленію, все-таки не невозможна. Если бы, напримѣръ, всѣ лгали, развѣ вслѣдствіе этого правдивая рѣчь была бы только пустая фантазія? Идея воспитанія, которое развиваетъ всѣ природныя данныя въ человѣкѣ, во всякомъ случаѣ есть нѣчто истинное.

Въ человѣчествѣ заключено много зародышей, и наше дѣло—пропорціонально развивать природныя способности и раскрывать человѣческія свойства изъ самыхъ его зародышей, дѣлая такъ, чтобы человѣкъ достигалъ своего назначенія.

Воспитаніе есть искусство, примѣненіе котораго должно быть совершенствуемо въ теченіе многихъ поколѣній. Каждое поколѣніе, снабженное знаніями предыдущаго, можетъ болѣе и болѣе осуществлять такое воспитаніе, которое пропорціонально и цѣлесообразно развиваетъ всѣ природныя способности человѣка и такимъ путемъ ведетъ весь родъ человѣческой къ его назначенію.

Человѣкъ долженъ еще развивать свои способности къ добру. Провидѣніе не вложило ихъ въ него въ готовомъ уже видѣ; это только однѣ способности, безразличныя въ нравственномъ отношеніи. Самому себя совершенствовать, самому себя образовывать и, въ случаѣ склонности къ злу, развивать въ себѣ моральныя качества,—вотъ въ чемъ обязанности человѣка. По зрѣломъ размышленіи, придешь къ тому выводу, что это весьма трудно. Поэтому воспитаніе—величайшая проблема и труднѣйшая задача для человѣка. Разумность зависитъ отъ воспитанія, а воспитаніе, въ

свою очередь, зависит отъ разумности. Поэтому-то воспитаніе и можетъ подвигаться впередъ лишь постепенно и только благодаря тому, что одно поколѣніе передаетъ свои опыты и свѣдѣнія послѣдующему, а это прибавляетъ что-нибудь въ свою очередь и въ такомъ видѣ передаетъ ихъ дальнѣйшему поколѣнію, можетъ возникнуть правильное понятіе о способѣ воспитанія. Какую же, слѣдовательно, высокую культуру и опытность предполагаетъ это понятіе? Сообразно этому оно могло и возникнуть лишь въ позднѣйшее время, и мы сами еще не вполне себѣ его уяснили.

Такъ какъ развитіе природныхъ способностей у человѣка происходитъ не само собой, то всякое воспитаніе есть искусство.—Природа не вложила въ человѣка никакого инстинкта для этого. — Какъ происхожденіе, такъ и дальнѣйшее движеніе этого искусства бываетъ либо механическое, безъ плана, располагаемое смотря по даннымъ обстоятельствамъ, либо разумное. Механическое искусство воспитанія бываетъ лишь при случайныхъ обстоятельствахъ, когда мы узнаемъ, вредно или полезно что-либо человѣку. Всякое искусство воспитанія, проистекающее путемъ только механическимъ, должно заключать въ себѣ очень много ошибокъ и недостатковъ, такъ какъ въ основѣ его не лежитъ никакого опредѣленнаго плана. Слѣдовательно, искусство воспитанія, или педагогика, должно стать разумнымъ, разъ оно должно развивать человѣческую природу такъ, чтобы та достигала своего назначенія. Уже воспитанные родители представляютъ собою примѣры для подражанія, по которымъ образуются дѣти. Но если послѣднія должны становиться лучшими, то педагогика должна стать предметамъ изученія, въ противномъ случаѣ отъ нея нечего ожидать; иначе, извращенно воспитанный воспитываетъ такъ же извращенно и другого. Механизмъ въ искусствѣ воспитанія долженъ превратиться въ науку, и пусть тогда одно поколѣніе ниспровергнетъ то, что успѣло воздвигнуть другое.

Принципъ искусства воспитанія, который особенно должны были бы имѣть передъ глазами люди, составляющіе планы для воспитанія, гласитъ: дѣти должны воспитываться не для настоящаго, но для будущаго, возможно лучшаго со-

стоянія рода человѣческаго, т.-е. для идеи человѣчества, и сообразно его общему назначенію. Этотъ принципъ имѣетъ великое значеніе.

2.

Задачи воспитанія.

Итакъ, при воспитаніи человѣкъ долженъ: а) Быть дисциплинируемъ. Дисциплинировать значитъ стараться принимать мѣры противъ того, чтобы животная природа человѣка, будемъ ли мы разсматривать послѣдняго какъ отдѣльную особь или какъ члена общества, не шла въ ущербъ его чисто человѣческимъ свойствамъ. Слѣдовательно, дисциплина есть только укрощеніе дикости.

б) Человѣкъ долженъ быть культивируемъ. Культура обнимаетъ наставленіе и обученіе. Она есть сообщеніе навыковъ. Навыкъ—это обладаніе какой-либо способностью, достаточной для какихъ угодно цѣлей. Онъ, слѣдовательно, не опредѣляетъ ровно никакихъ цѣлей, но предоставляетъ это въ послѣдствіи обстоятельствамъ.

Иной навыкъ пригоденъ во всѣхъ случаяхъ, на примѣръ, чтеніе и письмо; другой—только для нѣкоторыхъ цѣлей, на примѣръ, музыка—для того, чтобы дѣлать насъ пріятными. Вслѣдствіе массы цѣлей навыки до извѣстной степени безконечны.

с) Слѣдуетъ обращать также вниманіе на то, чтобы человѣкъ былъ уменъ, пригоденъ для человѣческаго общества, былъ пріятенъ и чтобы онъ пользовался вліяніемъ. Сюда относится извѣстный родъ культуры, которую называютъ цивилизаціей. Для послѣдней необходимы манеры, вѣжливость и извѣстный тактъ, обладая которымъ можно пользоваться всѣми людьми для своихъ конечныхъ цѣлей. Цивилизація видоизмѣняется сообразно съ понятіями каждаго столѣтія. Такъ, назадъ тому нѣсколько десятковъ лѣтъ, очень любили различныя церемоніи въ обращеніи.

д) Должно смотрѣть за тѣмъ, чтобы воспитаніе имѣло морализующее вліяніе. Человѣкъ долженъ не только быть пригоднымъ для всякаго рода цѣлей, но и выработать въ себѣ такое настроеніе, чтобы избирать цѣли исключительно

добрыя. Добрыя цѣли суть такія, которыя по необходимости одобряются всѣми; онѣ же могутъ быть въ одно и то же время цѣлями каждаго.

Мы живемъ въ эпоху дисциплины, культуры и цивилизаціи, но еще далеко не въ эпоху морализаціи. При современномъ состояніи людей можно сказать, что благоденствіе государствъ возрастаетъ вмѣстѣ съ несчастіемъ людей. И еще вопросъ, не были ли бы мы счастливѣе въ дикомъ состояніи, при отсутствіи всей этой культуры, нежели въ нашемъ теперешнемъ положеніи. Въ самомъ дѣлѣ, какъ можно дѣлать людей счастливыми, не дѣлая ихъ нравственными и мудрыми? Вѣдь количество злого тогда не уменьшится.

Должно учредить экспериментальныя школы, прежде чѣмъ учреждать школы нормальныя.

Правда, обыкновенно воображаютъ, что опыты при воспитаніи не составляютъ необходимости, и что уже на основаніи простого разума можно судить, будетъ ли что-нибудь хорошо или нехорошо. Но въ этомъ жестоко ошибаются, и опытъ показываетъ, что при нашихъ попыткахъ часто происходятъ послѣдствія, совершенно обратныя тѣмъ, которыхъ мы ожидали. Изъ этого видно, что такъ какъ все основывается на опытахъ, то ни одно человѣческое поколѣніе не въ состояніи составить окончательнаго плана воспитанія.

3.

Дѣтей надо научить работать.

Весьма важно, чтобы дѣти научились работать. Лишь благодаря массѣ подготовительныхъ работъ человѣкъ доходитъ до того, чтобы быть въ состояніи располагать чѣмъ-либо для поддержанія своего существованія.

Человѣкъ долженъ быть занятъ такимъ образомъ, чтобы быть всецѣло поглощеннымъ той цѣлью, которую онъ имѣетъ передъ глазами, такъ чтобы совсѣмъ не замѣчать себя, и чтобы лучшій отдыхъ для него былъ послѣ работы. Ребенокъ, слѣдовательно, долженъ быть пріученъ къ работѣ. А гдѣ въ иномъ мѣстѣ должно привить эту склон-

ность къ работѣ, какъ не въ школѣ? Школа есть принудительная культура. Крайне вредно пріучать ребенка смотреть на все, какъ на игру. Должно быть время для отдыха, но должно быть также время и для работы. Если даже ребенокъ и не видитъ пока, къ чему служить это принужденіе, то все-таки въ будущемъ онъ пойметъ великую отъ того пользу.

Что касается культуры душевныхъ силъ, то слѣдуетъ наблюдать, чтобы она постоянно подвигалась впередъ. Она, собственно, должна касаться силъ высшихъ. Низшія постоянно развиваются параллельно, но только по отношенію къ высшимъ; остроуміе, на примѣръ, по отношенію къ разуму. При этомъ здѣсь главное правило то, что никакая душевная сила не должна быть культивируема отдѣльно сама по себѣ, но каждая только въ отношеніи къ другимъ; на примѣръ, сила воображенія только въ виду пользы разсудка.

4.

П р а в и л а .

Во всемъ томъ, что должно развивать разсудокъ, должны быть правила. Весьма полезно также извлекать правила, чтобы разсудокъ дѣйствовалъ не только механически, но съ сознаниемъ правила.

Весьма хорошо облекать правила въ извѣстную формулу, и такимъ путемъ внѣдрять ихъ въ память. Если мы держимъ правило въ памяти и забудемъ даже, какъ его примѣнять, то все-таки мы скоро снова найдемся. Правила должно заучивать при случаѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и распредѣлять ихъ по классамъ, ибо ихъ нельзя удержать, если не приведешь ихъ во взаимную связь между собой. Слѣдовательно, грамматика при языкахъ должна всегда идти нѣсколько впереди.

5.

Моральная культура.

Моральная культура должна основываться на принципахъ, не на дисциплинѣ. Послѣднее предотвращаетъ зло

употребленія, первое образуетъ способъ мышленія. Слѣдуетъ стремиться къ тому, чтобы ребенокъ привыкалъ дѣйствовать по принципамъ, а не по извѣстнымъ влеченіямъ. Благодаря дисциплинѣ остается только привычка, которая, однако, съ годами угасаетъ. Ребенокъ долженъ научиться дѣйствовать по принципамъ, въ справедливости которыхъ онъ самъ убѣжденъ. Легко можно видѣть, что этого трудно достигъ отъ маленькихъ дѣтей, и что поэтому моральное образованіе требуетъ со стороны родителей и учителей наибольшей предусмотрительности.

Если, на примѣръ, ребенокъ лжетъ, то слѣдуетъ его не наказывать, но относиться къ нему съ презрѣніемъ, говорить ему, что на будущее время ему не будутъ вѣрить и т. п. Если же наказывать ребенка за дурное и награждать его за доброе, то онъ будетъ дѣлать добро изъ-за выгоды. Когда онъ впоследствии будетъ жить въ свѣтѣ, гдѣ не всегда бываетъ такъ, и гдѣ онъ можетъ дѣлать добро, не получая награды, и зло, не получая наказанія: то изъ него выйдетъ человѣкъ, который только и будетъ смотрѣть, какъ бы ему хорошенько устроиться въ мірѣ, и который будетъ хорошимъ или дурнымъ, смотря потому, какъ онъ найдетъ для себя выгоду.

Принципы должны выходить изъ самаго человѣка. При моральной культурѣ должно заранѣе стараться привить дѣтямъ понятія о томъ, что хорошо и что дурно. Если хочешь заложить основы нравственнаго чувства, то не слѣдуетъ наказывать. Нравственность есть нѣчто до такой степени святое и возвышенное, что ее нельзя ни съ того ни съ сего унижить и поставить на одну доску съ дисциплиной. Первѣйшее стараніе при моральномъ воспитаніи—выработать характеръ. Характеръ состоитъ въ способности дѣйствовать по принципамъ. Вначалѣ это суть принципы школы, затѣмъ принципы человѣчества. Вначалѣ ребенокъ повинуется законамъ. Принципы суть также законы, но субъективные; они проистекаютъ изъ собственнаго ума человѣка. Ни одно нарушеніе школьнаго закона не должно остаться безнаказаннымъ, хотя наказаніе всегда должно быть соразмѣрно проступку.

Если хотятъ образовать характеръ у дѣтей, то тутъ многое зависитъ отъ того, чтобы имъ во всѣхъ дѣлахъ указывали извѣстный планъ, извѣстные законы, которымъ должно слѣдовать самымъ точнымъ образомъ. Такъ, напримеръ, имъ назначаютъ определенное время для сна, для работы, для забавъ, и его затѣмъ нельзя ни растягивать ни сокращать.

Люди, у которыхъ нѣтъ определенныхъ правилъ, ненадежны; часто не знаешь, какъ обойтись съ ними, и невозможно узнать навѣрное, какъ они сами къ чему-нибудь отнесутся.

Чтобы развить въ дѣтяхъ моральный характеръ, мы должны имѣть въ виду слѣдующее.

Съ тѣми обязанностями, которыя они должны исполнять, слѣдуетъ ихъ знакомить по возможности посредствомъ примѣровъ и приказаній. Обязанности, которыя долженъ исполнять ребенокъ, суть только обычныя обязанности по отношенію къ себѣ самому и къ другимъ. Слѣдовательно, эти обязанности должны быть извлечены изъ самой природы вещей.

XII.

Генрихъ Песталоцци.

Генрихъ Песталоцци родился 12 января 1746 г. Отецъ его былъ хирургъ и окулистъ. Но отецъ его умеръ очень рано, и на шестомъ году Песталоцци остался исключительно на попеченіи матери и служанки Бабели, которая самоотверженно служила осиротѣвшей семьѣ. Средствъ къ существованію было мало, и матери приходилось отказывать во всемъ, а Бабели слѣдить за каждой копеей, чтобы имѣть возможность пропитать и вырастить дѣтей. Эта суровая нужда и борьба съ ней, эта самоотверженность двухъ женщинъ оказали сильное вліяніе на характеръ Песталоцци, развивъ въ немъ, съ одной стороны, крайнюю нетребовательность, съ другой—необыкновенную отзывчивость къ нуждѣ другихъ, доходившую до самопожертвованія. Этимъ же женскимъ воспитаніемъ объясняются и другія черты въ характерѣ Песта-

лоцци, а также его взгляды на значеніе материнскаго воспитанія, высказываемые имъ неоднократно. Въ своемъ сочиненіи „Идеи относительно нравственно-религіознаго элементарнаго воспитанія“ онъ подчеркнулъ значеніе семьи и въ особенности значеніе преданной и заботливой матери.

Въ часовомъ разстояніи отъ Цюриха, на берегу озера находится деревня Гёнгъ, въ которой пасторомъ былъ дѣдъ Песталоцци по матери. Съ девятилѣтняго возраста Песталоцци ежегодно жилъ у дѣда по нѣскольку мѣсяцевъ. Онъ сопровождалъ его при посѣщеніи школы, бѣдныхъ и больныхъ крестьянъ, и при этомъ знакомился съ дѣйствительной жизнью народа, съ тѣми ея сторонами, которыя недоступны простому постороннему наблюдателю и описаніе которыхъ такъ живо сдѣлано въ его „Лингардъ и Гертрудъ“.

Здѣсь онъ познакомился съ тѣми бѣдами, которыя терпѣлъ простой народъ, и съ развращающимъ вліяніемъ фабрикъ. Начальная школа, въ которую поступилъ Песталоцци, мало дала ему; въ 1760 г. онъ поступилъ въ коллегію—въ низшіе классы, а въ 1764 г.—въ высшіе. Здѣсь онъ изучилъ богословіе и готовился стать священникомъ.

Въ 1762 г. познакомился съ „Эмилемъ“ Руссо и былъ отъ него въ восторгѣ. По окончаніи курса коллегіи Песталоцци вскорѣ отказался отъ своего первоначальнаго намѣренія сдѣлаться пасторомъ и рѣшилъ посвятить себя сельскому хозяйству. Съ этою цѣлью онъ купилъ небольшое имѣнье, а потомъ на занятые деньги увеличилъ его размѣры (ферма Нейгофъ). Родственникъ его жены, банкиръ Шультезь, далъ Песталоцци займы 15 тыс. флориновъ для разведенія марены. Но скоро хозяйственныя дѣла на фермѣ Нейгофъ пошли дурно. Непрактичный и довѣрчивый Песталоцци запутался въ своемъ предпріятіи, и банкиръ Шультезь скоро взялъ обратно свои деньги. Песталоцци долженъ былъ сознаться, что „погибла мечта его жизни и надежда на сферу обширной и плодотворной дѣятельности“. Благодаря тестю дѣло было благополучно ликвидировано; утѣшеніемъ для Песталоцци служило въ это время рожденіе и воспитаніе сына, за которымъ онъ самъ ухаживалъ.

Имѣя сношенія съ мѣстнымъ населеніемъ, Песталоцци скоро замѣтилъ, что осиротѣлыя дѣти, которыя отдаются крестьянамъ

на воспитаніе, въ сущности берутся ими исключительно ради выгоды. О воспитаніи ихъ никто не заботился. Песталоцци задумалъ основать благотворительно-воспитательное заведеніе и обратился за помощью къ своимъ знакомымъ. Мысль понравилась, на нее откликнулись очень многіе. И въ концѣ 1771 г. возникло въ Нейгофѣ благотворительно-воспитательное заведеніе, куда Песталоцци былъ уже въ состояніи принимать дѣтей.

Собирая къ себѣ нищихъ-дѣтей, дѣтей-бродягъ, сиротъ, принимая ихъ къ себѣ грязными, нерѣдко покрытыми язвами и струпьями, Песталоцци обмывалъ и одѣвалъ ихъ и старался поправить ихъ здоровье. Онъ выказывалъ къ нимъ отеческое расположеніе, отдавалъ имъ лучшій кусокъ, постоянно былъ съ ними, работалъ вмѣстѣ съ ними въ саду, въ полѣ и дома. Въ то же время Песталоцци ни на минуту не упускалъ изъ виду другой важной задачи такого учрежденія—нравственнаго воспитанія. Для того, чтобы вліять нравственно на собранныхъ имъ дѣтей, Песталоцци положилъ въ основаніе своего обращенія съ дѣтьми и ихъ воспитанія—принципъ любви. Любовь должна была пробудить въ ребенкѣ все благородное и великое, вызвать и съ его стороны любовь, этого ангела-хранителя людей. Кроме того, Песталоцци старался содѣйствовать тому, чтобы въ бѣднякѣ развилось чувство собственнаго достоинства путемъ сознанія своихъ внутреннихъ силъ. Однако непрактичный Песталоцци и здѣсь запутался въ долгахъ; все, что было у его жены, было прожито, и въ 1780 г. онъ былъ вынужденъ распустить дѣтей и бросить все дѣло.

Несмотря на крушеніе своего предпріятія, Песталоцци не палъ духомъ, не измѣнилъ своихъ взглядовъ на народное образованіе и не отказался отъ своего намѣренія посвятить ему всѣ свои силы. Не имѣя возможности практически ссуществлять свои идеи, Песталоцци обратился къ литературной дѣятельности. Въ февралѣ 1781 г. появилась первая часть „Лингарда и Гертруды“. Сочиненіе это, гуманное по духу, правдивое до мелочей и художественное по исполненію, произвело громадное впечатлѣніе. Песталоцци вдругъ выросъ въ глазахъ своихъ современниковъ. Бернское экономическое общество присудило ему золотую медаль. Въ 1783 г. появилась вторая часть, въ 1785—третья, а въ 1787—четвертая.

Морфи въ своей біографіи Песталоцци резюмируетъ ходъ идей Песталоцци, насколько онѣ выражены въ „Лингардѣ и

Гертрудъ“; на распорядкахъ и дѣйствіяхъ Гертруды въ домашнемъ быту Глюфи основываетъ свою школу; съ домашнимъ порядкомъ Гертруды и педагогической системой Глюфи пасторъ Эрнстъ согласуетъ заботу о нравственности, и дѣйствія этихъ трехъ лицъ въ семьѣ, школѣ и церкви Арнеръ умѣетъ привести въ такую связь съ высшими государственными цѣлями, что изъ взаимодействія четырехъ первоначальныхъ институтовъ челоуѣчества происходитъ истинное народное образованіе и облагороженная народная жизнь.

Въ 1798 г. французы произвели перемѣну въ государственномъ устройствѣ Швейцаріи, провозгласивъ единую и нераздѣльную Гельветическую республику, при чемъ эта перемѣна обошлась не безъ кровопролитія: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, встрѣтивъ сопротивленіе, они опустошили страну и даже сожгли городъ Станцъ. Въ результатѣ явилось не мало пострадавшихъ, осталось много сиротъ. Въ виду такого бѣдствія, директорія рѣшила устроить въ Станцѣ пріютъ для осиротѣлыхъ дѣтей и поручить его управленіе Песталоцци. Въ январѣ 1799 г. пріютъ былъ открытъ въ зданіи монастыря, и въ него сразу поступило до 50 дѣтей, къ веснѣ ихъ число увеличилось до 80. Поступившія дѣти, по словамъ Песталоцци, были нерѣдко въ лохмотьяхъ, худыя, какъ скелеты, со страхомъ въ глазахъ, нѣкоторыя были наглы, съ привычками попрошайничества, другія были подавлены бѣдствіемъ; лѣность и недѣятельность, недостатокъ въ духовномъ и физическомъ развитіи были общи всѣмъ. Изъ 10 дѣтей едва ли одинъ зналъ азбуку. Но уже черезъ мѣсяць по открытіи пріюта правительственный комиссаръ удивлялся успѣхамъ дѣтей въ пріютѣ. Дѣти перестали относиться съ недоуверіемъ и полюбили Песталоцци, жажда знанія пробудилась. Главная задача, которую поставилъ себѣ и здѣсь Песталоцци, заключалась не въ обученіи собранныхъ дѣтей, а въ ихъ нравственномъ усовершенствованіи. Единственное средство для этого была любовь, но она выражалась не на словахъ только, а на дѣлѣ. Песталоцци съ утра до вечера былъ среди дѣтей, готовый всегда оказать нуждающемуся помощь и поддержку. Такимъ образомъ въ своей системѣ воспитанія въ Станцѣ Песталоцци хотѣлъ подражать тѣмъ способамъ, которые составляютъ достоинство воспитанія домашняго. По его мнѣнію, только тогда обще-

ственное воспитаніе будетъ имѣть значеніе, когда приметъ въ расчетъ условія домашней жизни: воспитатель долженъ быть отцемъ со всей его преданностью, школа—семьей. Однако и въ Станцѣ дѣятельность Песталоцци продолжалась недолго. Когда въ Станцѣ вступили австрійцы, монастырь, занимаемый приютомъ, надо было очистить для помѣщенія войскъ. Песталоцци принужденъ былъ закрыть приютъ и распустить дѣтей. Вскорѣ онъ поселился въ Бургдорфѣ и получилъ очень скромное мѣсто помощника учителя въ начальной школѣ. 24 октября 1800 г. Песталоцци получилъ возможность открыть въ Бургдорфѣ среднюю школу и къ ней присоединилъ учрежденіе для бѣдныхъ дѣтей и учительскую семинарію. Въ новой школѣ Песталоцци старался придерживаться выработанныхъ имъ правилъ; рассказываютъ, что одинъ крестьянинъ, отецъ ученика, зайдя въ школу и увидя ту непринужденность, которая въ ней царила, воскликнулъ: „Да это не школа, а семья!“ — „Вы не могли воздать мнѣ большей похвалы“, замѣтилъ на это Песталоцци.

Съ 1804 г. институтъ Песталоцци былъ переведенъ изъ Бургдорфа въ Мюнхенбухзее, а затѣмъ въ Ифертъ (Ивердѳнъ). Съ внѣшней стороны положеніе института въ Ифертѣ было блестящее, вниманіе всей Европы было обращено и на учрежденіе и на учредителя. Правительства (напр., прусское) посылали сюда молодыхъ людей для ознакомленія съ методомъ Песталоцци, чтобы примѣнить его методъ въ своихъ школахъ; другіе пріѣзжали сюда сами, чтобы пополнить свое образованіе. Но съ самаго основанія институтъ былъ обреченъ на короткое существованіе. Песталоцци всю свою жизнь стремился осуществить идею учрежденія воспитательнаго, гдѣ бы на первомъ планѣ стояло нравственное развитіе учениковъ, между тѣмъ Ивердѳнскій институтъ оказался учрежденіемъ не воспитательнымъ, а образовательнымъ: сюда приходили люди съ разныхъ концовъ Европы для того, чтобы застать необходимые познанія. Въ 1825 г. Песталоцци распустилъ институтъ и удалился къ своему внуку въ Нейгофъ. Это было послѣднее его предпріятіе. 11 февраля 1827 г. Песталоцци скончался ¹⁾.

---

1) Свѣдѣнія о Песталоцци сообщаются здѣсь на основаніи: «Очерка жизни и дѣятельности Г. Песталоцци», помѣщеннаго въ I т. «Избранныхъ его сочиненій» въ переводѣ В. Смирнова. Москва. 1893 г.

Мы дѣлаемъ выдержки изъ III т. избранныхъ сочиненій Г. Песталоцци. Мелкія сочиненія въ переводѣ В. Смирнова. Москва. 1896 г. Новое изданіе 1909 г.

1.

О работѣ въ Станцѣ.

Дѣти учили дѣтей. Они старались привести въ исполненіе то, что, по моимъ словамъ, они должны были дѣлать и такимъ образомъ сами отыскивали для этого разнообразныя средства; и эта многосторонне развивающаяся самостоятельность при началѣ ученія сильно содѣйствовала оживленію и укрѣпленію убѣжденія, что всякое истинное, всякое развивающее обученіе слѣдуетъ извлекать изъ самихъ дѣтей и въ нихъ самихъ породить его. И къ этому убѣжденію привела меня по преимуществу нужда. Такъ какъ у меня совсѣмъ не было сотрудниковъ, то я сажалъ болѣе способнаго ребенка между двумя неспособными; первый обнималъ вторыхъ обѣими руками, говорилъ имъ, что самъ зналъ, а они учились, повторяя за нимъ чего не знали. Они сидѣли рядомъ другъ съ другомъ съ сердечной любовью, ихъ оживляли радость и участіе, и ихъ пробудившаяся внутренняя жизнь развивала и тѣхъ и другихъ, такъ какъ только благодаря этому взаимодѣйствию и можно было имъ развиться.

Въ Станцѣ у меня были и такія дѣти, силы которыхъ, еще не ослабленныя утомленіемъ, происходящимъ отъ нерациональнаго школьнаго и домашняго воспитанія, развились быстрѣе. Это были совсѣмъ иного рода люди; даже ихъ бѣдняки были совсѣмъ не похожи на городскихъ бѣдняковъ и на слабыхъ дѣтей изъ нашихъ земледѣльческихъ и винодѣльческихъ округовъ.

Я видѣлъ силу человѣческой природы и ея особенности въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ и совершенно открыто; порча подобныхъ дѣтей была порчей людей здоровыхъ,—громадная разница между ней и порчей, какъ результатомъ безнадежнаго расслабленія и полного изуродованія, другими словами, между ней и между искусственной, полученной въ школѣ негодностью.

Я видѣлъ на ряду съ этимъ невольнымъ невѣжествомъ такую способность наблюдать и такое прочное усвоеніе узнаннаго и видѣннаго, о которомъ и понятія не имѣли наши азбучныя куклы. Я узналъ на нихъ—я былъ бы слѣпъ, если бы не узналъ этого—естественныя отношенія, въ которыхъ должны находиться реальныя знанія къ словеснымъ; я узналъ на нихъ, какой вредъ могло причинить истинному умѣнію наблюдать и прочному усвоенію окружающихъ насъ предметовъ одностороннее словесное знаніе и лишенное какой-либо основы довѣріе къ словамъ, которыя сами по себѣ только простой звукъ.

Вотъ чего я добился въ Станцѣ. Я чувствовалъ, что имѣю достаточно опытности для того, чтобы основать обученіе народа на психологическомъ фундаментѣ, чтобы положить въ основу этого обученія истинныя знанія, основанныя на наблюденіи, и чтобы обнаружить всю пустоту и поверхностность его словеснаго блеска. Я чувствовалъ, что я въ состояніи рѣшить проблему для человѣка, одареннаго проницательностью и непредубѣжденностью, но предубѣжденную толпу, потерявшую всякую способность летать и плавать, какъ гуси, которыхъ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ они вылупились изъ яйца, кормили въ хлѣву и въ кухнѣ—эту предубѣжденную толпу я не могъ еще увѣрить въ справедливости того, что самъ хорошо зналъ.

2.

Форма, число и слово.

Первый курсъ въ книгѣ матерей есть не что иное, какъ попытка само наблюденіе возвысить до степени искусства и довести дѣтей во всѣхъ элементарныхъ отдѣлахъ ихъ знаній, въ формѣ, числѣ и словѣ, до полнаго знакомства со всякаго рода наблюденіемъ, болѣе точное понятіе о которомъ составитъ основу ихъ послѣдующихъ знаній. Эта книга должна содержать въ себѣ не только самыя полныя описанія главнѣйшихъ фактовъ нашего знанія, но матеріаль для цѣлаго ряда этихъ предметовъ, которые, уже при пер-

вомъ взглядѣ дѣтей на нихъ, могли бы возбудить у послѣднихъ чувство связи и сходства этихъ предметовъ со многими другими.

3.

М е т о д ъ .

Существуетъ только одинъ методъ обученія и двухъ методовъ въ этомъ отношеніи быть не можетъ—только одинъ методъ хорошъ, именно тотъ, который вполнѣ основывается на вѣчныхъ законахъ природы; но дурныхъ безконечно много, и дурное качество каждаго изъ нихъ возрастаетъ по мѣрѣ того, какъ онъ отступаетъ отъ законовъ природы, и уменьшается по мѣрѣ того, какъ онъ все точнѣе слѣдуетъ этимъ законамъ. Я хорошо знаю, что единственно хорошей методъ не находится ни въ моихъ рукахъ, ни въ рукахъ кого-либо другого, и что мы всѣ можемъ только до известной степени приблизиться къ этому единственно хорошему методу. Но его совершенство и законченность должны быть цѣлью всѣхъ тѣхъ, которые стараются ставить истину въ основу человѣческаго обученія, при помощи послѣдняго удовлетворять человѣческую натуру и исполнять ея существенныя требованія; и вотъ въ этомъ-то отношеніи, о которомъ я говорю, я всѣми имѣющимися въ моемъ распоряженіи силами стою за этотъ способъ обученія, и относительно сужденія о моемъ дѣлѣ, равно какъ относительно сужденія о дѣйствіяхъ всѣхъ тѣхъ, которые стремятся къ той же цѣли, я держусь одного только правила: по плодамъ ихъ узнаете ихъ. Сила мужа, чувство и умъ матери, какъ слѣдствіе каждаго метода обученія, служатъ для меня единственнымъ указателемъ внутренняго его достоинства; каждый же методъ, который на челѣ ученика выжигаетъ знакъ подавленныхъ природныхъ способностей и недостатка въ отцовскомъ чувствѣ и материнскомъ умѣ, такой методъ осуждается мною, какія бы ни были въ немъ иныя преимущества. Правда, я не спорю, что и такой методъ можетъ создать хорошихъ портныхъ, сапожниковъ, купцовъ и солдатъ, но я оспариваю то, что онъ можетъ создать такого портного или купца,

который будетъ человѣкомъ въ высшемъ смыслѣ этого слова. О, если бы люди хоть разъ хорошенько поняли, что цѣль всякаго обученія заключается и ни въ чемъ другомъ не можетъ заключаться, какъ въ самой человѣчности, развитой и вызванной къ жизни гармоническимъ развитіемъ силъ и способностей человѣческой природы. Если бы они спрашивали себя при каждомъ дальнѣйшемъ шагѣ въ своемъ развитіи и обученіи: дѣйствительно ли это ведетъ къ этой цѣли? Я хочу еще разъ указать на вліяніе, которое ясныя понятія оказываютъ на самую суть развитія человѣчности. Ясными понятіями для ребенка представляются лишь тѣ, къ ясности которыхъ ничего больше не можетъ прибавить его опытъ. Этотъ принципъ, прежде всего, указываетъ на послѣдовательность въ развитіи силъ и способностей, посредствомъ которыхъ можно будетъ постепенно достигнуть ясности всѣхъ понятій; во-вторыхъ, на послѣдовательность, въ которой слѣдуетъ начинать и продолжать съ дѣтьми упражненія въ опредѣленіи предметовъ, и, наконецъ, на время, когда всякаго рода опредѣленія могутъ заключать въ себѣ для ребенка дѣйствительныя истины.

Очевидно, что ясность понятій надо выработать въ ребенкѣ посредствомъ обученія, прежде чѣмъ можно будетъ предположить въ немъ способность понимать результаты этой ясности, т.-е. понятія очевидныя, или скорѣе словесное ихъ изложеніе. Путь къ достиженію очевидныхъ понятій основывается на соотвѣтствующей дѣтскому уму постановкѣ самаго процесса выясненія всѣхъ предметовъ, ясности которыхъ добиваются. Эта постановка, въ свою очередь, основывается на соединеніи всѣхъ искусственныхъ способовъ, при помощи которыхъ дѣти приобрѣтаютъ способность опредѣленно выражаться о качествахъ всѣхъ вещей, и особенно о мѣрѣ, числѣ и формѣ каждаго предмета. Этимъ, а не инымъ путемъ ребенокъ можетъ приобрѣсти познаніе предмета, охватывающее самую сущность послѣдняго во всемъ ея объемѣ, а черезъ это и способность опредѣлять его, т.-е. въ высшей степени точно и кратко выразить словами его сущность во всемъ ея объемѣ. Между тѣмъ всѣ опредѣленія, т.-е. всѣ подобныя точныя, словесныя изложе-

нія сущности какого-либо предмета лишь постольку заключаютъ въ себѣ существенныя для ребенка истины, насколько онъ живо и ясно созналъ матеріальную основу сущности этихъ предметовъ. Если ребенокъ не наблюдаетъ съ величайшей ясностью описанный ему матеріальный предметъ, то въ такомъ случаѣ онъ лишь учится играть словами, обманывать самого себя и слѣпо вѣрить въ слова, звуки которыхъ не дадутъ ему никакого понятія, не наведутъ его ни на какую мысль, кромѣ той, что онъ самъ произнесъ извѣстный звукъ.

4.

О значеніи любви.

Каждый болѣе глубокой изслѣдователь человеческой натуры въ концѣ-концовъ долженъ признать, что образованіе, даваемое человѣку, не имѣетъ другой цѣли, кромѣ гармоническаго развитія силъ и способностей, совмѣстное присутствіе которыхъ дѣлаетъ изъ него самого, при помощи Божіей, святое сложное цѣлое. Въ результатѣ своего изслѣдованія онъ все-таки долженъ признать: человѣкъ только тогда становится тѣмъ, чѣмъ долженъ быть, когда онъ достигнетъ того, что тѣ, которымъ онъ обязанъ своей жизнью, тѣ, которые ему обязаны своею жизнью, равно какъ и тѣ, которые даны ему судьбой въ видѣ болѣе отдаленныхъ узъ—его сосѣди, его односельчане и соотечественники, въ особенности же покинутые, страдающіе и угнетенные среди нихъ,—скажутъ о немъ: онъ былъ такимъ человѣкомъ, на умъ, сердце и знаніе котораго можно было положиться; онъ выказывалъ здравый смыслъ во всемъ, о чемъ судилъ, во всемъ, что онъ совѣтовалъ, что онъ предпринималъ и въ чемъ помогалъ; онъ выказывалъ сильный характеръ, способный на всякое усиліе и твердость, и во всякомъ дѣлѣ, которое ему по сердцу, неподкупную справедливость, любовь ко всѣмъ людямъ и высокое чувство, способное на всякое разумное самопожертвованіе; и такъ какъ результаты его развитого ума, его высокаго чувства и его развитой способности къ дѣйствию взаимно переплета-

лись во всемъ кругѣ его дѣятельности, то все, что онъ дѣлалъ, неизбѣжно должно было удовлетворять его самого и всѣхъ, находящихся съ нимъ въ какихъ-либо сношеніяхъ. Черезъ это-то его и признаютъ человѣкомъ, какимъ всѣ должны быть, и всѣ станутъ почитать и любить его, какъ такого.

Человѣкъ же, который хочетъ довести своего ребенка до подобнаго совершенства, будетъ ли онъ глубокой изслѣдователь человѣческой природы, или просто разумный человѣкъ, все мышленіе котораго проявляется въ его дѣлахъ, какъ древесный плодъ виситъ и зрѣетъ на вѣтви, такой человѣкъ, желая сдѣлать изъ своего ребенка то, чѣмъ онъ можетъ и долженъ быть по своей природѣ, прежде всего долженъ спросить себя: во-первыхъ, что есть въ самомъ ребенкѣ, а во-вторыхъ, въ его окружающихъ и въ его условіяхъ такого, чѣмъ природа пользуется для развитія всѣхъ людей, и что она указываетъ и даетъ въ качествѣ прочнаго основанія и надежнаго руководства для подобнаго искусства? Отвѣтъ на этотъ второй вопросъ вполне зависитъ отъ отвѣта на первый, и только послѣ достаточнаго вниманія къ нему и разрѣшенія его возможно отвѣтить на второй. Если мы уразумѣемъ и тотъ и другой, то окажется, что способность къ чувству, мысли и дѣйствию въ самомъ ребенкѣ, побужденіе къ этому внѣ его—вотъ и все, чѣмъ пользуется природа для того, чтобы развить человѣка согласно съ его натурой, все, что она указываетъ и даетъ, какъ прочный фундаментъ и надежное руководство, для достиженія конечной цѣли воспитательнаго искусства. Изъ чувства, изъ дѣятельности и изъ побужденія къ тому и къ другой вытекаетъ проявленіе силъ со стороны человѣка, а со стороны всего человѣчества проявленіе усовершенствованія человѣческаго рода во всѣхъ отрасляхъ его культуры; и жизнь человѣка и человѣческаго рода, разсматриваемая вообще, есть не что иное, какъ постоянное проявленіе и общая смѣна чувствъ, дѣвій и побужденій къ тому и другому. Если же посмотрѣть на всѣ чувства, дѣвія и побужденія къ тому и другому, то окажется, что святое, доброе, развивающее, все, ведущее человѣка къ гармониче-

скому совершенствованію во всемъ этомъ, вытекаетъ изъ одного общаго центра, а этотъ послѣдній упорядочиваетъ, руководитъ, оживляетъ и ограничиваетъ все это на основаніи высшаго смысла нашей внутренней, природной святости.

И несомнѣнно, что среди всей совокупности человѣческихъ чувствъ, чувство любви въ ребенкѣ есть именно то чувство, которое одно въ чистомъ видѣ выражаетъ высокій смыслъ человѣческой природы, и что чувство любви и есть то средоточіе, которое должно упорядочивать, исправлять и ограничивать всѣ остальные чувства, чтобы они оставались въ полной гармоніи съ высшимъ смысломъ нашей природы.

Въ то же время во всѣхъ человѣческихъ поступкахъ проявляется духовная дѣятельность, которая, зарождаясь въ нашей природѣ изъ любви и вмѣстѣ съ любовью, въ чистомъ видѣ выражаетъ сущность этого высокаго чувства, та дѣятельность, которая должна направлять все остальное человѣческое дѣйствіе, упорядочивать его, оживлять и ограничивать, если надо добиваться гармоническаго и полнаго развитія нашихъ природныхъ способностей, а черезъ это—дѣйствительнаго и вѣрнаго ихъ улучшенія. Любовь и вмѣстѣ съ любовью происходящая въ ребенкѣ духовная дѣятельность есть, стало-быть, общій положительный и неизмѣнный основной пунктъ, отъ котораго проистекаетъ и должно проистекать развитіе всѣхъ способностей, содѣйствующихъ нашему усовершенствованію.

Каждый кусокъ хлѣба, съѣдаемый ребенкомъ, если его даетъ ему любящая мать, становится для развитія его любви и дѣятельности совсѣмъ инымъ, чѣмъ если бы онъ нашелъ этотъ кусокъ на улицѣ или получилъ изъ чужихъ рукъ. Чулокъ, который мать вяжетъ ему на его глазахъ, представляетъ изъ себя для развитія его любви и дѣятельности совсѣмъ иное, чѣмъ чулокъ, покупаемый имъ на рынкѣ или въ другомъ мѣстѣ, и который онъ надѣваетъ, не зная, откуда онъ попалъ въ его руки. Впечатлѣніе, производимое любовью матери и доставляющее ребенку какое-нибудь удовольствіе, есть впечатлѣніе нѣкоторой неумирающей высшей внутренней жизни, оно есть впечатлѣніе отъ

охватывающаго все существо ребенка побужденія къ взаимной любви, къ благодарности, къ довѣрію и ко всякой внутренней и внѣшней дѣятельности, до которой могутъ насъ возвысить возбужденныя этимъ впечатлѣніемъ наши природныя способности.

Отсюда ясно, почему семейная жизнь должна быть признаваема единственнымъ внѣшнимъ основаніемъ, даннымъ самимъ Богомъ для истиннаго человѣческаго образованія. Въ ней одной заключается вся прелесть, всѣ мотивы и даже вся необходимость и все принужденіе, при помощи которыхъ природа развиваетъ въ насъ и укрѣпляетъ всѣ человѣческія способности. Узы семейной жизни, собственно есть узы любви, и вслѣдствіе этого они и есть то средство, которое дано намъ Богомъ для возбужденія всякой дѣятельности въ духѣ любви.

Въ своей чистотѣ эта жизнь есть самое высокое, самое возвышенное, что только можно придумать для воспитанія нашего рода и о чемъ только можно мечтать. Это безусловно вѣрно: разъ въ семейномъ кругу находится и настоящая любовь, дѣятельность въ духѣ любви, то относительно этого дома можно заранѣе сказать, что тамъ въ сущности почти что не можетъ быть недостатка ни въ какомъ воспитаніи; что тамъ ребенокъ не можетъ не сдѣлаться хорошимъ. Удача его воспитанія въ этомъ отношеніи почти обезпечена, и можно съ увѣренностью сказать: гдѣ ребенокъ не выглядитъ благожелательнымъ, сильнымъ и дѣятельнымъ, виновато въ этомъ то, что его любовь и его дѣятельность въ духѣ любви не находили для себя въ семейной жизни пищи и руководства, какъ бы слѣдовало. Вездѣ, гдѣ ребенокъ находитъ это, онъ становится добрымъ и сильнымъ. Иначе и быть не можетъ.

5.

Идея элементарнаго образованія.

Въ юности я тысячу разъ слышалъ въ обыкновенныхъ семьяхъ, при самыхъ различныхъ обстоятельствахъ: «ребенокъ, съ младенчества наученный молиться, думать и рабо-

татъ, уже наполовину воспитанъ». И правда, ребенокъ, съ младенчества привыкшій ежедневно молиться отъ всего сердца и благоговѣйно обдумывать въ теченіе всего дня все, что дѣлаетъ и говорить, и все дѣлать старательно и изо всѣхъ силъ, заранѣе подготовленъ ко всему, чѣмъ онъ долженъ и обязанъ стать въ свѣтѣ, слѣдовательно, хорошо воспитанъ. Это великое слово, такъ запечатлѣнное въ душѣ стараго поколѣнія и такъ обезсиленное и сглаженное въ легкомысленномъ молодомъ поколѣніи, находитъ въ идеѣ элементарнаго образованія свой подкрѣпляющій элементъ, и чѣмъ глубже вникаю я въ это слово, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что всѣ средства элементарнаго образованія вытекаютъ изъ простаго, естественнаго процесса, при помощи котораго истинный смыслъ молитвы, размышленія и работы, развивается въ ребенкѣ въ духѣ любви и вѣры и запечатлѣвается въ немъ, такъ что, слѣдовательно, каждый ребенокъ, буквально съ колыбели воспитанный въ духѣ элементарной идеи, въ силу этого подготовленъ ко всему, чѣмъ онъ хочетъ быть и стать въ этомъ мірѣ.

И въ нравственномъ отношеніи справедливо, что основной принципъ идеи элементарнаго образованія—связавъ съ семейной жизнью всѣ средства къ образованію и воспитанію дѣтей—способенъ утвердить вѣру и любовь на великой общей основѣ нравственности и религіозности, на родительскомъ и дѣтскомъ чувствѣ человѣческой природы, и со всѣмъ искусствомъ и со всею силою своего вліянія возвыситъ это вначалѣ инстинктивное чувство до степени развитой отцовской энергіи и материнской любви и упрощеніемъ своихъ средствъ укрѣпитъ и оживитъ воспитательныя способности милліоновъ родителей, во всѣхъ сословіяхъ, и въ нравственномъ и въ религіозномъ отношеніи. Въ умственномъ отношеніи мы находимъ въ элементарно упрощенномъ ученіи о рѣчи, числѣ и формѣ всю совокупность средствъ съ первыхъ ихъ зародышей къ естественному развитію ума. Элементарное обученіе рѣчи, примыкающее къ элементарному развитію наблюдательной способности, приводитъ ребенка подъ руководствомъ природы и съ ея энергіей къ правильному выраженію всѣхъ впечатлѣній,

произведенныхъ на него окружающими его предметами наблюденія, и элементарное ученіе о числѣ и формѣ, вслѣдствіе психологической упрощенной постановки его средства, можетъ сдѣлать ребенка способнымъ сопоставлять, раздѣлять, сравнивать предметы, узнанные благодаря наблюденію и черезъ это быть въ состояніи обрабатывать ихъ въ себѣ логически и судить о нихъ. Оно, элементарное ученіе о формѣ и числѣ, въ сущности есть чистое и для всѣхъ сословіи и людей одинаково плодотворно примѣнимое развитіе самой мыслительной способности, которая, такъ сказать, съ колыбели дѣлаетъ привычнымъ размышленіе и раздумье для человѣка, въ какомъ бы состояніи и условіяхъ онъ ни находился, и при этомъ ни идущаго за плугомъ, ни занимающагося ремесломъ, ни какого другого человѣка не отвлекаетъ отъ этихъ занятій, а вообще приводитъ его къ разсмотрѣнію своего положенія и къ размышленію о достойномъ пользованіи имъ. Многіе опыты указываютъ намъ, что даже на высшихъ ступеняхъ нашей культуры этого не достигаютъ нашими современными рутинными средствами, что, напротивъ, многіе люди, получившіе такимъ способомъ даже научное образованіе, при подобномъ воспитаніи совсѣмъ не могутъ, при своемъ положеніи и при своихъ условіяхъ, усвоить себѣ серьезное, пытлиное мышленіе, пригодное для этихъ послѣднихъ.

Если мы станемъ смотрѣть на положительный ходъ развитія всѣхъ искусствъ и наукъ, безъ отношенія къ идеѣ элементарнаго образованія, то увидимъ, это фактъ, что все, что когда-либо въ научномъ или художественномъ отношеніи солидно заучивается, вытекаетъ изъ внутренняго познанія принциповъ, взглядовъ и средствъ, лежащихъ въ основѣ идеи элементарнаго образованія. Все равно сопровождается ли это яснымъ сознаніемъ, или живетъ въ немъ, какъ темное предчувствіе, лишь бы только оно было, обнаруживалось и проявлялось въ немъ въ видѣ благодатной способности ихъ примѣненія; и это часто встрѣчается во многихъ состояніяхъ и при многихъ условіяхъ у людей, которымъ буквально неизвѣстно самое имя «идеи элементарнаго образованія», не говоря уже о дѣйствительномъ

знаніи ея приѣмовъ и средствъ. Психологически глубже идущіе знатоки всѣхъ наукъ вообще сходятся въ принципѣ, что способы изученія и преподаванія всякой науки и всякаго искусства, особенно въ его элементарныхъ частяхъ, должны быть упрощены какъ можно болѣе. И если они сами и при величайшемъ недостаткѣ простоты въ элементарныхъ частяхъ ихъ наукъ должны были съ такимъ трудомъ и такимъ неестественнымъ путемъ добиваться той степени знанія, которой они дѣйствительно владѣютъ по своему отдѣлу, тѣмъ не менѣе, будучи на высшей ступени науки, они признаютъ, что каждая высшая степень научнаго развитія ясно указываетъ на необходимость упрощенія первоначальныхъ способовъ обученія и на тѣ искусственныя средства, при помощи которыхъ можно довести начальное обученіе всякой науки до этой простоты, и что вмѣстѣ съ тѣмъ она можетъ приготовить средства, чтобы осуществить этотъ взглядъ. Итакъ ясно: сознаніе того, что нужно для хорошаго и полнаго примѣненія идеи элементарнаго образованія къ какому-либо искусству или наукѣ, по своей внутренней сущности одно и то же, что знаніе того, что нужно для хорошаго и достаточнаго изученія какой-либо науки или искусства.

Величайшіе результаты элементарнаго образованія должны быть съ колыбели подготовлены сообразно со всякаго рода воспитательными требованіями. Но въ то же время всѣ они таковы, что эти подготовительныя мѣры одинаково примѣнимы въ хижинахъ крестьянъ, какъ и во дворцахъ вельможъ; и вообще вездѣ, гдѣ ихъ дѣйствительно узнаютъ и тщательно ими воспользуются, они по самой своей сущности вліяютъ одинаково глубоко и благотворно на сущность воспитанія и обученія и на серьезное обоснованіе всѣхъ ихъ успѣховъ, равно какъ и на болѣе правильное знакомство съ ихъ позднѣйшими результатами. Если мы обратимъ вниманіе на элементарныя упражненія, которыя должны быть обработаны во всемъ ихъ объемѣ, начиная съ ихъ основы, съ развитія наблюдательной способности и съ высшаго упрощенія всѣхъ средствъ, то увидимъ, что всѣ они могутъ быть доведены до извѣстной простоты и всѣ

они могутъ и должны быть соединены съ извѣстнаго рода привлекательностью, соотвѣтствующею дѣтскому возрасту,— привлекательностью, которая дѣлаетъ возможной ихъ дѣйствительное естественно-развивающее примѣненіе съ самой колыбели.

ХІІІ.

Юганнъ Гербартъ.

Ближайшимъ преемникомъ идей Канта можно считать Гербарта, который развилъ педагогику въ цѣлую научную систему.

Юганнъ-Фридрихъ Гербартъ родился въ 1776 г. въ г. Ольденбургѣ, гдѣ отецъ его служилъ по судебному вѣдомству. Воспитаніемъ своимъ онъ обязанъ, главнымъ образомъ, матери, женщинѣ, одаренной большимъ умомъ и сильной волей, а раннимъ образованіемъ—своему домашнему учителю Юльцену. Окончивъ курсъ гимназіи въ своемъ родномъ городѣ, онъ въ 1799 году записался въ число студентовъ Іенскаго университета, который въ то время былъ средоточіемъ философскаго движенія въ Германіи, благодаря профессорской дѣятельности Фихте.

Послѣ 3-лѣтняго пребыванія въ Іенѣ Гербартъ охотно принялъ мѣсто воспитателя въ домѣ Штейгера, областного судьи въ Интерлакенѣ¹⁾. Съ увлеченіемъ онъ отдался обученію трехъ сыновей Штейгера, при чемъ роль домашняго учителя представлялась ему неоцѣнимой школой для воспитателя. Но особенно плодотворной для выработки педагогическихъ воззрѣній Гербарта оказалась встрѣча его съ Песталоцци, котораго онъ посѣтилъ въ 1799 г. въ Бургдорфѣ. Въ самомъ концѣ 1799 г. онъ покинулъ Швейцарію и поселился въ Бременѣ, гдѣ пробылъ три года, тщательно готовясь къ докторскому экзамену. Получивъ степень доктора философіи въ Геттингенѣ въ 1802 г., Гербартъ переселился въ этотъ городъ и до 1809 г. занималъ видное мѣсто въ тамошнемъ университетѣ, привлекая слушателей своими лекціями по педагогикѣ. Въ 1806 г. вышло въ свѣтъ главное сочиненіе Гербарта: „Общая педагогика, выведенная изъ цѣли воспитанія“,

1) Въ Швейцаріи.

въ которомъ онъ изложилъ результаты своихъ педагогическихъ опытовъ и наблюдений. За педагогикой послѣдовали сочиненія: „Главные вопросы метафизики“ въ 1806 г. и „Практическая философія“ въ 1808 г.

Въ 1809 г. Герbartъ получилъ приглашеніе въ Кенигсбергскій университетъ на кафедру философіи и педагогики и покинулъ Геттингенъ. Двадцать четыре года занималъ онъ кафедру, прославленную Кантомъ, со всей энергіей отдаваясь академической и педагогической дѣятельности. Здѣсь онъ издалъ „Учебникъ психологіи“ 1816 г. и „Психологія какъ наука, вновь обоснованная на опытѣ, метафизикѣ и математикѣ“.

Работы по психологіи шли у Герbartа рядомъ съ разработкой педагогическихъ вопросовъ, для которой онъ пытался основать особое учрежденіе—педагогическую семинарію съ образцовой школой при ней, о чемъ думалъ еще Кантъ. Но попытка эта особаго успѣха не имѣла.

Въ 1833 г. Герbartъ опять перешелъ въ Геттингенъ, будучи призванъ туда послѣ смерти профессора философіи Шульца. Здѣсь онъ издалъ давно подготовлявшійся трудъ: „Очеркъ лекцій по педагогикѣ“, изданный съ нѣкоторыми измѣненіями въ 1841 г. Въ августѣ этого года Герbartъ внезапно скончался.

Чтеніе Герbartа вообще не легкой трудъ: оно идетъ медленно и требуетъ вдумчиваго отношенія къ каждому предложенію, нерѣдко къ каждому слову; но читатель, преодолевшій трудности чтенія Герbartа, будетъ награжденъ высокими внутренними достоинствами его изложенія, въ которомъ нѣтъ лишняго слова, и вездѣ сквозитъ непоколебимая сила педагогическаго убѣжденія, открывающаго читателю широкія перспективы въ области педагогики ¹⁾.

1.

Важность знанія психологіи и педагогики.

Первая наука, которую долженъ знать воспитатель, которою, однако, не должны ограничиваться всѣ его познанія, есть психологія, въ которой была бы показана а priori вся

---

¹⁾ Изъ предисловія и очерка жизни I. Герbartа, принадлежащаго А. В. Адольфу, сдѣланнаго къ изданію „Главнѣйшія педагогическія сочиненія Іоганна Герbartа“, Москва, 1906 г., откуда мы и дѣлаемъ выдержки.

совокупность возможныхъ движеній человѣческой души. Я думаю, что понимаю возможность и трудность подобной науки; придется долго ждать, пока мы будемъ имѣть ее, и еще дольше, пока будетъ возможность требовать знанія ея отъ воспитателей. Но никогда она не будетъ въ состояніи замѣнить собою наблюденія надъ воспитанникомъ, индивидуумъ можно только найти, но нельзя его вывести посредствомъ дедукціи. Сформировать ребенка a priori есть поэтому выраженіе неправильное, понятіе, которое лишено для настоящаго времени всякаго содержанія и еще долго не должно быть допускаемо педагогикой.

Педагогика есть наука, которая нужна воспитателю для него самого. Но онъ долженъ также владѣть наукой, чтобы сообщать ее другимъ. И тутъ же я долженъ признаться, что не могу понять воспитанія безъ обученія; такъ же какъ, наоборотъ, я не признаю, въ этой, по крайней мѣрѣ, книгѣ, обученія, которое бы не воспитывало. Какимъ искусствамъ и умѣніямъ можетъ научиться молодой человѣкъ у какого бы то ни было учителя ради одной выгоды,—для воспитателя въ сущности такъ же безразлично, какъ то, какого цвѣта онъ выберетъ себѣ платье. Но какъ слагается у воспитанника кругъ представленій,—это для воспитателя составляетъ все, ибо изъ представленій возникаютъ чувства, а изъ чувствъ—правила поведенія и образъ дѣйствія. Мысленно свести къ этой цѣли безъ всякаго изъятія все, что можно преподать воспитаннику, все, что можно вложить въ его душу; изслѣдовать, какъ все это привести во взаимную связь, слѣдовательно, въ какомъ порядкѣ располагать одно за другимъ и какъ, въ свою очередь, все это сдѣлать опорой для послѣдующаго въ будущемъ,—вотъ безчисленное количество задачъ для того, кто желаетъ заняться отдѣльными вопросами, а для воспитателя—громадная масса матеріала, который будетъ наталкивать его на постоянныя размышленія и на ознакомленіе со всѣми доступными ему знаніями и сочиненіями такъ же, какъ на всѣ занятія и упражненія, которыя онъ долженъ продолжать безъ перерыва. Въ этомъ отношеніи мы нуждались бы въ большемъ количествѣ педагогическихъ монографій (т.-е. руководствъ

къ примѣненію отдѣльныхъ воспитательныхъ пріемовъ), которыя, однако, всѣ должны быть строго составлены по одному плану. Примѣръ подобной монографіи я старался дать въ моей азбукѣ наблюденія.

Но чтобы болѣе освѣтить общую мысль: воспитаніе посредствомъ обученія, остановимся на противоположной мысли—воспитаніе безъ обученія, примѣровъ чему мы видимъ довольно много. Воспитатели, говоря вообще, не принадлежатъ къ тѣмъ людямъ, которые обладаютъ самыми обширными познаніями. Среди нихъ (особенно среди воспитательницъ) есть даже такіе, которые почти ничего не знаютъ или почти совсѣмъ не умѣютъ примѣнить педагогически то, что знаютъ, и это нисколько имъ не мѣшаетъ съ большимъ рвеніемъ приниматься за дѣло. Но что они могутъ сдѣлать? Они овладѣваютъ чувствами ребенка; они держатъ его на этой привязи и неустанно расшатываютъ его юную душу до такой степени, что она не узнаетъ самое себя. Какъ можетъ при такихъ условіяхъ образоваться характеръ? Характеръ есть внутренняя крѣпость; но какимъ образомъ человѣкъ можетъ укорениться въ самомъ себѣ, если ему не позволяютъ опереться на что-нибудь, если ни разу ему не даютъ возможности предоставить рѣшеніе его собственной волѣ? Чаше всего случается такъ, что въ глубинѣ юной души остается уголокъ, въ который вы не проникаете и въ которомъ она, несмотря на ваши приступы, втихомолку про себя живетъ, питаетъ опасенія и надежды, составляетъ планы, которые стремятся къ осуществленію при первомъ удобномъ случаѣ и, если удаются, порождаютъ характеръ именно на томъ мѣстѣ, котораго вы не знаете. Вотъ почему результаты воспитанія обыкновенно такъ мало имѣютъ связи съ поставленной цѣлью. Впрочемъ, ихъ соотвѣтствіе выражается въ томъ, что позднѣе, въ жизни, воспитанникъ становится на мѣсто своего воспитателя и заставляетъ своихъ подвластныхъ испытывать то же самое, что приходилось испытывать самому. Въ этомъ случаѣ кругъ представленій остается тотъ же, что былъ созданъ въ юности ежедневнымъ опытомъ, только неудобное положеніе замѣнено болѣе удобнымъ. Повелѣвать учатся, пови-

нуясь; и уже маленькія дѣти со своими куклами обращаются такъ же, какъ обращаются съ ними.

Воспитаніе посредствомъ обученія разсматриваетъ какъ обученіе все то, что дается воспитаннику какъ предметъ для размышленія. Оно обнимаетъ и управленіе, которое ему подчиняется; и послѣднее дѣйствуетъ гораздо сильнѣе посредствомъ примѣра энергіи, поддерживающей порядокъ, нежели путемъ непосредственнаго пресѣченія отдѣльныхъ проступковъ, которому обыкновенно даютъ слишкомъ громкое названіе: исправленіе недостатковъ. Одна репрессія можетъ оставить совершенно нетронутымъ дурное побужденіе, фантазія можетъ постоянно разукрашивать предметъ этого побужденія, а это едва ли не такъ же плохо, какъ продолжающееся повтореніе проступка, нерѣдко даже въ періодъ свободы. Но если воспитанникъ читаетъ въ душѣ карающаго воспитателя нравственное отвращеніе, неодобреніе вкуса, негодованіе, внушаемое всякимъ безчинствомъ, онъ уже присталъ ко взгляду воспитателя, онъ уже не можетъ не смотрѣть глазами воспитателя, и мысль объ этомъ становится у него внутренней силой противъ дурного побужденія, которому только надо дать достаточно усилиться, чтобы одержать побѣду. Легко видѣть, что ту же мысль можно вызвать многими другими способами, и что провинности воспитанника вовсе не служатъ необходимымъ поводомъ для такого обученія.

Для воспитанія посредствомъ обученія я требую знанія и силы мышленія, такого знанія и такой силы мышленія, которая умѣетъ созерцать и изображать близкую дѣйствительность какъ отрывокъ великаго цѣлаго.

2.

Педагогика какъ наука.

Нѣтъ ни одной отрасли науки, гдѣ сосредоточенность мысли, во всякой формѣ, такъ необходима, какъ въ педагогикѣ. Уже для самой науки воспитанія (въ противоположность къ искусству) требуется единеніе двухъ видовъ мышленія, обыкновенно распредѣляемыхъ между совершенно

различными способностями: мышления теоретическаго и мышления практическаго. Повинуясь разуму, слѣдуетъ быть совершенно спокойнымъ, чтобы обсуждать возможность исполненія. Знаніе и хотѣніе здѣсь соединяются вмѣстѣ. Равнымъ образомъ необходимо знаніе всякаго рода, особенно знаніе психологіи, въ соединеніи съ знаніемъ вещей, и это знаніе не должно быть только научнымъ: оно должно еще соединяться съ общимъ представленіемъ о цѣнности, какую имѣютъ эти науки въ окружающей дѣйствительности, и о способѣ, какимъ эта дѣйствительность даетъ имъ цѣнность въ душѣ ребенка. Всѣмъ своимъ знаніемъ мы должны пользоваться, всѣмъ своимъ положеніемъ мы должны поддерживать знаніе. Вотъ гдѣ представляется воспитателю случай испытать себя, чтобы видѣть, чего онъ можетъ достигнуть силою всей своей личности.

Педагогика, какъ законченная наука, можетъ быть воздвигнута только на завершеномъ зданіи всѣхъ остальныхъ наукъ. Гдѣ она представляется легкой, тамъ она выдаетъ свое дѣтство, въ періодѣ котораго она на самомъ дѣлѣ еще теперь находится. И я не имѣю притязанія преподавать педагогику какъ законченную науку. Но я не теряю надежды возможно ближе подойти къ ея цѣли и именно этимъ вызвать нѣкоторыя соображенія о связи, соединяющей различныя научныя занятія какъ между собою, такъ и съ жизнью, и о нашемъ еще столь грубомъ пониманіи совокупности всего того, что даетъ образованнаго человѣка.

Если мы назовемъ всю педагогику вплоть до нашего времени тѣмъ, что она есть въ дѣйствительности, т.-е. грубымъ эмпиризмомъ, то этимъ мы вовсе не выскажемъ о ней презрительнаго сужденія. Очень умные мужчины и женщины въ очень важныхъ житейскихъ случаяхъ часто дѣйствуютъ съ полнымъ успѣхомъ, руководясь исключительно подобнымъ эмпиризмомъ. И величайшія изобрѣтенія появлялись въ тѣ вѣка, когда еще не думали ни о какой теоріи. Скорѣе даже теорія всегда является послѣ практики, а удачная практика предшествуетъ теоріи. Съ другой стороны, признакъ невѣжества—пренебрегать теоріей потому, что уже обладаютъ рутинной практики. Ибо для правиль-

наго сужденія о какомъ-нибудь дѣлѣ и для усовершенствованія его теорія нужна даже тогда, когда оно уже въ полномъ ходу и, благодаря всевозможнымъ приемамъ, свидѣтельствующимъ о ловкомъ и практическомъ веденіи его, заслуженно пользуется хорошей репутаціей.

Основное положеніе педагогики есть воспріимчивость къ воспитанію, присущая ребенку.

Какъ наука, педагогика зависитъ отъ практической философіи и отъ психологіи. Первая указываетъ цѣль воспитанія, вторая—путь къ цѣли, средства и препятствія.

Педагогика, однако, не должна предполагать безграничной воспріимчивости къ воспитанію, и на психологіи лежитъ задача предупредить подобную ошибку. Неопредѣленное состояніе ребенка ограничено его индивидуальностью. Сверхъ того, доступная для воспитанія возможность опредѣлять индивидуальность ограничена обстоятельствами даннаго положенія и времени. Прочно установившееся состояніе взрослого продолжаетъ развиваться внутренне и ускользаетъ отъ воспитателя.

Силу воспитанія не слѣдуетъ преувеличивать, но и не слѣдуетъ считать меньшей, чѣмъ она есть на самомъ дѣлѣ.

Насколько вѣрно то, что философія должна говорить о назначеніи и природѣ человѣка, настолько неоспоримо, что педагогика стремится и должна быть философской наукой. Она должна быть философской наукой потому, что человѣкъ долженъ быть воспитанъ въ добродѣтели, въ полномъ значеніи этого слова; она должна быть философской также потому, что кто не знаетъ природы человѣка, тотъ остается въ полномъ невѣдѣніи относительно возможности его образованія или уродованія.

Словомъ «добродѣтель» обозначается вся полнота педагогической цѣли. Добродѣтель же есть идея внутренней свободы, достигшая въ личности состоянія прочной реальности.

Для воспитателя одинаково важны, какъ внутреннее построеніе группъ представленій у его воспитанника, такъ и разница въ большей или меньшей легкости, съ которою онѣ выступаютъ въ сознаніи, и продолжительность пребыванія

ихъ въ сознаніи или быстрота ихъ исчезновенія. Отъ всего этого непосредственно зависятъ условія успѣшности обученія и нравственнаго образованія.

Сообщенныя обученіемъ знанія должны по меньшей мѣрѣ служить матеріаломъ для методической работы; въ противномъ случаѣ они не способствуютъ даже расширенію объема умственной дѣятельности. Цѣнность ихъ увеличивается, если они пріобрѣтаютъ свободную подвижность, благодаря которой они обогащаютъ воображеніе. Но нравственное ихъ вліяніе остается всегда подѣ сомнѣніемъ, пока они не способствуютъ исправленію или эстетическаго сужденія, или желаній и поступковъ, или того и другого вмѣстѣ. И тутъ еще необходимы нѣкоторыя особыя правила. Вообще грубость уменьшается по мѣрѣ того, какъ обученіемъ расширяется кругъ идей; ибо желанія теряютъ долю своей односторонней энергіи уже отъ того, что они расширяются въ этомъ кругу. И если, сверхъ того, обученіе знакомитъ въ понятной формѣ съ какими-нибудь эстетическими предметами, то настроеніе духа облагораживается въ силу того, что оно, по крайней мѣрѣ, приближается къ правильному сужденію о волѣ, т.-е. къ произведенію практическихъ идей. Но если знаніе становится, главнымъ образомъ, предметомъ тщеславія, то всѣ эти выгоды легко перевѣшиваются вредными послѣдствіями.

Для обученія, чтобы оно проникло въ наличныя мысли и чувства ребенка, должны быть открыты всѣ двери. Обученіе, имѣющее односторонній характеръ, вредно уже потому, что мы не можемъ съ увѣренностью предположить, что больше всего подѣйствуетъ на воспитанника.

Наличныя группы представленій возникаютъ изъ двухъ главныхъ источниковъ: опыта и общенія. Опытъ даетъ намъ знаніе природы, но знаніе неполное и грубое; общеніе внушаетъ намъ чувства къ людямъ, но не всегда только похвальные, часто въ высшей степени достойныя порицанія; въ послѣднемъ случаѣ крайне необходимо ихъ улучшать. Но не слѣдуетъ пренебрегать и знакомствомъ съ природой, безъ котораго ребенокъ обреченъ на заблужденія, фантастическія мечтанія и сумасбродства всякаго рода.

Отсюда два главныхъ направленія въ обученіи: историческое и натуралистическое. Первое заключаетъ въ себѣ не только исторію, но и филологію, второе обнимаетъ не только естественныя науки, но и математическія.

Уже для того, чтобы противодѣйствовать эгоизму, чело-вѣческія отношенія необходимо сдѣлать главнымъ предме-томъ всего обученія въ каждой школѣ, которая беретъ на себя задачу всего чело-вѣка, отъ сельской школы до гим-назіи. Таково значеніе историческихъ и философскихъ за-нятій въ школѣ, и лишь въ виду этого долженъ быть имъ данъ извѣстный перевѣсъ.

Занятія математикой, отъ простого счисленія до высшей математики, должны примыкать къ изученію наукъ есте-ственныхъ и, такимъ образомъ, къ опыту, чтобы найти себѣ доступъ въ кругъ представленій воспитанника. Ибо самое глубокое обученіе математикѣ перестаетъ быть педагогиче-скимъ, разъ оно образуетъ обособленную группу предста-вленій, мало при этомъ вліяя на личную цѣнность чело-вѣка или, что бываетъ чаще всего, скоро исчезая изъ памяти.

3.

Значеніе авторитета и любви въ воспитаніи.

Передъ авторитетомъ склоняется духъ ребенка: автори-тетъ ставитъ преграды движеніямъ его души и поэтому можетъ прекрасно служить для того, чтобы подавить зарождающуюся волю, которая могла бы принять дурное на-правленіе. Больше всего онъ необходимъ для весьма живыхъ натуръ, ибо послѣднія пробуютъ дурное вмѣстѣ съ хоро-шимъ и увлекаются хорошимъ, если не теряются въ дур-номъ.—Но пріобрѣтается авторитетъ только превосходствомъ духа, а послѣднее, какъ извѣстно, нельзя свести на предпи-санія: авторитетъ долженъ быть самъ по себѣ, независимо отъ воспитанія. Послѣдовательный и глубоко проникающій образъ дѣйствія долженъ быть открытымъ и искреннимъ въ своемъ примѣненіи, идти своей собственной прямой до-рогой, принимая въ расчетъ обстоятельства, но нисколько не заботясь объ одобреніи или неодобреніи со стороны бо-

лѣе слабой воли. Если вѣтреный мальчикъ, еще грубый, выступить изъ положенныхъ ему границъ, онъ долженъ почувствовать, какое зло онъ могъ бы причинить; если же онъ былъ охваченъ злостнымъ желаніемъ причинить вредъ, то должно быть строго наказано намѣреніе, поскольку оно стало поступкомъ или могло стать поступкомъ, но не слѣдуетъ придавать значенія злой волѣ такъ же, какъ обидѣ, которая въ ней заключается. Что же касается до уязвленія злой воли (которую управленіе дѣтьми, такъ же какъ управленіе государствомъ, не имѣетъ силъ наказывать) выраженіемъ глубокаго неодобренія, которое оно заслуживаетъ, то это уже дѣло воспитанія, которое только тогда можетъ начинать свое дѣло, когда прекращается управленіе.

Пользуясь пріобрѣтеннымъ авторитетомъ, тотъ, кто держитъ въ своихъ рукахъ управленіе ребенкомъ, долженъ смотрѣть дальше управленія и имѣть въ виду воспитаніе въ собственномъ смыслѣ: ибо если образованіе ума непосредственно ничего не выигрываетъ отъ пассивнаго подчиненія авторитету, тѣмъ не менѣе, это подчиненіе имѣетъ большое вліяніе на ограниченіе или расширеніе круга представленій, въ которомъ воспитанникъ впоследствии будетъ двигаться свободнѣе и строить самостоятельное свое зданіе.

Любовь основывается на согласіи чувствъ и на привычкѣ. Изъ этого видно, какъ трудно пріобрѣсти ее чужестранцу. Тому, конечно, не пріобрѣсти ее, кто держится въ сторонѣ, часто возвышаетъ голосъ, и ведетъ себя съ мелочно рассчитаннымъ приличіемъ. Но и тому не пріобрѣсти ее, кто спускается до вульгарности, и кто тамъ, гдѣ онъ долженъ быть любезенъ, но въ то же время разсудителенъ, ищетъ собственнаго удовольствія, принимая участіе въ удовольствіи дѣтей. Согласіе чувствъ, требуемое любовью, возникаетъ двоякимъ образомъ: или воспитатель проникаетъ въ чувства ребенка и примыкаетъ къ нимъ съ тонкимъ искусствомъ, не говоря объ этомъ ни слова; или онъ старается самъ сдѣлаться доступнымъ, тѣмъ или инымъ способомъ, симпатіямъ своего воспитанника. Послѣднее средство труднѣе, но оно должно быть соединяемо съ первымъ, потому

что только тогда воспитанникъ можетъ внести собственную энергію въ этомъ отношеніи, если для него возможно, 'какимъ бы то ни было образомъ, имѣть что-нибудь общее съ воспитателемъ.

Авторитетъ естественнымъ образомъ принадлежитъ отцу болѣе, чѣмъ кому-либо другому; ибо у него, которому все подчиняется, къ которому все обращается, который направляетъ и измѣняетъ домашній распорядокъ, или вѣрнѣе, которому мать какъ бы подчиняетъ этотъ распорядокъ,—у него самымъ очевиднымъ образомъ сказывается то превосходство духа, которому дано вызывать уныніе или радость нѣсколькими словами порицанія или одобренія.

Любовь вполнѣ естественно принадлежитъ матери: она, принося всевозможныя жертвы, изучаетъ и научается понимать, какъ никто, потребности ребенка; она подготавливаетъ и создаетъ между собою и ребенкомъ языкъ, прежде чѣмъ кто-либо другой найдетъ средства общенія съ маленькимъ существомъ, она, одаренная нѣжностью женской натуры, легко умѣетъ найти тонъ, гармонирующій съ чувствами ребенка, и ея сладкая власть, никогда не употребляемая во зло, всегда достигаетъ своей цѣли.

Если, такимъ образомъ, авторитетъ и любовь суть наилучшія средства весьма рано обезпечить подчиненіе ребенка настолько, насколько это необходимо для дальнѣйшаго управленія, то отсюда можно сдѣлать тотъ выводъ, что это управленіе лучше всего оставить въ рукахъ тѣхъ людей, которымъ его ввѣрила природа; тогда какъ, напротивъ того, воспитаніе въ собственномъ смыслѣ, особенно образованіе круга представленій, можетъ быть довѣрено лишь такимъ лицамъ, которыя своими спеціальными упражненіями научены пробѣгать во всѣхъ направленіяхъ обширное поприще идей человѣческихъ и различать на немъ, самымъ точнымъ образомъ, мѣста высокія и глубокія, крутыя и низменныя.

Но такъ какъ авторитетъ и любовь имѣютъ столь большую и непосредственную силу въ воспитаніи, то тому, кто занимается образованіемъ круга представленій, не слѣдуетъ быть настолько самонадѣяннымъ, чтобы дѣлать свое дѣло

одному, втихомолку, устраняя отъ него родителей, тѣмъ болѣе, что только довѣріе къ нему могло дать ему его полномочія, всегда ограниченныя. Поступая такъ, онъ тормозилъ бы дѣйствіе тѣхъ силъ, которыя ему не легко было бы возмѣстить.

Всякій знаетъ, что авторитетъ и любовь болѣе обезпечиваютъ успѣхъ управленія дѣтьми, нежели всѣ суровыя средства. Но не каждый можетъ пріобрѣсти авторитетъ по собственному желанію; для этого требуется очевидное превосходство духа, соединенное со знаніями, такъ же какъ внѣшнія и физическія качества. Конечно, ласковымъ обращеніемъ можно въ теченіе болѣе или менѣе долгаго времени пріобрѣсти привязанности добрыхъ отъ природы дѣтей, но ласковость прекращается именно тамъ, гдѣ управленіе является наиболѣе необходимымъ, и любовь не должна пріобрѣтаться цѣною снисходительной слабости; любовь имѣетъ цѣну только тогда, когда она соединена съ необходимой строгостью.

4.

О многосторонности интереса.

Конечная цѣль обученія заключается уже въ понятіи добродѣтели. Но ближайшая цѣль, которую необходимо вложить именно въ обученіе для достиженія той конечной цѣли, можно выразить словами: многосторонность интереса. Словомъ интересъ обозначается вообще родъ умственной дѣятельности, которую должно вызвать обученіе, ибо нельзя же оставаться при одномъ знаніи. Въ самомъ дѣлѣ, одно знаніе можно разсматривать какъ пріобрѣтеніе, котораго можетъ и не быть, при чемъ человекъ оттого не сдѣлается другимъ. Напротивъ того, кто удерживаетъ то, что знаетъ, и старается расширить свое знаніе, тотъ тѣмъ самымъ обнаруживаетъ интересъ къ нему. Но такъ какъ эта умственная дѣятельность разнообразна, то къ слову интересъ нужно прибавить опредѣленіе, которое лежитъ въ словѣ многосторонность.

Можно отличать посредственный интересъ отъ непосредственнаго. Интересъ посредственный ведетъ, смотря по сте-

пени своего преобладанія, къ односторонности, если не къ эгоизму. Эгоиста интересуетъ все лишь постольку, поскольку оно приноситъ ему пользу или вредъ. Односторонній человѣкъ приближается къ эгоисту, даже если онъ самъ не замѣчаетъ этого, ибо онъ относитъ все къ тому узкому кругу, для котораго онъ живетъ и мыслитъ. Въ этомъ кругу живетъ его духовная сила; то, что его интересуетъ, какъ средство для достиженія его ограниченныхъ цѣлей, есть тяжесть для нея.

Что касается понятія добродѣтели, то не слѣдуетъ забывать, что, если многосторонность даже непосредственнаго интереса, какой должно вызывать обученіе, еще далеко не добродѣтель, то чѣмъ ограниченнѣе первоначальная умственная дѣятельность, тѣмъ менѣе можно думать о добродѣтели, особенно въ многообразіи ея возможныхъ проявленій. Тупоумные не могутъ быть добродѣтельными, ибо добродѣтель требуетъ недремлющей души.

Интересъ, испытываемый человѣкомъ непосредственно, есть для него источникъ жизни. Открыть большое число такихъ источниковъ, заставить ихъ струиться обильно и безпрепятственно,—вотъ искусство увеличить силы человеческой жизни, и вмѣстѣ съ тѣмъ искусство поддерживать духъ общественности. Если интересъ каждаго такъ разнообразенъ, какъ разнообразны вмѣстѣ взятые труды многихъ, то счастливая нужда соединяетъ всѣхъ единою связью. Если, напротивъ того, каждый любитъ только свое дѣло, только свою профессію, и на все остальное смотритъ, какъ на средство для достиженія этой цѣли, тогда общество становится машиной, каждый согрѣваетъ свое существованіе только одною искоркой, которая можетъ и погаснуть,—и остаются лишь мракъ и холодъ, сопутствуемые усталостью и отвращеніемъ.

Питать непосредственный интересъ всякаго рода, легко проникать въ сужденія и чувства другого такъ же, какъ во всѣ дѣла человѣческія—таковы существеннѣйшія требованія многосторонняго образованія.

XIV.

Фридрихъ Фребель.

Фридрихъ Фребель, сынъ священника, родился 12 апрѣля 1782 г. въ селѣ Обервейсбахѣ, неподалеку отъ Тюрингенскаго лѣса. Рано лишился матери и съ четырехъ лѣтъ росъ на глазахъ мачехи, въ непрестанномъ общеніи съ природой. Отецъ, съ чужого голоса, считалъ Фридриха малоспособнымъ и отдалъ его въ сельскую школу для дѣвочекъ, гдѣ мальчикъ оставался до 11 лѣтъ. Здѣсь онъ совсѣмъ было захирѣлъ, встрѣчая дома выговоры суровой мачехи: но судьба надъ нимъ сжалилась, такъ какъ въ это время онъ попалъ въ семью дяди Гофмана, занимавшаго видное мѣсто въ г. Штадтильмѣ; здѣсь Фребель снова ожилъ у баловавшей его, любящей бабушки. Плохо подготовленный къ ученію, Фребель посѣщалъ мѣстную городскую школу до 15 лѣтъ, и такъ какъ болѣе всего успѣвалъ въ естественной исторіи и счетѣ, то рѣшилъ, что профессія сельскаго хозяина будетъ для него самымъ подходящимъ дѣломъ. Но такъ какъ средства отца не позволяли дѣлать значительныхъ затратъ на подготовку сына, то послѣдній поступилъ въ ученіе къ одному лѣсническому, который слылъ за хорошаго землемѣра. Живя у него въ окрестностяхъ г. Штадтильма, Фридрихъ много читалъ, собиралъ растенія, опредѣлялъ и классифицировалъ ихъ, мечтая вмѣстѣ съ тѣмъ отправиться изучать естественныя науки въ Іенскій университетъ. Мечту эту удалось осуществить въ 1799 г., когда, дѣйствительно, Фребель поступилъ въ Іенскій университетъ и занялся естественными и юридическими науками. Внезапная смерть отца (1802 г.) поставила Фребеля въ довольно тяжелое матеріальное положеніе, и онъ въ 1803 г. отправился во Франкфуртъ-на-Майнѣ, гдѣ рѣшилъ заняться архитектурой. Здѣсь, бесѣдуя однажды съ директоромъ мѣстной образцовой школы Грунеромъ, услышалъ отъ этого проницательнаго чело-вѣка: „Бросьте архитектуру, она не приведетъ васъ ни къ чему; ваше дѣло—быть воспитателемъ“. Когда Фребель очутился въ первый разъ въ школѣ, то почувствовалъ себя такъ хорошо, какъ бы въ давно покинутой родной стихіи. „Мнѣ было такъ хорошо,—говорилъ онъ,—какъ рыбѣ въ водѣ“.

Грунеръ рекомендовалъ Фребелю для пополненія педагогическаго образованія прочесть сочиненія Песталоцци, и они возбудили въ немъ сильное желаніе лично познакомиться съ Песталоцци и его дѣятельностью. Поѣздка, которую Фребель предпринялъ въ 1805 г. на двѣ недѣли къ Песталоцци въ Иверденъ, внушила ему убѣжденіе, что ему самому нужно еще многому поучиться. Онъ взялъ у Грунера отпускъ на два года, сдѣлался домашнимъ учителемъ и на досугѣ усердно занялся изученіемъ педагогики.

Въ 1808 г. онъ поѣхалъ вмѣстѣ со своими тремя учениками въ Иверденъ, гдѣ одновременно училъ и учился. Въ 1811 году мы видимъ Фребеля снова студентомъ, онъ поступилъ въ Гёттингенскій университетъ, гдѣ занялся изученіемъ языковъ и естественныхъ наукъ. Въ 1812 г. онъ перешелъ въ Берлинскій университетъ, и одно время былъ преподавателемъ въ Пламанновскомъ институтѣ.

Воззваніе 1813 г. прусскаго короля „Къ моему народу“ пробудило національный духъ и во Фребелѣ, онъ вступилъ добровольцемъ въ Лютцовскій корпусъ.

Послѣ похода Фребель сдѣлался ассистентомъ профессора Вейса въ минералогическомъ музеѣ въ Берлинѣ. 13 ноября 1816 г. онъ открылъ въ шварцбургскомъ селѣ Фризгеймѣ образцовое воспитательное учрежденіе. Когда это заведеніе было переведено въ Кейльгау, слава Фребеля распространилась по всей Германіи. Въ 1826 г. Фребель написалъ свое главное, богатое мыслями произведеніе „Воспитаніе челоѣка“. Главная идея его — естественный прогрессъ и всестороннее развитіе челоѣческихъ силъ — въ основѣ своей опирается на ученіе Песталоцци.

Когда дѣло въ Кейльгау нѣсколько пошатнулось, Фребель передалъ завѣдываніе институтомъ другому лицу, самъ же получилъ въ управленіе сиротскій домъ въ Бургдорфѣ, гдѣ нѣкогда прославился Песталоцци.

Здѣсь, въ Бургдорфѣ, Фребель, задумываясь надъ вопросами воспитанія, нашелъ теорію дѣтскаго сада и первые дары для дѣтей.

Переселившись изъ Швейцаріи въ Тюрингію, Фребель открылъ первую школу для маленькихъ дѣтей, которую въ 1840 г. назвалъ „дѣтскимъ садомъ“.

21 іюля 1852 г. Фридрихъ Фребель скончался.

Когда Фребель умеръ, большинство его игръ и занятій было уже систематизировано имъ самимъ; но послѣ его смерти ученики и ученицы его сдѣлали много дополненій, частью въ духѣ учителя, частью даже со словъ самого учителя ¹⁾.

I.

Р е б е н о к ъ .

Вмѣстѣ съ развитою дѣятельностью чувства, тѣла и членовъ, когда ребенокъ начинаетъ самостоятельно изображать внутреннее внѣшнимъ образомъ, прекращается младенческая ступень человѣческаго развитія и начинается дѣтская ступень. До этой ступени внутренній міръ человѣка представляетъ нерасчлененное, лишенное разнообразія цѣлое. Съ вмѣшательствомъ языка начинается внѣшнее проявленіе и изображеніе внутренняго міра человѣка, начинается расчлененіе, начинается разнообразіе во внутреннемъ мірѣ человѣка, разнообразіе, обусловленное въ своихъ отношеніяхъ средствами и цѣлью; внутренній міръ человѣка расчленяется, разламывается и стремится дать себѣ внѣшнее выраженіе; человѣкъ стремится собственной самодѣятельной силой представить и изобразить свой внутренній міръ на твердомъ и посредствомъ твердаго, и это самодѣятельное, самостоятельное развитіе человѣка, это самодѣятельное изображеніе внутренняго міра посредствомъ своей собственной силы въ твердомъ заключается также всецѣло въ словѣ, обозначающемъ эту ступень человѣческаго развитія.

На этой ступени ребенокъ долженъ все правильно и вѣрно разсматривать, равно какъ правильно и вѣрно, опредѣленно и чисто обозначать какъ самые предметы, такъ и сущность и свойства ихъ. Онъ долженъ правильно обозначать отношенія предметовъ какъ къ пространству и времени, такъ и другъ къ другу, каждое своимъ правильнымъ

---

¹⁾ Извл. изъ статьи И. Д. Городецкаго «Жизнь и дѣятельность Фридриха Фребеля», предшеств. книгѣ Фребеля «Воспитаніе человѣка». Москва, 1906 г., изд. «Педагогической Библіотеки», откуда мы и дѣлаемъ выдержки.

именемъ, словомъ, и каждое слово само по себѣ ясно и чисто со стороны своихъ составныхъ частей: тона, звука и окончанія. Но такъ какъ эта ступень развитія челоуѣка требуетъ, чтобы онъ, будучи ребенкомъ, все обозначалъ ясно, правильно и отчетливо, поэтому-то такъ необходимо, чтобы и ему представлялось все окружающее ясно, правильно и отчетливо, чтобы онъ все видѣлъ и познавалъ также ясно, правильно и отчетливо; то и другое нераздѣльно и взаимно обусловливаетъ другъ друга. Но на этой ступени, такъ какъ языкъ еще составляетъ единое цѣлое съ говорящимъ челоуѣкомъ, и языкъ и словесныя выраженія для говорящаго ребенка совпадаютъ съ обозначаемымъ предметомъ, т.-е. онъ не можетъ различить слова и вещи, тѣла и духа, они для него все еще одно и то же. Это особенно видно изъ игръ и забавъ дѣтей въ это время, за этотъ періодъ; ребенокъ охотно и много говоритъ во время игры. Игра и разговоръ—вотъ стихія, въ которой живетъ теперь ребенокъ, поэтому-то на этой ступени челоуѣческаго развитія и приписываетъ ребенокъ каждому предмету способность жить, ощущать и говорить, и относительно каждаго предмета дитя думаетъ, что онъ обладаетъ слухомъ; и такъ какъ ребенокъ начинаетъ свой внутренній міръ изображать во-внѣ, то онъ предполагаетъ подобную же дѣятельность и во всемъ остальномъ, что окружаетъ этотъ міръ, будь это камень или кусокъ дерева, будь это растеніе, цвѣтокъ или животное.

И подобно тому какъ для ребенка на этой ступени развивается его жизнь сама по себѣ, т.-е. развивается его жизнь съ родителями и семьей, жизнь въ единеніи съ началомъ общимъ для него и для нихъ, началомъ высшимъ, невидимымъ, такъ точно развивается въ особенности его жизнь въ единеніи съ природой, какъ чѣмъ-то, ведущимъ однородную съ нимъ жизнь, какъ это онъ чувствуетъ въ себѣ самомъ и, какъ главная основа всей дѣтской жизни, въ это время въ особенности должна быть культивируема родителями и членами семьи жизнь въ единеніи съ природой и съ ясными, тихими предметами природы; а это въ особенности легко достигается благодаря игрѣ, благодаря

уходу за дѣтской игрой, которая вначалѣ есть только естественная жизнь.

Игра есть высшая ступень дѣтскаго развитія, развитія человѣка этого періода; вѣдь она есть произвольное изображеніе внутренняго міра, изображеніе его по его собственной необходимости и потребности, что выражается уже самымъ словомъ. Игра—самое чистое и самое духовное проявленіе человѣка на этой ступени, и въ то же время она является прообразомъ и копіей всей человѣческой жизни, внутренней, сокровенной естественной жизни какъ въ человѣкѣ, такъ и во всѣхъ вещахъ; поэтому игра порождаетъ радость, свободу, довольство, покой въ себѣ и около себя, миръ съ міромъ. Источники всего хорошаго лежатъ въ игрѣ и исходятъ изъ нея. Дитя, которое играетъ самодѣятельно, спокойно, настойчиво, даже до тѣлеснаго утомленія, непременно сдѣлается также способнымъ, спокойнымъ, настойчивымъ, самоотверженно радѣющимъ о чужомъ и собственномъ благѣ. Развѣ не представляетъ играющій ребенокъ лучшее проявленіе дѣтской жизни этого времени?—Или ребенокъ, открывшій въ игрѣ всю свою натуру и заснувшій посреди ея?

Игра этого времени, какъ было выше вскользь замѣчено, не есть пустая забава, она имѣетъ высокій смыслъ и глубокое значеніе; заботься о ней, развивай ее, мать! береги, охраняй ее, отецъ! Спокойному, проницательному взгляду истиннаго знатока людей въ самопроизвольно избранной игрѣ ребенка этого періода ясно видится его будущая внутренняя жизнь. Игры этого возраста суть какъ бы почки всей будущей жизни, потому что въ нихъ развивается и проявляется весь человѣкъ въ своихъ самыхъ тончайшихъ задаткахъ, въ своемъ внутреннемъ чувствѣ. Вся будущая жизнь человѣка, вплоть до его самаго послѣдняго часа, имѣетъ свой источникъ въ этомъ періодѣ жизни, и будетъ ли эта будущая жизнь ясною или мрачною, кроткою или кипучею, спокойною или дурною, производительною или бездѣятельною, богатою или бѣдною подвигами, глухо вдумчивою или ясно творческою, глухо удивляющею или ясно созерцающею, созидательною или разрушительною, прино-

еящею согласіе или раздоръ, войну или миръ, его будущее отношеніе къ отцу и матери, къ семьѣ и своимъ братьямъ и сестрамъ, къ гражданскому обществу и къ людямъ, къ природѣ и Богу будутъ зависѣть, согласно особеннымъ природнымъ задаткамъ ребенка, въ особенности отъ образа его жизни въ этомъ возрастѣ.

2.

О познаніи законмѣрности въ природѣ.

Для познанія законмѣрнаго въ природѣ, познанія единствъ въ природѣ не нужно никакихъ искусственныхъ познаваній предметовъ природы и ихъ свойствъ; здѣсь важно только точное, опредѣленное, вѣрное пониманіе и точное опредѣленіе ихъ согласно съ сущностью предмета и языка. При ознакомленіи ребенка съ предметами природы важна не передача ему ихъ названій или раньше установившихся мнѣній и взглядовъ; важно только непосредственно указать на нихъ и ознакомить съ ихъ непосредственно обнаруживающимися свойствами; важно только, чтобы мальчикъ видѣлъ въ предметѣ именно то, что предметъ этотъ, какъ вполне опредѣленный, въ себѣ самостоятельный, обнаруживаетъ посредствомъ себя, своей формы и т. д. Мало значенія имѣютъ также знаніе ранѣе даннаго ходячаго познанія; важно только ясное воззрѣніе, толковое пониманіе и вѣрное опредѣленіе свойствъ, не только особенныхъ, но и общихъ. Предмету, встрѣчающемуся въ природѣ, давай чисто мѣстное названіе; если же ты не знаешь никакого, пусть моментъ самъ назоветъ его или, что еще лучше, дай ему какое-нибудь приблизительное, хотя бы даже немного длинное названіе, пока ты не подыщешь общеупотребительнаго. Благодаря этому стремленію, общеупотребительное и понятное названіе не замедлитъ сдѣлаться тебѣ извѣстнымъ, чтобы соединить твои знанія со всеобщими, пояснить и дополнить ихъ. Поэтому, сельскій учитель, ты не долженъ говорить: «у меня нѣтъ знанія предметовъ природы; я не умѣю называть ихъ». Тщательное наблюденіе природы можетъ дать тебѣ при твоёмъ,

самомъ заурядномъ образованіи, гораздо болѣе основательныя внѣшнія и внутреннія знанія, болѣе живыя знанія единичнаго и множественнаго, чѣмъ тѣ обыкновенныя книги, которыя доступны тебѣ. Кромѣ того, такъ называемыя высшія знанія покоятся обыкновенно на наблюденіяхъ, которыя самый обыкновенный человѣкъ въ состояніи сдѣлать, а также на заявленіяхъ, которыя съ небольшими или даже безъ всякихъ затратъ можно видѣть въ лучшемъ свѣтѣ, чѣмъ ихъ могутъ представить самыя дорогіе опыты; надо только всегда имѣть при себѣ глаза, чтобы смотрѣть. Но до этого учитель долженъ довести себя постояннымъ наблюденіемъ, предоставляя окружающему его юношеству и дѣтямъ руководить имъ.

3.

М а т е м а т и к а .

Человѣкъ ищетъ твердой точки опоры, вѣрнаго проводника къ познанію внутренней связи всѣхъ разнообразій въ природѣ; что можетъ дать болѣе твердую и объединяющую точку опоры для этого, какъ ни то, что, заключая и развивая изъ себя всѣ разнообразія, является выраженіемъ всѣхъ закономѣрностей и закона въ себѣ, какъ не математика, которая, благодаря этому великому исчерпывающему свойству, сейчасъ же по своемъ возникновеніи названа была ученіемъ познаванія, наукой познанія—математикой. И она не только утвердила за собой это положеніе, это мѣсто въ теченіе тысячелѣтій, но, какъ разъ въ то время, когда она должна была быть свергнута, выступила съ такой славой, какой она до этихъ поръ не пользовалась.

Но что же это такое, благодаря чему математика не только достигла такого высокаго положенія, но и сохранила и увѣковѣчила его, что такое математика, по своей сущности, своему происхожденію, своей дѣятельности? Она, какъ проявленіе внѣшняго и внутренняго міра, принадлежитъ одинаково какъ человѣку, такъ и природѣ.

Какъ исходящая изъ чистаго разума, изъ чистыхъ законовъ мышленія его, видимое выраженіе этихъ законовъ

и мышленія, находитъ она необходимо обусловленныя ими явленія, соединенія, формы и виды внѣ себя, во внѣшнемъ мірѣ уже готовыми; они идутъ ей навстрѣчу во внѣшнемъ мірѣ, въ природѣ, отъ человѣческаго разума и мышленія совершенно независимыя. Такъ находитъ человѣкъ природу въ разнообразіи ея формъ и видовъ, которые образуются внѣ его и независимо отъ него, опять внутри себя, и своимъ разумѣ, въ законахъ своего разума и мышленія; такимъ образомъ математика является, какъ нѣчто совмѣщающее, согласующее человѣка и природу, внутренній и внѣшній міръ, мышленіе и ощущеніе. Это великое дѣло, которое будетъ продолжаться такъ долго, какъ долго будетъ существовать внѣшній и внутренній міръ, обусловливающее и обусловленное; это достойное награды и благодарности, награду и благодарность въ себѣ носящее, дѣло—вотъ что въ теченіе тысячелѣтій, почти со времени существованія человѣческаго рода, обусловило математикѣ ея существованіе и уваженіе къ ней, благодаря чему, собственно, она была введена только христіаниномъ, который призналъ ее дѣйствительно тѣмъ, чѣмъ она есть; потому что только христіанинъ, который во всѣхъ вещахъ познавалъ божественный разумъ, дѣйствіе и дѣятельность божественнаго разума, только христіанинъ могъ по достоинству оцѣнить ея сущность, потому что только христіанинъ можетъ объяснить единство между формами, порожденными разумомъ и формами, видами и явленіями въ природѣ; только онъ могъ разрушить сомнѣніе—явилась ли математика благодаря отвлеченію явленій природы, или предметы природы были созданы согласно законамъ человѣческаго мышленія, т.-е. имѣютъ ли природа и внѣшній міръ свое существованіе и продолжительность только въ законахъ человѣческаго мышленія.

Математика—это выраженіе того, что обусловливаетъ пространство, и, слѣдовательно, выраженіе условій и свойствъ пространственнаго. Такъ какъ ея основаніемъ является единство, то она есть единство (въ себѣ), а такъ какъ одновременно съ единствомъ даны разнообразія направлений, форма, протяженіе, то она, кромѣ того, число,

форма и величина, въ себѣ замкнутая, себя обоюдно обусловливающая, въ сущности совершенно нераздѣльная тройственность въ единствѣ. Но такъ какъ число есть выраженіе разнообразія (въ себѣ), собственно выраженіе того, что обусловливаетъ разнообразіе, т.-е. направленіе силы, и такъ какъ, слѣдовательно, оно произошло не черезъ мертвое внѣшнее прибавленіе, но возникло согласно внутреннимъ жизненнымъ законамъ, основаніе которыхъ лежитъ въ сущности силы, а величина и форма могутъ быть объяснены только посредствомъ разнообразія, то, слѣдовательно, число, знаніе числа, будетъ самымъ первымъ и существеннымъ для знанія тріединого цѣлаго. Поэтому знаніе чиселъ будетъ основаніемъ знанія формъ и величинъ, всеобщаго знанія пространства.

Безъ математики и, въ крайнемъ случаѣ, безъ основательнаго знанія чиселъ, къ которому потомъ, какъ необходимое условіе, прибавляется кое-какъ и черезъ случайное усвоеніе знанія формъ и величинъ—воспитаніе человѣка будетъ несовершеннымъ, частичнымъ, но не будетъ имѣть точки опоры.

4.

Я з ы к ъ.

Языкъ подобно математикѣ имѣетъ двоякую природу: онъ принадлежитъ одновременно и къ міру внѣшнему, и къ міру внутреннему. Языкъ, какъ произвольное порожденіе человѣка, вытекаетъ непосредственно изъ человѣческаго духа, является выраженіемъ человѣческаго духа подобно тому, какъ природа является выраженіемъ и проявленіемъ Божественнаго духа. Согласіе языка, какъ самопроизвольнаго порожденія, и языка, какъ подражанія природѣ, приводящее къ вопросу о томъ, есть ли оно чистое порожденіе духа или подражательное явленіе природы, имѣетъ, подобно всякимъ другимъ вопросамъ и мнѣніямъ, свое основаніе въ томъ, что повсюду живетъ одинъ и тотъ же Божественный духъ, повсюду дѣйствуютъ одни и тѣ же умственные и Божественные законы, что духъ природы и умъ человѣка являются въ сущности единымъ ду-

хомъ, а природа и человекъ имѣютъ одну причину и источникъ своего существованія—Бога. И слѣдовательно, такъ какъ языкъ является выраженіемъ человека и природы, а, стало-быть, духа Божія, то изъ языка вытекаетъ пониманіе природы и человека, а слѣдовательно, и откровенія Божія. Мало того, языкъ, съ точки зрѣнія отношенія къ природѣ, есть выраженіе силы, возвысившейся самостоятельно до жизни; въ отношеніи же къ человеку онъ является выраженіемъ самосознающаго человеческого ума. Поэтому языкъ необходимо связанъ съ сущностью человека, какъ самосознающаго, предназначеннаго къ самопознанію духа, и составляетъ съ нимъ одно нераздѣльное цѣлое. Этой двойственной природѣ языка, ставшаго и средствомъ и связью, присущи поэтому и математическія и физическія свойства, свойства жизни и движенія. Вотъ почему языкъ въ своихъ послѣднихъ составныхъ частяхъ слова, въ своемъ акцентѣ, въ своихъ звукахъ, въ своихъ заключеніяхъ и своихъ буквахъ выражаетъ не только общія основныя отношенія и основныя свойства природы, но и дѣйствія и проявленія интеллектуальнаго существа.

5.

Изученіе природы и внѣшняго міра въ отрочествѣ.

Что раньше, въ дѣтскую пору, совершалось особнякомъ и безъ всякой связи, теперь совершается въ упорядоченномъ видѣ и по возможности во внутренней необходимой связи, согласно ходу развитія человека на этой ступени и вдобавокъ расчленяясь и развѣтвляясь, такъ какъ частное и единичное всегда вытекаетъ изъ общаго и цѣлаго.

Познаніе каждой вещи, сущности назначенія и свойствъ ея повсюду яснѣе и опредѣленнѣе всего изъ мѣстныхъ условій и отношеній, въ которыхъ находятся между собой предметы. Поэтому ученикъ тѣмъ болѣе проникаетъ въ сущности предметовъ природы и внѣшняго міра, чѣмъ болѣе ему дать познать предметы въ той естественной связи, въ которой они находятся. А затѣмъ различныя условія и отно-

шенія между предметами и ихъ значеніе станутъ для мальчика тамъ понятнѣе и яснѣе, гдѣ онъ будетъ чаще всего окруженъ ими и ихъ вліяніями, при чемъ причина ихъ существованія, быть-можетъ, будетъ лежать въ немъ самомъ или, по крайней мѣрѣ, имѣть въ немъ свой исходный или конечный пунктъ. Это предметы его ближайшей среды, предметы комнаты, дома, сада, мызы, села, города, луга, поля, лѣса, долины. Отъ разбора предметовъ комнаты, ближайшей среды, эти наблюденія природы и внѣшняго міра, какъ отъ ближайшаго и болѣе законнаго, переходятъ въ должномъ порядкѣ къ дальнѣйшему и менѣе извѣстному, и, слѣдуя этому порядку связи и дѣленія, станутъ для насъ предметами школьнаго обученія.

6.

Природа и жизнь.

Природа и жизнь въ своихъ явленіяхъ рано, очень рано обращается къ человѣку; но рѣчь ея тиха, такъ тиха, что еще неразвитой умъ мальчика, еще непривычное ухо человѣка на этой ступени развитія съ трудомъ воспринимаетъ рѣчь и звуки жизни и природы; правда, воспринимаетъ ихъ и чувствуетъ, но еще не умѣетъ ихъ себѣ объяснить, перенести на свой языкъ, выразить на своемъ языкѣ; и все-таки, какъ только человѣкъ начинаетъ чувствовать и сознавать, что его «я» нѣчто отдѣльное отъ внѣшняго міра, въ человѣкѣ просыпается жажда понимать жизнь, языкъ внѣшняго міра и предчувствіе, что онъ когда-нибудь да восприметъ въ себя эту жизнь, которая повсюду сталкивается съ нимъ извнѣ и сдѣлаетъ ее своею.

Время года и дня приходитъ и уходитъ. Весна съ своимъ цвѣтомъ и ростомъ наполняетъ мальчика удовольствіемъ и жизнью, и кровь его течетъ быстрѣе и громче бьется сердце; осень со своими падающими цвѣтными и пестрыми листьями и ихъ крѣпкимъ запахомъ наполняетъ ожиданіемъ и предчувствіемъ; неподвижная, но ясная, прочная и постоянная зима вызываетъ мужество и силы, и это чувство муже-

ства и силы, выдержка и самоотречение дѣлаетъ сердце мальчика, чувства мальчика свободными и веселыми; поэтому онъ едва ли съ такою радостью и восторгомъ встрѣчаетъ первые весенніе цвѣты и первыхъ весеннихъ птичекъ, какъ первые хлопья снѣга, которые обѣщаютъ его мужеству и силѣ ровный и быстро одолимый путь къ далекой цѣли. Все это предчувствіе будущей, іероглифы тихой, еще погруженной въ дремоту внутренней жизни; все это правильно понятое и оцѣненное—ангелы, ведущіе человѣка въ жизнь и въ жизни, поэтому оно не должно быть потеряно для человѣка, не должно расплыться въ дымъ и туманъ. И что есть въ нашей жизни, если дѣтство и юность наша были пусты и бѣдны, пусты и бѣдны свѣжими, живыми образами и возвышающими жизнь, чающими и надѣющимися, предчувствующими и вѣрящими чувствами и впечатлѣніями, пусты и бѣдны чувствомъ и сознаниемъ своего лучшаго «я»?

XV.

Адольфъ Дистервегъ.

Адольфъ Дистервегъ, устроитель нѣмецкой народной школы въ XIX вѣкѣ, родился въ октябрѣ 1790 г. въ Зинегѣ, въ Вестфалии, умеръ въ февралѣ 1866 г. Отецъ его служилъ по судебному вѣдомству, отличался дѣятельностью и честностью и передалъ эти качества сыну. Еще будучи въ школѣ мальчикомъ, Дистервегъ любилъ въ свободное время странствовать, заводить знакомства, особенно съ ремесленниками, узнавать все новое и интересное. Окончивъ курсъ въ латинской школѣ на родинѣ, онъ поступилъ въ Герборнскій, а затѣмъ въ Тюбингенскій университеты и отдался изученію богословія. Идеи Песталоцци пробудили въ немъ глубокой педагогическій интересъ, и онъ рѣшилъ посвятить себя педагогическому дѣлу. На 21 году онъ сдѣлался домашнимъ учителемъ въ Мангеймѣ, потомъ школьнымъ учителемъ въ Вормсѣ, а въ 1813 г. онъ получилъ мѣсто въ образцовой школѣ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, гдѣ успѣлъ обнаружить значительныя педагогическія дарованія. Въ 1816 г. онъ вступилъ

въ члены франкфуртскаго общества поощренія полезныхъ знаній; устроилъ при немъ воскресную школу для подмастерьевъ и ремесленныхъ учениковъ и ревностно занимался въ ней. Съ 1818 по 1820 гг. Дистервегъ былъ учителемъ латинской школы въ Эльберфельдѣ, здѣсь онъ познакомился съ извѣстнымъ въ то время педагогомъ Вильбергомъ, у котораго еженедѣльно соби-рался значительный педагогическій кружокъ для обмѣна мыслей по педагогическимъ и научнымъ вопросамъ. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ педагогическій кружокъ имѣлъ рѣшительное вліяніе на Дистервега, который задумалъ тогда же отдаться вполнѣ педагогическимъ вопросамъ и посвятить себя на служеніе народной школѣ. Въ 1820 г. онъ былъ назначенъ директоромъ учительской семинаріи въ Мерсѣ и началъ усердно заботиться о подготовкѣ молодыхъ учителей. Ибо, по мысли Дистервега, вся сила въ учителѣ: „Тамъ, гдѣ школы находятся въ упадкѣ,—говорилъ онъ,— онѣ упадаютъ виною самихъ учителей; а тамъ, гдѣ онѣ возвысились, ихъ возвысили только учителя, поэтому только образованные, мыслящіе, словомъ, зрѣлые мужи могутъ быть достойны званія учителя“. 12 лѣтъ Дистервегъ прожилъ въ Мерсѣ, всѣми любимый и уважаемый, довольный своимъ положеніемъ; возлѣ него собрался довольно тѣсный педагогическій кружокъ. По словамъ одного почитателя Дистервега ¹⁾: „Пруссія построила при Рейнѣ три страшныя крѣпости ²⁾ для защиты противъ сосѣдей и для охраны государства. Но она соорудила еще и другую, сильнѣйшую крѣпость — образованіе народа. Эту послѣднюю и самую надежную крѣпость помогаль ей строить Дистервегъ, какъ искуснѣйшій въ своемъ дѣлѣ инженеръ“.

Въ 1830 г. Дистервегъ сталъ уже извѣстенъ въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, какъ лучшій знатокъ педагогическаго дѣла, и ему предложено было занять мѣсто вновь учреждаемой въ Берлинѣ учительской семинаріи для городскихъ школъ. Но жизнь въ Берлинѣ, куда онъ переѣхалъ только въ 1832 г. послѣ холеры, Дистервегу не понравилась. Однако и тутъ Дистервегъ принялся энергично за дѣло и подобралъ прекрасныхъ сотрудниковъ. Въ это же время Дистервегъ увлекся литературными трудами, которые доставили ему большую извѣстность. Со-

¹⁾ Шмитгенера.

²⁾ Въ Кобленцѣ, Кёльнѣ и Везелѣ.

чиненія его относятся преимущественно къ элементарной педагогикѣ и содержатся частью въ отдѣльныхъ книгахъ и брошюрахъ, частью въ педагогическихъ журналахъ, главнымъ образомъ, въ рядѣ статей, помѣщенныхъ имъ въ издаваемыхъ съ 1827 г. „Рейнскихъ Листкахъ“¹⁾. Уже въ 1846 г. насчитывали 24 сочиненія Дистервега, 260 статей въ „Рейнскихъ Листкахъ“ и множество рецензій по всевозможнымъ педагогическимъ вопросамъ.

Въ борьбѣ за лучшую постановку народной школы Дистервегъ нажилъ себѣ много враговъ, особенно среди католическаго духовенства, которое въ то время въ Германіи старалось имѣть преобладающее значеніе въ народной школѣ. Враги обвинили Дистервега въ опасныхъ реформаторскихъ стремленіяхъ, и въ 1847 г. онъ былъ уволенъ отъ должности директора берлинской учительской семинаріи, хотя и безъ видимой законной причины. Послѣ этого онъ, сдѣлавшись частнымъ человѣкомъ, продолжалъ усиленно заниматься педагогическими вопросами и отзываться на текущія событія: такъ онъ настойчиво доказывалъ необходимость спеціальнаго образованія для учителей и критиковалъ появившіеся въ 1854 г. прусскіе регулятивы; онъ же вполне доказалъ несостоятельность ланкастерской системы взаимнаго обученія, которой до того времени такъ увлекались. Дистервегъ до самой смерти, послѣдовавшей въ 1866 г., продолжалъ начатое имъ съ 1851 г. изданіе „Педагогическаго Ежегодника“, выпуская по книжкѣ въ годъ.

Лучшее изъ сочиненій Дистервега „Руководитель для нѣмецкихъ учителей“ впервые появилось въ 1835 г. въ Эссенѣ, въ изд. Бедекера. Оно вытерпѣло рядъ изданій и подверглось переработкѣ.

Мы дѣлаемъ выдержки изъ II ч. „Очерка исторіи воспитанія и обученія съ древнѣйшихъ до нашихъ временъ“ Л. П. Модзалевскаго, изд. 3. Спб. 1892 г., свѣреннаго съ нѣмецкимъ „Wegweiser’омъ“²⁾ и изъ „Избранныхъ педагогическихъ сочиненій“ Ад. Дистервега, въ изданіи журн. „Семья и Школа“ 1885 г.

---

1) «Rheinische Blätter».

2) Послѣднее изданіе: Adolf Diesterweg. Wegweiser zur Bildung für deutsche Lehrer. Bearbeitet und herausgegeben von Karl Richter. Frankfurt am Main und Berlin 1907. Erster Teil. Das Allgemeine. Siebente Auflage. Zweiter Teil. Das Besondere IX+440. Sechste Auflage.

1.

О высшемъ или основномъ принципѣ воспитанія.

Для того, чтобы имѣть право говорить о наукѣ воспитанія, мы должны высказываемые въ ней взгляды обосновать, доказать, т.-е. (оставляя въ сторонѣ доказательства эмпирическія и историческія) требующія доказательства утвержденія вывести изъ безспорныхъ, твердо установленныхъ, уже общепризнанныхъ истинъ; постараемся изслѣдовать эти подпоры нашего зданія, насколько они удовлетворяютъ своему назначенію, и такимъ путемъ, идя сверху внизъ, дойти до самаго фундамента. Этотъ фундаментъ въ вопросахъ познанія есть первое, самое глубокое, самое важное, основное положеніе, къ которому сводятся всѣ другія, на которомъ они основываются и покоятся и которое поэтому должно быть названо основоположеніемъ, высшимъ, основнымъ принципомъ. Слѣдовательно, въ воспитаніи, коль скоро дѣло касается обоснованія взглядовъ, прежде всего нужно найти основной или высшій принципъ его.

Посмотримъ же, какіе признаки должно имѣть то положеніе, которое по праву могло бы быть поставлено во главѣ педагогической системы, какъ основной, верховный (высшій) принципъ или основоположеніе ея. Найдя эти признаки, мы будемъ въ состояніи судить, будетъ ли извѣстное положеніе, выставленное во главѣ всей системы воспитанія, дѣйствительно заслуживать этого.

1) Высшій принципъ, или основоположеніе, не можетъ быть доказано и ни въ какихъ доказательствахъ не нуждается.

Если бы такой принципъ могъ быть доказываемъ, то это значило бы, что онъ можетъ быть выведенъ изъ другого принципа или положенія, по отношенію къ нему высшаго и ранѣе признаннаго; слѣдовательно, нашъ принципъ не былъ бы принципомъ высшимъ, вообще не былъ бы основоположеніемъ, аксіомою. Итакъ, тотъ принципъ, ко-

торый мы принимаемъ за основной, за основоположеніе научной системы, не можетъ быть доказываемъ.

Этотъ принципъ и не нуждается въ доказательствѣ. Если бы онъ нуждался въ доказательствѣ, то это значило бы, что онъ не имѣетъ полной достовѣрности, что онъ представляетъ собою нѣчто колеблющееся и во всякомъ случаѣ нѣчто лишь вѣроятное. Но на недостовѣрномъ, на колеблющемся, только лишь вѣроятномъ утвержденіи нельзя строить научной системы. Такимъ образомъ основной принципъ воспитанія не можетъ быть гипотезою, не можетъ быть доказываемъ и въ доказательствахъ не нуждается; онъ долженъ, слѣдовательно, быть непосредственною истиною, или аксіомою. Онъ долженъ быть таковою, чтобы о немъ можно было сказать: «это понятно само собою, эта истина ясна сама по себѣ, эту истину человѣкъ сознаетъ непосредственно, она лежитъ въ самой природѣ предмета».

2) Высшій принципъ долженъ быть общъ.

Онъ долженъ носить вполне характеръ общности. По объему онъ долженъ быть большимъ, нежели всѣ другія положенія родственнаго содержанія, нежели всѣ другія положенія той же области вѣдѣнія, ибо изъ него должны быть выведены всѣ другія положенія, посредствомъ его они должны быть обоснованы; онъ долженъ отвѣтить на послѣднее «почему». Все, что находится въ связи съ этимъ принципомъ, должно быть истинно, все противорѣчащее ему — ложно; онъ долженъ господствовать надъ всею областью науки; ему должны быть подчинены всѣ остальные положенія ея. Поэтому извѣстная наука должна изъ него исходить и къ нему же возвращаться, т.-е. на немъ основываться.

3) Высшій принципъ долженъ быть единичнымъ, онъ долженъ быть единственнымъ.

Двухъ высшихъ принциповъ въ данной области вѣдѣнія одновременно быть не можетъ, ибо тогда они находились бы въ состояніи логическаго соподчиненія. Но соподчиненное положеніе должно быть подчинено какому-либо такому положенію, которое будетъ по отношенію къ первому

общимъ, заключающимъ его въ себѣ высшимъ, основнымъ, принципомъ, т.-е., слѣдовательно, соподчиненное положеніе не будетъ основнымъ принципомъ. Изъ этого слѣдуетъ, что только высшій принципъ можетъ быть поставленъ въ основаніе науки.

4) Высшій принципъ воспитанія долженъ быть принципомъ формальнымъ.

Формальное противопоставляется реальному, форма противопоставляется содержанию, субъективное—объективному. Положеніе, имѣющее опредѣленное реальное содержаніе, будетъ несравненно менѣе обще, нежели всякое такое положеніе, которое, будучи лишено указаннаго содержанія, даетъ только общую норму или выставляетъ только общій принципъ.

Такимъ образомъ высшій принципъ воспитанія не долженъ имѣть никакого положительнаго содержанія; онъ обозначаетъ только общій, формальный законъ.

Не нужно много доказательствъ, чтобы имѣть право утверждать, что именно принципъ природосообразности и долженъ быть признанъ высшимъ принципомъ всякаго воспитанія.

Такимъ образомъ въ воспитаніи человѣческомъ главнѣйшая задача сводится къ тому, чтобы не совершалось ничего такого, что противно природѣ человѣка вообще и природѣ отдѣльной индивидуальности въ частности, чтобы все было сообразно съ природою человѣческою и съ природою индивидуума. Намъ остается доказать, что принципъ «воспитывай сообразно съ природою» не можетъ быть доказываемъ и въ доказательствахъ не нуждается, что это принципъ вполне общій, единичный и формальный.

1) Принципъ «воспитывай сообразно съ природою» не можетъ быть доказываемъ и въ доказательствахъ не нуждается.

Человѣкъ не творитъ природы, онъ находитъ ее предъ собою уже существующею, онъ самъ есть продуктъ этой природы. Существа природы могутъ и должны быть только тѣмъ, къ чему они созданы, т.-е. къ чему они имѣютъ задатки. Стараться сдѣлать изъ нихъ нѣчто иное было бы

очевиднымъ безуміемъ. Растеніе никогда не можетъ превратиться въ животное, и обратно; и каждое растеніе извѣстнаго вида и остается растеніемъ именно этого вида.

2) Принципъ «воспитывай сообразно съ природою» есть принципъ вполнѣ общій; онъ есть самый общій принципъ всей педагогики.

Этотъ принципъ имѣетъ единственный признакъ—природосообразность; никакой другой принципъ не можетъ имѣть признакъ меньшаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, болѣе общаго. Онъ вытекаетъ непосредственно изъ сущности человека и непосредственно къ нему же возвращается; онъ признаетъ всю цѣнность и все значеніе цѣлесообразности въ его природѣ; онъ отличается характеромъ общности и неограниченности; онъ требуетъ, чтобы вся воспитательная дѣятельность была сообразна съ природою. Такимъ образомъ, содержаніе этого принципа возможно малое, объемъ же возможно великъ, т.-е. онъ есть самый общій принципъ всей педагогики.

3) Принципъ «воспитывай сообразно съ природою» есть принципъ единичный и вполнѣ достаточный.

4) Принципъ «воспитывай сообразно съ природою» есть принципъ формальный.

Этотъ принципъ не высказываетъ, не опредѣляетъ—къ чему, къ какой конечной цѣли, съ какимъ намѣреніемъ должно воспитывать—для того ли, чтобы быть пригоднымъ въ свѣтѣ, или для самодовольства, благополучія, блаженства и т. п., въ интересахъ ли извѣстнаго сословія, рода, отношеній и т. п., сообразно или несообразно съ требованіями даннаго времени; при помощи тѣхъ или иныхъ средствъ и т. п. Ему нѣтъ дѣла до условія пространства и времени, ни до какихъ-либо иныхъ; онъ лишенъ всякаго объективнаго содержанія; онъ требуетъ только, чтобы воспитатель держался природы, способствовалъ развитію указываемыхъ ею цѣлей. Словомъ, этотъ принципъ есть, что называется, принципъ формальный.

Итакъ, принципъ «воспитывай сообразно съ природою» есть высшій принципъ всякаго человѣческаго воспитанія.

Этимъ принципомъ все доказывается, къ нему въ воспитаніи все сводится. Если принять его за основу воспитательной дѣятельности, то другихъ основаній приводить уже не для чего; онъ является самымъ глубокимъ и самымъ послѣднимъ основаніемъ. Поэтому, если мы желаемъ доказать истинность, справедливость того или другого воспитательнаго приѣма, того или другого опыта, то намъ слѣдуетъ только доказать, что данный приѣмъ или данный опытъ—природосообразны, что они благопріятствуютъ цѣлямъ природы, дѣйствуютъ сообразно ея указаніямъ, и обратно: если мы желаемъ доказать, что извѣстный образъ дѣйствій въ воспитаніи дурень, невѣренъ, ложенъ, пагубенъ, то обязаны доказать, что онъ противоестественъ, идетъ противъ цѣлей природы, не соблюдаетъ указанныхъ ею путей. Дѣйствовать при воспитаніи человѣка природосообразно, естественно — значитъ проявлять высшую педагогическую мудрость; поступать противоестественно, несообразно съ природою — значитъ поступать въ педагогическомъ отношеніи въ высшей степени глупо, извращенно. Истинный воспитатель тотъ, кто въ своей воспитательной дѣятельности всегда и вездѣ остается вѣренъ принципу природосообразности, естественности, и извращаетъ, искажаетъ, вообще воспитываетъ дурно тотъ, кто не слѣдуетъ этому принципу, остается невѣренъ, противодѣйствуетъ ему. Такимъ образомъ самое общее, безусловное, всеобъемлющее требованіе, которое должно предъявлять воспитателю, состоитъ въ томъ, чтобы онъ поступалъ «сообразно съ природою».

Принципъ природосообразности заключаетъ въ себѣ два требованія—положительное и отрицательное. Первое гласитъ: избѣгай въ воспитаніи всего неестественнаго, противнаго природѣ, второе—развивай, упражняй природные задатки, дѣйствуй сообразно съ природою. Это послѣднее требованіе — первѣйшее, главнѣйшее требованіе; если оно выполняется, то и всѣ другія, вытекающія изъ него, правила болѣе или менѣе выполняются.

2.

I. Правила обученія по отношенію къ учащемуся ¹⁾.

1) *Учите сообразно съ природою.* Природа есть сила и все естественное въ человѣкѣ также представляетъ силу. Поэтому наставникъ долженъ руководиться природою человека и законами ея развитія. Это самый высшій законъ обученія. Изъ него проистекаютъ всѣ прочія правила, а потому для воспитателя важнѣе всего узнать человѣческую природу вообще, и природу своего питомца въ особенности. Для этого главной руководительницей явится психологія; но кромѣ того, внимательно наблюдайте за самимъ воспитанникомъ, и вы можете достигнуть такихъ результатовъ, которые освѣтятъ и направятъ всю вашу дѣятельность. Зная психологію, наставникъ путемъ дедукціи постоянно будетъ искать примѣненія общихъ законовъ къ частнымъ особенностямъ развиваемаго субъекта, и изъ наблюдений надъ нимъ и другими субъектами индуктивно выработаетъ себѣ самостоятельныя психологическія познанія дѣтской и юношеской природы. Если же это не будетъ выполнено педагогомъ, онъ останется безвыходно въ потемкахъ и станетъ бродить въ нихъ вмѣстѣ съ своимъ питомцемъ до тѣхъ поръ, пока не пробьетъ часъ освобожденія его невинной жертвы.

2) *Соображайтесь съ естественными ступенями или періодами человеческого развитія.* Самостоятельная дѣятельность въ первый періодъ дѣтства проявляется преимущественно въ видѣ тѣлесной, физической дѣятельности. Въ это время дитя лучше всего любитъ игры, — и пусть играетъ! Воспитатель долженъ воспользоваться этой преобладающей склонностью для общаго развитія тѣла гимнастикой, которую не слѣдуетъ прекращать и послѣ, чтобы

---

¹⁾ Большинство правилъ Дистервега приводится здѣсь въ сокращенномъ видѣ.

душа, развитая до самостоятельности, могла заставить и тѣло уже до того развитымъ, чтобы оно могло быть наиболее послушнымъ ея орудіемъ. Духовная воспріимчивость принимаетъ видъ какъ бы одной дѣятельности внѣшнихъ чувствъ: дитя любитъ все разсмотрѣть, послушать, обнюхать, попробовать, ощупать; его любознательность стоитъ еще на степени любопытства. И эту склонность воспитатель долженъ употребить въ пользу, развивая и изоцряя, укрѣпляя внѣшнія чувства соответствующими имъ упражненіями, обучая всему нагляднымъ образомъ, превращая любопытство въ любознательность. Духовная самодѣятельность обнаруживается пока лишь въ свободной игрѣ фантазіи: дитя любитъ сказки, исторійки съ приключеніями и собственное фантастическое творчество. Воспитатель долженъ дать дѣтской фантазіи надлежащее направленіе, предлагая ему изустно, а потомъ и задавая читать народныя, а не поддѣльныя подъ народность сказки, простые рассказы изъ близкаго къ нему круга или изъ естественной исторіи, замѣчательныя черты изъ жизни историческихъ лицъ, насколько они могутъ быть понятны дитяти, поучительныя библейскія исторіи. Наконецъ это время весьма удобно для наученія дѣтей разнымъ механическимъ искусствамъ, къ которымъ дѣти въ этомъ возрастѣ чувствуютъ особенное расположеніе. Результатомъ всего такого подготовительнаго обученія бываетъ развитіе способности къ наблюденію, вниманію, терпѣнію, усвоенію и сохраненію въ памяти изученнаго, возбужденіе охоты къ настоящему ученію. Это самое лучшее время для практическаго изученія языковъ и вообще для накопленія въ памяти полезнаго для жизни запаса свѣдѣній. Мало-по-малу при этомъ развивается въ дитяти разсудокъ и мышленіе, а съ другой стороны начинаютъ выказываться особенныя способности и склонности, и иногда съ такою очевидностью, что не слишкомъ много нужно проницательности, чтобы замѣтить будущее призваніе дитяти.

3) *Начинайте учить съ той точки, на которой стоитъ ученикъ, и отъ ней ведите его постоянно впередъ, безъ прерывовъ и пропусковъ, съ основательностью.* Данное состояніе

ученика и есть исходный пункт обученія ¹⁾. Прежде чѣмъ начнете учить чему-либо, постарайтесь узнать: какъ далеко въ этомъ предметѣ ученикъ вашъ, на чемъ онъ остановился. Безъ этого знанія ваше преподаваніе не принесетъ желаемой пользы ²⁾: вы не будете знать, что можно предположить въ ученикѣ, какъ уже извѣстное ему, чтобы съ этимъ извѣстнымъ связать новое, преподаваемое ему познаніе, исправляя въ то же время все, что ученикъ зналъ и прежде, но не точно или не вѣрно, однако избѣгая перерывовъ и безъ пробѣловъ: этого требуетъ законъ самаго развитія, которое въ самой природѣ совершается не иначе, какъ постепенно, постоянно, непрерывно, безъ скачковъ, однимъ словомъ—органически; а потому, если вы въ преподаваніи будете поступать не такъ, какъ требуетъ самое понятіе развитія, вы не разовьете и вашего питомца. Безпрерывнымъ по справедливости можно назвать то ученіе, которое дѣлаетъ способнымъ ученика восходить на каждую высшую ступень съ такою степенью самостоятельной дѣятельности, какой только можно требовать отъ его возраста, степени развитія и отъ сущности самого предмета. Въ интересахъ основательности строго держитесь правила—учить какъ можно меньше. Неопытные учителя больше всего грѣшатъ противъ этого правила: они ревностно учатъ всему, чему сами выучились, стараются дать ученикамъ своимъ какъ можно болѣе матеріала, полагая, что это имъ также необходимо и интересно, какъ имъ самимъ, что знаніе—не тяжелая ноша; они засыпаютъ учениковъ высшими идеями и выводами науки, тогда какъ дѣтямъ недостаетъ еще и элементовъ; они несвоевременно набиваютъ память множествомъ разнородныхъ познаній, которыя лежатъ въ ней безъ употребленія, гніютъ и только убиваютъ въ ученикахъ самостоятельность и охоту къ ученію. Между тѣмъ иные называютъ такое ученіе основа-

---

¹⁾ Der Standpunkt des Schülers ist der Ausgangspunkt (Wegweiser, стр. 313).

²⁾ Ohne die Kenntniss des Standpunktes des Schülers ist keine ordentliche Belehrung desselben möglich.

тельнымъ. *Истинная основательность состоитъ въ томъ, чтобы учить понемногу, т. - е. постольку, поскольку можетъ принять и самостоятельно перерабатывать ученикъ; чтобы оставить каждому знанію созрѣть въ душѣ питомца; чтобы дать ему возможность совершенно овладѣть изученнымъ и примѣнить къ дѣлу, сравнить съ другимъ, сдѣлать выводъ; чтобы питомецъ чувствовалъ, что выученное онъ на самомъ дѣлѣ знаетъ, и знаетъ навсегда: это даетъ ему силу и бодрость, влагаетъ вѣру въ себя, радуется и придаетъ охоту итти впередъ...* Истинная основательность состоитъ именно въ томъ, чтобы вести далѣе ученика не прежде, пока онъ не получитъ силъ самостоятельно взойти на слѣдующую ступень, такъ чтобы результаты ученія дѣйствительно соответствовали степени развитія ученика.

4) *Не учите ничему, что для учащагося еще не имѣетъ никакого значенія* въ то время, когда онъ этому учится, или же не будетъ имѣть въ послѣдствіи. Ученіе должно соответствовать той степени развитія, на которой стоитъ учащійся въ то время, когда учится, а не той, на которой онъ будетъ, можетъ-быть, находиться въ послѣдствіи. Это правильно можно выразить и такимъ образомъ: не учите ничему преждевременно.

5) *Учите наглядно.* Это правило такъ важно для всего ученія, что его должно бы поставить на первое мѣсто послѣ правила, требующаго учить сообразно съ природою. На немъ основывается вся первоначальная метода обученія, требуемая новою, современною дидактикою, хотя рѣдко придаютъ этому правилу ту полную всеобщность, какой она заслуживаетъ, и рѣдко прилагаютъ ее въ школѣ къ преподаванію каждаго учебнаго предмета. На этомъ правилѣ должно основываться все обученіе дѣтей и юношей; да и для взрослыхъ оно имѣетъ огромное значеніе при всякомъ изученіи новаго предмета. Развитие человѣческаго духа начинается съ воспріятія впечатлѣній внѣшняго міра. Эти впечатлѣнія возбуждаютъ въ душѣ чувства, которыя соединяются потомъ въ созерцанія или наглядныя представленія, которыя умъ возводитъ, наконецъ, въ общія понятія. А потому понятія должны основываться на на-

глядныхъ представленіяхъ или созерцаніяхъ, а созерцанія— на чувственныхъ воспріятіяхъ: иначе понятія будутъ лишены созерцанія, а слова, которыми означаются понятія, будутъ лишь пустыми звуками. Со времени Локка, Коменскаго, Руссо и Песталоцци, которымъ такъ много обязано наглядное преподаваніе, между педагогами распространилось мнѣніе, будто правило «учить наглядно» ограничивается только первоначальнымъ обученіемъ, именно: относится только къ преподаванію первыхъ началъ ариѳметики и геометріи. Такое мнѣніе весьма односторонне. Напротивъ, всякое твердое, ясное знаніе какъ внѣшнихъ предметовъ, такъ и внутренняго состоянія самого духа, исходитъ изъ наглядности. Если нѣтъ никакой возможности дать учащемуся прямое, наглядное представленіе объ извѣстномъ предметѣ, то, по крайней мѣрѣ, прибѣгайте къ изображеніямъ, рисункамъ, къ возбужденію воспоминаній въ ученикахъ о томъ, что они уже видѣли, слышали и т. п., къ сравненіямъ, аналогіямъ и другимъ подобнымъ средствамъ. Никогда не начинайте съ правила, съ принципа, а съ факта, съ примѣра, потому что правила суть отвлеченія отъ примѣровъ, а принципы—рефлексія изъ фактовъ; безъ примѣровъ не могутъ быть поняты правила, безъ фактовъ—принципы. Всѣ дальнѣйшія дидактическія правила основаны почти исключительно на этомъ правилѣ—учить наглядно, и представляютъ какъ бы дальнѣйшее его развитіе.

6) *Переходите отъ близкаго къ дальнему, отъ простаго къ сложному, отъ легкаго къ трудному, отъ извѣстнаго къ неизвѣстному.* Всѣ эти правила находятся въ такой связи, что если мы нарушимъ одно, то впадемъ въ ошибку во всѣхъ остальныхъ. Такъ, напримѣръ, не все то близко для пониманія дитяти, что близко къ нему по времени или мѣсту. Все особенное, частное, конкретное, наглядное— близко, а все общее, отвлеченное—далеко. Изъ этихъ четырехъ правилъ, вмѣстѣ взятыхъ, самое важнѣйшее, однако, послѣднее: переходите отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, и если мы въ приложеніи встрѣтимъ затрудненіе, не зная которому изъ нихъ отдать преимущество, то всѣ прочія

должны уступить названному. На послѣднемъ правилѣ основывается и слѣдующее.

7) *Учите не научнымъ, а элементарнымъ образомъ.* Научное, академическое преподаваніе, какое бываетъ, напримеръ, въ университетахъ, начинается обыкновенно съ общихъ положеній, изъ которыхъ выводятся всѣ частности и особенности путемъ дедукціи, при строгомъ соблюденіи послѣдовательнаго порядка поступательнаго движенія или развитія; однимъ словомъ, академическое преподаваніе требуетъ строго систематическаго изложенія, при чемъ имѣется въ виду не развитіе учащихся, а строгая логичность въ группировкѣ истины. Элементарное преподаваніе, напротивъ того, идетъ тѣмъ же индуктивнымъ путемъ, какимъ происходитъ естественное развитіе человѣческаго духа, начиная съ единичнаго, частнаго и переходя къ общему, отъ анализа къ синтезу. Итакъ, научная—синтетическая, діалектическая или догматическая метода прямо противоположна элементарной—индуктивной, аналитической. Излагая предметъ по научной методѣ, преподаватель ставитъ науку или самого себя, какъ ея представителя, центромъ всего ученія, и поставляетъ слушателя въ положеніе, такъ сказать, пассивное, при которомъ онъ ограниченъ воспріятіемъ, изученіемъ и размышленіемъ о томъ, что ему предлагается безъ личнаго авторитета, но во имя разума и науки. Самостоятельность уже предполагается въ слушателѣ. Напротивъ, преподаватель, слѣдующій элементарной методѣ, исходитъ изъ той точки, на которой остановился учащійся, и старается вопросами, находящимися въ прямой связи съ тѣмъ, что ученикъ уже знаетъ, возбудить его самостоятельность, приведя его къ открытію новыхъ мыслей. Слѣдовательно, здѣсь учащійся, а не наука, становится центромъ преподаванія, а учитель является только средствомъ къ возбужденію и руководству учащагося. Въ научномъ преподаваніи предпочитается акроаматическая метода изложенія, при элементарномъ—эвристическая или катихизическая или, вообще, сократическая.

8) *Имѣйте прежде всего въ виду цѣль формальную, а потомъ уже матеріальную* или, лучше сказать, соединяйте

обѣ цѣли вмѣстѣ. Обученіе можетъ имѣть двойную тенденцію: во-первыхъ, сообщить извѣстный учебный матеріалъ, усвоить за ученикомъ извѣстное знаніе и вмѣстѣ умѣнье, и во-вторыхъ, посредствомъ ученія развить его силы. Въ первомъ случаѣ имѣется въ виду матеріальная цѣль, во второмъ—формальная. Но, собственно говоря, обѣ эти цѣли не исключаютъ другъ друга; напротивъ того, тотъ ученикъ, который съ особенной энергіей и самостоятельностью усвоилъ себѣ учебный матеріалъ, энергически разовьетъ и силы своего духа, если только при усвоеніи примѣняема была разумная метода. Но, какъ бы то ни было, формальная цѣль все-таки важнѣе, выше, а потому она можетъ и должна имѣть преимущество и перевѣсъ, особенно при элементарномъ обученіи въ дѣтствѣ и въ первой юности. При элементарномъ обученіи ученикъ не нуждается въ большой массѣ свѣдѣній; для его пользы важнѣе всего развить въ немъ какъ можно болѣе силу мышленія, даръ слова, вниманіе и способность разумно и быстро схватывать каждый новый предметъ съ его существеннѣйшихъ сторонъ и т. п. Такія чисто формальныя качества принесутъ ученику огромную пользу впоследствии въ жизни, если только возбужденныя въ немъ силы духа и развитыя умѣнья будутъ направлены къ добрымъ цѣлямъ. Но изъ всего этого не слѣдуетъ, что матеріальная цѣль должна быть вовсе упущена изъ виду: она только не должна преобладать. Чѣмъ моложе и неразвитѣе учащійся, тѣмъ болѣе надо заботиться о возбужденіи его силъ и способностей; чѣмъ выше онъ возрастомъ и зрѣлостью, тѣмъ смѣлѣе можно передавать ему тяжелый грузъ свѣдѣній, въ томъ предположеніи, что прежде сознанныя въ немъ силы помогутъ его духу ассимилировать предлагаемый матеріалъ. Но попробуйте поступать наоборотъ: завалите питомца съ развитыми силами учебнымъ матеріаломъ, переварить который у него не хватаетъ силъ, и вы невозвратно погубите его духъ. Въ старшихъ классахъ гимназій матеріальная цѣль получаетъ болѣе значенія, но и тамъ, даже въ университетахъ и академіяхъ, не должна быть забываема та гимнастика духа, которая научаетъ самостоятельно изслѣдовать

неизвѣстное и освѣщать сознаниемъ новые предметы. Формальное образованіе не должно заключать въ себѣ ничего утилитарнаго, прикладнаго,—а только пригодный для себя учебный матеріаль, который долженъ подлежать не одному усвоенію, но прежде всего переработкѣ и уже потомъ усвоенію: черезъ это обученіе будетъ вмѣстѣ и матеріальнымъ. Что касается до многосторонности въ преподаваніи, то она состоитъ въ томъ, чтобы посредствомъ одного и того же предмета упражнять по возможности всѣ душевныя силы, всѣ способности: и созерцательную способность, и память, и воображеніе, и умъ, и волю, и даже чувство. Поэтому нельзя полагать, что каждый учебный предметъ имѣетъ въ виду только какую-нибудь одну цѣль. Жизненность и практичность обученія должна состоять въ томъ, чтобы ученики упражнялись въ приложеніи усвоеннаго какъ къ другимъ отраслямъ знанія, такъ и къ жизни, соединяя словесное изложеніе усвоеннаго съ письменнымъ. Съ этою цѣлью все элементарное обученіе должно имѣть характеръ единства; каждое знаніе должно жизненно, органически проникать другъ друга; въ каждомъ усвоенномъ знаніи необходимо упражнять до тѣхъ поръ, пока оно сдѣлается совершенною собственностью учащагося и срастется со всѣми другими знаніями такъ, чтобы онъ могъ располагать ими легко и свободно, и приложеніе выученнаго обратилось бы въ привычку, въ механизмъ: такъ, напримѣръ, музыкантъ, преодолевъ механическія трудности, разбираетъ потомъ ноты безъ остановки, раздумья, и уже самъ можетъ предаться тому, что составляетъ сущность музыки. Вотъ почему все дѣло элементарнаго обученія съ его формальными цѣлями удобнѣе всего вести одному учителю по всѣмъ предметамъ, которые не должны строго выдѣляться одинъ изъ другого, какъ это бываетъ и въ самой жизни и въ природѣ, гдѣ все взаимно связано и обусловлено.

9) *Не учите ничему, чего ученикъ не можетъ понять.* Не давайте ничего, выходящаго за его горизонтъ, или, вѣрнѣе, подводите его только къ тому, что можетъ появиться на его горизонтѣ и какъ бы стоять само на очереди. Словомъ, не учите ничему, чего ученикъ не можетъ по-

нять. Неиспорченное дитя сильно чувствует нѣкоторое отвращеніе къ тому, что недосягаемо и выше его пониманія, и не любитъ ничего усваивать одною памятью. Однако въ нашихъ школахъ дѣти часто приучаются къ охотному усвоенію того, чего они еще не понимаютъ, приучаясь къ тому разными искусственными поощрительными или устрашающими мѣрами. Здѣсь нарушаются природа и свобода развитія, насильственнымъ образомъ убивается въ ученикѣ любовь и стремленіе къ истинѣ, и все воспитаніе дѣлается грузомъ, порабощеніемъ, тогда какъ оно должно быть освобожденіемъ. Только истина дѣлаетъ насъ свободными. Подъ пониманіемъ надо разумѣть не абсолютное, но опредѣляемое возрастомъ и степенью развитія ученика. Лучшій признакъ такого пониманія—бодрость, охота дѣтей къ ученію; непониманіе порождаетъ апатію и лѣнь, противъ которыхъ безсильны всѣ карательныя мѣры.

10) *Старайтесь, чтобы ученики помнили все, чему выучились.* Память есть способность сохранять и вызывать по желанію однажды составленное представленіе. При этой репродукціи представленій какъ укрѣпляется сама способность памяти, такъ и сами представленія выигрываютъ въ ясности, опредѣленности, точности и прочности. Какъ много дѣти въ низшихъ и среднихъ классахъ учатъ такого, что потомъ забываютъ уже въ высшихъ, и окончательно утрачиваютъ въ жизни! Если же учить надо только тому, что необходимо удержать на всю жизнь,—то надо и заботиться объ упроченіи такихъ знаній. Достигнуть этого можно только словеснымъ, катихизическимъ повтореніемъ всего того, что ученикъ усвоилъ себѣ, напр., въ продолженіе извѣстнаго времени: недѣли, мѣсяца, года и даже нѣсколькихъ лѣтъ. При этомъ нечего бояться нѣкоторыхъ утомленій для учениковъ, а себя жалѣть не слѣдуетъ ради ихъ пользы. У дѣтей есть природная склонность къ повторенію, если только она не заглушена послѣдующимъ дурнымъ обученіемъ. Такое частое повтореніе особенно необходимо въ такихъ предметахъ, въ которыхъ все послѣдующее систематически основывается на предыдущемъ, напр., въ математикѣ и иностранныхъ языкахъ. Чѣмъ больше комбиниру-

ются старыя представленія съ новыми, тѣмъ болѣе уясняются и упрочиваются и тѣ и другія по законамъ ассоціаціи. Слабость духа и характера у многихъ взрослыхъ объясняется только тѣмъ, что они въ дѣтствѣ все усвоивали только отчасти, а не вполнѣ. Знать вполнѣ, значитъ—имѣть усвоенное всегда подъ рукою, во всякое мгновенье, когда представится въ томъ надобность. Въ интересахъ такого полного усвоенія учениками учебнаго матеріала, учитель старшихъ классовъ самъ долженъ знать все то, что происходило въ младшихъ, и умѣть кстати вызывать въ ученикахъ воспроизведеніе прежнихъ знаній.

11) *Старайтесь, чтобы учащійся былъ проникнутъ такими представленіями, мыслями, воззрѣніями, стремленіями, которыми обусловится его послѣдующая самостоятельность въ жизни,* какъ человѣка и гражданина своего отечества, въ какой бы сферѣ ни было. Современная педагогика отвергаетъ раннее специальное предназначеніе дѣтей къ извѣстному поприщу, такъ какъ самъ опытъ доказалъ, что такая узкая, хотя и житейско-практическая, система всегда вредитъ дѣлу общечеловѣческаго образованія. Но каждый человѣкъ не мыслимъ иначе, какъ принадлежащимъ къ своему народу; слѣдовательно, принципъ національный не исключается общечеловѣческимъ, но входитъ въ него какъ элементъ. Общее образованіе предполагаетъ усвоеніе за питомцемъ тѣхъ понятій и привычекъ, которыя и человѣчны и вмѣстѣ народны, и которыя, какъ все истинное, должны явиться результатомъ его собственнаго убѣжденія. Такъ какъ понятіе національности поглощается понятіемъ общечеловѣческаго, то послѣднее, какъ важнѣйшее, должно при воспитаніи и обученіи стоять на первомъ планѣ. Все общее, основное, элементарное должно предшествовать всему частному, условному, случайному, такъ какъ это законъ самой природы. Вотъ почему въ дѣлѣ общаго образованія все, что партійно, спорно, условно, не должно быть навязываемо, а можетъ явиться только при самостоятельномъ и свободномъ избраніи самого питомца, когда онъ уже совершилъ путь своего общаго образованія. Между тѣмъ педагоги нерѣдко приводятъ своихъ дѣтей къ національной или кон-

фессіональной исключительности и заранѣе обрекають ихъ на то или другое поприще жизни: это—уже порабощеніе личности.

12) *Принимайте въ соображеніе особенную личность учащагося.* Однако это не значить—обособляйте тѣ частныя цѣли воспитанія, противъ которыхъ уже высказано, а только выбирайте пути, которые были бы сообразны съ личностью питомца, и которые привели бы его къ свободному и всестороннему проявленію своей индивидуальной природы. Охраняйте его прирожденный талантъ и наклонности, но не бросайтесь на нихъ однихъ, пока не будетъ завершёнъ весь кругъ общаго образованія ¹⁾).

3.

II. Правила, относящіяся къ предмету преподаванія.

Въ дѣлѣ воспитанія три фактора: ученикъ, учебный предметъ и учитель. Относительно второго изъ нихъ должно совѣтовать слѣдующее:

1) *Распредѣляйте содержаніе каждаго предмета соотвѣтственно той точкѣ развитія, на которой стоитъ ученикъ, и соотвѣтственно законамъ развитія вообще.* При элементарномъ обученіи надо постоянно помнить, что главная цѣль его не есть сообщеніе полнаго, систематическаго знанія или науки, но развитіе духовныхъ способностей и вообще образованія. Вотъ почему педагогическая система, по которой располагается учебный матеріаль, существенно отличается отъ ученой и не можетъ имѣть ея полноты и строгости. Въ научной системѣ признается строгое логическое дѣленіе на основаніи извѣстнаго принципа или критеріума; въ педагогической системѣ такимъ критеріумомъ служитъ личность учащагося, т.-е. его возрастъ, степень знанія и развитія.

---

¹⁾ См. Л. Модзалевскій. „Очерки исторіи воспитанія и обученія“. Ч. II. СПб. 1877 г. Wegweiser см. Regeln für den Unterricht in Betreff des Schülers, des Subjekts, стр. 306—352.

2) *Останавливайтесь подольше надъ элементами предмета, надъ тѣмъ, что составляетъ его основаніе, не подвигаясь впередъ до тѣхъ поръ, пока эти элементы не будутъ усвоены учащимся. Это правило принадлежитъ къ основнымъ и обезпечиваетъ вѣрныя успѣхи. Иначе все дальнѣйшее преподаваніе будетъ поверхностно, учащійся будетъ ощупью идти впередъ, потеряетъ всякое довѣріе къ предмету, къ учителю и къ самому себѣ, потеряетъ всякую охоту къ ученію. Это правило чаще всего нарушается при общемъ обученіи въ классѣ, гдѣ непременно есть и слабые, нерѣдко даже забрасываемые учителемъ ради передовыхъ учениковъ.*

3) *Почаще возвращайтесь къ первымъ основнымъ положеніямъ или элементамъ предмета при дальнѣйшихъ изъ нихъ выводахъ, но настолько, насколько это нужно для указанія на тѣсную связь между ними, слѣдовательно, не теряя времени, если связь эта пріобрѣла для учащагося полную очевидность. Эта-то связь въ пониманіи предмета и составляетъ ту систему, въ которую долженъ построиться учебный матеріалъ. Вотъ почему также хорошее усвоеніе стараго лучше пріобрѣтенія новыхъ познаній, ведущаго къ верхоглядству.*

4) *Раздѣляйте содержаніе каждаго учебнаго предмета на извѣстныя ступени, на такія части, изъ которыхъ каждая представляла бы сама по себѣ нѣчто цѣлое. Тогда отсутствіе научной системы не перейдетъ въ хаосъ; учащійся будетъ въ состояніи обозрѣть весь предметъ въ цѣломъ и въ частяхъ, будетъ имѣть, такъ сказать, пункты для отдыха, на которыхъ ему можно будетъ повторять пройденное, и привыкнетъ къ ученію методическому, совершаемому по предначертанному плану, въ системѣ, которая сперва сознается только самимъ учителемъ и дѣлается ясною для ученика съ тѣхъ поръ, какъ онъ овладѣетъ всѣмъ предметомъ и будетъ въ состояніи окинуть его однимъ синтетическимъ взглядомъ. Необходимы поэтому систематическія повторенія накопленныхъ знаній, располагаемыхъ между извѣстными пунктами или классификація.*

5) *На каждой ступени преподаванія обозначайте части слѣдующей ступени и даже сообщайте кое-что изъ того, что стоитъ на ближайшей очереди въ преподаваніи. Но при такомъ образѣ дѣйствія надо остерегаться, чтобы не прервать нити настоящаго преподаванія. Этимъ способомъ мы не только постоянно будемъ удовлетворять уже возбужденнымъ въ ученикахъ вниманію и любознательности, но и возбуждать ихъ впередъ намеками на дальнѣйшее. Въ такихъ намекахъ состоитъ преимущественное достоинство элементарнаго преподаванія. Когда въ послѣдствіи то, чего преподаватель коснулся еще только слегка, какъ бы мимоходомъ, представлено будетъ учащемуся въ полномъ свѣтѣ,—это доставитъ учащемуся такое наслажденіе, которое еще болѣе захочетъ его къ ученію. Вообще вся сущность всякаго духовнаго наслажденія заключается въ выясненіи того или другаго представленія, и это наслажденіе есть главнѣйшій стимуль, ведущій человека по пути знанія и прогресса.*

6) *Раздѣляйте и располагайте преподаваемый предметъ такъ, чтобы на слѣдующей ступени въ новомъ по возможности всегда повторялось старое. Черезъ это будетъ сохраняться связь между неизвѣстнымъ и извѣстнымъ; пройденное будетъ болѣе и болѣе усваиваемо, и учащійся будетъ упражняться въ томъ, какъ понимать сложные предметы и какъ съ ними обходиться; онъ привыкнетъ все сложное разлагать на простые элементы и частные признаки, и потомъ уже заключать о цѣломъ.*

7) *Соединяйте сродные по содержанию предметы между собою. Этого, однако, не надобно понимать такъ, какъ училъ Жакото, который совѣтуетъ находить все во всемъ ¹⁾ и учить всему, всякой всячинѣ, въ одно и то же время, на одномъ и томъ же урокѣ. Такъ ничего нельзя разсмотрѣть порядочно, то-есть основательно, и въ головѣ учащагося произойдетъ совершенное смѣшеніе, сбивчивость понятій. Всякая система, связность, если только она не искусственна и соотвѣтствуетъ степени развитія уче-*

---

1) Tout est en tout.

ника, не затрудняетъ, а облегчаетъ ученіе и даетъ массѣ фактовъ смыслъ и порядокъ, опредѣляемый известной идеей. Для избѣжанія слишкомъ вреднаго, хаотическаго разнообразія можно на одномъ и томъ же матеріалѣ дѣлать различныя упражненія, приводя составныя части этого матеріала въ новыя и новыя комбинаціи. Такъ, на примѣръ, въ примѣненіи къ языку это правило требуетъ: то самое, что на одномъ урокѣ служило упражненіемъ въ чтеніи, на другомъ—повторять для упражненія въ правописаніи, на третьемъ—брать за тему для изученія языка, его законовъ и правилъ.

8) *Переходите отъ самой вещи, отъ предмета къ означенію его, къ изображенію,—а не наоборотъ.* Вещь, предметъ, наглядныя представленія, понятія, мысли, сужденія, умозаключенія, идеи и проч.—все это и составляетъ самое существенное для знанія, а слѣдовательно, на нихъ-то и слѣдуетъ обратить главное вниманіе. Когда вещь понята, тогда можно замѣнить ее знаками, какъ, напр., для слуха словами и выраженіями, моделями и т. п.; тогда не будетъ возможности повторять заученныя слова, какъ одни пустые звуки. Особенно осторожно надо обходиться съ терминологіей, которая при методѣ обратной весьма обременительна.

9) *При выборѣ методы сообразайтесь съ сущностью преподаваемаго предмета.* Собственно, по Дистервегу, есть только двѣ методы: *догматическая*, сообщающая ученику готовый матеріалъ для изученія, и *эвристическая* (*εὐρίσχω* — находить), заставляющая ученика съ помощью учителя производить матеріалъ новыхъ представленій, понятій и мыслей. Всѣ прочія методы смѣшаны изъ этихъ двухъ методъ. Первая также иногда называется по внѣшнему своему характеру *акроаматическою* (*ἀκροάομαι*—слушать), и послѣдняя — *эротематическою* (*ἔρωμαι*—спрашивать). При акроаматической методѣ, какъ мы видѣли, учитель или сказываетъ отдѣльныя предложенія, которыя потомъ ученики повторяютъ или записываютъ, или преподаетъ часть предмета, какъ нѣчто цѣлое, а ученики записываютъ или усваиваютъ на память только главнѣйшее; при всемъ этомъ преобладаетъ пассивность со стороны ученика. Эротематиче-

ская метода состоитъ въ вопросахъ и отвѣтахъ. При ней все обученіе особенно оживляется, но не всегда бываетъ развивающимъ и можетъ переходить въ болтовню или резонерство со стороны дѣтей, не требуя отъ нихъ напряженной и самостоятельной активности, или усидчиваго труда. Эротематическая метода можетъ относиться или уже къ выученному, превращаясь въ испытаніе, или къ новому, которое должно быть развиваемо изъ духа самого учащагося: въ первомъ случаѣ метода называется катихизическою или катихизаціей, а въ послѣднемъ—сократическою. Акроаматическая метода, когда преподаются отдѣльные слова и предложенія, можетъ быть примѣняема: или къ начинающимъ говорить дѣтямъ, у которыхъ замѣтна поразительная жажда звука и слова, или къ зрѣлымъ, мыслящимъ и самостоятельнымъ юношамъ, когда преподается цѣлый предметъ въ болѣе или менѣе научной формѣ. Для элементарнаго преподаванія единственно полезная метода — эротематическая, разговорная, по вопросамъ и отвѣтамъ, переходящая или въ собственно катихизическую, или въ сократическую. Но опытный и искусный учитель не держится строго и исключительно ни одной методы: онъ примѣняется всегда къ личностямъ учениковъ и къ самому преподаваемому предмету. Такое преподаваніе, при которомъ учитель идетъ съ учащимися тѣмъ же путемъ постепеннаго открытія истины, какимъ шло само человѣчество, такъ сказать, воспроизводя или повторяя съ ними исторію самихъ наукъ, называется *генетическою* методою, которая для раціональныхъ предметовъ есть наилучшая, такъ какъ она болѣе всего развиваетъ самодѣятельность учащагося, напрягающаго всѣ свои силы, чтобы самому добыть тѣ результаты, до которыхъ дошло все человѣчество.

10) *Не располагайте содержаніе учебнаго предмета по общимъ искусственнымъ рубрикамъ, но всегда рассматривайте всѣ его стороны вмѣстѣ. Напримѣръ, при урокахъ наглядныхъ не располагайте съ самаго начала всѣ предметы по ихъ виду, величинѣ, цвѣту, количеству и т. п., а рассматривайте каждый предметъ поодиночкѣ со всѣми его признаками, давайте сравнивать потомъ уже съ изученными, и*

только впоследствии, когда съ такою всесторонностью будутъ разсмотрѣны многіе предметы, заставляйте учащихся подводить сродные между собою предметы по признакамъ и свойствамъ подъ общія понятія и рубрики, однимъ словомъ, классифицировать.

11) *Не выводите послѣдующихъ положеній посредствомъ общихъ дѣйствій, но развивайте ихъ изъ сущности самой вещи.* Эти правила относятся въ особенности къ математическому преподаванію, гдѣ легко впасть въ одну механизацию внѣшнихъ пріемовъ, какъ, на примѣръ, извѣстное положеніе, что въ геометрической пропорціи произведеніе крайнихъ членовъ равно произведенію среднихъ, не доказывайте только тѣмъ, что вы ихъ порознь перемножите, но дайте понять этотъ законъ изъ самой сущности геометрической пропорціи.

12) *Содержаніе учебнаго предмета, располагаемаго въ педагогической системѣ, должно стоять въ уровень съ современнымъ состояніемъ науки.* Это правило относится въ особенности къ предметамъ положительнымъ и историческимъ, въ которыхъ генетическая метода, слѣдующая постепенному развитію науки по времени, оказывается непримѣнимою. Такъ, на примѣръ, было бы неразумно преподаваніе математической географіи начать съ Птолемеевой системы и потомъ довести, наконецъ, до нынѣ принятой Коперниковой, послѣдовательно переходя всѣ историческіе моменты развитія науки и раздѣляя всѣ тѣ заблужденія ея, надъ которыми она потомъ возвысилась и отвергла. Сперва надо передать ученикамъ, на примѣръ, по естествовѣдѣнію, все то, что понятно для дѣтей и не противорѣчитъ современной наукѣ, а потомъ уже перейти и къ исторіи науки, которая не собоетъ молодой умъ съ толку, но принесетъ ему существенную пользу ¹⁾.

---

1) См. Л. Модзалевскій. „Очерки исторіи воспитанія и обученія“. Ч. II. СПб. 1877 г. Wegweiser см. Regeln für den Unterricht in Betreff des Lehrstoffs, des Objekts, стр. 352—365.

III. Правила преподаванія, относящіяся къ учителю.

1) *Старайтесь сдѣлать преподаваніе ваше занимательнымъ для учащихся.* Если учитель будетъ слѣдовать этому правилу, то онъ достигнетъ того результата, что учащійся полюбитъ все истинное, прекрасное и доброе, и будетъ съ удовольствіемъ, съ участіемъ, со вниманіемъ заниматься всѣмъ, что содѣйствуетъ достиженію высшихъ цѣлей жизни. Занимательность ученія зависитъ отъ умѣнья разнообразить его, отъ живости и участія самого учителя, возбуждающаго самодѣятельность въ дѣтской природѣ; вообще занимательность зависитъ не отъ учебнаго предмета, а отъ личности преподавателя. Разнообразить преподаваніе не значитъ пере скакивать отъ одного предмета къ другому, но представлять одинъ и тотъ же предметъ въ различномъ видѣ, съ различныхъ сторонъ; оно обуславливается манерою преподаванія, которую не надо смѣшивать съ методою, относящеюся болѣе къ внутренней сторонѣ дѣла. Разнообразіе необходимо для того, чтобы предметъ не показался сухимъ, мертвымъ учащемуся, который еще не въ состояніи понять ни важнаго значенія его самого по себѣ, ни пользы его для жизни; толкованія же о пользѣ ученія бесполезны. Живость преподаванія не должна быть искусственною, притворною, наружною, не должна выражаться въ одной безпокойной болтовнѣ, торопливости, въ минахъ, гримасахъ, тѣлодвиженіяхъ, на которыя иногда дѣти и обращаютъ все вниманіе, живость эта должна быть внутреннею, духовною, исходящею изъ любви къ дѣтямъ, изъ удовольствія заниматься съ ними, изъ радости къ ихъ малѣйшимъ успѣхамъ. Она необходима потому, что главная цѣль преподаванія не столько сообщеніе свѣдѣній, сколько возбужденіе, оживленіе самодѣятельности учащихся.

2) *Учите энергически* ¹⁾. Если мы вникнемъ, въ чемъ лежитъ источникъ дисциплинарной и дидактической силы

---

¹⁾ Unterrichte mit Kraft.

учителя, то найдемъ его въ энергіи и рѣшительности его воли, короче: въ силѣ его характера. При нерѣшительности, нетвердости, такъ сказать, женственности, рѣдко достигается что-либо какъ въ жизни, такъ и въ школѣ. Было бы ошибочно полагать, что при неустановившихся взглядахъ, при слабости чувства и безсиліи воли въ самомъ учителѣ можно сообщить юношеству должное образованіе. Силу характера нельзя вызвать никакими просьбами, мольбами, никакимъ терпѣніемъ и самоотверженіемъ, ни кротостью или скромностью, ни снисхожденіемъ, доходящимъ до великодушія. Сила мысли, чувство добра и энергія воли въ юношествѣ развивается не при пассивномъ или отрицательномъ отношеніи къ нему воспитателя, но при рѣшительномъ, положительномъ его воздѣйствіи, когда самъ воспитатель или учитель обладаетъ тѣми качествами, которыя желалъ бы видѣть въ своихъ питомцахъ-ученикахъ. Отсутствіе ихъ въ воспитателѣ ведетъ юношество къ дерзости, безстыдству и своенравію. Только тотъ человѣкъ, который знаетъ, чего онъ хочетъ, почему именно этого хочетъ, а не другого, и какія средства приведутъ его къ желаемой имъ цѣли,—только тотъ человѣкъ образуетъ людей рѣшительныхъ, энергическихъ, твердыхъ характеромъ. Вотъ почему учителю надо остерегаться всякихъ полумѣръ, колебаній, попытокъ и уступокъ, доказывающихъ слабость мысли и слабость воли.

3) *Учите такъ, чтобы ученикъ могъ легко выразить словами содержаніе изученнаго*, и наблюдайте всегда надъ хорошимъ произношеніемъ, рѣзкимъ удареніемъ, яснымъ изложеніемъ и логическимъ порядкомъ. Неясность, сбивчивость изложенія есть слѣдствіе или неясности представленій и мыслей или недостатка навыка въ изложеніи, когда ученикъ еще не овладѣлъ этимъ, такъ сказать, механизмомъ реализаціи мысли въ слово. Обыкновенно учителя, за исключеніемъ преподавателя отечественнаго языка, рѣдко наблюдаютъ за исполненіемъ этого важнаго правила и упускаютъ изъ виду формальную сторону развитія, гоняясь за однимъ только знаніемъ. Но какъ убѣдиться въ знаніи, если оно не выразится отчетливо въ словѣ, а знаніе при неспо-

способности выразить его будетъ въ значительной степени мертвымъ. Никогда не надо принимать обычныхъ отговорокъ учениковъ: «я знаю, но не могу выразить». Вотъ почему нужно вообще поменьше самому говорить на урокъ, а побольше заставлятъ говорить самихъ учениковъ. Хорошимъ произношеніемъ называется такое, какое употребляется людьми образованными; рѣзкое удареніе значить—внятное произношеніе съ правильной логической интонаціей; ясное изложеніе требуетъ избѣгать всего двусмысленнаго и неопредѣленнаго; наконецъ логическій порядокъ въ изложеніи обусловливается естественнымъ ходомъ самого мышленія.

4) *Никогда не останавливайтесь сами въ собственномъ образованіи* ¹⁾. Наставникъ до тѣхъ поръ способенъ образовательно дѣйствовать на другихъ, пока онъ продолжаетъ собственное самообразование, и нѣмецкая поговорка «Stillstand ist Rückgang» болѣе чѣмъ справедлива. Застой, представляющій столь обыкновенное явленіе въ учительскомъ сословіи, происходитъ отъ того однообразія, въ какое они сами впадаютъ на своемъ дѣлѣ, имѣя въ виду не живой матеріалъ—дѣтей, а мертвый учебный матеріалъ. Образование не есть нѣчто готовое, оконченное, но постоянно развивающееся,—что выражается въ самомъ этимологическомъ значеніи слова. Какъ, по опредѣленію Канта, нѣтъ свободы, а только постоянное освобожденіе, постоянное стремленіе къ свободѣ,—такъ нѣтъ образованія, а только непрерывный прогрессъ или регрессъ образованности. Вотъ почему образование немислимо безъ дѣятельности, безъ усовершенствованія, безъ того, чтобы человѣкъ шелъ впередъ постоянно и неуклонно. Если учитель долженъ постоянно образовывать себя въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ, какъ человѣкъ и гражданинъ вообще, то онъ обязывается къ этому еще болѣе, какъ избравшій особенное, великое избраніе — быть наставникомъ, образователемъ юношества. Онъ долженъ всегда помнить, что въ немъ воплощается все ученіе, и что отъ его личности, а не отъ учебнаго

---

¹⁾ Stehe nie still

предмета, отдѣльно понимаемаго, зависитъ успѣшность его учениковъ. Лучшимъ стимуломъ для образованія служить частое общеніе съ другими товарищами по призванію ради науки и педагогическаго дѣла, взаимный обмѣнъ мыслей, однимъ словомъ—коллегіальность.

5) *Радуйтесь за себя и за своихъ учениковъ ихъ развитію и ихъ подвижности.* Выполненіе этого требованія прежде всего зависитъ отъ призванія и любви учителя къ своему дѣлу, безъ чего недостаточно будетъ самой педантической добросовѣстности, легко могущей обратиться въ формализмъ. Любовь часто подсказываетъ намъ то, что не можетъ сказать холодный умъ, и нерѣдко направляетъ насъ на тотъ истинный путь, какого не открыть самымъ продолжительнымъ размышленіемъ. Находите, если можете, полное наслажденіе въ своемъ преподаваніи, даже не размышляя каждую минуту о цѣляхъ, и не задумываясь, какіе-то плоды принесетъ оно. Довѣряйте человѣческой природѣ, зная, что все прекрасное, истинное и доброе достигается свободнымъ развитіемъ человѣческихъ силъ. Если въ каждомъ дѣлѣ нужна любовь къ нему, то въ дѣлѣ воспитанія по преимуществу; зато едва ли какое другое дѣло, честно и съ любовью исполненное, доставляетъ столько чистаго, высоко нравственнаго наслажденія, какъ педагогическое дѣло, если только вы достигнете любви учениковъ за вашу любовь къ нимъ, довѣрія за довѣріе, когда вы увидите въ нихъ очевидные признаки истиннаго развитія. Трудъ въ истинномъ значеніи немыслимъ безъ наслажденія, и источникъ этого наслажденія — въ самомъ трудѣ; возможность наслажденія дѣлаетъ человѣка счастливымъ, а счастье, какъ мы выше опредѣлили, заключается въ дѣятельности, сообразной нашему призванію. Если вы не любите дѣтей—бѣгите отъ педагогическаго поприща: оно будетъ источникомъ страданій для васъ и для вашихъ питомцевъ; вы не вкусите наслажденій отъ дѣтской любви, отъ ихъ развитія, и, пожалуй, будете искать его въ однихъ внѣшнихъ отличіяхъ, въ удовлетвореніи тщеславія и эгоизма, которые, какъ извѣстно, никогда и ничѣмъ не удовлетворяются, но только растутъ и мучатъ человѣка. Пусть дѣло

воспитанія будетъ для васъ цѣлью, а не средствомъ—и вы выполните это спасительное для васъ самихъ правило: наслаждайтесь успѣхами вашихъ учениковъ ¹⁾).

5.

IV. Правила преподаванія относительно внѣшнихъ обстоятельствъ.

1) *Не учите множеству предметовъ въ одно и то же время*, а передавайте предметъ одинъ за другимъ. Это правило особенно важно въ началѣ ученія, чтобы дать возможность учащемуся сосредоточить все свое вниманіе на одномъ, или на немногихъ главныхъ предметахъ, такъ, чтобы былъ одинъ центръ, около котораго все бы группировалось, — будетъ ли такимъ центромъ отечественный языкъ, естествовѣдѣніе, математика или древніе языки. Это необходимо для преодоленія первыхъ трудностей, неизбежныхъ при первомъ знакомствѣ съ тѣмъ или другимъ предметомъ. Это правило относится преимущественно къ иностраннымъ языкамъ, и нѣтъ ничего вреднѣе, какъ начинать нѣсколько языковъ вдругъ. Когда будутъ преодолены первыя трудности одного главнаго предмета, то можно перейти къ другому, при чемъ прежній обратится во второстепенный, потомъ—къ третьему и т. д. У насъ это дидактическое правило совершенно забыто относительно языковъ.

2) *Принимайте въ соображеніе будущее (вѣроятное) званіе учащагося*. Этимъ нисколько не отвергается другое, важнѣйшее правило, требующее воспитать въ человѣкѣ человѣчность, т.-е. положить основаніе его общечеловѣческому развитію. Сущность этого правила заключается въ томъ, что если ученикъ по своему происхожденію и по своимъ дарованіямъ предназначается къ высшему образованію, то и въ первоначальномъ образованіи должны быть болѣе широкія основанія (напр., иностранные языки), и самое обученіе должно получить болѣе основательное, теоретическое на-

---

¹⁾ См. Л. Модзалевскій. „Очерки исторіи воспитанія и обученія“. Ч. II. СПб. 1877 г. Wegweiser см. Regeln für des Unterricht in Betreff des Lehrers, стр. 374—391.

правленіе; но если все ученіе должно ограничиться элементарнымъ учебнымъ заведеніемъ, напр., народной школой, то оно должно быть болѣе узкимъ, болѣе практическимъ, не утрачивая въ то же время своего строго дидактическаго характера. Дидактическія трудности при этомъ послѣднемъ условіи даже увеличиваются, такъ какъ возможность развитія болѣе ограничивается и временемъ и учебнымъ матеріаломъ.

3) *Учите сообразно съ состояніемъ современной образованности*, т.-е. съ духомъ настоящаго времени, съ нравами и обычаями того народа и званія, къ которому принадлежитъ учащійся, если только въ нихъ нѣтъ ничего вреднаго для его будущаго призванія,—словомъ, соображайтесь со всѣми данными, окружающими его обстоятельствами. Но это правило всегда должно подчиняться другому, гораздо высшему, предписывающему учить сообразно съ человѣческой природою, такъ что если между этими правилами произойдетъ столкновеніе, то всегда должно отдавать предпочтеніе послѣднему передъ первымъ. Когда, на примѣръ, современная народная образованность какого-либо края находится въ ложномъ направленіи или совсѣмъ извращена подъ вліяніемъ какой-нибудь сословной или эгоистической доктрины, то для исправленія этого превратнаго положенія дѣль необходимо искать помощи въ томъ, чего требуетъ человѣческая природа вообще, но, разумѣется, не путемъ внезапныхъ переворотовъ, а постепенныхъ мѣръ. Пониманіе всѣхъ этихъ потребностей предполагаетъ въ педагогѣ значительное образованіе и безпристрастіе, какія очень рѣдки; но это не отмѣняетъ требованія во имя дѣтскаго и общаго блага. Если жизнь имѣетъ неотразимое вліяніе на школу и воспитаніе, то и наоборотъ, такъ что эти два понятія «жизнь и школа» нераздѣльны и изъ ихъ взаимодействія слагается сила воспитанія. Если школа нужна для жизни, то и жизнь для школы: это два вѣчные фактора, и ни одному изъ нихъ нельзя отдать преимущества ¹⁾).

¹⁾ См. Л. Модзалевскій. „Очерки исторіи воспитанія и обученія“, ч. II, и Wegweiser. Regeln für den Unterricht in Betreff äusserer Verhältnisse, der Zeit, des Ortes, des Standes u. s. w., стр. 365—374.

XVI.

Гербертъ Спенсеръ.

Гербертъ Спенсеръ одинъ изъ выдающихся англійскихъ мыслителей XIX вѣка. Онъ родился 27 апрѣля 1820 г. въ Дерби. Его отецъ былъ учителемъ. Вліяніе его на сына было благотворно въ томъ отношеніи, что онъ съ раннихъ лѣтъ пробуждалъ въ ребенкѣ самодѣятельность и самостоятельность мысли. Предполагалось, что сынъ пойдетъ по стопамъ отца и сдѣлается педагогомъ. И дѣйствительно, когда по окончаніи средняго образованія Спенсера, возникъ вопросъ о профессіи, Гербертъ, по желанію отца, поступилъ на мѣсто учителя въ 1837 г. Тогда уже онъ обнаружилъ склонность къ занятіямъ математикой и естествознаніемъ, увлекаясь въ то же время и философіей. На ряду съ синтетическимъ складомъ ума, Спенсеръ обнаружилъ дарованія практика и техника: онъ рано овладѣлъ методами точныхъ наукъ и потому, когда вскорѣ послѣ начала его педагогической карьеры ему представилось мѣсто инженера при постройкѣ Лондонъ-Бирмингэмской желѣзной дороги, онъ оставилъ мѣсто учителя и сдѣлался инженеромъ — чертилъ карты, набрасывалъ планы, изобрѣлъ особый инструментъ для измѣренія скорости движенія локомотива. Эта черта—технической и практической складъ ума Спенсера отличаетъ его отъ большинства философовъ предшествующихъ эпохъ и наложила своеобразный отпечатокъ на все позднѣйшее его философское міросозерцаніе. Но она же явилась источникомъ нѣкоторыхъ пробѣловъ въ его образованіи. Такъ, напр., онъ совершенно не зналъ нѣмецкаго языка и потому не могъ быть знакомымъ съ нѣмецкой философіей и наукой по подлинникамъ. Инженерная дѣятельность Спенсера продолжалась съ большими перерывами до 1846 г. Въ теченіе этого періода у него пробуждается постепенно интересъ къ политическимъ вопросамъ. Съ 1846 г. Спенсеръ покидаетъ дѣятельность инженера и становится публицистомъ и ученымъ.

Съ ранней юности Спенсеръ увлекался біологіей, и его занятія этой наукой все болѣе и болѣе укрѣпили въ немъ убѣжденіе, что всякое органическое развитіе есть переходъ изъ состоя-

нія однородности въ состояніе разнородности. Это положеніе Спенсеръ переноситъ съ изученія отдѣльнаго организма на развитіе всего организованнаго міра и всей Вселенной. Идея развитія положена имъ въ основаніе его теоріи познанія, психологіи и метафизики, которыя были систематически имъ разработаны въ основаніяхъ психологіи (4 т., 1855 г.). Въ концѣ пятидесятихъ годовъ Спенсеръ задумываетъ громадное предпріятіе въ видѣ изданія стройной системы „Синтетической философіи“. Въ 1858 г. онъ составляетъ планъ, рассчитанный на семь томовъ, затѣмъ расширяетъ его на 10 томовъ и въ 1860 г. издаетъ его подробный планъ. Въ теченіе 1860—63 гг. выходили по выпускамъ „Основныя начала“. Затѣмъ были изданы „Біологія“, „Соціологія“, „Основанія психологіи“, „Данныя науки о нравственности“. Г. Спенсеръ скончался въ 1903 г. ¹⁾.

1.

Необходимость найти мѣрило цѣнности знаній.

Если бы потребовалось еще доказательство грубости и несостоятельности системы нашего воспитанія, то мы найдемъ его въ слѣдующемъ фактѣ: вопросъ о сравнительной цѣнности различныхъ родовъ знаній едва ли подвергался когда обсужденію, если же и обсуждался, то отнюдь не методически и безъ всякихъ опредѣленныхъ результатовъ. Произошло это не потому, что до сихъ поръ не было признаннаго мѣрила относительной цѣнности знаній, а потому, что о существованіи его у насъ не выработалось даже яснаго понятія, мало того, что не выработалось яснаго понятія, едва ли ощущается недостатокъ въ такомъ мѣрилѣ. Люди читаютъ книги, слушаютъ лекціи объ этомъ предметѣ, рѣшаютъ, что ихъ дѣтямъ будутъ преподаваться такія-то отрасли наукъ, а такія-то нѣтъ; но всѣ они руко-

---

¹⁾ Біографическія свѣдѣнія о Спенсерѣ взяты изъ «Энциклопедическаго словаря», изд. Брокгаузомъ и Эфрономъ. Т. XXXI. Спб., 1900, стр. 177—186. Выдержки дѣлаются изъ сочиненія Г. Спенсера «Воспитаніе умственное, нравственное и физическое», перев. съ англійскаго Е. А. Сысоевой. Спб. 1889 г.

водствуются, въ настоящемъ случаѣ, однимъ лишь обычаемъ, личнымъ вкусомъ или предубѣжденіемъ, отнюдь не разсуждая о громадномъ значеніи раціональнаго опредѣленія, какіе именно предметы болѣе всего необходимы для обученія дѣтей. Правда, въ обществѣ мы слышимъ иногда замѣчанія о важности того или другого рода знаній; но стоитъ ли предметъ, по степени своей важности, той траты времени, которая будетъ потребна для того, чтобы его усвоить, и нѣтъ ли другихъ, еще болѣе важныхъ предметовъ, на которые ребенокъ могъ бы посвятить то же количество времени, — эти вопросы, будучи подняты, обсуждаются весьма поверхностно и только сообразно съ личнымъ взглядомъ. Правда и то, что, по временамъ, у насъ въ обществѣ возникаютъ горячія пренія относительно сравнительныхъ достоинствъ классическаго и математическаго образованія; но такія пренія ведутся только эмпирически, безъ всякой ссылки на какой-либо опредѣленный критерій; въ сущности же, этотъ вопросъ совершенно ничтоженъ, сравнительно съ общимъ вопросомъ, изъ котораго онъ проистекаетъ. Вообразить, что разсуждая о томъ, которое изъ двухъ образованій лучше—классическое или математическое, мы рѣшаемъ вопросъ жизни,—все равно, что вообразить, будто вся суть діететики заключается въ разрѣшеніи вопроса, что питательнѣе: хлѣбъ или картофель!

Вопросъ, который мы теперь обсуждаемъ и который имѣетъ очень важное значеніе, заключается не въ опредѣленіи достоинствъ такого или иного знанія, а въ опредѣленіи ихъ относительныхъ достоинствъ. Люди, указавъ на пользу, которую они извлекли изъ изученія какихъ-либо предметовъ, воображаютъ, что они доказали этимъ все, а, между тѣмъ, забываютъ, что прежде всего надо рѣшить вопросъ о размѣрѣ полученной пользы. По настоящему, нѣтъ такого предмета, изученіе котораго не приносило бы извѣстной пользы. Употребивъ цѣлый годъ на изученіе геральдики, мы получили бы только возможность глубже проникнуть въ характеръ прежнихъ нравовъ и обычаевъ; изучивъ разстояніе между всѣми городами Англій, мы, можетъ-быть, не болѣе двухъ или трехъ разъ, въ теченіе всей

жизни, воспользовались бы этимъ знаніемъ во время путешествій. Есть ли что бесполезнѣе собиранія провинціаль-ныхъ сплетенъ? а между тѣмъ, и изъ нихъ можно извлечь какой-нибудь полезный фактъ, хотя бы представить примѣръ наследственной передачи сплетничества. Каждый ясно видитъ, что во всѣхъ подобныхъ случаяхъ нѣтъ никакой соразмѣрности между количествомъ потраченнаго труда и ожидаемой пользой. Никто, конечно, не пожелаетъ, чтобы мальчикъ посвятилъ нѣсколько лѣтъ своей жизни на приобрѣтеніе вышеупомянутаго рода познаній въ ущербъ другимъ, гораздо болѣе цѣннымъ, которыми онъ могъ бы обогатить свой умъ за это время. Если же здѣсь мы прибѣгаемъ къ мѣрилу относительной цѣнности знаній и считаемъ указанія его за рѣшительный приговоръ, то понятно, что вездѣ и всюду мы должны прибѣгать къ нему и полагаться на него. Будь у насъ достаточно времени на изученіе всѣхъ предметовъ, намъ не было бы надобности вдаваться въ частности.

Но намъ, жизнь которыхъ такъ коротка, не надо никогда забывать, какъ ограниченъ нашъ періодъ приобрѣтенія знаній. Мы должны постоянно имѣть въ виду, что періодъ этотъ, кромѣ продолжительности нашей жизни, сокращается еще житейскими заботами, и потому намъ слѣдуетъ изо всѣхъ силъ стараться употреблять данное намъ время съ наибольшей для себя пользой. Прежде чѣмъ посвятить цѣлые годы на изученіе какого-нибудь предмета, навязаннаго намъ модой или личной прихотью, было бы благоразумнѣе взвѣсить тщательно цѣнность результата предстоящаго труда и сравнить съ цѣнностью тѣхъ результатовъ, которые получились бы отъ того же самаго количества времени, посвященнаго на другія занятія.

2.

Цѣль воспитанія.

Какъ жить?—вотъ самый существенный вопросъ для человека, и не въ матеріальномъ только отношеніи, а въ обширнѣйшемъ смыслѣ этого слова. Общая задача, въ кото-

рой сливаются всѣ прочія спеціальныя задачи, состоитъ въ томъ, чтобы человѣкъ умѣлъ руководить своими поступками во всѣхъ сферахъ дѣятельности и при всевозможныхъ обстоятельствахъ: чтобы онъ зналъ, какъ обращаться съ своимъ тѣломъ, какъ развивать свой умъ, какъ вести дѣла, какъ воспитывать дѣтей, какъ быть хорошимъ гражданиномъ, какъ пользоваться тѣми благами, которыми надѣлила насъ природа, какъ употреблять наши способности, чтобы доставить наибольшую пользу себѣ самимъ и другимъ людямъ,—словомъ, какъ жить полною жизнью. Эти вопросы въ высшей степени важны, и потому изученіе ихъ должно составлять главную цѣль воспитанія. Сдѣлать человѣка способнымъ жить полною жизнью — вотъ обязанность каждаго воспитателя. Единственный рациональный способъ для провѣрки — хорошъ или дуренъ воспитательный методъ, состоитъ въ оцѣнкѣ, до какой степени онъ выполняетъ вышесказанное назначеніе.

Мѣрило, какъ жить, никогда не предлагалось на практикѣ въ цѣлости и рѣдко прилагалось по частямъ, да и тутъ всегда какъ-то неопредѣленно, почти безсознательно; намъ же слѣдуетъ примѣнять его разумно, методически ко всѣмъ возможнымъ случаямъ. Мы должны постоянно имѣть это въ виду—опредѣливъ совершенно ясно конечную цѣль, т.-е. полную жизнь, такъ, чтобы при воспитаніи нашихъ дѣтей мы умѣли выбрать предметы обученія и методы, вполне согласные съ этой цѣлью. Мы не только не должны гнаться за усвоеніемъ общепринятой системы воспитанія, столь же непрочной и скоропреходящей, какъ и всякая мода, но должны стать выше грубыхъ эмпирическихъ сужденій людей, иногда умныхъ, которые болѣе или менѣе стараются слѣдить за образованіемъ своихъ дѣтей. Недостаточно предполагать, что такія-то или такія-то свѣдѣнія могутъ принести пользу въ жизни, или что такого-то рода знаніе окажется на практикѣ цѣннымъ, чѣмъ другое: надо придумать способъ, какъ опредѣлить ихъ относительную цѣнность, чтобы какъ можно точнѣе и положителнѣе узнать, которое изъ нихъ заслуживаетъ наибольшаго нашего вниманія.

Подготовка къ родительскимъ обязанностямъ.

Мы дошли теперь до важнаго отдѣла человѣческой дѣятельности, — отдѣла, къ которому никто никогда не готовится. Если бы, по какому-нибудь странному случаю, будущему отдаленному потомству не осталось въ наслѣдство отъ насъ ничего, кромѣ груды учебниковъ и бумагъ педагогическаго совѣта, — воображаемъ, какъ бы былъ пораженъ антикварій той эпохи, не найдя въ нихъ ни малѣйшаго указанія на то, что учащіяся могли бы сдѣлаться когда-нибудь родителями. «Этотъ курсъ обученія, вѣроятно, предназначался для безбрачныхъ, рѣшилъ бы онъ, конечно. Я замѣчаю здѣсь тщательную подготовку къ изученію различныхъ предметовъ, преимущественно къ чтенію книгъ вымершихъ и современныхъ націй, кромѣ своей собственной (изъ чего я заключаю, что у этого народа было весьма мало хорошихъ литературныхъ произведеній на отечественномъ языкѣ); но я не нахожу нигдѣ даже намека на то, какъ воспитывать дѣтей. Неужели они были такъ глупы, что исключали изъ программы учебнаго курса все то, что касается подготовки къ этой важнѣйшей изъ всѣхъ человѣческихъ обязанностей? Очевидно, это былъ элементарный курсъ для какого-нибудь монашескаго ордена».

Въ самомъ дѣлѣ, не поразителенъ ли тотъ фактъ, что хотя отъ ухода за дѣтьми зависятъ ихъ жизнь и смерть, ихъ нравственное благосостояніе и гибель, — ни одного слова наставленія, какъ обращаться съ дѣтьми, не прочтутъ и не услышатъ тѣ, кто рано или поздно будетъ имѣть ихъ? Не уродство ли это, что судьба молодого поколѣнія отдается въ жертву глупымъ обычаямъ, привычкамъ, фантазіямъ, а также внушеніямъ необразованныхъ нянекъ и, полныхъ предразсудковъ, совѣтамъ бабушекъ? Если бы купецъ началъ вести серьезное коммерческое дѣло, не имѣя ни малѣйшаго понятія объ ариѳметикѣ и бухгалтеріи, мы бы

ахнули на его безразсудство и стали бы ждать роковых послѣдствій такого легкомыслія. Или, если бы человекъ, не зная анатоміи, вздумалъ заявить себя хирургомъ,—мы бы удивились его смѣлости и пожалѣли бы его пациентовъ. Но когда родители приступаютъ къ трудному дѣлу воспитанія дѣтей, ни разу не подумавъ о физическихъ, нравственныхъ и умственныхъ началахъ, которыми имъ слѣдовало бы руководиться, мы не удивляемся и не жалѣемъ будущихъ жертвъ.

Присоедините къ десяткамъ тысячъ уморенныхъ дѣтей сотни тысячъ пережившихъ младенческой возрастъ, но слабенькихъ, тщедушныхъ и затѣмъ миллионы доживающихъ до зрѣлыхъ лѣтъ, но далеко не съ тѣмъ крѣпкимъ тѣлосложеніемъ, какое имъ слѣдовало бы имѣть,—и вы получите нѣкоторое понятіе о томъ вредѣ, который наносятъ своему потомству родители, не знающіе законовъ жизни. Подумайте только, что діететика, которой подвергаютъ дѣтей, ежечасно вліяетъ на ихъ организмъ и нравственность ко вреду или ко благу всей ихъ послѣдующей жизни, что изъ 20 способовъ, примѣняемыхъ къ дѣлу, едва ли найдется одинъ правильный—и вы убѣдитесь въ громадномъ вредѣ отъ повсемѣстно принятой, безсмысленной, рискованной системы воспитанія.

Мода рѣшила, что мальчиковъ надо одѣвать въ легкія, короткія платьица и пускать ихъ бѣгать съ посинѣвшими отъ холода членами; послѣдствія такого рѣшенія моды отзовутся на всемъ будущемъ существованіи ребенка или въ безпрестанныхъ болѣзняхъ, или въ остановкѣ роста, или въ недостаткѣ энергіи, или въ слабомъ развитіи организма,—словомъ, во всевозможныхъ преградахъ къ успѣху въ жизни и къ счастью. Ежели дѣтей осуждаютъ на слишкомъ однообразную діету или кормятъ ихъ недостаточно питательной пищей, то физическія силы ихъ значительно слабѣютъ и періодъ возмужалости, какъ для мальчиковъ, такъ и для дѣвочекъ, наступаетъ весьма поздно. Если имъ запрещаютъ шумныя игры, или, изъ опасенія простуды (что весьма понятно, когда они плохо одѣты), не выпускаютъ ихъ на воздухъ въ холодную погоду, дѣти, конечно, никогда не

достигнуть той степени силы, которой бы они достигли при другихъ условіяхъ. Когда сыновья и дочери вырастаютъ болѣзненными, слабыми, родители, обыкновенно, видятъ въ этомъ несчастьѣ, испытаніе Божіе. Имѣя обо всемъ самыя путанныя понятія, они говорятъ, что такое зло постигло ихъ дѣтей безъ причины или отъ сверхъестественныхъ причинъ. Ничуть не бывало: въ нѣкоторыхъ случаяхъ, несомнѣнно, есть причины наслѣдственныя; въ другихъ же, и притомъ гораздо болѣе многочисленныхъ, — начало зла кроется въ безтолковомъ воспитаніи. Всего чаще отвѣтственность за недуги дѣтей, за ихъ тщедушіе, слабость, за ихъ страданія—всецѣло падаетъ на родителей; на нихъ лежитъ прямая обязанность ежеминутно наблюдать за жизнью своего потомства; но они, съ непростительной беспечностью, пренебрегли изученіемъ тѣхъ жизненныхъ процессовъ, на которые сами оказываютъ постоянное вліяніе своими приказаніями и запрещеніями. Полнѣйшіе невѣжды относительно самыхъ простыхъ фізіологическихъ законовъ, они, изъ году въ годъ, подтачивали организмъ своихъ дѣтей и, такимъ образомъ, сдѣлались причиной болѣзней и преждевременной смерти не только этихъ дѣтей, но и цѣлаго поколѣнія.

4.

Важное значеніе теоріи воспитанія.

Намъ слѣдовало бы начать съ тѣхъ фактовъ, которые теперь вполне выяснились, а именно, что фізическое, нравственное и умственное воспитаніе нашихъ дѣтей въ высшей степени неудовлетворительно. Въ большинствѣ случаевъ причиной тому сами родители, не обладающіе тѣми знаніями, при помощи которыхъ только и можно руководить дѣтьми. Чего ожидать, когда одну изъ самыхъ сложныхъ проблемъ берутся рѣшать люди, не имѣющіе никакого понятія о правилахъ, отъ которыхъ зависитъ это рѣшеніе? Чтобы умѣть хорошо тачать башмаки, строить дома, управлять кораблемъ или локомотивомъ, надо долго учиться. Неужели же процессъ умственного и фізическаго

развитія челоуѣка такая простая вещь, что слѣдить за нимъ и направлять его можно безъ всякой подготовки? А если нельзя, если этотъ процессъ сложнѣе всѣхъ прочихъ процессовъ въ природѣ—за исключеніемъ одного—и если задача управлять имъ невыразимо трудна, то не безуміе ли братья за такую задачу, не подготовя себя предварительно къ ней? Лучше пожертвовать внѣшними, украшающими знаніями, чѣмъ пренебречь такимъ существеннымъ знаніемъ. Когда отецъ, дѣйствуя на основаніи ложныхъ принциповъ, принятыхъ имъ безъ всякаго разсужденія, возстановляетъ противъ себя сыновей, озлобляетъ ихъ жестокимъ обращеніемъ, разоряетъ ихъ и самъ дѣлается черезъ то несчастнымъ, ему слѣдуетъ напомнить, что изученіе этологіи, или науки о нравахъ и поведеніи, пригодилося бы ему гораздо болѣе, чѣмъ знаніе исторіи Эсхила. Когда мать оплакиваетъ своего первенца, умершаго отъ скарлатины, и врачъ подтвердитъ ея подозрѣніе, что мальчикъ, можетъ - быть, и выздоровѣлъ бы, если бы его организмъ не былъ истощенъ чрезмѣрными школьными занятіями, вслѣдствіе чего несчастная изнемогаетъ отъ горя и угрызеній совѣсти, — для нея едва ли послужитъ утѣшеніемъ то, что она можетъ читать Данта въ оригиналѣ.

Итакъ, мы видимъ, что для управленія третьимъ, большимъ отдѣломъ челоуѣческой дѣятельности, нужно одно—знаніе законовъ жизни. Нѣкоторое знакомство съ главными принципами фізіологіи и элементарными истинами психологіи необходимо для правильнаго воспитанія дѣтей. Нѣтъ сомнѣнія, что многіе прочтутъ это заявленіе наше съ улыбкой; имъ покажется нелѣпостью, чтобы родители изучали такіе мудреные предметы; дѣйствительно, была бы явная нелѣпость, если бы мы потребовали, чтобы всѣ вообще отцы и матери обладали обширными свѣдѣніями по этой части. Но мы совсѣмъ не то говоримъ; дѣло идетъ объ общихъ принципахъ, съ присоединеніемъ къ нимъ такихъ объясненій, которыя дали бы родителямъ точныя понятія о предметѣ,—вотъ и все; а этому они могли бы научиться если не раціональнымъ, то догматическимъ путемъ. Какъ бы то ни было, но слѣдующіе факты неоспоримы: умствен-

ное и физическое развитие дѣтей подчиняется извѣстнымъ законамъ; коль скоро родители хотя нѣсколько отступятъ отъ этихъ законовъ, смерть ребенка неизбѣжна; если они хотятъ избавить своихъ дѣтей отъ серьезныхъ физическихъ и умственныхъ недостатковъ, они должны строго подчиняться всѣмъ правиламъ этихъ законовъ; достиженіе совершенной зрѣлости возможно для ребенка только при полномъ соблюденіи всего того, что предписывается этими законами. Судите теперь, не должны ли тѣ, кто надѣется со временемъ сдѣлаться отцомъ или матерью, стремиться узнать, въ чемъ именно состоятъ эти законы?

5.

Польза самообученія.

Родители всѣми мѣрами должны содѣйствовать процессу саморазвитія въ своихъ дѣтяхъ, должны постоянно заставлять ихъ дѣлать свои собственныя изслѣдованія и выводить свои собственныя заключенія. Дѣтямъ надо рассказывать какъ можно меньше и какъ можно больше понуждать ихъ самихъ дѣлать открытія. Человѣчество шло впередъ единственно при помощи самообученія; что для достиженія наибольшихъ успѣховъ въ жизни умъ каждаго человѣка долженъ развиваться, отчасти, тѣмъ же порядкомъ,—постоянно подтверждается замѣчательными успѣхами людей—самоучекъ. Тотъ, кто воспитывался по рутинной системѣ старинныхъ школъ и вынесъ убѣжденіе, что воспитаніе возможно только въ этомъ духѣ, никогда не добьется, чтобы изъ дѣтей его вышли самоучки. Если же, напротивъ, люди хорошенько обдумаютъ, что самонужнѣйшее знаніе—понятіе объ окружающихъ предметахъ—пріобрѣтается ребенкомъ въ самые ранніе годы, безъ посторонней помощи; если они вспомнятъ, что дитя самоучкой привыкаетъ понимать родной языкъ; если они оцѣнятъ какъ слѣдуетъ то количество житейской опытности—этой внѣшкольной мудрости—которое каждый мальчикъ пріобрѣтаетъ самъ собой; если они захотятъ обратить вниманіе на необычайную смѣтливость заброшенныхъ всѣми уличныхъ мальчишекъ

Лондона, — смѣтливость, обнаруживающуюся при каждомъ удобномъ случаѣ; если они дадутъ себѣ трудъ подумать, сколько умовъ вышло безъ чужой помощи съ побѣдой и славой изъ борьбы не только съ тайнами нашей неразумно сложившейся жизни, но и съ тьмою другихъ препятствій, — они вполнѣ убѣдятся въ разумности слѣдующаго заключенія: какъ бы мало ни былъ способенъ ученикъ, но если ему объяснить предметъ правильно и ясно съ самаго начала, онъ побѣдитъ всѣ послѣдующія затрудненія, почти не требуя чужой помощи. Есть ли возможность слѣдить за непрерывными наблюденіями, изслѣдованіями, выводами, происходящими въ умѣ ребенка, слышать его остроумныя замѣчанія о тѣхъ предметахъ, которые доступны его пониманію, и не убѣдиться, что если бы эту понятливость систематически направить на научные предметы, также доступные его пониманію, то онъ быстро постигъ бы ихъ безъ посторонняго содѣйствія. Необходимость объяснять по нѣскольку разъ одно и то же происходитъ отъ нашей собственной безтолковости, а не отъ тупости ребенка. Мы отрываемъ его отъ интересныхъ для него фактовъ, которые онъ самъ собой дѣятельно набираетъ, и предлагаемъ ему взамѣнъ ихъ другіе, слишкомъ сложные для его разумѣнія и потому возбуждающіе въ немъ отвращеніе. Видя, что ребенокъ неохотно воспринимаетъ предложенныя ему свѣдѣнія, мы стараемся вбить ихъ ему въ голову посредствомъ угрозъ и наказаній, лишаемъ его пріятныхъ для него знаній, пичкаемъ такими, которыхъ его мозгъ не въ состояніи переварить, вслѣдствіе чего обнаруживается болѣзненное ослабленіе способностей, сопровождаемое отвращеніемъ къ знанію вообще. Ребенокъ, по нашей милости, дѣлается апатиченъ и лѣнивъ; подавленный непосильными занятіями, онъ положительно ничего не можетъ понять безъ объясненій и становится пассивнымъ преемникомъ нашего обученія; видя все это, мы продолжаемъ утверждать, что воспитаніе непременно должно держаться метода толкованій. Этимъ методомъ мы сдѣлали ребенка безпомощнымъ и увѣряемъ, что мы прибѣгли къ нему именно вслѣдствіе этой безпомощности. Очевидно, что ни одинъ опытный пе-

дагогъ не станетъ опровергать защищаемой нами системы. Для каждаго изъ нихъ ясно теперь, что мы безъ опасенія можемъ слѣдовать во всѣхъ случаяхъ дисциплинѣ природы, что мы можемъ, ловко направляя умъ дѣтей, заставить его саморазвиваться въ позднѣйшемъ возрастѣ такъ же, какъ и въ раннемъ, и, наконецъ, что только при такомъ способѣ мы можемъ вызвать въ дѣтяхъ высшее проявленіе силы и дѣятельности ума.

ОТДѢЛЪ II.

Педагогика русская.

XVII.

Поученіе Владиміра Мономаха.

Поученіе Владиміра Мономаха вставлено въ Лаврентьевскій списокъ лѣтописи подъ 1096 годомъ (хотя учеными признается, что оно составлено позднѣе). Мономахъ (1053—1125 г.), сынъ Всеволода Ярославича, княжившій въ Черниговѣ, а послѣднія 12 лѣтъ жизни въ Кіевѣ, пользовался репутаціей храбраго, справедливаго и миролюбиваго князя; лѣтописи зовутъ его „добрымъ страдальцемъ за русскую землю“. Онъ постоянно заботился о мирѣ и справедливости между князьями, оберегалъ Русь отъ половцевъ, которымъ нанесъ нѣсколько сильныхъ поражений.

Для изучающихъ исторію русской педагогики особенно важно уяснить, какими идеалами руководились въ древней Руси, и въ этомъ отношеніи надо обратить особенное вниманіе на драгоценный памятникъ древне-русской письменности „Поученіе князя Владиміра Мономаха дѣтямъ“.

Сочиняя свое „Поученіе“, Владиміръ Мономахъ имѣлъ въ виду не только дѣтей своихъ, а также и „иныхъ“ людей, кто прочтетъ и „приметъ въ сердце свое“ его „грамотицу“. Такъ какъ Владиміръ Мономахъ былъ человекъ образованный и начитанный, то неудивительно, что на его „Поученіи“ замѣтно вліяніе другихъ извѣстныхъ тогда произведеній: такъ, весьма вѣроятно, что онъ зналъ „Поученіе дѣтямъ“ Ксенофонта и Θεодоры,

находящееся въ Изборникѣ Святослава 1076 года, кромѣ того, онъ пользовался Библіею и Поученіемъ Василя Великаго юности. Отъ этихъ заимствованій въ цѣнности „Поученіе“ ничего не теряетъ. Оно замѣчательно тѣмъ, что въ немъ рисуется идеаль челоѡвка, какъ его тогда понимали. Главныя свойства челоѡвка по этому идеалу—челоѡвколюбіе и трудолюбіе, основанныя на религіозности и благочестіи. Благочестіе и дѣятельность составляютъ въ основаніе всего. На такой идеаль тѣмъ болѣе нужно обратить вниманіе, что онъ съ теченіемъ вѣковъ, распространяясь мало-по-малу, со временемъ составилъ идеаль почти у всего русскаго народа. Успѣхъ, значитъ, состоялъ въ томъ, что идеаль этотъ значительно выяснился, и изъ великокняжескихъ хоромъ перешелъ въ простые дома крестьянъ и сдѣлался идеаломъ всего народа. Несомнѣнно, что въ этомъ идеаль надо отмѣтить сильное вліяніе христіанства. Въ „Поученіи“ Владиміра Мономаха, какъ бы въ зародышѣ, находятся тѣ педагогическія начала, которыя впоследствии предстояло развить, расширить и углубить русской педагогикѣ: страхъ Божій и любовь къ челоѡвчеству поставлены въ основаніе добродѣтели. Владиміръ Мономахъ твердо поставилъ на видъ, что не постъ, не уединеніе, не монашество спасетъ людей, но добрыя дѣла. Въ этомъ же „Поученіи“, кромѣ важности религіозно-этического элемента въ жизни челоѡвческой, впервые указывается на цѣнность знанія: „все хорошее узнавъ, вы должны помнить: чего не знаете, тому учитесь“. Трудъ поставленъ въ обязанность всякому: „челоѡвкъ долженъ всегда заниматься, гдѣ бы онъ ни находился, въ пути, на конѣ“. По возможности, всякій челоѡвкъ долженъ все самъ дѣлать для себя и не затруднять другихъ излишними заботами о себѣ.

Изъ „Поученія Владиміра Мономаха“¹⁾.

Вы, дѣти мои, или кто бы то ни было, кому придется слушать это писаніе мое, не смѣйтесь надъ нимъ; а кому изъ дѣтей моихъ придется оно по душѣ, пусть восприметъ его въ сердце свое и начнетъ вести нелѣбностную, дѣятель-

¹⁾ См. А. Алферовъ и Л. Грузинскій. „Допетровская литература и народная поэзія“. Изд. 2-е. Москва. 1907 г.

ную жизнь, а больше всего, ради Бога и для души своей, имѣйте въ сердцѣ страхъ Божій и творите щедрую милостыню, это—начало всякаго добра. Если же кому не понравится мое писаніе, пусть не сердятся, а просто скажутъ: «вотъ, ѣдучи въ дальній путь, наговорилъ пустяковъ...»

Господь намъ сказалъ, какъ побѣдить врага нашего діавола; тремя добрыми дѣлами можно отъ него избавиться и одолѣть его: покаяніемъ, слезами и милостыней. Вѣдь не тяжела эта заповѣдь Божія, дѣти мои; этими тремя дѣлами можно избавиться отъ грѣховъ и не лишиться царства небеснаго. И я умоляю васъ: ради Бога не лѣнитесь, не забывайте этихъ трехъ дѣлъ; вѣдь они не тяжелы; это не отшельничество, не монашество, не строгое постничество, которыя несутъ нѣкоторые доблестные люди; малымъ дѣломъ можно снискать милость у Бога...

Вотъ вамъ наставленіе отъ моего худого разума: послушайте меня и примите, если не все, то хоть половину. Когда Господь смягчитъ ваше сердце, плачьте о грѣхахъ своихъ, говоря: «какъ блудницу и разбойника, и мытаря помиловалъ Ты, Господи, такъ и насъ грѣшныхъ помилуй». Дѣлайте такъ и въ церкви и дома, ложась спать. Не пропускайте безъ того ни одной ночи и по возможности кладите земные поклоны: если уже разнеможетесь, то хотя три раза поклонитесь, но не забывайте этого и не лѣнитесь дѣлать. Такими ночными поклонами и пѣніемъ молитвъ человекъ побѣждаетъ діавола и избавляется отъ грѣховъ, которые сдѣлалъ днемъ. Даже и сидя на конѣ, когда не будете ничѣмъ заняты, то, коли другихъ молитвъ не знаете, повторяйте постоянно про себя: «Господи, помилуй», вмѣсто того, чтобы думать о пустякахъ; это очень хорошая молитва.

Въ особенности же не забывайте бѣдныхъ, но насколько можете, питайте ихъ; и о сиротѣ заботьтесь и вдовѣ окажите справедливость сами, не давайте сильнымъ погубить человека. Никого, даже виноватаго, не убивайте и не приказывайте убивать, хотя бы и былъ достоинъ смерти: не губите никакой христіанской души. Когда говорите хорошее или дурное, не клянитесь Богомъ и не креститесь, въ

этомъ нѣтъ никакой нужды. Съ любовью принимайте благословеніе отъ епископовъ, священниковъ и игумновъ, и не сторонитесь отъ нихъ, а по возможности любите ихъ и снабжайте всѣмъ, чтобы получить ихъ молитву за васъ передъ Богомъ. Главное дѣло, не имѣйте гордости въ душѣ; мы должны говорить такъ: «мы смертны, нынче живы, а завтра въ гробу, и все, что Ты намъ далъ, Господи, не наше, а Твое, и Ты лишь поручилъ намъ это на короткое время». Не прячьте имущества въ землю—это большой грѣхъ. Старыхъ почитайте, какъ отца, а молодыхъ, какъ братьевъ.

Въ домѣ своемъ будьте дѣятельны и сами смотрите за всѣмъ; не надѣйтесь ни на тиуна ни на слугу, чтобы не посмѣялись приходящіе къ вамъ ни надъ домомъ вашимъ, ни надъ обѣдомъ вашимъ. Берегитесь лжи и пьянства—это губить и тѣло и душу. Больныхъ навѣщайте, мертваго пойдите проводить: вѣдь всѣ мы смертны; не пройдите мимо человѣка, не привѣтствуя его, а скажите всякому при встрѣчѣ доброе слово. Жену свою любите, но не дайте ей надъ собой власть. А самое главное—выше всего ставьте страхъ Божій. Если что забудете изъ моихъ словъ, то перечитывайте ихъ почаще: и мнѣ не будетъ за васъ стыдно, и вамъ будетъ хорошо; что знаете добраго, того не забывайте, а чего не знаете, тому учитесь; вотъ, напри- мѣръ, мой отецъ: онъ не выѣзжая изъ своей земли изучилъ пять языковъ; за это въ чужихъ земляхъ уважаютъ. А лѣность—мать пороковъ: лѣнивый, что умѣетъ, забываетъ, а чего не умѣетъ, тому не учится; вы же, если хотите поступать хорошо, отнюдь не лѣнитесь на все доброе».

XVIII.

Изъ „Устава Луцкой школы“.

1. Даскаль, или учитель сей школы, долженъ быть благочестивъ, разсудителенъ, смиренномудръ, кротокъ, воздержливъ, не пьяница, не блудникъ, не лихоимецъ, не гнѣвливъ, не завистливъ, не смѣхотворецъ, не сквернословъ, не ча-

родѣй, не басносказатель, не пособникъ ересей, но споспѣшникъ благочестія, во всемъ представляя собою образецъ благихъ дѣлъ. Въ такихъ добродѣтеляхъ да пребываютъ и ученики, какъ ихъ учитель. Къ такому учителю кто-либо, приводя и отдавая на науку сына и другихъ, долженъ взять съ собою одного или двухъ сосѣдей и сдѣлать съ учителемъ постановленіе о наукѣ и о всемъ порядкѣ, сообразно реестру сему, ниже написанному.

2. А учитель, взявъ порученное ему дитя, долженъ заботливо учить его полезнымъ наукамъ; за непослушаніе наказывать, но не тирански, а наставнически; не сверхъ мѣры, а по силамъ; не съ буйствомъ, а кротко и тихо; не только мірски, но и выше мірскаго.

3. Садиться каждый долженъ на своемъ опредѣленномъ мѣстѣ, назначаемомъ по успѣхамъ. Кто больше будетъ знать, долженъ сидѣть выше, хотя бы и весьма былъ бѣденъ; а кто меньше будетъ знать, долженъ сидѣть на низшемъ мѣстѣ.

4. Богатые предъ убогими (бѣдными) въ школѣ ничѣмъ не могутъ быть выше, какъ только наукою; а по внѣшности равны всѣ. Ибо всѣ мы братія о Христѣ; всѣ мы члены одной главы Христа; и ни одинъ членъ, на примѣръ, глазъ рукъ и рука ногъ не можетъ сказать: «ты мнѣ не нужна».

5. Учитель долженъ и учить и любить дѣтей всѣхъ одинаково, какъ сыновей богатыхъ, такъ и сиротъ убогихъ, и тѣхъ, которые ходятъ по улицамъ, прося пропитанія. Учить ихъ, сколько кто по силамъ научиться можетъ, только не старательнѣе объ однихъ, нежели о другихъ. Ибо сказано: «просящему у тебе дай, и хотящему у тебе взяти не отврати». И еще: «Богъ хочетъ всѣмъ спастися и въ разумъ истины прійти».

6. Сходиться въ школу мальчики должны въ опредѣленное время, т.-е. въ большіе дни, чтобы всѣ были къ 9 часу; точно также и въ меньшіе дни, какъ установить учитель. И отпускать ихъ послѣ ученія домой, также въ опредѣленный часъ. Ибо сказано: «все да дѣйствуется во славу Божию и въ подобное время».

7. Каждое утро учитель долженъ тщательно наблюдать, чтобы, если какого мальчика не будетъ, тотчасъ же послать за нимъ и узнать причину, по которой не пришелъ: не занялся ли гдѣ игрою; не залѣнился ли дома; не спалъ ли сверхъ мѣры, и потому не пришелъ въ школу. Обо всемъ томъ должны развѣдать и привести въ школу. Ибо написано: «овѣхъ страхомъ (и принужденіемъ) спасайте».

8. По утру всѣ, сошедшись въ назначенный часъ, не должны начинать ученія, пока не прочтутъ молитвъ и обычнаго предисловія. Ибо сказано: «Въ началѣ дѣла твоего Бога поминай».

9. Дѣти въ школѣ должны быть раздѣлены на три: одни, которыя будутъ учиться распознавать буквы и складывать; другія, которыя будутъ учиться читать и выучивать наизусть разные уроки; третьи будутъ пріучаться объяснять читанное, рассуждать и понимать. Ибо сказалъ св. Павелъ: «Егда бѣхъ младенецъ, яко младенецъ глаголахъ, яко младенецъ мудрствовахъ, яко младенецъ смысляхъ, егда же бѣхъ мужъ, отвергохъ младенческая».

10. По утру, послѣ молитвъ, прежде всего каждый долженъ говорить вчерашній урокъ свой и показать свое писаніе, какое писалъ дома, и изложеніе своего урока; а потомъ должны учиться по частямъ псалтыри или грамматикѣ съ разборами, и инымъ многимъ полезнымъ наукамъ, какъ усмотритъ на то время учитель, сообразно съ потребностью.

11. Послѣ обѣда мальчики, каждый для себя, должны списывать на таблицѣ свои уроки, заданные имъ отъ учителя, исключая малолѣтнихъ, которымъ учитель самъ обязанъ писать. А выучивъ въ школѣ трудныя слова, должны другъ друга спрашивать, отходя домой, или собираясь въ школу. А вечеромъ, пришедши изъ школы домой, дѣти передъ родственниками, а посторонніе всякаго сословія ученики, живущіе на квартирахъ, передъ своимъ хозяиномъ, должны прочитать тотъ урокъ, который въ школѣ учили, съ объясненіемъ его, какъ-то бываетъ въ школѣ. А что учили въ тотъ день, должны писать вечеромъ на дому и принести въ школу по утру, и показать

своему учителю, дабы всякій плодъ ученія былъ извѣстенъ. «Отъ плода бо древо познано будетъ».

12. Учитель обязанъ будетъ учить и на письмѣ имъ предлагать: отъ Святаго Евангелія, отъ книгъ Апостольскихъ, отъ всѣхъ пророковъ, отъ ученія святыхъ отцевъ, отъ философовъ, поэтовъ, историковъ и прочая. «Елика бо преднаписана быша, въ наше наказаніе преднаписашася».

13. Въ субботу должны повторять все, чему учились въ продолженіе недѣли. И должны учиться пасхалии, и лунному теченію, и счету, и вычисленію, и правиламъ церковнаго пѣнія. «Всяко писаніе богодухновенно и полезно есть ко ученію».

14. Послѣ обѣда, въ субботу, учитель обязанъ не малое время и гораздо больше, чѣмъ въ прочіе дни, бесѣдовать съ дѣтьми, поучая ихъ страху Божию и чистымъ юношескимъ нравамъ: какъ они должны быть въ церкви предъ Богомъ, въ домѣ передъ родными своими, и какъ имъ вездѣ сохранить добродѣтель и цѣломудріе, т.-е. передъ Богомъ и святыми Его почитаніе и страхъ, передъ родными и учителемъ послушаніе, передъ всѣми вообще покорность и уваженіе, а сами въ себѣ чистоту и добродѣтель. И сіи наставленія должны быть заново внушаемы дѣтямъ; для чего не будетъ имъ мѣшать и памятнаго по школьной чашѣ испивать. Ибо написано: «Любай сына прилежнѣе наказуетъ, а не любай щадить жезла». И еще: «Безуміе виситъ на сердцѣ юнаго, жезлъ же и наказаніе далече отгонитъ отъ него». «Вливають вино ново въ мѣхъ новый, и обое соблюдется».

15. Въ воскресенье и праздники Господскіе, пока пойдутъ къ литургіи, учитель обязанъ со всѣми бесѣдовать и наставлять ихъ о томъ праздникѣ или святомъ днѣ и учить ихъ волѣ Божіей. А послѣ обѣда долженъ всѣмъ изъяснить праздничное Евангеліе и Апостоль. Ибо сказано: «Блаженъ—иже въ законѣ Господни поучается день и ночь».

16. Двухъ или четырехъ мальчиковъ, въ каждую недѣлю иныхъ, по порядку назначать должно для наблюденія: отъ чего ни одинъ не можетъ отказываться, когда до него дойдетъ очередь. Дѣло ихъ будетъ: пораньше придти

въ школу, подмести школу, затопить въ печкѣ и сидѣть у дверей; и знать обо всѣхъ, кто выходитъ и входитъ, они должны записывать и доносить о тѣхъ, которые бы не учились, шалили или въ церкви безчинно стояли, или домой идучи не вели бы себя пристойно. Ибо сказано: «Блюдите убо, како опасно ходите, не якоже не мудри, но якоже премудри; искупующе время, яко дніе лукави суть».

17. Если бы какой мальчикъ одинъ день ходилъ въ школу, а другой пропускалъ, и такимъ образомъ только тратилъ бы время, числясь въ училищѣ, такового больше не принимать; потому что и знахарь, если бы больного одинъ день лѣчилъ, а въ другой пропускалъ, то вмѣсто излѣченія, повергъ бы его въ большую болѣзнь. Ибо сказано: «отлучатися вамъ отъ всякаго брата безчинно ходяща».

18. Учитель и братія, строители школьные, должны напоминать родителямъ объ ихъ сыновьяхъ, а хозяевамъ о порученныхъ имъ и стороннихъ дѣтяхъ, чтобы дѣти дома поступали сообразно съ порядкомъ ученія школьнаго, показывая тѣмъ образованность и приличную лѣтамъ своимъ людскость передъ всякимъ сословіемъ. И если бы что противное образованію оказалось въ дѣтяхъ, имѣеть быть изслѣдовано; а если бы учитель своимъ нерадѣніемъ, или родственники хозяина безпорядкомъ своимъ препятствовали наукѣ и благимъ нравамъ, то виновный имѣеть подлежать отвѣтственности.

19. Если бы также кто захотѣлъ взять своего сына отъ учителя, для какой иной надобности, то долженъ взять его не заочно и не черезъ другихъ, а самъ лично, и при тѣхъ же одномъ или двухъ лицахъ, при которыхъ отдалъ его въ ученіе, дабы своимъ безпорядочнымъ поступкомъ не сдѣлать оскорбленія ни ученику и себѣ самому, ни учителю, что отобралъ у него ученика безъ объясненія причины, когда такой порядокъ соблюдаютъ и всѣ другіе ремесленники. Ибо не только сына, но и слугу поручаютъ ремесленнику, при людяхъ и порядкомъ; и потомъ, когда чему научится, тѣмъ болѣе не хотятъ пренебрегать такимъ порядкомъ; но собравши многихъ, одобряютъ постоянство и терпѣливость родныхъ и его самого. Тогда и

мастеру бываетъ великое удовольствіе, что видитъ ученика своего не послѣднимъ. И сіе гораздо болѣе должно наблюдать въ училищахъ и у людей христіанскихъ. Ибо писано: «Всякъ дѣлаяй злая не приходитъ къ свѣту; творяй же истину грядетъ къ свѣту, да явятся дѣла его, яко о Бозѣ сѹть сдѣлана».

20. Если бы самъ учитель, или кто изъ учениковъ его, былъ виновникомъ такихъ поступковъ, которыхъ законъ не только не предписываетъ, но еще запрещаетъ: былъ бы, на примѣръ, блудникъ, пьяница, воръ, кощунъ, нерадивецъ, сребролюбецъ, клеветникъ, гордецъ; такой отнюдь не долженъ быть здѣсь не только учителемъ, но даже и жителемъ. «Да не соблазните,—сказалъ Спаситель,—ни единого отъ малыхъ сихъ вѣрующихъ во имя мое». Ибо будучи самъ противникомъ заповѣдей Господнихъ, какъ можетъ другихъ сохранить въ цѣломудріи и наставить на пользу? Самъ Господь сказалъ: «не можете добрѣ глаголати зли суще». И еще: «всяко древо, еже не творитъ плода добра, посѣкаютъ и въ огонь вметають».

Изъ Луцкаго сборника ¹⁾.

XIX.

Симеонъ Полоцкій.

Симеонъ Петровскій-Ситіановичъ, прозванный во время жизни своей въ Москвѣ Полоцкимъ, родился въ декабрѣ 1629 года, по всей вѣроятности, въ Полоцкѣ. Учился въ кіево-могилянскои коллегіи. По окончаніи курса возвратился на родину, принялъ монашество съ именемъ Симеона и сдѣлался дидаскаломъ въ братскомъ училищѣ Полоцкаго Богоявленскаго монастыря и въ досужее время любилъ писать стихи. Въ 1656 г., во время пріѣзда въ Полоцкъ царя Алексѣя Михайловича, Симеонъ говорилъ пріѣтственную рѣчь въ стихахъ и этимъ, вѣроятно, обратилъ на

---

¹⁾ См. Памятники, изданные временною комиссіею для разбора древнихъ актовъ Высочайше утвержденною при Кіевскомъ, Подольскомъ и Волынскомъ генераль-губернаторѣ, т. I, изд. вт., 1848 г.

себя вниманіе. Въ 1664 г. онъ переселился въ Москву, а въ 1667 году ему было поручено воспитаніе царевича Алексѣя Алексѣевича. Когда же въ 1669 г. царевичъ этотъ умеръ, Симеонъ перешелъ въ качествѣ наставника къ брату его Θεодору. Подъ его же вліяніемъ воспитывалась и царица Софія.

Предметы, которымъ Симеонъ Полоцкій обучалъ царскихъ дѣтей, были: латинскій языкъ, піитика съ риторикой и богословіе; царевичъ Алексѣй въ особенности успѣвалъ по-латыни, а царевичъ Θεодоръ обнаружилъ успѣхи въ русскомъ стихотворствѣ. Симеонъ написалъ „Вертоградъ многоцвѣтный“ (1678 г.), сборникъ стихотворныхъ произведеній—„Псалтырь Риѣмотворная“, Букварь (1679 г.) и два объемистыхъ сборника проповѣдей: „Обѣдъ душевный“ (1681 г.) и „Вечеря душевная“ (1683 г.). Воспитаніе, ученіе и обличеніе народныхъ суевѣрій были обычными темами его проповѣдей. Ему же нѣкоторые ученые приписываютъ открытіе въ Москвѣ Спасской школы для грамматическаго и латинскаго ученія.

Педагогическіе взгляды такого лица, какъ Симеонъ Полоцкій, сами по себѣ интересны, но интересъ къ нимъ усугубляется въ виду одного обстоятельства. Извѣстный знатокъ древней русской литературы, Н. А. Лавровскій, напечаталъ въ Чтеніяхъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, при Московск. унив. 1861 г. (іюль — сентябрь, отд. III матер. славян.) „Памятники стариннаго русскаго воспитанія“, гдѣ цѣликомъ привелъ сохранившееся предисловіе къ рукописному педагогическому сборнику конца XVII в. (рукопись эта хранится нынѣ въ Спб. Императорск. Публ. Библ. подъ № 327). По мнѣнію Н. А. Лавровскаго: „Это драгоценный педагогическій сборникъ конца XVII в., служившій, безъ сомнѣнія, руководствомъ не только для старинныхъ русскихъ воспитателей, но и для дѣтей. Это — работа книжнаго человѣка конца XVII в., какимъ былъ почтенный воспитатель П. М. Черкаскаго, работа самостоятельная, по крайней мѣрѣ, по размѣщенію болѣею частью уже готоваго педагогическаго матеріала и по приложенію послѣдняго къ данному частному случаю“. Н. А. Лавровскій не указываетъ, кто былъ авторомъ указаннаго педагогическаго сборника, и только предполагаетъ, что такимъ авторомъ могъ быть кто-нибудь изъ кievскихъ ученыхъ, жившихъ въ концѣ XVII в. въ Москвѣ. Внимательное изученіе „Обѣда душевнаго“ и

„Вечери душевной“ Симеона Полоцкаго привело насъ къ тому убѣжденію, что предисловіе къ сборнику XVII в. есть не что иное, какъ сводъ педагогическихъ взглядовъ и мыслей Симеона Полоцкаго, разбросанныхъ въ разныхъ мѣстахъ его „Обѣда душевнаго“ и „Вечери душевной“¹⁾.

Педагогическіе взгляды Симеона Полоцкаго.

Во юности не хотай труждатися, во старости злѣ постраждеть, слушателіе православніи: ибо яко кто не ореть и не сѣть во юности лѣта, яже есть весна, той во старости его, яже есть зима, и хладъ и гладъ страдати долженствуетъ: тако во юности жизни своея, не показавый трудолюбія въ дѣлѣхъ, не приметъ во старости плодовъ упокоенія: трудъ бо юности, покой старости приноситъ. И противнымъ обычаемъ, лѣность юности, трудъ старости безпокойство плодотворить.

Чесо ради родителіе чадолюбивіи должны суть юность рожденныхъ собою ко трудомъ душеполезнымъ прикланяти, и отъ младыхъ ногтей добрымъ дѣломъ приучати я: ему же бо преобыкнетъ младость, то безтрудно носить старость. О орлѣ, пишетъ святой Амвросій въ шестодневницѣ, яко малыя птенцы си вземлетъ пазногты острыми, и обращаетъ очесы ко солнцу, да отъ юности сіянію лучесъ его приобыкнутъ. Тако добріи родителіе должны суть творити, еще во младости лѣтъ, и въ малости возраста чада си ко истинному солнцу, ко Христу Богу, очесы ума ихъ обращати; да отъ дѣтства си приложатся во свѣтъ заповѣдей его ходити: да первѣе познають свѣтъ небесный, еже есть вѣрити во Единого истиннаго во Троицѣ святѣй славимаго Бога и Его божественныя заповѣди хранити: нежели прелестныя суеты міра сего видѣти и разумѣти возмогутъ. Единъ отъ учителей искусныхъ, подаетъ намъ образъ преполезный дѣтскія юности наставленія сицевъ:

---

¹⁾ Подробности объ этомъ см. Демковъ, М. «Исторія русской педагогіи», ч. I, изд. 1899 г., гл. XXIII, стр. 245, «Симеонъ Полоцкій и его педагогическіе взгляды».

Въ первомъ глаголетъ седмилѣтїи, да учать родителіе чада си, благая и чистая словеса, а не худая и скверная глаголати: праведная, а не ложная вѣщати. Ибо, имже тукомъ новъ сосудъ исполненъ будетъ, того вони изъ себе, никогда избудеть.

Въ словѣ въ день преподобнаго отца нашего Ксенофонта и дружины его Марїи на текстъ «суть ли тебѣ чада, накажи я» (изъ I. Сирахова) Симеонъ говоритъ: Велие зѣло есть блаженство въ мїрѣ семъ, плоды трудовъ своихъ ясти, слушателіе православнїи, вѣще же того, еже при нихъ имѣти не неплодну супругу, и видѣти отъ нея словесный плодъ супружества своего.

Блаженно убо супружество плода нелишаемое своего, но плода благаго, плода честнаго. Плодъ бо золь и нечестный, окаянно паче, нежели блаженно супружество дѣеть. И яко лучшее есть неплодное дерево, нежели злыя и вредныя приносящее плоды: тако блаженнѣйшии суть родителіе, чадъ неродившии, нежели родившии злая. Тѣмже убо тщаніе родители должно есть присное имѣти, да плодъ ихъ благъ будетъ: ибо не яко во древесѣхъ, по естеству плодъ, или сладокъ, или горекъ рождается, но по наказанію рождшихъ, и по обыкновенію и воли рожденныхъ, или добронравіе, или зло обыкновеніе въ сердца ихъ вкореняется. Премудрый Платонъ, воску сердца юношеская уподобляетъ, зане якоже воскъ всякія печати на себѣ воображеніе приѣмлетъ, за удобство мягкости своея: тако юныхъ сердца, всякій нравъ удобопріемлютъ мягкосердія ради. На томъ восцѣ напечатаетъ ли кто цѣлаго и незлобиваго голубя, выну пребудеть человекъ той цѣль и незлобивъ яко голубь. Напечатаетъ ли кто орла высокопарна и свѣтолюбива, присно той человекъ вышняя имать мудрствовати и свѣтлая. Напечатаетъ ли кто землеточиву кроторію, или блаторачителя вепря, по истинѣ той человекъ до смерти пребудеть земныхъ любитель, и блата грѣховна искатель. Напечатаетъ ли кто лютаго льва, или волка хищнаго, выну будетъ человекъ той жестокъ яко левъ, и хищливъ яко волкъ. Напечатаетъ ли кто трудолюбива вола, выну имать той человекъ во трудѣхъ пребывати. Напечатаетъ ли кто лѣниваго

осла, всегда въ лѣности той человѣкъ имать жити. Мироблаговонное ученія душеполезнаго, въ тыя новыя сосуды скуделныя вливайте. Или по словеси Господню: вино новое въ мѣхи новыя вливайте, еже есть любовь Божію въ сердца ихъ отъ юности вселяйте. Къ небеси юная сія дрѣвеса обращайтесь и клоните: да не земная, но небесная и зрятъ, и любятъ, и мудрствуютъ ¹⁾.

XX.

И. И. Бецкой.

Иванъ Ивановичъ Бецкой родился въ Стокгольмѣ 3 февраля 1704 г. Императрица Екатерина II, тотчасъ по вступленіи на престолъ, приблизила къ себѣ Бецкого, относилась къ нему съ большимъ уваженіемъ и окружила его почетомъ. Онъ отмежевалъ для себя особую область — воспитательную и не выходилъ изъ нея. Указомъ 3 марта 1763 г. на него было возложено управленіе Академіей Художествъ, а 1 сентября того же года обнародованъ манифестъ объ учрежденіи московскаго Воспитательнаго дома, котораго главнымъ попечителемъ назначался Бецкой. Затѣмъ въ Петербургѣ было открыто воспитательное общество благородныхъ дѣвицъ (Смольный монастырь), также устроенное по мысли Бецкого и ввѣренное его главному попеченію и руководству. Въ 1765 г. И. И. былъ сдѣланъ шефомъ сухопутнаго шляхетнаго кадетскаго корпуса. Ввѣривъ ему всѣ эти заведенія, Екатерина II произвела его въ тайные совѣтники и наградила огромными богатствами, значительную часть которыхъ Бецкой употреблялъ на дѣло воспитанія и благотворительности. Въ 1778 году за свою широкую благотворительность Бецкой былъ торжественно награжденъ отъ Сената большою золотою медалью за „любовь къ отечеству“. Бецкой вмѣстѣ съ императрицей Екатериною II задавался несбыточною мыслью — при помощи воспитанія создать „новую породу людей“.

„Одно ученіе безсильно производить истинно-полезныхъ гражданъ: кромѣ просвѣщенія ума наукою, необходимо облагороженіе

¹⁾ „Вечеря душевная“, стр. 238—240.

сердца“. Эта идея была положена въ основу „Генеральнаго плана воспитанія“. Всѣ разнообразныя педагогическія планы Бецкого, вмѣстѣ съ различными постановленіями объ училищахъ, собраны въ отдѣльномъ изданіи: „Собраніе учрежденій и предписаній касательно воспитанія въ Россіи обою пола благороднаго и мѣщанскаго юношества съ прочими въ пользу общества установленіями“. Спб., т. I, 1789, т. II, 1791, in 8°. (Впервые оно было издано въ Амстердамѣ на французскомъ языкѣ въ 1775 г. въ 2 т. и потомъ въ 1777 г. въ Невшателѣ.) Интересъ Бецкого сосредоточился, главнымъ образомъ, на вопросахъ воспитанія, которые сдѣлались модными въ З. Европѣ, благодаря страстной проповѣди Ж.-Ж. Руссо. Вслѣдствіе стеченія благопріятныхъ обстоятельствъ, Бецкой получилъ возможность дать своимъ педагогическимъ взглядамъ практическое осуществленіе.

Взгляды его не отличались большою оригинальностью, они во многомъ заимствованы у Руссо и Локка или навѣяны сочиненіями энциклопедистовъ.

Бецкой главною цѣлью ставилъ нравственное воспитаніе. Въ этомъ онъ не столько слѣдовалъ энциклопедистамъ, сколько общему направленію русской мысли и тѣмъ древне-русскимъ педагогамъ, которые задавались тою же цѣлью. Но что было новаго у Бецкого—это вниманіе къ воспитанію физическому, о которомъ древне-русскіе педагоги иначе думали. Онъ былъ рѣшительнымъ врагомъ тѣлесныхъ наказаній, которыя вполнѣ отмѣнилъ во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, ему подвѣдомственныхъ. Но онъ придавалъ слишкомъ небольшое значеніе воспитанію ума, и въ этомъ его коренная ошибка. Для образованія „новой породы“ людей, по его мысли, надо было создать совершенно закрытыя учебныя заведенія, гдѣ бы можно было вполнѣ изолировать воспитываемыхъ отъ вліянія семьи и общества. „Новой породы“ людей создать Бецкому не удалось, но у него есть немало здравыхъ мыслей, и потому сочиненія его заслуживаютъ вниманія.

Изъ „Генеральнаго учрежденія“.

О воспитаніи обою пола юношества.

«Искусство доказало, что одинъ только украшенный или просвѣщенный науками разумъ не дѣлаетъ еще добраго и прямого гражданина: но во многихъ случаяхъ паче во вредъ

бываетъ, если кто отъ самыхъ нѣжныхъ юности своей лѣтъ воспитанъ не въ добродѣтеляхъ, и твердо оныя въ сердце его не вкоренены: а небреженіемъ того, и ежедневными дурными примѣрами привыкаетъ онъ къ мотовству, своевольству, безчестному лакомству и непослушанію. При такомъ недостаткѣ смѣло утвердить можно, что прямого въ наукахъ и художествахъ успѣха и *третьяго чина людей* въ Государствѣ ожидать, всуе себя и ласкать.

«По сему ясно, что корень всему злу и добру воспитаніе; достигнуть же послѣдняго съ успѣхомъ и съ твердымъ исполненіемъ не иначе можно, какъ избрать средства къ тому прямыя и основательныя.

«Держась сего неоспоримаго правила, *единое* токмо *средство* остается, т.-е. произвести сперва способомъ воспитанія, такъ сказать, новую породу или новыхъ отцовъ и матерей, которые бы дѣтямъ своимъ тѣ же прямыя и основательныя воспитанія правила въ сердце вселить могли, какія получили они сами, и отъ нихъ дѣти передали бы паки своимъ дѣтямъ, и такъ слѣдуя изъ родовъ въ роды въ будущіе вѣки.

«Великое сіе намѣреніе исполнить нѣтъ совсѣмъ иного способа, какъ завести *воспитательныя училища* для обоого пола дѣтей, которыхъ принимать отнюдь не старѣе, какъ по пятому и по шестому году. Излишне было бы доказывать, что въ тѣ самые годы начинается дитя приходитъ въ познаніе изъ невѣдѣнія, а еще неразсудительнѣе вѣрить, яко бы по прошествіи сихъ лѣтъ еще можно поправить въ человѣкѣ *худой нравъ*, чѣмъ онъ уже заразился, и поправляя его, тѣ правила добродѣтелей твердо въ сердце его вкоренять, кои ему имѣть было потребно.

«Итакъ, о *воспитаніи* юношества пецися должно неусыпными трудами, начиная, какъ выше показано, отъ пятого и шестого до осмнадцати и двадцати лѣтъ безвыходнаго въ училищахъ пребыванія. Во все же то время не имѣть имъ ни малѣйшаго съ другими сообщенія, такъ что и самые ближніе сродники хотя и могутъ ихъ видѣть въ назначенные дни, но не иначе, какъ въ самомъ училищѣ, и то въ присутствіи ихъ начальниковъ. Ибо неоспоримо, что частое

съ людьми безъ разбору обхожденіе внѣ и внутрь онаго весьма вредительно, а наипаче во время воспитанія такого юношества, которое долженствуетъ непрестанно взирать на подаваемые ему примѣры и образцы добродѣтелей.

«При сихъ воспитательныхъ учрежденіяхъ первое предлагать должно стараніе, чтобъ вселять въ юношество страхъ Божій, утверждать сердце въ похвальныхъ склонностяхъ, и приучать ихъ къ основательнымъ и приличествующимъ состоянію ихъ правиламъ; возбуждать въ нихъ охоту къ трудолюбію, и чтобъ страшились *праздности*, какъ источника всякаго зла и заблужденія; научить пристойному въ дѣлахъ ихъ и разговорахъ поведенію, учтивости, благопристойности, соболѣзнованію о бѣдныхъ, несчастливыхъ, и отвращенію отъ всякихъ продерзостей; обучать ихъ домо-строительству во всѣхъ онаго подробностяхъ, и сколько въ ономъ есть полезнаго, особливо же вкоренять въ нихъ собственную склонность къ опрятности и чистотѣ какъ на самихъ себѣ, такъ и на принадлежащихъ къ нимъ, однимъ словомъ, всѣмъ тѣмъ добродѣтелямъ и качествамъ, кои принадлежатъ къ доброму воспитанію, и которыми въ свое время могутъ они быть прямыми гражданами, полезными общества членами и служить оному украшеніемъ.

«Притомъ весьма еще важное примѣчаніе имѣть должно въ сихъ воспитательныхъ училищахъ, т.-е. дабы для юношества все то наблюдаемо было, что къ жизни, цѣлости здравія и крѣпости сложенія ихъ служить можетъ, какъ-то, въ построенныхъ жилищахъ приводомъ чистаго воздуха, неупотребленіемъ всякаго званія мѣдной посуды, также и всякими невинными забавами и играми оное юношество увеселять, и чрезъ то мысли его приводить всегда въ ободреніе, а напротивъ того искоренять все то, что токмо скукою, задумчивостью и прискорбіемъ назваться можетъ; и сего правила изъ памяти не выпускать».

Краткое наставленіе,

выбранное изъ лучшихъ авторовъ съ нѣкоторыми физическими примѣчаніями о воспитаніи дѣтей отъ рожденія ихъ до юношества ¹⁾.

I.

О воспитаніи дѣтей отъ рожденія ихъ до отнятія отъ груди.

О кормилицахъ.

1) Кто оскорбляетъ беременную женщину, тотъ рода человѣческаго злодѣй.

2) Для новорожденнаго младенца полезнѣе молоко женщины недавно родившей.

3) Кормилицъ выбирать, сколько возможно, здоровыхъ, добронравныхъ, безъ притворства веселыхъ, имѣющихъ десны алыя, зубы бѣлые, чистоплотныхъ, опрятныхъ и проворныхъ; а рыжеволосыя исключаются.

4) Давать младенцамъ сосать грудь понемногу черезъ два часа, больше и меньше по обстоятельствамъ; но ихъ, когда спятъ, для сего не будить.

5) Полезнѣе давать младенцамъ хорошее молоко козье, коровье и прочее, нежели женское худое.

6) Кормилица должна младенцу грудь давать сосать вставъ съ постели, а не лежа.

7) Что къ пользѣ служить, ничего презирать не должно; того для упомянуть можно, что кормилицамъ не всегда носить дѣтей на лѣвой рукѣ, но на той и на другой.

О одеждѣ дѣтской.

8) Обыкновенное свиваніе дѣтямъ не полезно, которое вовсе отвергнуть должно. Оное потребно только для поврежденныхъ членовъ, ежели у младенца случатся.

9) Новорожденнаго младенца обвертывать, не стягивая крѣпко, въ мягкое и сухое полотно и въ шерстяное одѣяльце, которое обогнуть тѣмъ же полотномъ, чтобъ шерсть

---

¹⁾ Издано въ 1766 г.

до лица не касалась. Класть его на бокъ на гладкомъ тюфячкѣ въ колыбель, у которой бы края четыре или пять вершковъ вышиною были набиты мягкою шерстью.

Какъ содержать дѣтей?

10) Первые годы младенцевъ въ разсужденіи нѣжнаго ихъ естественнаго сложенія опасны. Въ сіе время они скорой подвержены смерти, почему и жизнь ихъ можно почитать еще колеблющеюся. Того для надлежитъ имѣть надъ ними присмотръ съ немалою осторожностью.

11) Съ великимъ попеченіемъ охранять младенцевъ отъ стужи при началѣ ихъ жизни.

12) Когда будетъ у младенца жилка подъ языкомъ не препятствовать должно лѣкарю, а не кормилицѣ, оную отдѣлять. Отъ сего происходятъ важныя слѣдствія.

13) Содержать ихъ, какъ возможно, чисто, сіе весьма нужно. Стараться всѣми способами, чтобъ дѣти были на вольномъ и свѣжемъ воздухѣ, который бы всегда свободно въ покояхъ перемѣняться могъ, дабы не подвергнуть себя трудностямъ, которыя сносилъ господинъ Шамузетъ, Рекет-мейстеръ въ Парижѣ. Онъ желалъ воспитать найденныхъ имъ дѣтей, но отъ невѣдѣнія не наблюдалъ сего правила.

14) Великій свѣтъ въ покояхъ, гдѣ младенцы въ колыбеляхъ, не надобенъ; а ежели и случится, то долженъ быть сзади, а не противъ глазъ; также и вдругъ на яркій свѣтъ дѣтей не выносить.

15) Младенецъ во время сна долженъ быть такимъ образомъ закрытъ, чтобъ свободно воздухъ перемѣняться могъ.

16) Весьма вредно качать ихъ для того, чтобъ засыпить, сей обычай вовсе отрѣшить должно.

17) Сморгать ихъ бережно, чтобъ не повредить носа.

18) Не допускать, чтобъ всякій человѣкъ цѣловалъ младенца.

О тѣлодвиженіяхъ, и что при томъ надобно примѣчать?

19) По отнятїи отъ груди, разумѣется, около девяти мѣсяцевъ или послѣ, приваживать ихъ ходить. Для свободнаго выправливанія ногъ надобно имъ чаще быть развязан-

ными, и, сколько возможно, держать ихъ съ утра до вечера на вольномъ воздухѣ.

20) Лучше младенцу учиться ходить самому собою, а не на помочахъ, отъ которыхъ, кажется, нѣтъ пользы.

21) Младенцу имѣть на головѣ обручикъ, который набить такъ, чтобъ толстота его простиралась далѣе носа.

22) Не ввѣрять дѣтей малымъ ребятамъ и не давать имъ въ руки ничего, что вредить можетъ.

23) Умѣренныя слезы младенцу служатъ лѣкарствомъ и способствуютъ къ умноженію въ немъ бодрости и силы по разсужденію господина Саншеса.

24) Отъ груди отымать, когда зубы начнутъ показываться, или десяти, двѣнадцати и пятнадцати мѣсяцевъ.

25) Въ сіе время великую осторожность имѣть надлежитъ, и не питать ихъ тяжелою и грубою пищею, которая вредитъ здоровью и жизнь у нихъ отнимаетъ.

II.

О дѣтяхъ по отнятїи отъ груди до пяти или шести лѣтъ.

О одеждѣ.

26) Сколько пеленаніе вредно и опасно младенцу новорожденному, столько же и снурованіе тѣсное для дѣтей мучительно. Сіе обыкновеніе можно почесть за безразсудное и къ поспѣшествованію натурѣ неспособное. Хотя здравый разумъ сему и противорѣчитъ, но затвердѣлый обычай женскаго пола одерживаетъ въ томъ побѣду.

27) Тугія завязки и узкая одежда весьма вредятъ здоровью и останавливаютъ теченіе крови.

О пищѣ.

28) Поелику сіе разумѣется о дѣтяхъ отъ одного до пяти и шести лѣтъ, то по количеству оныхъ надлежитъ перемѣнять и умножать имъ пищу.

29) Кашка изъ муки для нихъ очень груба, клейка и тяжела: надлежитъ воспретить употребленіе оной.

30) Порошокъ толченый изъ бѣлаго и хорошо выпеченаго хлѣба, который надобно напередъ высушить ломти-

ками или гренками, всего полезнѣе до двухъ лѣтъ ихъ возраста.

31) Кормить ихъ чрезъ три часа помаленьку лучше, нежели много вдругъ, и притомъ небольшою ложкою.

Какъ отвращать болѣзни въ зубахъ?

32) Когда зубы начнутъ вырѣзываться, то вмѣсто всѣхъ лѣкарствъ, которыя обыкновенно больше имъ тогда вредятъ, нежели пользуютъ, употреблять ребячью игрушку съ слоновымъ на концѣ зубомъ или обдѣланнымъ хрусталемъ, для прохлажденія рта, который у нихъ въ то время очень разгорячается; воздухомъ же чистымъ и свѣжимъ въ такомъ случаѣ пользоваться для нихъ еще лучше.

33) Какъ коренные зубы выходить станутъ, то можно имъ давать весьма мелко искрошеннаго мяса съ хлѣбомъ; однакожь похлебкѣ или супу должно быть главною ихъ пищею, но очень горячаго никогда не давать. Сіе примѣчаніе нужно для всякаго возраста.

34) Лучшая ихъ пища должна быть хлѣбъ, разная похлебка, молошное и мало мяса; напротивъ того, твердаго, кислаго, также салату, плодовъ и прочаго сему подобнаго дѣтямъ въ малыхъ лѣтахъ не употреблять.

35) Не давать имъ сахару, конфѣктовъ сахарныхъ и ничего, что сластями называется.

36) Безъ надзирателей не должны дѣти ни пить, ни ѣсть, и особливо:

37) горячаго питья, вина, водки и прочаго дѣтямъ отнюдь не давать.

О чувствахъ.

38) *Зрѣнію* вредно все чрезмѣрно блестящее. *Слуху* равномерно вредителенъ великій шумъ или стукъ. *Обонянію* столько же не полезны острые запахи. *Вкусу* вредятъ крѣпкая и соленая пища, сласти, пряные коренья, водки, цѣльные вина и тому подобное; а для *Осязанія* остерегаться надлежитъ ожога и крѣпкихъ спиртовъ.

О снѣ.

39) Дѣтямъ въ первые годы своей жизни должно спать тогда, какъ хотятъ, и ѣсть чаще.

40) Никогда не спать имъ съ старыми людьми; сіе для нихъ вредно.

Какъ содержать дѣтей?

41) Охранять дѣтей отъ стужи въ первые годы, употребляя пристойныя средства; а по умноженію возраста приучать ихъ нечувствительно къ снесенію переменъ воздуха.

42) Содержать ихъ всегда въ такой вольности, чтобъ могли имѣть желаемую веселость, которая имъ нужна для здоровья и возраста.

43) Для очищенія у дѣтей носа лучше употреблять платки полотняные, нежели бумажные; не худо очищать оный чаще.

44) Употребленіе лѣкарствъ безъ необходимой нужды вредно; а ежели случится запоръ или голова болитъ, въ такомъ случаѣ воздерживать отъ пищи, давать пить чистой воды понемногу, и гулять имъ на вольномъ воздухѣ, что для нихъ всего здоровѣе.

45) Все чрезвычайное дѣтямъ вредно: какъ лишняя суровость отъ власти, такъ неумѣренное попеченіе и заботы отъ любви, равно для нихъ опасны.

46) Приучать ихъ ко всему, что сами безъ помощи другихъ дѣлать могутъ.

47) Ни въ чемъ не отказывать, когда требованіе ихъ справедливо: не давать же отнюдь того, что уже имъ отказано. А если неотступною просьбою хотя однажды истребуютъ непозволённыхъ прежде вещей, то впредь отъ неполученія оныхъ происходитъ будутъ слезы, упрямство, своеправіе и худой обычай, что не токмо вредитъ здоровью, но отымаётъ и веселость полезную.

48) Не должно внушать дѣтямъ пустыхъ страховъ, отъ которыхъ опасныя слѣдствія неминуемо бывають.

49) Отвращать отъ нихъ ревность и зависть другъ противъ друга, что весьма опасно; если же сіи пороки случатся, то для отвращенія оныхъ не будетъ иного средства, какъ удалить съ великою осторожностью тотъ самый предметъ, отъ котораго сіи пороки происходятъ могутъ; но притомъ поступать такъ, чтобъ дѣти сего не примѣтили.

50) Удалять ихъ отъ обхожденія съ невѣжами и злонаправными людьми, и не допускать видѣть неблагоразумные ихъ поступки.

51) Обучать ихъ всему играючи, и, сколько возможно, безъ принужденія.

52) Понеже забава, веселость и игра суть главныя средства къ укрѣпленію здоровья; того для неподлежитъ поступать съ дѣтьми сурово, но всему обучать ихъ, какъ сказано, безъ принужденія. Ежели жъ когда и случится дѣлать имъ выговоры, то и въ семъ случаѣ поступать безъ свирѣпства и злобы, дабы большимъ страхомъ не повредить ихъ остроты природной.

Примѣчаніе.

53) Двухъ лѣтъ или около того, чувствительная въ дѣтяхъ происходитъ перемѣна. Они начинаютъ понимать, рассуждать, помнить и прочее. Сіи душевныя свойства достойны примѣчанія такого философа, который устремляетъ свои мысли въ дѣйствія разума человѣческаго и въ успѣхи природныхъ дарованій.

О ученіи.

54) Приводить дѣтей къ ученію подобно, какъ въ пріятное и украшенное цвѣтами поле. Тернія въ ономъ находящіяся раздражаютъ природу, особливо сначала, а сіе происходитъ единственно отъ неразумія воспитателей.

55) Чтобъ дѣти съ веселіемъ исполняли свою должность, надлежитъ стараться всемирно вперить въ нихъ любовь къ ученію такъ, чтобъ оное награжденіемъ себѣ почитали. Сіе единое способствуетъ къ большому просвѣщенію ихъ разума.

56) Неумѣренное ученіе вредно здоровью. Не должно тревожиться, видя умы не скоро зрѣющіе, а желать надобно, чтобъ дѣти имѣли только здравый разумъ и доброе сердце, о чемъ паче всего прилагать должно стараніе съ самаго ихъ младенчества, также и о томъ, чтобъ они были и крѣпкаго сложенія.

57) Вкусъ къ ученію могутъ дѣти получить скорѣе отъ добраго примѣра и отъ обхожденія съ благоразумными людьми, нежели отъ руководства учителей развратно живущихъ. Часто случается, что дѣти сверхъ чаянія сами собою приобрѣтаютъ знанія только отъ того, что видятъ и слышатъ, и что сами то дѣлаютъ, о чемъ размышляютъ и у другихъ спрашиваютъ.

О чистотѣ.

58) Воспитателямъ должно великую имѣть осторожность въ столь важномъ дѣлѣ, каково есть чистоты наблюденіе. Всѣмъ извѣстно, сколь необходимо нужно приучать дѣтей къ оной во всемъ, что около ихъ, и что предъ очами у нихъ бываетъ. Наблюдать сіе должно отъ самыхъ пеленъ, и не забывать сего правила, въ какихъ бы ни были дѣти лѣтахъ, случаяхъ или обстоятельствахъ, ибо и здоровье ихъ отъ того зависитъ. Благопристойность, учтивство и честь столь неразрывно сопряжены съ сею добродѣтелью, (если можно такъ ее назвать), что отъ недостатка чистоты воспитаніе не можетъ быть въ совершенствѣ. Попечители, правители, надзиратели или надзирательницы домовъ, гдѣ воспитываются дѣти, должны употреблять великую строгость и прилежаніе въ смотрѣніи за чистотою вездѣ и во всемъ, какъ въ домахъ имъ повѣренныхъ и за дѣтьми, такъ и между собою другъ за другомъ потому, что имъ первымъ надлежитъ примѣры благопристойности показывать собою.

XXI.

Императрица Екатерина II.

(1729—1796 г.)

Жизнь и дѣянія императрицы Екатерины II всѣмъ хорошо извѣстны. Среди разнообразныхъ царственныхъ заботъ Екатерина II находила время заниматься науками и писать сочиненія—педагогическія и литературныя, имѣвшія преимущественно характеръ нравоучительный. По выходѣ замужъ за императора Петра III Екатерина II отдалась чтенію книгъ и скоро отъ романовъ перешла къ книгамъ историческимъ и философскимъ. Одаренная литературнымъ талантомъ, воспріимчивая и чуткая къ явленіямъ окружающей жизни, Екатерина II принимала дѣятельное участіе и въ литературѣ своего времени. Возбужденное ею литературное движеніе было посвящено разработкѣ просвѣтительныхъ идей XVIII в. Мысли о воспитаніи, вкратцѣ изложенныя въ одной изъ главъ (XIV) Наказа, впоследствии были подробно развиты ею въ аллегорическихъ сказкахъ: „О царевичѣ Хлорѣ“ (1781) и „О царевичѣ Февеѣ“ (1782 г.), а главнымъ образомъ въ „Инструкціи кн. Н. Салтыкову, данной при назначеніи его воспитателемъ великихъ князей Александра и Константина Павловичей“ (1784 г.). На развитіе ея идей о воспитаніи и обученіи имѣлъ громадное вліяніе Ив. Ив. Бецкой, который часто бесѣдовалъ съ нею и наводилъ ее на тѣ или другія мысли своимъ выборомъ книгъ для чтенія, такъ какъ былъ ея чтецомъ почти съ самаго начала царствованія до 1770 г. Впоследствии, впрочемъ, она значительно дальше пошла своего учителя.

Педагогическія идеи, выраженныя въ своихъ сочиненіяхъ, Екатерина II преимущественно заимствовала у Монтеня и Локка,—у перваго она взяла общій взглядъ на цѣли воспитанія, вторымъ она пользовалась при разработкѣ частныхъ. Руководясь Монтенемъ, Екатерина II выдвинула на первое мѣсто въ воспитаніи—нравственный элементъ—вкорененіе въ душѣ гуманности, справедливости, уваженія къ законамъ, снисходительности къ людямъ. Въ то же время она требовала, чтобы умственная и физическая стороны воспитанія получали надлежащее развитіе. Лично ведя

воспитаніе своихъ внуковъ до семилѣтняго возраста, она составила для нихъ цѣлую учебную бібліотеку и написала рядъ учебныхъ книжекъ: 1) Россійскую азбуку съ гражданскимъ начальнымъ ученіемъ; 2) Китайскія мысли о совѣсти; 3) Сказку о царевичѣ Хлорѣ; 4) Разговоры и рассказы; 5) Записки; 6) Выбранныя Россійскія пословицы; 7) Продолженіе начальнаго ученія; 8) Сказку о царевичѣ Февеѣ.

Н. А. Лавровскій, занимавшійся изслѣдованіемъ этихъ педагогическихъ книжекъ, находитъ ихъ составленными цѣлесообразно.

Во главѣ педагогическихъ сочиненій Екатерины II, несомнѣнно, слѣдуетъ поставить ея „Инструкцію“. Основными положеніями инструкціи служатъ: нравственное воспитаніе, при неуклонномъ стремленіи къ добру, попеченіе о тѣлесномъ развитіи, свобода развитія безъ всякихъ принудительныхъ мѣръ и самостоятельность образованія, посредствомъ упражненій, ведущихъ къ выработкѣ самодѣтельности.

Воспитатель долженъ быть только помощникомъ и руководителемъ воспитанниковъ, облегчающихъ для него эту самодѣтельность.

Дѣятельность императрицы Екатерины II въ педагогическомъ отношеніи громадна: она не только писала указы и повелѣнія, педагогическія сочиненія, но и просматривала еще многіе учебники и руководства, предназначенные для народныхъ училищъ. Ея письма къ Гриму—цѣлый курсъ педагогики.

Изъ Инструкціи князю Николаю Ивановичу Салтыкову при назначеніи его къ воспитанію великихъ князей.

Кто отъ природы къ доброму и лучшему стремится, тотъ родился счастливъ. Доброе сердце, нравъ тихій, въ обхожденіи учтивость, привѣтливость и снисхожденіе всѣмъ людямъ нравятся; гордость, нахальство, надменность и притворство равно всѣмъ людямъ несносны.

Хвалы, даваемыя хорошему поведенію, хулы и пренебреженія хулы достойному суть тѣ способы, коими поощряется хорошее и отвращается дурное поведеніе. Въ награжденіе

добрыхъ дѣлъ представить дѣтямъ надлежитъ честь, доброе имя и славу; а за дурныя дѣла стыдъ и поношеніе.

Никакое наказаніе обыкновенно полезно дѣтямъ быть не можетъ, буде не соединено со стыдомъ, что учинили дурно; кольми паче такимъ дѣтямъ, въ душахъ коихъ стыдъ къ дурному вселенъ отъ младенчества, и для того предписывается: твердить воспитанникамъ и давать имъ чувствовать при всякомъ удобномъ случаѣ, что тѣ, кои прилежаніемъ и радѣніемъ исполняютъ отъ нихъ требуемое, у всѣхъ людей выигрываютъ любовь и хвалу; а за неприлежаніе и нерадѣніе воспослѣдуетъ презрѣніе, нелюбовь и никто ихъ не похвалитъ.

При всѣхъ случаяхъ вселять и напоминать ихъ высочествамъ правила челобѣколюбія и благоволенія ко всякой твари и поощрять ихъ къ тому похвалою за тѣ качества, въ людяхъ пріобрѣтаемою.

Когда въ чемъ который провинится и осужденъ будетъ, тогда никто да не дерзнетъ хвалить, дондеже провинившійся не будетъ просить прощенія и не увидятъ, что старается поправить свое поведеніе; къ прощенію же не надлежитъ приступать вдругъ.

Заставлять воспитанниковъ дѣлать съ точностью и ласкою то во всякомъ случаѣ, что дѣлать имъ надлежитъ.

Приставникамъ не дѣлать при воспитанникахъ того, чего не желаютъ, чтобъ дѣти переняли, и вовсе отдалить отъ зрѣнія и слуха ихъ высочествъ дурныя и порочныя примѣры; да не повадятся они въ игрѣ и при оной быть несправедливы и да не употребятъ въ оной несправедливости или обмана и неправды. Буде таковое примѣтится, да уймутъ ихъ, сказавъ имъ, что обманъ и неправда есть безчестное и стыдное дѣло.

Буде окажутъ несправедливость или обманъ, тогда лишить ихъ имъ принадлежащаго, дабы почувствовали, какова несправедливость.

Наставленіе касательно добродѣтели и того, что отъ дѣтей требуется.

Приготовляя здравіе тѣла, аки временное жилище души, надлежитъ приступить и къ основанію добродѣтелей, полезныхъ душѣ отъ самаго младенчества; слѣдствія того простираться будутъ на времена настоящія и будущія.

О хотѣніи. Тѣлесная сила оказывается въ преодолѣніи какого ни есть труда и затрудненія; душевная же крѣпость оказывается въ преодолѣніи собственныхъ хотѣній и подчиненіи хотѣній здравому разсудку, и для того отъ младенчества надлежитъ хотѣніе дѣтей подчинить здравому разсудку и справедливости, дабы отъ младости поважены были повиноваться совѣту здраваго разсудка и справедливости, прежде нежели еще умъ созрѣетъ.

Буде ихъ высочества чего пожелаютъ, что имъ самимъ, или другимъ вредно быть можетъ, или чего дать не должно, или не можно; въ томъ имъ отказывать и отнюдь не давать и не позволять.

Буде чего будутъ просить со слезами или съ упрямствомъ или упорно, то запрещается имъ давать, а при томъ сказывать надлежитъ, что не дается для того, что упорно или со слезами или съ упрямствомъ просятъ.

О послушаніи. Поваживать воспитанниковъ къ непрекословному послушанію Намъ и Императорской Нашей власти. Да будетъ то, что Бабушка приказала, непрекословно исполнено; что запретила, того отнюдь не дѣлать, и чтобъ имъ казалось столько же трудно то нарушить, какъ переменить погоду по ихъ хотѣнію; въ чемъ приставники да дадутъ имъ примѣръ держаться съ точностью въ семъ наказѣ предписаннаго.

Кто съ младенчества не поваженъ повиноваться приказанію и совѣту родителей и приставниковъ, тотъ, созрѣвъ, не въ состояніи будетъ слушать совѣта здраваго разсудка и справедливости.

Чего дѣти повелительнымъ голосомъ требовать будутъ, того не давать; но поваживать воспитанниковъ просить того, чего желаютъ, и благодарить за то, что получили.

Въ чемъ главныя достоинства наставленія состоятъ. Главное достоинство наставленія дѣтей состоятъ должно въ любви къ ближнему (не дѣлай другому того, чего не хочешь, чтобъ тебѣ сдѣлано было), въ общемъ благоволеніи къ роду человѣческому, въ доброжелательствѣ ко всѣмъ людямъ, въ ласковомъ и снисходительномъ обхожденіи ко всякому, въ добронравіи непрерывномъ, въ чистосердечіи и благородномъ сердцѣ, въ истребленіи горячности сердца, пустого опасенія, боязливости, подозрѣнія невмѣстнаго вездѣ тутъ, гдѣ усмотрится.

Требуется, чтобы съ возрастомъ питомцы утвердились въ добродѣтели, чтобы вкоренялась въ душахъ справедливость, которая состоитъ въ томъ, чтобъ не дѣлать законами запрещеннаго; въ любви къ истинѣ, въ щедрости, воздержаніи, умѣ, основанномъ на размышленіи, здоровомъ о вещахъ понятіи и разсужденіи, совокупленномъ съ трудолюбіемъ.

Когда дѣти наполнены повиновеніемъ къ верховной власти, почтеніемъ къ родителямъ; довѣренностью къ приставникамъ, совокупленными съ любовью и съ опасеніемъ прогнѣвить ихъ и къ тому соединяють благоволеніе ко всѣмъ людямъ, тогда уже много сдѣлано. Чѣмъ болѣе дѣти укрѣпляются въ добродѣтели, тѣмъ болѣе готовятся къ познанію того, что отродію ихъ прилично.

Объ ученіи. Привлекать любопытство дѣтей къ ученію ласкою, а не принужденіемъ; ученіе ихъ первое: читать, писать, рисовать, ариѳметикѣ; продолжать не худо учиться и писать подъ титлами или abbreviation. За симъ: географія, начавъ съ Россіи, астрономія, хронологія, математика.

Искусство учителей будетъ состоятъ въ томъ, чтобъ всякую науку и наученіе облегчить ученикамъ колико возможно.

Виршамъ и музыкѣ учить не для чего, тѣмъ и другимъ много времени теряется, дабы достигнуть искусства.

Запрещается принуждать дѣтей твердить много наизусть. Сіе памяти не подкрѣпляетъ; ибо добрая память отъ добраго сложенія, а не отъ иного чего происходитъ.

Наизусть вытвердить развѣ выбранныя краткія правила изъ писателей, кои служить могутъ дѣтямъ для украшенія ума и основаніемъ въ поведеніи.

Потомъ слѣдовать можетъ исторія, нравоученіе, правила закона гражданскаго. Къ сему служить можетъ Наказъ Комиссіи Уложенія и Учрежденія для управленія губерній Россійской Имперіи, законы Россійскіе, ибо, не знавъ оныхъ, и порядка, коимъ правится Россія, знать не могутъ.

На каждомъ языкѣ для чтенія избрать книги, писанныя лучшія, и изъ нихъ выбрать то, что дѣтямъ читать, или передъ ними читать, то-есть, все то, что можетъ умножить въ нихъ знаніе и просвѣщеніе, то, которое имъ нужно; на-примѣръ: естественная исторія, математика, художества, какъ снять чертежи, или дѣлать разные опыты.

Всеобщая исторія, древность, мѣологія, географія, генеалогія, о Россіи и ея производствахъ, торговля и прочее, также физика и исторія художествъ, которая воспитанниковъ водила бы отъ легкаго до искуснѣйшаго, доказавъ опытами.

Русское письмо и языкъ надлежитъ стараться, чтобъ знали какъ возможно лучше.

Въ то же время могутъ прилежать къ ученію правилъ верховой ѣзды, фехтованія, волтижированія, плавать, бороться, ружьемъ метать, изъ лука стрѣлять и всему тому, что тѣлу придаетъ силу и поворотливость.

XXII.

Ө. И. Янковичъ-де-Миріево.

Извѣстно, что императрица Екатерина II послѣ свиданія съ императоромъ австрійскимъ Іосифомъ II въ Могилевѣ, рѣшилась принять для Россіи австрійскую систему народнаго образованія. Эта система основывалась на приготовленіи учителей для народныхъ училищъ въ особой нормальной школѣ.

Въ основу преподаванія ея было положено правило: не обременять память учащихся заучиваньемъ наизусть, но развивать

ихъ умъ, объясняя непонятное имъ и приучать выражать точно и полно то, что выучили.

Учителя должны были заниматься одновременно со всѣми учениками класса, а не поодиночкѣ, какъ дѣлалось раньше. Введена была буквенная и табличная методы, принята была также такъ называемая катихизація.

При преподаваніи воспрещались всѣ опозоривающія и опасныя для здоровья наказанія.

Принявъ австрійскую систему, императрица естественно искала въ Австріи опытнаго педагога, который былъ бы въ состояніи ввести ее въ Россію, устроить всѣ необходимыя учебныя учрежденія, — словомъ, руководить дѣломъ начальнаго народнаго образованія. На такого человѣка указалъ ей еще въ Могилевѣ Іосифъ II; онъ рекомендовалъ ей серба *Θ. И. Янковича-де-Миріево*, доказавшаго практическую свою опытность по учебному дѣлу въ Темесварскомъ банатѣ. Въ сентябрѣ 1782 г. Янковичъ-де-Миріево пріѣхалъ въ С.-Петербургъ.

Θ. И. Янковичъ родился въ 1741 г. въ м. Каменецѣ-Сремской, близъ Петервардейна, и происходилъ изъ старинной сербской дворянской фамиліи (владѣвшей с. Миріево, близъ Бѣлграда). Образование онъ получилъ въ Вѣнскомъ университетѣ. По окончаніи курса поступилъ на службу къ темесварскому епископу, при чемъ оказалъ большія услуги австрійскому правительству, поддерживая согласіе между разновѣрнымъ населеніемъ. Въ 1773 г. былъ сдѣланъ директоромъ народныхъ училищъ въ Темесварскомъ банатѣ, гдѣ также проявилъ себя съ самой лучшей стороны, за что и былъ рекомендованъ Іосифомъ II Екатериинѣ Великой.

По пріѣздѣ въ 1782 г. въ Россію, *Θ. И. Янковичъ* посвятилъ себя новому отечеству, и въ теченіе слишкомъ двадцати лѣтъ съ самоотверженіемъ работалъ на пользу русскаго народнаго образованія. Съ 1 января 1783 г. по 27 августа 1784 г. былъ директоромъ народныхъ училищъ, затѣмъ по 27 мая 1785 г. — директоромъ главнаго народнаго училища, ученымъ чиновникомъ при комиссіи народныхъ училищъ по 11 января 1798 г., членомъ комиссіи по 8 сентября 1802 г. и, наконецъ, членомъ главнаго правленія училищъ. Въ послѣдніе годы съ 1803 года до самой смерти, послѣдовавшей 22 мая 1814 г., онъ страдалъ совершен-

нымъ истощеніемъ умственныхъ и физическихъ силъ, естественнымъ слѣдствіемъ чрезмѣрныхъ его трудовъ.

Дѣятельность Янковича дѣйствительно была громаднa. Надо было сочинять учебные планы, наказы, уставы какъ для казенныхъ заведеній, такъ и для частныхъ школъ и пансіоновъ, готовить учителей, составлять учебныя книги и пособія—и все это приходилось дѣлать самому Янковичу.

Большая часть учебниковъ, составленныхъ Янковичемъ или подъ его руководствомъ, была разсматриваема и одобряема самой императрицей Екатериной II. Другіе учебники и руководства написаны подъ ближайшимъ присмотромъ Янковича.

Такъ это касается „Начертанія естественной исторіи“ и „Руководства для учителей“. Громадное большинство этихъ руководствъ представляетъ передѣлку или переводъ учебныхъ руководствъ, изданныхъ Фельбигеромъ въ Австріи, на нѣмецкомъ языкѣ. То же относится и къ книгѣ „Руководство для учителей 1-го и 2-го класса народныхъ училищъ“, переведеннаго чиновникомъ комиссіи народныхъ училищъ Ковалевымъ. Къ большинству изъ руководствъ Янковичъ присоединялъ предисловія, заключавшія въ себѣ наставленія, какъ излагать науку ученикамъ.

Изъ „Руководства учителямъ перваго и втораго класса народныхъ училищъ Россійской Имперіи“.

О способѣ учебномъ.

1. Подъ способомъ учебнымъ разумѣется тотъ образъ ученія, по которому учитель учениковъ своихъ обучать долженъ.

2. Способъ сей состоитъ въ нѣкоторыхъ выгодахъ при самомъ наставленіи, которыя здѣсь означены и предписаны; дабы юношество способнѣе, порядочнѣе и основательнѣе было наставляемо: именно же заключается оный въ совокупномъ наставленіи, совокупномъ чтеніи, изображеніи черезъ начальныя буквы, въ таблицахъ и вопрошеніи.

О совокупномъ наставленіи.

I. Что подъ совокупнымъ наставленіемъ разумѣется?

1. Подъ совокупнымъ наставленіемъ разумѣется то, чтобы учителя нижнихъ школъ не учили учениковъ одного за другимъ порознь, но показывали бы всѣмъ тѣмъ вмѣстѣ, кои одно учать; чрезъ что будутъ они всѣ внимательны къ тому, что учитель говоритъ, спрашиваетъ или пишетъ. Напримѣръ: если въ школѣ показываютъ склады или читаютъ, то всѣ, складамъ или чтенію обучающіеся ученики, должны то же самое складывать и читать вмѣстѣ либо вслухъ, либо про себя; и если учитель одного кого или многихъ вдругъ спросить, то чтобъ были въ состояніи продолжать тамъ, гдѣ остановились другіе.

II. Какимъ образомъ при совокупномъ наставленіи поступать?

1. Для соблюденія порядка при совокупномъ наставленіи раздѣляются ученики на отдѣленія, по которымъ ихъ попеременно и учить должно. Напримѣръ: всѣ тѣ принадлежатъ къ одному отдѣленію, которые одному чему ни есть обучаются, какъ-то: буквамъ, складамъ, чтенію и прочему. Нужно, однако, еще раздѣлять и тѣхъ, кои одному чему обучаются, но съ различнымъ успѣхомъ, и сажать особливо хорошихъ, особливо посредственныхъ и особливо слабыхъ.

2. Учитель можетъ спрашивать учениковъ или по отдѣленіямъ, или и порознь, вызывая по имени или подавая какой ни есть знакъ къ отвѣтствованію; однако, не всегда въ одномъ порядкѣ или очереди.

3. Если ученикъ хочетъ что-нибудь сказать, или встать со своего мѣста, то долженъ онъ напередъ дать знать оное поднятіемъ руки и ожидать позволенія отъ учителя. Безъ позволенія же никто говорить не долженъ.

4. Когда одинъ ученикъ спрашивается, или онъ отвѣтствуетъ или читаетъ, тогда всѣ прочіе должны читать за нимъ про себя и быть готовы къ отвѣту, какъ скоро ихъ спросятъ; почему учитель долженъ многихъ учениковъ вызывать, и то одному, то другому приказывать продолжать

тамъ, гдѣ остановился его товарищъ. Иногда надобно также, спросивъ о чемъ-нибудь одного, спросить о томъ же другаго и третьяго.

5. Учитель долженъ всѣ слова выговаривать громко, плавно и ясно, глаза обращать всюду, и ходить около всѣхъ учениковъ дабы видѣть, всѣ ли прилежно его слушаютъ и дѣло свое исполняютъ.

6. Особливо же пособлять долженъ учитель слабымъ ученикамъ и заставлятъ ихъ чаще отвѣчать и повторять отвѣты другихъ. Но дабы сіи его долго не задерживали, то можетъ онъ продолжать далѣе, если по малой мѣрѣ двѣ трети учениковъ предыдущее совсѣмъ поняли. Тѣ же немногіе, которые во всю школьную пору за прочими слѣдовать не успѣвали, должны или ходить еще одинъ разъ въ тотъ классъ, въ которомъ они отставали, или учитель долженъ имъ сверхъ обыкновенныхъ часовъ показывать особливо.

III. Польза совокупнаго наставленія.

1. Все время ученія употребляется въ пользу каждаго ученика, а иначе былъ бы учитель о вниманіи ученика увѣренъ только въ тѣ немногія минуты, когда бы доходила до ученика очередь читать.

2. Исправленіе погрѣшностей обращается въ пользу всѣхъ.

3. Вниманіе учениковъ сохраняется, а рѣзвости отвращаются.

4. Дѣти научатся симъ образомъ скорѣе и легче; а учитель не имѣетъ больше нужды на недѣлающихъ ничего толь часто кричать.

О изображеніи чрезъ начальныя буквы.

I. Что разумѣется подъ изображеніемъ чрезъ начальныя буквы?

1. Изображеніе чрезъ начальныя буквы состоитъ въ написываніи на черной доскѣ словъ и рѣчей ученія наизусть требующихъ, первыми только буквами каждаго слова.

II. Какъ поступать при изображеніи чрезъ начальныя буквы?

Когда съ дѣтьми какая ни есть часть ученія начинается, на примѣръ: катихизисъ, письмо или ариѳметика, то напередъ надобно имъ объяснить, къ чему ученіе предмета сего можетъ быть нужно, а потомъ поступить такъ:

1. Сказать имъ изъ того, что написать на доскѣ надобно, словъ 5 или 6, на примѣръ: Вѣрую во Единого Бога Отца.

2. Сказанное должно еще повторить, и потомъ написать на доску первыя буквы каждаго слова, на примѣръ: В. в. Е. Б. О. Но при томъ надобно всегда въ то же самое время то слово выговорить, котораго начальную букву учитель написалъ, и приучить себя къ проворному и ясному письму; дабы какъ скоро выговорено будетъ слово, тотъ же часъ стояла ясно и начальная его буква, при чемъ учитель наблюдаетъ также и правило правописанія.

3. Когда буквы написаны, тогда произносить учитель слова еще однажды громко.

4. Учитель заставляетъ выговаривать слова сіи то всѣхъ учениковъ вмѣстѣ, то по классно, то порознь, пока большая часть дѣтей не переймутъ оныхъ.

5. Когда ученики написанное выговариваютъ, тогда долженъ учитель на буквы тѣхъ словъ указывать, хотя, на примѣръ, палочкой.

6. Если первыя имъ сказанныя слова выучены, то произносить онъ опять другія пять или шесть и пишетъ на доскѣ начальныя ихъ буквы такимъ же образомъ; при чемъ примѣчать только должно, что когда дѣти вновь написанныя слова знаютъ, то надобно повторить прежнія.

7. При написываніи надобно ставить прописныя буквы и знаки препинанія, гдѣ слѣдуетъ.

8. Если все, что надлежало дѣтямъ выучить, такимъ образомъ пройдено и столько повторено, что надѣяться можно, что дѣти знаютъ оное довольно хорошо; тогда можно нѣкоторыя буквы стереть и заставлять дѣтей опять сказывать написанное.

9. Наконецъ стереть всѣ буквы, и отвѣдывать, не могутъ ли дѣти безъ помощи начальныхъ буквъ сказать рѣчей наизусть.

10. Буде многіе еще ошибаются, то надобно то же самое еще написать или учителю, или одному изъ искусныхъ учениковъ.

III. Польза изображенія чрезъ начальныя буквы.

1. Симъ выгоднымъ средствомъ ученія можно дѣтямъ вперить въ одну четверть часа болѣе, нежели иначе въ цѣлый день, и при томъ самымъ легкимъ образомъ.

2. Дѣти становятся отъ того внимательны.

3. Чувства изощряются въ нихъ купно съ силами душевными отъ самыхъ младыхъ лѣтъ.

4. Можно симъ образомъ преподавать юношеству, на небольшомъ пространствѣ и немногими буквами, многое.

5. Чрезъ сіе средство избавляются дѣти отъ жалостнаго мученія, когда имъ подѣ угрозами различныхъ наказаній задаются для ученія наизусть опредѣленные на извѣстное время уроки безъ всякаго облегченія.

6. Дѣти научаются всему, такъ сказать, играючи.

О вопрошеніи.

I. Описаніе вопрошенія.

1. Вопрошеніе есть, когда учитель учениковъ о какой ни есть вещи спрашиваетъ, для того, дабы узнать, поняли ли они ее. Изъ сего слѣдуетъ, что учениковъ спрашивать должно о такой вещи, которую они слышали, читали или иначе какъ спознали; итакъ, вопрошеніе употребляется при всемъ томъ, чему ученикъ обучается, однако нынѣшнія учебныя книги сочинены безъ вопросовъ для того, чтобы не заставляли учениковъ учить вопросовъ наизусть, которые вездѣ находятся токмо для учителей.

II. Какъ поступать при вопрошеніи?

1. Учитель долженъ знать дѣло самъ ясно и обстоятельно и быть въ состояніи слѣдовать вѣрно предписаннымъ ниже сего правиламъ вопрошенія.

2. Онъ не долженъ думать, чтобы довольно было, если онъ, прочитавъ по книгѣ вопросы (буде въ которой оныя есть), выслушаетъ отъ ученика показанные въ оной отвѣты отъ слова до слова.

3. Онъ долженъ стараться и быть въ состояніи дѣлать самъ отъ себя пристойные вопросы, соображаясь особливо со свойствомъ отвѣтовъ.

4. Оно долженъ быть увѣренъ, что то, о чемъ онъ учениковъ своихъ спрашивать хочетъ, они уже слышали или читали; если же нѣтъ, то, сказавъ имъ оное напередъ вкратцѣ, или заставивъ нѣсколько разъ прочесть изъ книги, спрашиваетъ тотъ же часъ, пока у нихъ оное содержится въ свѣжей еще памяти, исправляя потомъ какъ худо ими разумѣваемое, такъ и худо изъясняемое.

III. О качествахъ вопросовъ.

1. Вопросы должны быть кратки, опредѣленны, безъ возношеній, полны, составлены изъ словъ извѣстныхъ и изъ словъ, взятыхъ въ смыслѣ обыкновенномъ, а не иносказательномъ. Обыкновеннѣйшіе же вопросы, кои ученикамъ, особливо маленькимъ дѣлать должно, суть: кто? о людяхъ и что? о вещахъ; чей? кого? или что? для чего? когда? Но нельзя дѣлать всѣ сіи вопросы вмѣстѣ, также и несносно чинить оныя всѣ при каждой рѣчи.

О наказаніяхъ.

а). Запрещаются же вообще всѣ тѣлесныя наказанія, какого бы рода они ни были, на примѣръ:

1. Ремни, палки, плети, линейки и розги.
2. Пощечины, толчки и кулаки.
3. Драніе за волосы, ставленіе на колѣни и драніе за уши.
4. Всѣ посрамленія и честь трогающія устыженія, какъ-то: уши ослиныя и названіе скотины, осла и т. п.

XXIII.

Г. С. Сковорода.

Григорій Саввичъ Сковорода родился въ с. Чернухахъ, Лохвицкаго уѣзда, Полтавской губерніи, отъ родителей простого званія, въ 1722 г. Учился въ Кіевской академіи. Окончивъ курсъ, Сковорода отправился, по приглашенію одного богатаго вельможи,

(Вишневскаго), за границу, въ качествѣ учителя его дѣтей. Побывалъ въ Вѣнѣ, Офенѣ, Пресбургѣ, а оттуда пѣшкомъ обошелъ всю Германію, Италію и Польшу. Посѣтилъ лучшіе университеты и съ жадностью слушалъ знаменитыхъ тогдашнихъ профессоровъ, и въ особенности Канта. Возвратившись на родину, полный учености, онъ получилъ весьма скромное мѣсто учителя пѣтики въ Переяславской семинаріи.

Но здѣсь оставался недолго. Въ 1759 г. получилъ мѣсто учителя поэзіи въ Харьковскомъ коллегіумѣ. Къ этому же времени относится и дружба Сковороды съ молодымъ М. И. Ковалинскимъ, позднѣйшимъ его біографомъ. На нѣкоторое время Сковорода оставлялъ свое мѣсто, но въ 1766 г., когда, по повелѣнію императрицы Екатерины II, въ Харьковскомъ коллегіумѣ прибавлены были нѣкоторыя науки и благородному юношеству назначено было преподавать правила благонравія, Сковорода снова получаетъ приглашеніе и ему поручается именно этотъ предметъ. Въ руководство коллегіумистамъ онъ скоро написалъ „Начальную дверь къ христіанскому добронравію для молодого шляхетства Харьковской губерніи“, представлявшую какъ бы конспектъ читанныхъ имъ лекцій. Въ ней найдено было много сомнительнаго, и, хотя Сковорода защищался умно и съ достоинствомъ, ему навсегда пришлось оставить коллегіумъ.

Съ этого времени началась скитальческая жизнь Сковороды на Украинѣ, продолжавшаяся до самой смерти. Переходя изъ города въ городъ, изъ села въ село, онъ, гдѣ останавливался, жилъ уединенно, гдѣ-нибудь на хуторѣ или на пасѣкѣ. Въ юношахъ украинскаго дворянства онъ возбуждалъ любовь къ просвѣщенію, равно, какъ являясь среди простого народа, пробуждалъ въ немъ любовь къ добру. Въ своихъ сочиненіяхъ онъ всего болѣе заботился о лучшей, болѣе совершенной жизни человѣка, стараясь въ каждомъ пробудить самосознаніе. Нравственное ученіе Сковороды, возвышенное съ философской точки зрѣнія, согласно съ христіанствомъ, но теоретическій образъ мыслей его во многомъ сходенъ съ мистической философіей Бема ¹⁾.

Являясь наставникомъ всѣхъ классовъ мѣстнаго общества, Сковорода особенно любилъ наставлять простой народъ. Вмѣстѣ

---

¹⁾ «Обзоръ русск. дух. лит.», кн. II, стр. 118—119.

съ тѣмъ, постынно вращаясь среди народа, онъ старался изучить его природу, его волю, его языкъ и обычаи: ибо, по его мысли, „учитель—не учитель, а только служитель природы“.

Въ Сковородѣ, говоритъ Г. П. Данилевскій, олицетворилось умственное пробужденіе украинскаго общества конца XVIII в. Сковорода былъ сыномъ того времени на Украинѣ, которое быстро создало рядъ школъ, гимназій, университетъ. За отсутствіемъ въ то время въ Слободской Украинѣ науки и литературы къ Сковородѣ стремились всѣ тогдашніе умы и сердца. О немъ писали въ письмахъ другъ другу, толковали, спорили, разбирали его, любили или ненавидѣли, хвалили или порицали, а главное, всѣ имъ интересовались, и двери всѣхъ были для него раскрыты настежь. Можно сказать, что по степени уваженія, которымъ онъ пользовался, его можно было назвать „странствующимъ университетомъ и академіей тогдашнихъ украинскихъ помѣщиковъ“.

По ученію Сковороды, какъ и Сократа, основнымъ началомъ и условіемъ познанія является самопознаніе. Сковорода скончался 29 окт. 1794 г. на 73 году отъ рожденія. При жизни Сковорода ничего не печаталъ, только послѣ его смерти начинаютъ издаваться его сочиненія. Въ 1894 г. Харьков. Истор. Филол. Обществомъ, подъ редакціей проф. Багалѣя, изданы сочиненія Г. С. Сковороды (хотя и не всѣ), откуда мы и сдѣлаемъ выдержки.

1.

О значеніи воспитанія.

Рожденнаго на добро не трудно научить на добро, хотъ научить, хотъ навичить, хотъ извичить. Хотъ ученый, хотъ звычайный, хотъ привычный есть тоже. Отъ природы, яко матери, легесенько спѣветъ наука собою. Сія есть всеродная и истинная учительница и единая. Сокола вскорѣ научишь летать, но не черепаху. Орла во мгновеніе научишь взирать на солнце и забавляться, но не сову. Еленя легко исправить на Кавказскія горы, привлечешъ пить безъ труда изъ чистѣйшихъ нагорнихъ водотечей, но не верблюда и не вепра.

Аще всяческая строить премудрая и блаженная натура, тогда како не единая она и исцѣляетъ и научаетъ. Всякое

дѣло спѣеть, аще она путеводствуетъ. Не мѣшай только ей, а если можешь, отвращай препятствія и будто дорогу ей очищай; воистину сама она чисто и удачно совершитъ. Клубокъ самъ собою поточится изъ горы: отними только ему препятствующій претыканія камень. Не учи его катиться, а только помогай. Яблони не учи родить яблока: уже сама натура ее научила. Огради только ее отъ свиней, отрѣжь волчцы, очисти гусень, отврати устремляющуюся на корень ея урыну и протчая.

Учитель и врачъ—нѣсть врачъ и учитель, а только служитель природы, единственныя и истинныя и учебницы и учительницы. Буде кто чего хочетъ научиться, къ сему подобааетъ ему родиться. Ничтоже отъ человѣкъ, отъ Бога же вся возможна суть. Аще же кто дерзаетъ безъ Бога научить или научиться, да памятуеть пословицу: волка въ плугъ, а онъ въ лугъ. Воспитаніе истекаетъ отъ природы, вливающія въ сердце сѣмя благія воли, да по малу-малу, безъ препятствій возрасти, самовольно и доброхотно дѣлаемъ все тое, еже свято и угодно есть предъ Богомъ и человѣки ¹⁾.

2.

О народномъ воспитаніи.

Учителю надлежитъ быть вездѣсущимъ въ народѣ: ибо «изводъ» образованія долженъ быть изъ народа, для народа, народный; долгъ же учителя познать необходимость, мѣру, примѣръ, и свойство «исты» образованія, и сочетать себя съ народомъ, т.-е. изводъ съ истою или форму съ идеей. Какое идолопоклонство восписывать выписаннымъ мудрецамъ и наемнымъ учителямъ изъ нѣмцевъ и французовъ силу восприносить и воспричитать чуждому воспитанью! Самое воспитаніе скрывается въ природѣ каждаго народа, какъ огонь и свѣтъ невидимо скрываются въ кремешкѣ. Приставъ же губку, либо трутъ, не пожалѣй руки и ударь кресаломъ и выкресишь огонь у себя дома, и не будешь

---

1) Изъ притчи нареченной Еродій.

ходить по сосѣднимъ хатамъ съ «трепетицею» кланяться и просить: займи мнѣ огня! Учителю подобаетъ быть изъ среды народа русскаго, а не нѣмцу и не французу. Не чуждому воспитанію должно быть привиту къ русскому человѣку, а своему родному. Нужно его умѣть силой найти, выработать его изъ нашей же жизни, чтобы снова осмысленнымъ образомъ его обратить въ нашу же жизнь»¹⁾.

3.

Глава дѣла.

Источникъ рѣкамъ и морямъ есть главою. Бездна же сердечная есть глава и источникъ всѣмъ дѣламъ и всему міру. Ничто же бо есть міръ, точію связь или составъ дѣлъ или тварей. И ничто же есть вѣка сего Богъ, развѣ мірское сердце, источникъ и глава міра.

Ты же, сыне мой, читая книгу видимаго и злаго сего міра, возводи сердечное твое око во всякомъ дѣлѣ на самую главу дѣла, на самое сердце его, на самый источникъ его, тогда, узнавъ начало и сѣмя его, будещи правъ судія всякому дѣлу, видя главу дѣла и самую истину, истина же избавитъ тя отъ всякія напасти. Аще бо два рода тварей и дѣлъ суть, тогда и два сердца. Аще же два сердца, тогда и два души-благій и злый, истинный и лестчій... По сихъ двоихъ источникахъ суди всякое дѣло. «Аще сѣмя и корень благъ, тогда и вѣтви и плоды»²⁾.

XXIV.

А. А. Прокоповичъ-Антонскій.

Антонъ Антоновичъ Прокоповичъ-Антонскій родился въ Прилукскомъ уѣздѣ, Полтавской губерніи. Годъ его рожденія съ точностью неизвѣстенъ. Въ 1773 г. онъ поступилъ въ Кіевскую

---

¹⁾ См. Труды Кіев. дух. ак., №№ 7 и 8, 1894 г. Н. Стеллецкій. „Странствующій украинскій философъ Г. С. Сковорода“.

²⁾ Изъ притчи «Убогій жайворонокъ», стр. 243. Сборн. Хар. ист. фил. общ., т. 7-й.

академію, а въ 1782 г. перешель въ Московскій университетъ, гдѣ воспитывался на счетъ Дружескаго ученаго общества. Въ 1784 г. получилъ званіе бакалавра Учительскаго института, въ 1787 г. опредѣленъ секретаремъ при кураторѣ Мелиссино. Въ этомъ же году поступилъ въ университетскій Благородный пансіонъ для преподаванія естественной исторіи, которую и преподавалъ тамъ въ теченіе 15 лѣтъ. Въ 1788 г. сдѣланъ адъюнктомъ университета по кафедрѣ Энциклопедіи и Натуральной исторіи Издавалъ (1788—1792 г.) „Магазинъ Натуральной Исторіи, Физики и Химіи“. Въ 1790 г. получилъ званіе экстраординарнаго профессора. Въ 1791 г. былъ назначенъ инспекторомъ Университетскаго благороднаго пансіона, а въ 1794 г. произведенъ въ ординарные профессора. Съ 1818 г. по 1826 г. былъ ректоромъ Московскаго университета и директоромъ Благороднаго пансіона.

Но самая главная дѣятельность Прокоповича-Антонскаго принадлежитъ Благородному пансіону. Онъ не щадилъ трудовъ и средствъ, чтобы поставить пансіонъ на высокую степень развитія.

„Въ Антонскѣ, — говоритъ его біографъ ¹⁾, — какъ педагогъ, былъ одинъ талантъ рѣдкій, который не всякому дается: это даръ проицанія, даръ отгадывать способности. Можно соединить въ себѣ и ученость глубокую и разнообразную, и возвышенныя силы ума, и обширныя познанія въ педагогикѣ, но безъ этого дара Божія не успѣешь на томъ трудномъ поприщѣ, которое проходилъ Антонскій“.

Время оправдало и даръ проицанія и заботы Антонскаго. Время управленія имъ пансіономъ есть одна изъ лучшихъ страницъ исторіи русской педагогики XVIII в. Литературно-педагогическая дѣятельность Антонскаго была направлена на составленіе учебныхъ пособій, которыя въ числѣ 20 были изданы въ пользу воспитанниковъ благороднаго пансіона, на составленіе „Чтенія для сердца и разума“.

Въ 1798 г. въ іюлѣ мѣсяцѣ на университетскомъ актѣ онъ произнесъ замѣчательную рѣчь „О воспитаніи“, откуда и сдѣлаемъ выдержки.

---

1) См. Біограф. словарь профес. и преподав. Император. Московскаго университета, ч. I. Москва, 1855 г.

О воспитаніи.

Сколь спасительны плоды прямо добраго воспитанія, столь пагубны слѣдствія небреженія о немъ!.. Не отсюда ли пороки и злодѣяніе?.. Возврати всю силу и важность воспитанію, сдѣлай его какъ бы священнымъ нѣкимъ сосудомъ и тогда не нужно будетъ ни столько врачей, ни столько блюстителей законовъ; нравственныя гарпіи исчезнутъ, и добродѣтель воцарится.

Судьба цѣлыхъ народовъ наиболѣе зависитъ отъ воспитанія молодыхъ людей. Дѣти должны нѣкогда составлять общество и быть его членами. Они утверждаютъ благосостояніе его, если съ юности напоены добродѣтелью и любовью къ отечеству, разрушаютъ порядокъ его и тишину, если отравлены развратомъ. Какъ бы славно и могущественно ни казалось государство, но если утвержденіемъ ему не служитъ доброе воспитаніе, то падетъ оно, и блескъ славы его исчезнетъ. Для блага общества столько же нужно воспитаніе, сколько попеченіе о юныхъ растеніяхъ нужно для поддержанія, распространенія и украшенія сада. И если всегда доброе воспитаніе необходимо, то особливо въ нынѣшнія времена, когда роскошь повсюду влечетъ за собою распутство и болѣзни, суемудріе разстраиваетъ всѣхъ умы и сердца, а жадность къ корысти потушаетъ гласъ совѣсти и вѣры.

Воспитаніе есть физическое и моральное. Предметъ его—образованіе тѣлесныхъ и душевныхъ способностей человѣка. Тѣло дѣлаетъ оно крѣпкимъ и стройнымъ, умъ просвѣщеннымъ и основательнымъ, а сердце вооружаетъ противу язвы пороковъ. Оно даетъ человѣку новую жизнь, давая ему возможное совершенство.

Умъ есть главнѣйшее преимущество человѣка, есть драгоцѣннѣйшее его сокровище... Какъ тѣло наше, такъ равно и умъ требуютъ своей пищи. Сила, бодрость—и—если позволено такъ сказать—масса ихъ обоихъ зависитъ отъ качества и количества сей пищи. Нѣтъ сомнѣнія, что развитіе душевныхъ способностей человѣка должно начи

нать на самой зарѣ юности его; но надобно, чтобы оно въ началѣ своемъ сколько можно было легче, почти непримѣтно и возвышалось постепенно.

Первымъ правиломъ воспитатель долженъ поставить себѣ то, чтобы заблаговременно изслѣдовать способности воспитанника, смотрѣнію его ввѣреннаго, и, сообразно силамъ и дарованіямъ молодого человѣка, размѣрять труды объ немъ и старанія. Никто не родится въ свѣтъ, не получивъ къ чему-нибудь способности. Если верховное существо удаляется отъ надлежащей мѣры своихъ благодѣяній, то больше въ излишествѣ, нежели въ недостаткѣ. Исторія знаменитыхъ людей свидѣтельствуется, что многіе изъ нихъ, долго почитавшись ни къ чему неспособными, вдругъ отъ одного счастливаго случая, возблистали дарованіями своими, и имя ихъ сдѣлалось бессмертнымъ. Сталь не прежде даетъ искры, какъ по прикосновенію къ ней кремня. Внутренняя склонность всегда готова раскрыться въ насъ: надобно токмо удачно тронуть ее.

Узнавши способности ума, надлежитъ употреблять средства, споспѣшествующія развертыванію ихъ и направленію къ доброй и спасительной цѣли. Достигнуть сего можно постепенно.

Несмотря на мнимую важность предписаній Руссовыхъ, ученія языковъ не должно откладывать до зрѣлыхъ лѣтъ. Органы дѣтей гибки; они скорѣй и удобнѣе взрослыхъ могутъ пріобыкнуть къ правильному произношенію. Эпоха ума ихъ не та еще, чтобы мыслить, а больше, чтобы учиться, изоцрять и обогащать память...

Преимущественно должно заниматься отечественнымъ языкомъ и употреблять всѣ старанія и средства для достиженія въ немъ правильнаго, твердаго, основательнаго знанія. Оставлятъ въ небреженіи такой языкъ, которымъ писаны всѣ отечественные законы, всѣ гражданскія постановленія, къ общественному благосостоянію относящіяся, который должно употреблять при всѣхъ дѣлахъ, при всѣхъ встрѣчающихся нуждахъ—оставлятъ въ небреженіи такой языкъ есть крайне грубое непростительное заблужденіе. Ошибаются также и тѣ, кои думаютъ, что изученіе природнаго

языка не великаго труда стоитъ. Знать его основательно, знать со всѣми тонкостями, чувствовать всю силу его, красоту, важность; умѣть говорить, писать на немъ красно, сильно и выразительно по приличію матеріи, времени и мѣста: все это составляетъ трудъ, едва преодолимый...

Разсудокъ есть важнѣйшая способность ума. Что здоровье для тѣла, то разсудокъ для души... Всѣ погрѣшности въ дѣлахъ, всѣ заблужденія и предразсудки происходятъ большею частію отъ ложнаго сужденія, коего причиною или страсти, или недостатокъ правильныхъ понятій, или неумѣнье соединять ихъ.

Умъ молодыхъ людей преимущественно должно обогащать тѣми знаніями, кои больше имѣютъ отношенія къ будущему ихъ положенію, къ будущему ихъ состоянію.

«Не знать того, что до насъ дѣлалось въ свѣтѣ,—говоритъ Цицеронъ,—значитъ всегда быть младенцемъ...» Воспитатель оставитъ ли его въ грубомъ незнаніи предшествовавшихъ ему великихъ приключеній, неоднократно преобщавшихъ видъ вселенной и премѣнявшихъ жребій человѣчества? Нѣтъ, онъ смѣлою рукою откроетъ надъ нимъ завѣсу исторіи и представитъ глазамъ его величественное, поразительное зрѣлище. Съ удивленіемъ увидитъ тутъ юный житель земли, какъ міръ сей огромный, великолѣпный возсталъ изъ ничтожества; какъ явился первосозданный человѣкъ, вѣнецъ и краса поднебеснаго творенія; какъ возрасталъ и распространялся родъ человѣческій; какъ составлялись селенія, грады, области; какъ возникали, процвѣтали и упали царства; какъ науки рождались, достигали совершенства и разливали животворный свѣтъ свой... Чего не сдѣлаетъ тутъ искусный лекторъ? Какими чувствами напитаешь онъ жаждущее сердце своего питомца? Какими мыслями обогатитъ раскрывающійся умъ его? А примѣры оныхъ великихъ, бессмертныхъ мужей, которые прославили древность, и нынѣ еще приводятъ свѣтъ въ изумленіе — примѣры Леонидовъ, Эпаминондовъ, Аристидовъ, примѣры Сципіоновъ, Катоновъ и Регуловъ—если только умѣть ихъ представить—какимъ пламенемъ воспалятъ они благородную

душу юнаго питомца и къ какимъ подвигамъ его пригото-
вятъ? Неизъяснима польза отъ исторіи!

Воспитаніе... оно далеко отъ высокой, предназначенной
ему цѣли. Наставники и попечители забываютъ, что пи-
томцы ихъ не только разумъ имѣютъ, но и сердце; что
одною рукою дѣлая ученія изчисленія, другою должны
они отирать слезы несчастныхъ. Ахъ! время, время почув-
ствовать, что просвѣщеніе безъ чистой нравственности и
утонченіе ума безъ образованія сердца есть злѣйшая язва,
истребляющая благоденствіе не единыхъ семействъ, но и
цѣлыхъ народовъ!

Многіе отцы приставляютъ къ дѣтямъ своимъ толпу
учителей для обученія ихъ разнымъ языкамъ и для изош-
ренія разсудка, а не ищутъ ни одного такого, который
бы изъяснилъ имъ первую и важнѣйшую науку—быть до-
брымъ, честнымъ, сострадательнымъ,—быть человѣкомъ.

...Въ воспитаніи сердца, въ удаленіи его отъ пороковъ
и прилѣпленіи къ добродѣтели, примѣръ—лучшій и дѣй-
ствительнѣйшій наставникъ. Дѣти любопытны и переимчивы.
На все смотрятъ они съ примѣчаніями и всему стараются
подражать. При такомъ счастливомъ природномъ располо-
женіи, чего не могутъ сдѣлать родители, которыхъ они
чрезмѣрно любятъ и почитаютъ, на которыхъ смотрятъ,
какъ на единственный образецъ, достойный ихъ подража-
нія, которыхъ всякое движеніе, всякій шагъ, всякое слово,
и можно сказать, всякое мановеніе родитъ въ нихъ новыя
понятія, новыя чувства, новыя впечатлѣнія? Счастливы,
счастливы дѣти, коимъ Провидѣніе даровало благомысля-
ющаго отца, добродѣтельную мать!

Не довольно того, чтобы дѣти были признательны за
оказываемыя имъ одолженія; надобно, чтобы они сами лю-
били одолжать, любили дѣлать добро. Но чѣмъ можно
внушить имъ сію священную добродѣтель, сію любовь къ
благодѣланію? Чѣмъ можно настроить юныя сердца ихъ
къ сладкимъ впечатлѣніямъ чувствительности и сострада-
нія?—Самыя краснорѣчивыя, самыя убѣдительныя наста-
вленія дѣтямъ останутся тщетны и недѣйствительны, если
мы сами при нихъ не докажемъ того на дѣлѣ. Тверди,

сколько хочешь, воспитаннику своему: помогай бѣднымъ, облегчай участь несчастныхъ; но если онъ увидитъ, что нищій, просившій у дверей твоихъ куска хлѣба, или горестная вдова, прибѣгавшая подъ отеческій покровъ твой, отойдутъ отъ тебя съ неосушенными слезами, то къ чему послужатъ слова твои? Примѣръ во всякомъ случаѣ производитъ на дѣтей весьма сильное дѣйствіе, но здѣсь вліяніе его гораздо ощутительнѣе. Мудрый воспитатель есть въ одно время и прямой другъ несчастныхъ; онъ не словами только, но дѣломъ будетъ поучать питомца своего благотворительности. Онъ не удовольствуется тѣмъ, чтобы описывать ему, какъ бѣдствуетъ человѣчество; онъ поведетъ его въ хижину нищаго, поведетъ въ самыя тѣ мѣста, гдѣ плачь и скорбь водворяются, гдѣ присѣдять темныя печали, гдѣ болѣзни изнуряютъ несчастныхъ. Тутъ растрогается сердце юноши, и слезы состраданія оросятъ лице его.

XXV.

Н. И. Новиковъ.

Извѣстному дѣятелю Н. И. Новикову нѣкоторые приписываютъ педагогическія статьи, напечатанныя въ „Прибавленіяхъ къ Московскимъ Вѣдомостямъ“ 1783 и 1784 гг. (безъ подписи), среди нихъ первое мѣсто принадлежитъ превосходному сочиненію „О воспитаніи и наставленіи дѣтей для распространенія общепользныхъ знаній и всеобщаго благополучія“¹⁾ напечат. въ 1783 г. Педагогическія статьи Прибавленій къ Московск. Вѣдом. и Пок. Трудолюбца касаются всѣхъ существенныхъ вопросовъ педагогики. Прежде всего они устанавливаютъ истинный взглядъ на взаимныя отношенія образованія и воспитанія; воспитаніе сердца и воли, говорятъ они, должно основываться на развитіи мышленія и обогащенія ума знаніями; затѣмъ касаются отношеній дѣтей къ родителямъ и воспитателямъ и обратно, этихъ послѣднихъ къ дѣтямъ, рассматриваютъ положеніе учителя въ

---

¹⁾ Другіе изслѣдователи авторомъ ихъ считаютъ проф. Шварца.

обществѣ, домашнее и общественное образованіе, содержаніе образованія и методы преподаванія,—словомъ, представляютъ нѣчто въ родѣ курса педагогики.

О воспитаніи и наставленіи дѣтей для распространенія общепользныхъ знаній и всеобщаго благополучія ¹⁾.

1.

Съ самыми лучшими законами, съ самою религіею, при самомъ цвѣтущемъ состояніи наукъ и художествъ, государство имѣло бы весьма худыхъ членовъ, если бъ правительство пренебрегло сей единой предметъ (воспитаніе), на которомъ утверждается все въ каждомъ государствѣ... Изящнѣйшіе законы благочинія мало могутъ дѣйствовать, есть ли честность, и искренность, любовь къ порядку, умеренность и подлинная любовь къ отечеству суть чуждыя гражданамъ добродѣтели. Все зависитъ отъ того, чтобъ всякой образованъ былъ къ добродѣтелямъ состоянія своего и званія... Итакъ, процвѣтаніе государства, благополучіе народа, зависитъ неотмѣнно отъ доброты нравовъ, а доброта нравовъ—неотмѣнно отъ воспитанія... Единое воспитаніе есть подлинный творецъ добрыхъ нравовъ; чрезъ него вкусъ добродѣтели, привычка къ порядку, чувство изряднаго, чрезъ него отечественный духъ, благородная (на истинѣ и знаніи основанная) народная гордость, прирѣніе слабости и всего прикрашеннаго и маловажнаго, любовь къ простотѣ и къ натурѣ, со всѣми другими челоукодруженными, общественными и гражданскими добродѣтелями должны овладѣть сердцама гражданъ; чрезъ него мужчины и женщины должны образованы быть сходственно съ ихъ поломъ, а всякой особенной классъ государства тѣмъ, чѣмъ быть ему надлежитъ (ст. 5).

Дѣтей перѣдко заботятся снабдить знаніями, а первое, великое, толь много въ себѣ заключающее дѣло воспитанія,

---

¹⁾ Прибавленія къ Московскимъ Вѣдомостямъ 1783 г. (отрывки).

то-есть образованіе сердца, пренебрегается; когда вмѣсто того, чтобъ приучать разумъ ихъ къ правильному размышленію и вести къ познанію истины и добра, наполняютъ головы ихъ вѣтромъ, и вмѣсто того, чтобъ очистить волю ихъ и направить склонность къ добру, благородству и величеству, дѣлаютъ сердце ихъ чувствительнымъ только къ малостямъ или совсѣмъ къ глупости и пороку (ст. 7).

Воспитаніе есть весьма запутанное, трудное дѣло. Оно есть особенная тонкая наука, предполагающая себѣ многія знанія и въ исполненіи требующая много наблюдательнаго духа, вниманія и просвѣщеннаго практическаго разсудка (ст. 7).

Не слѣдуетъ задаваться посторонними и спеціальными цѣлями при воспитаніи (напр., сдѣлать ученаго), ибо «главной предметъ воспитанія, какъ мы уже сказали, есть тотъ, чтобъ образовать дѣтей счастливыми людьми и полезными гражданами» (ст. 21).

При семъ опытъ и человѣческая натура напоминаютъ намъ, что здоровье и крѣпкое сложеніе тѣла весьма способствуютъ нашему удовольствію, и что въ молодости лежитъ основаніе какъ здравія и крѣпости, такъ и слабости и болѣзней тѣла. Итакъ, оказывается теперь первая главная часть воспитанія, то-есть попеченіе о тѣлѣ, или должность родителей стараться о томъ, чтобъ дѣти ихъ имѣли здоровое и крѣпкое сложеніе тѣла. Сію часть воспитанія называютъ ученые физическимъ воспитаніемъ; а первая есть она потому, что образованіе тѣла и тогда уже нужно, когда иное образованіе не имѣетъ еще мѣста (ст. 7).

Никакой человѣкъ не можетъ быть ни довольнымъ и счастливымъ ни добрымъ гражданиномъ, есть ли сердце его волнуется безпорядочными пожеланіями, доводящими его либо до пороковъ, либо до дурачествъ, есть ли благополучіе ближняго возбуждаетъ въ немъ зависть, или корыстолюбіе заставляетъ его домогаться чужаго имѣнія, или сладострастіе обезсиливаетъ его тѣло, или честолюбіе и ненависть лишаютъ его душевнаго покоя, безъ котораго не можно никакого имѣть удовольствія, или, наконецъ, если сердце его столь скудно чувствованіями религіи, что по-

мышленіе о смерти ввергаетъ его въ уныніе безъ всякой надежды; а все сіе зависитъ отъ образованія сердца въ юношествѣ. Изъ сего слѣдуетъ вторая главная часть воспитанія, имѣющая предметомъ образованіе сердца и называемая учеными нравственнымъ воспитаніемъ (ст. 22).

Наконецъ третья главная часть воспитанія, имѣющая предметомъ просвѣщеніе или образованіе разума. Каждая изъ сихъ трехъ частей имѣетъ особенныя свои правила, положенія и дѣйствія, безъ которыхъ не можетъ она хорошо быть исполнена (ст. 23).

2.

Не нужно, чтобъ родители всегда упражнялись въ трудахъ, или большую часть дня посвящали своимъ дѣтямъ... Но непременно нужно, чтобъ всѣ родители подавали дѣтямъ своимъ примѣръ полезнаго упражненія, и никогда не были бы образцомъ проспанія своей жизни или проведенія ее въ бездѣлкахъ, и чтобъ они хотя одинъ часъ въ день содѣйствовали воспитанію своихъ дѣтей приличнымъ сему предмету съ ними разговоромъ. Итакъ, есть ли сынъ знаетъ, что отецъ его по нѣскольکو часовъ въ день занимается въ кабинетѣ своемъ важнымъ чтеніемъ или письмомъ, либо чѣмъ-нибудь инымъ; а дочь равнымъ образомъ видитъ мать свою упражняющуюся въ домостроительствѣ, пристойномъ руководѣліи или тому подобномъ: то сего уже довольно для отвращенія худого примѣра у такихъ родителей, которые содержатъ для дѣтей гофмейстеровъ и гофмейстеринъ (ст. 34).

Во-вторыхъ: внутреннее учрежденіе домостроительства тогда бываетъ препятствіемъ воспитанію, когда оно не подаетъ примѣра извѣстныхъ гражданскихъ или общественныхъ добродѣтелей, къ которымъ собственно дѣтей воспитывать надлежитъ. Мы разумѣемъ здѣсь наипаче порядокъ и чистоту. Порядокъ есть душа всѣхъ дѣлъ, облегчитель всѣхъ трудностей, споспѣшествователь разнымъ удобствамъ и пріятному жизнию наслажденію и охранитель нашъ отъ многоразличныхъ досадъ. А чистота (во всей своей окружности) утончаетъ вообще чувствованіе, возвышаетъ красоту

тѣла, споспѣшествуетъ здоровью и дѣлаетъ человека пріятнымъ въ обществахъ (ст. 35).

Итакъ, порядокъ и чистота суть два свойства, къ которымъ собственно дѣтей воспитывать надлежитъ. Сіи свойства принадлежатъ также къ обыкновеннѣйшимъ ежедневнымъ дѣламъ, и потому всякое домостройство ежедневно показываетъ либо образецъ ихъ, либо противность (ст. 35).

3.

Образовать разумъ, или духъ, дѣтей называется вперять въ нихъ справедливыя представленія о вещахъ и пріучать ихъ къ такому образу мыслей и разсужденія, которой соразмѣренъ истинѣ, и посредствомъ котораго могли бы онѣ быть мудрыми (ст. 322)... Сколь важно то, чтобъ онъ (человекъ) въ то время, когда начинаетъ оказывать и употреблять сіи силы, въ употребленіи ихъ такъ былъ управляемъ, чтобъ научился дѣлать оное справедливѣйшимъ и наилучшимъ способомъ! А въ семъ и состоитъ образованіе разума дѣтей. На пути, по которому достигаютъ они до познанія истины, нуженъ имъ благоразумной и опытной вождь, которой бы не только остерегалъ ихъ отъ всѣхъ разпутій и въ случаѣ совращенія возвращалъ, но и научалъ бы ихъ избѣгать всѣхъ окольныхъ дорогъ и лабиринтовъ и стремиться прямо къ своей цѣли. Разумъ ихъ долженъ быть не только упражняемъ и обогащаемъ разными познаніями, но и такъ упражняемъ, чтобы они мало-по-малу пріобрѣтали способность изслѣдовать и разбирать то, что они знать желаютъ, удобно отличать истинное отъ ложнаго, и при сихъ изслѣдованіяхъ и разсужденіяхъ слѣдовать всегда надежнѣйшимъ правиламъ и по кратчайшему итти пути. Но сіе дѣлается не столько посредствомъ наученія ихъ симъ правиламъ размышленія и впечатлѣнія оныхъ въ память ихъ, какъ наипаче посредствомъ того, когда при всѣхъ случаяхъ учатъ ихъ примѣчать, справедливо или несправедливо они мыслили и разсуждали, и для чего то дѣлали; также когда обще съ ними и соразмѣрно ихъ возрасту думаютъ, разсуждаютъ, изслѣдуютъ, сомнѣваются

или рѣшаютъ (ст. 323). Это всеобщее предписаніе сдѣлается болѣе понятнымъ, когда станутъ наблюдать слѣдующія правила.

Первое правило есть сіе: не погашайте любопытство дѣтей вашихъ или питомцевъ. Второе правило есть сіе: упражняйте дѣтей вашихъ или воспитанниковъ въ употребленіи чувствъ, научайте ихъ чувствовать справедливо. Впечатлѣнія, дѣлаемая въ насъ внѣшними вещами посредствомъ нашихъ чувствъ, и представленія, происходящія отъ того въ душѣ нашей, суть якобы матерьялы, которые духъ нашъ обрабатываетъ, и на которыхъ основываются, наконецъ, всѣ познанія и науки человѣческія. Чѣмъ многообразнѣе, справедливѣе и полнѣе сіи представленія, тѣмъ болѣе можетъ духъ упражняться въ размышленіи, и тѣмъ удобнѣе и безопаснѣе можетъ онъ подниматься къ высочайшимъ и всеобщимъ познаніямъ. Но какъ мы чувственные вещи гораздо лучше научаемся знать по впечатлѣніямъ, дѣлаемымъ въ насъ ихъ присутствіемъ, нежели по описаніямъ, какія дѣлаютъ намъ о нихъ словами; то не заставляйте дѣтей вашихъ изъ книгъ или по изустному наставленію учиться тому, что они сами могутъ видѣть, слышать и чувствовать; но показывайте имъ то дѣйствительно, какъ скоро и какъ часто будете находить къ сему случай. Такъ давайте имъ видѣть и примѣчать красоты природы, чудеса царства растеній и животныхъ, многообразныя воздушныя явленія, великолѣпіе усѣяннаго звѣздами неба и помогайте имъ мало-по-малу различать и приводить въ порядокъ множество темныхъ представленій, тѣснящихся со всѣхъ сторонъ въ ихъ души. Но давайте имъ видѣть все сіе собственными глазами и чувствовать свойственнымъ имъ образомъ, и не ослабляйте получаемыхъ ими отъ того впечатлѣній неблагоприятными и издалека занятыми изъясненіями (ст. 324).

При этомъ упражняйте ихъ всегда во внимательности. Внимательность есть мать всякаго основательнаго познанія. Приучайте ихъ не переходить слишкомъ скоро отъ одной вещи къ другой, всякую вещь разсматривать со многихъ,

и есть ли возможно, со всѣхъ сторонъ, смотрѣть не только на цѣлое, но и на особенныя части его (ст. 324).

Третіе: остерегайтесь подавать дѣтямъ ложныя или не довольно точно опредѣленныя понятія о какой-либо вещи, сколько бы ни была она маловажна. Гораздо лучше не знать имъ совсѣмъ многихъ вещей, нежели несправедливо оныя себѣ представлять (ст. 325).

Четвертое правило: не учите дѣтей ничему такому, чего они по возрасту своему, или по недостатку другихъ предполагаемыхъ познаній при томъ разумѣть не могутъ (ст. 326).

Съ симъ предписаніемъ соединяется пятое, не менѣе важное: старайтесь не только умножить и распространить ихъ познаніе, но и сдѣлать его основательнымъ и вѣрнымъ (ст. 327).

Научайте ихъ смотрѣть на все съ практической стороны и при всѣхъ способныхъ случаяхъ производить то въ дѣйствіе. Преимущественно же и безпрестанно старайтесь научать ихъ судить право о цѣнѣ вещей. Сія есть истинная мудрость, которая гораздо дороже всѣхъ наукъ вообще, и которую никогда не можно вперить въ человѣкъ слишкомъ рано, есть ли надлежитъ ей быть путеводительницею въ его жизни. Итакъ, научайте дѣтей вашихъ примѣчать великое различіе между внѣшними, преходящими, бранными благами и преимуществами и между тѣми, которыя собственно намъ принадлежатъ и которыя мы навсегда сохраняемъ.

Научайте ихъ здравіе и крѣпость тѣла цѣнить выше богатства и красоты, похвалу совѣсти выше почтенія и похвалы людской, а добродѣтель и праводѣтельность выше богатства, чести, здравія и жизни (ст. 328).

Остерегайте дѣтей отъ скоропостижности въ заключеніи, и пользуйтесь всѣми случаями посредствомъ наблюденій доводить ихъ до осторожности и точности въ ихъ заключеніяхъ и разсужденіяхъ (ст. 329).

XXVI.

Архієпископъ Евсевій.

Высокопреосвященный Евсевій (въ мѣрѣ Евѳимій Поликарповичъ Орлинскій) родился 24 декабря 1805 г. въ с. Черномъ Верхѣ, Тульской губ. Окончивъ курсъ Тульской семинаріи, въ числѣ лучшихъ учениковъ, Орлинскій поступилъ въ Московскую духовную академію, гдѣ кончилъ курсъ въ 1832 г. со степенью магистра богословія. Въ томъ же году постригся въ монашество, принявъ имя Евсевія. Былъ инспекторомъ Виѳанской семинаріи, а въ 1834 г. былъ переведенъ инспекторомъ и профессоромъ философіи въ Московскую духовную семинарію. Его труды были скоро замѣчены; онъ получилъ одобреніе и признательность отъ комиссіи духовныхъ училищъ, а въ 1838 г. опредѣленъ инспекторомъ и бакалавромъ богословскихъ наукъ въ Московскую академію и въ томъ же году возведенъ въ санъ архимандрита. Въ 1841 г. Евсевій былъ сдѣланъ экстраординарнымъ профессоромъ богословскихъ наукъ и 25 ноября того же года утвержденъ ректоромъ Московской духовной академіи, гдѣ и пробылъ до 1847 года. Въ теченіе этого времени его нѣсколько разъ посылали обозрѣвать духовныя семинаріи. Въ 1847 г. Евсевій былъ переведенъ ректоромъ С.-Петербургской духовной академіи и вмѣстѣ съ тѣмъ назначенъ епископомъ Винницкимъ, викаріемъ Подольской епархіи. Кромѣ того, былъ назначенъ наблюдателемъ за преподаваніемъ Закона Божія въ учебныхъ и воспитательныхъ заведеніяхъ всѣхъ вѣдомствъ въ С.-Петербургѣ и его окрестностяхъ, предсѣдателемъ комитета учрежденнаго для разсмотрѣнія конспектовъ преподаванія учебныхъ предметовъ въ духовныхъ семинаріяхъ, а также въ это время не разъ осматривалъ духовныя семинаріи. Въ 1850 г. пр. Евсевій былъ назначенъ епископомъ самарскимъ, а въ 1856 г. переведенъ епископомъ иркутскимъ и нерчинскимъ, гдѣ вскорѣ получилъ санъ архієпископа. Въ 1860 г. Евсевій былъ назначенъ епископомъ могилевскимъ и мстиславскимъ, гдѣ и оставался до смерти. Онъ скончался 21 февраля 1883 г. послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни. Какъ человѣкъ, покойный владыка отличался необыкновенною

кротостью и добротой, неутомимой деятельностью и глубокою религиозностью. Изъ печатныхъ трудовъ его для насъ важно его педагогическое сочиненіе „О воспитаніи дѣтей въ духѣ христіанскаго благочестія“. Первоначально оно помѣщено было въ видѣ прибавленія къ „Творен. Св. Отцовъ“ въ русск. переводѣ (въ 1844 г.), а потомъ вышло отдѣльною книгою, изданною затѣмъ вновь въ 1857, 1877 гг. и 1894 г. (мы пользовались изданіемъ 1877 г.). Эта книга едва ли не первый опытъ на русскомъ языкѣ полнаго, хотя и краткаго обзорѣнія воспитанія и обученія съ религиозной богословско-христіанской точки зрѣнія. Вся книга проникнута любовью къ воспитываемымъ.

„Главная наша обязанность,—говоритъ преосв. Евсеvій,—въ продолженіе всей настоящей жизни, въ какихъ бы кто обстоятельствахъ ни находился, состоитъ въ томъ, чтобы, послѣдуя Евангельскому ученію, вѣрою и любовью стремиться къ Богу, питать сыновній страхъ къ Нему, болѣе и болѣе утверждаться въ союзѣ съ Нимъ, дабы, наконецъ, навсегда соединиться съ Нимъ блаженнымъ единеніемъ въ жизни нескончаемой“. Въ этомъ духѣ христіанскаго благочестія и написано „О воспитаніи дѣтей“¹⁾.

1.

Понятіе о воспитаніи.

Воспитаніе есть руководство человека къ тому, чѣмъ онъ долженъ быть согласно съ своимъ назначеніемъ. Человѣкъ сотворенъ по образу Божію, и его назначеніе состоитъ въ томъ, чтобы въ продолженіе настоящей жизни искалъ онъ всегда большаго уподобленія Богу, чрезъ подражаніе Его Божественнымъ совершенствамъ, а въ будущей навѣки соединился съ Нимъ, какъ Источникомъ жизни и блаженства. Эта цѣль всегда должна быть въ виду при воспитаніи. Сообразно съ нею дѣтскія способности должны быть возбуждаемы и направляемы, а ростки зла, какъ печальныя слѣдствія нашего отпаденія отъ Бога, всѣми мѣрами подавляемы и постепенно уничтожаемы.

---

1) Подроб. у Каргопольцева. «Арх. Евсеvій». «Могил. Епарх. Вѣдом.», часть неоф., №№ 9 и 10 за 1883 г.

Поэтому въ обширномъ смыслѣ къ воспитанію относится все то, посредствомъ чего или пробуждаются еще дремлющія способности, или уже возбужденныя силы направляются согласно съ цѣлью; а прежде принявшія ошибочное направленіе исправляются. Сюда относятся различныя положенія и обстоятельства жизни, скорби и неблагопріятныя приключенія и вся жизнь человѣка, со всѣми ея обстоятельствами. Но въ тѣсномъ смыслѣ подъ воспитаніемъ разумѣемъ намѣренное вліяніе на образованіе и облагороженіе воспитанника, посредствомъ котораго надобно доводить его до такого нравственнаго состоянія, въ которомъ онъ могъ бы, безъ посторонняго руководства, располагать собою согласно съ своимъ временемъ и вѣчнымъ назначеніемъ.

2.

Какъ должно воспитывать.

Воспитывать должно въ духѣ христіанскаго благочестія.

1. Воспитывать не значитъ только пробуждать въ дитяти дремлющія способности и произвольно давать имъ то или другое направленіе; но значитъ выводить воспитанника изъ состоянія поврежденія и доводить его до того, чтобы онъ самъ собою могъ достигать своего истиннаго назначенія, временнаго и вѣчнаго. Какъ членъ гражданскаго общества, онъ долженъ возрастать для круга общественной дѣятельности, къ которой Богъ призываетъ его; а какъ предназначенный къ небесной жизни, онъ долженъ созрѣть ко дню жатвы и принести неувядаемые плоды.

Кто думаетъ, что невозможно воспитывать дѣтей вмѣстѣ для отечества земного и небеснаго, тотъ показываетъ въ себѣ совершенное незнаніе дѣла. Самъ Богъ далъ намъ эту землю, какъ приготовительное училище, какъ мѣсто испытанія, и Ему угодно, чтобы каждый въ своемъ званіи, сколько можетъ, содѣйствовалъ ко благу цѣлаго. Для этого каждому Онъ далъ извѣстные таланты, и отъ каждаго нѣкогда потребуетъ отчета въ употребленіи сихъ талантовъ (Матѣ. XXV, 5, слѣд.). Потому главнаго и послѣдняго нашего назначенія мы можемъ достигнуть только вѣрнымъ испол-

неніемъ повседневныхъ нашихъ обязанностей въ настоящей жизни, по мѣрѣ дарованныхъ намъ силъ, «еже бо аще свѣтъ чловѣкъ, тожде и пожнетъ» (Гал. VI, 7). Такъ воспитаніе для земли и воспитаніе для неба нераздѣльны между собою. Только тогда встрѣтилось бы противорѣчіе, когда подъ воспитаніемъ для общества стали бы мы разумѣть воспитаніе для однѣхъ земныхъ цѣлей, какъ будто земное благосостояніе составляетъ послѣднюю цѣль чловѣка, и послѣ этой жизни не должно ему ничего ни надѣяться ни бояться. Къ сожалѣнію, такой взглядъ не рѣдокъ, и горе дитяти, которое, такимъ образомъ, удаляютъ отъ его истиннаго назначенія.

Итакъ, чтобы воспитаніе соотвѣтствовало своей цѣли и возрастающихъ дѣтей приводило въ состояніе достигать главнаго своего назначенія, оно необходимо должно совершаться въ духѣ христіанскаго благочестія; этого мало, если воспитаніе сообщаетъ воспитаннику только познаніе ученія христіанскаго; оно должно быть всецѣло проникнуто животворнымъ дыханіемъ божественнаго ученія. Мы вводимъ дѣтей въ гибельныя заблужденія, если не приводимъ ихъ ко Христу, ихъ и нашему Спасителю.

Воспитаніе безъ духа благочестія никогда не будетъ въ полной мѣрѣ споспѣшествовать и земному благосостоянію. Безъ истиннаго благочестія нѣтъ ни истинной любви къ себѣ и ближнимъ, ни постоянной вѣрности къ властямъ и отечеству, ни истиннаго стремленія къ общей пользѣ. Только христіанское благочестіе соединяетъ насъ какъ съ Богомъ, такъ и съ нашими братьями, и плоды его: любви, радость, миръ, долготерпѣніе, благость, милосердіе, вѣра, кротость, воздержаніе (Гал. V, 22). Напротивъ, чѣмъ менѣе оно имѣетъ вліянія на чловѣка, тѣмъ разрушительнѣе становятся дѣла плоти, въ томъ же мѣстѣ исчисляемыя апостоломъ (ст. 12, слич. Іак. IV, 1 слѣд.). И кто не знаетъ, что чрезъ это разрушается благополучіе чловѣка не только вѣчное, но и временное?

Польза и необходимость воспитанія.

1. Воспитаніе необходимо, чтобы человекъ могъ удобнѣе достигать доступнаго ему совершенства. Въ этомъ убѣждаетъ насъ не только всеобщее наблюденіе, какъ надъ каждымъ человекомъ, такъ и надъ цѣлыми народами, но и самое существо дѣла. Если оставить способности дитяти безъ надлежащаго возбужденія и руководства, онѣ или останутся въ состояніи бездѣйствія, или подвергнутся поврежденію; а если будутъ воспитывать, руководствуясь ложными началами, то дѣти получаютъ превратное образованіе, и вредъ отъ сего часто бываетъ неисцѣлимый. Что, на примѣръ, выйдетъ изъ бѣднаго воспитанника, если посредствомъ ложныхъ правилъ съ раннихъ лѣтъ стануть удалять его отъ Бога и Искупителя, ввергнуть въ пучину суетной жизни по духу міра, какъ будто для него ничего нѣтъ выше настоящей жизни? Если отъ этого настоящее поколѣніе получитъ превратное направленіе, то что станется съ будущимъ? Юношество, это разсадникъ, откуда черезъ нѣсколько лѣтъ выйдутъ отцы, матери, начальники и подчиненные, и они данное имъ образованіе, ложное или истинное, наслѣдственно передадутъ дальнѣйшему потомству, съ тѣмъ только различіемъ, что худыя впечатлѣнія чѣмъ болѣе будутъ продолжаться, тѣмъ далѣе распространяться, а добрыя, если не будутъ постоянно поддерживаемы, скоро опять изгладятся.

2. Поэтому въ дѣлѣ воспитанія очень важно, если родители и всѣ, имѣющіе участіе въ воспитаніи дѣтей, хорошо и основательно знаютъ, къ какой главной цѣли и какимъ образомъ они всегда должны стремиться, воспитывая дѣтей, отъ Бога имъ ввѣренныхъ. Особенно же пастырю должны быть хорошо извѣстны начала истинно-христіанскаго воспитанія. Какъ онѣ станеть возводить къ высшей христіанской нравственности ввѣренную ему паству, если не будетъ полагать къ сему основанія въ расцвѣтающемъ юношествѣ? Его высокое званіе непремѣнно требуетъ, чтобы

онъ: а) какъ въ общественныхъ своихъ поученіяхъ, такъ и въ частномъ собесѣдованіи поучалъ родителей ихъ обязанностямъ, обращалъ ихъ вниманіе на ихъ ошибки и умѣлъ имъ всегда подавать добрые совѣты; и б) чтобы онъ, какъ учитель благочестія и какъ другъ дѣтей, дѣйствовалъ на нихъ сильно и благотворно.

3. Спрашиваютъ иногда: если дѣло воспитанія сопровождается такою великою пользою, то почему нерѣдко бываетъ такъ, что при всемъ повидимому стараніи о воспитаніи дѣтей, святая вѣра и нравственность, вмѣсто того, чтобы цвѣсти, едва не совсѣмъ погасаютъ въ нихъ? На это можно отвѣчать, что 1) не всегда начинаютъ воспитаніе съ началъ истинно-христіанскихъ; или если и положены добрыя начала, то очень нерѣдко бываетъ недостатокъ въ примѣненіи ихъ къ главной цѣли. 2) И наилучшее воспитаніе не будетъ имѣть успѣха, если ему не содѣйствуютъ родители, домашніе и всѣ, имѣющіе вліяніе на дитя. А какъ рѣдко это бываетъ, и кому неизвѣстно, что разрушеніе гораздо легче, чѣмъ созиданіе? 3) При этомъ, если мы безъ всякаго предубѣжденія сравнимъ одно общество, одинъ народъ съ другимъ, одинъ вѣкъ съ другимъ, то ясно откроется, что посредствомъ воспитанія, несмотря на частныя препятствія, сдѣлано и всегда дѣлается очень много и добраго.

XXVII.

Н. И. П и р о г о в ъ.

Николай Ивановичъ Пироговъ, сынъ казначея Московскаго провіантскаго депо, родился въ Москвѣ 13 ноября 1810 г. На 12 году Пирогова отдали въ частный пансіонъ Кряжева. Пансіонъ этотъ былъ на хорошемъ счету и имѣлъ довольно обширную программу. О своемъ пребываніи въ пансіонѣ Пироговъ вынесъ самыя лучшія воспоминанія, въ особенности о самомъ директорѣ Кряжевѣ, преподававшемъ новые языки, и о преподавателѣ русскаго языка Войцеховичѣ.

Въ сентябрѣ 1824 г. Пироговъ поступилъ на медицинскій факультетъ Московскаго университета. Въ это время на Пирогова обрушился рядъ семейныхъ несчастій (смерть сестры, брата и, наконецъ, отца). Въ университетѣ Пироговъ слушалъ проф. анатоміи Лодера, проф. физиологіи Мухина и др., но вообще университетъ не блисталъ своими профессорами. Окончилъ онъ курсъ со степенью лѣкаря (1828 г.) и для усовершенствованія въ наукахъ былъ отправленъ на казенный счетъ въ Дерптъ. Въ это время Дерптскій университетъ одинъ стоялъ на подобающей научной высотѣ. Здѣсь Пироговъ избралъ спеціальностью хирургию. Онъ занимался въ Дерптѣ много и усердно; представленная имъ на латинскомъ языкѣ работа была удостоена факультетомъ золотой медали. Въ 1831 г. онъ сдалъ докторскій экзамень, а въ 1832 г. удостоенъ степени доктора медицины и отправленъ за границу. Въ Берлинѣ Пироговъ работалъ у профессора Шлемма, у Руста и Греффе по хирургіи, въ Геттингенѣ—у знаменитаго Лангенбека. По возвращеніи изъ-за границы, Пироговъ просился въ Московскій университетъ, но это ему не удалось, и онъ принялъ кафедру въ Дерптѣ. Здѣсь онъ пробылъ съ 1836 по 1841 г. За это время Пироговъ издалъ два тома клиническихъ анналовъ и свою „Хирургическую анатомію артеріальныхъ стволовъ и фасцій“, сразу завоевавшихъ ему имя въ наукѣ.

Въ началѣ 1841 г. Пироговъ былъ переведенъ въ С.-Петербургскую медико-хирургическую академію профессоромъ госпитальной хирургіи и прикладной анатоміи и назначенъ завѣдывать всѣмъ хирургическимъ отдѣленіемъ 2-го военно-сухопутнаго госпиталя. Здѣсь ему пришлось много поработать, пока новая хирургическая клиника приняла прекрасный видъ и сдѣлалась высшею школою русскаго хирургическаго образованія. Вскорѣ послѣ своего переселенія въ С.-Петербургъ, Пироговъ былъ назначенъ членомъ медицинскаго совѣта. Однимъ изъ важныхъ дѣлъ совѣта, въ бытность Пирогова и подъ его вліяніемъ, былъ пересмотръ экзаменаціоннаго устава медицинскаго факультета университетовъ.

Во время своего пребыванія въ медико-хирургической академіи Пироговъ произвелъ до 12 тысячъ вскрытій.

Въ 1847 г. Пироговъ получилъ командировку на Кавказъ: ему поручено было сообщить врачамъ Кавказскаго округа всѣ

крупныя усовершенствованія въ практикѣ хирургическихъ операцій (напр., примѣнить впервые этеризацію) и осмотрѣть всѣ госпитали Кавказа. Здѣсь впервые пришлось Пирогову работать въ качествѣ полевого хирурга.

Время профессорской дѣятельности Пирогова въ медико-хирургической академіи обнимаетъ четырнадцатилѣтній періодъ (съ 1841 г. по 1854 г.). Капитальнымъ трудомъ его за это время явилась „Топографическая анатомія“.

Изъ академіи ему пришлось отправиться на помощь раненымъ въ Севастополь (1855—1856 гг.); его ревностная и неутомимая дѣятельность въ качествѣ хирурга обратила на себя всеобщее вниманіе.

Послѣ Севастопольской кампаніи для Россіи наступило новое время. Пироговъ же посвящаетъ себя преимущественно педагогической дѣятельности. Въ „Морскомъ Сборникѣ“ 1856 г. (т. XXIII, № 9) появляются знаменитые „Вопросы жизни“ Пирогова. Статья эта обратила на себя вниманіе министра народнаго просвѣщенія Норова, который и предложилъ Пирогову посвятить себя педагогической дѣятельности и занять мѣсто попечителя Одесскаго учебнаго округа. Пироговъ принялъ это предложеніе и былъ попечителемъ въ Одессѣ съ 1856 г. по 1858 г. Дѣятельность свою Пироговъ понималъ какъ просвѣтительную миссію. „Въ моихъ глазахъ,—говорилъ онъ,—попечитель есть не столько начальникъ, сколько миссіонеръ“. Въ Одессѣ Пироговъ организовалъ литературныя бесѣды въ гимназіяхъ, хлопоталъ о преобразованіи Ришельевскаго лицея въ университетъ. Съ 1858 г. по 1861 г. онъ былъ попечителемъ Кіевскаго учебнаго округа. Еще въ Одессѣ Пироговъ высказался противъ тѣлесныхъ наказаній, противъ цѣлесообразности розги въ дѣлѣ воспитанія. По пріѣздѣ въ Кіевъ онъ выступилъ рѣшительнымъ поборникомъ гуманности и законности въ дѣлѣ воспитанія. Съ этою цѣлью образовалъ комиссію для выработки „правилъ о проступкахъ и наказаніяхъ учениковъ гимназій Кіевскаго учебнаго округа“.

Пироговъ сумѣлъ поднять значеніе педагогическихъ совѣтовъ, ввелъ литературныя бесѣды, позаботился расширить и увеличить гимназическія бібліотеки и кабинеты, сочувствовалъ литературно-педагогическимъ занятіямъ учителей и далъ возможность нѣкоторымъ изъ выдающихся преподавателей отправиться для

усовершенствованія за границу. Свои отношенія Пироговъ основывалъ, главнымъ образомъ, на нравственномъ довѣрїи къ себѣ подчиненныхъ и учащихся. Въ университетѣ Пироговъ ввелъ въ систему конкурсное замѣщеніе кафедръ, организовалъ университетскій судъ, расширилъ университетскую бібліотеку и способствовалъ развитію института профессорскихъ стипендіатовъ. Ставя университетъ на должную высоту, Пироговъ считалъ одною изъ важныхъ задачъ его—популяризацію науки.

13 марта 1861 г. Пироговъ уволился отъ должности попечителя. Онъ поселился въ с. Вишнѣ (близъ г. Винницы), Подольской губ., и былъ выбранъ въ мировые посредники; но съ марта 1862 г. былъ командированъ за границу для руководства молодыми русскими учеными, приготавливающимися къ профессорскому званію. Въ 1866 г. Пироговъ уѣхалъ въ свое помѣстье и уже рѣдко выѣзжалъ оттуда; для помощи раненымъ въ франко-прусскую войну 1870 г., для объѣзда лазаретовъ въ русско-турецкую кампанію (1877) и для празднованія своего полувѣкового юбилея въ Москвѣ (24 мая 1881 г.). Умеръ онъ 23 ноября 1881 г. въ своемъ имѣніи, с. Вишнѣ.

Его педагогическія статьи были изданы подъ заглавіемъ: „Собраніе литературныхъ статей Пирогова“. Одесса. 1858 г. „Собраніе литературно-педагогическихъ статей Пирогова“. Кіевъ. 1861 г.

Въ 1887 г. изданы сочиненія Пирогова, въ которыхъ т. II состоитъ изъ его литературно-педагогическихъ статей. Въ 1910 г. вышло новое изданіе въ Кіевѣ.

1.

О высокомъ назначеніи женщины.

Спокойно, свѣтло, какъ кристальная струя, слегка волнующая житейскимъ вѣтромъ, течетъ ваша жизнь, чтобъ слиться съ волнами неизмѣримаго океана вѣчности.

Протекло полжизни.

Вы такъ уже сроднились съ мыслью о безсмертіи, предчувствіе объ отдаленной вѣчности такъ утѣшительно господствуетъ въ васъ, что вы невольно переносите ихъ на земное бытіе, и оно начинаетъ волновать васъ тайною то-

скою по родинѣ. Оно напоминаетъ вамъ необходимость искать участія.

Вы убѣждаетесь, что, отыскивая земное участіе, вы проявляете вашу мысль о безсмертіи въ дѣлахъ и семьи и общества. Итакъ, вамъ предстоитъ рѣшить другой вопросъ жизни: какъ устроить вашъ семейный бытъ, какъ найти сочувствіе въ кругу вамъ близкихъ? Но знаете ли вы, что это—для того, кто цѣлыя полжизни провелъ, занимаясь рѣшеніемъ одного вопроса жизни? Вы знаете ли, что это значитъ для него, когда онъ ищетъ сочувствія въ своей семьѣ? Что, если не будетъ понять тою, въ которой онъ искалъ сочувствія къ убѣжденіямъ, слившимся въ одно съ его существованіемъ, въ которой онъ искалъ соотрудницу въ борьбѣ за идеаль?

Что, если, спокойная, безпечная въ кругу семьи, она будетъ смотрѣть съ бессмысленной улыбкой идіота на завѣтную борьбу? Или, какъ Марѳа, расточая всевозможныя заботы домашняго быта, будетъ проникнута одной лишь мыслью, угодить и улучшить матеріальное, земное бытіе? Что, если, какъ Ксантиппа, она будетъ поставлена судьбою для испытанія крѣпости и постоянства воли? Что, если, стараясь нарушить ваши убѣжденія, купленные полжизнью перевоспитанія, трудовъ, борьбы, она не осуществитъ еще и основной мысли при воспитаніи дѣтей?

А знаете ли, что значитъ этотъ же вопросъ жизни для женщины, которая была такъ счастлива, что разрѣшила для себя, въ чемъ состоитъ ея призваніе, которая, оставивъ дюжинное направленіе толпы, отчетливо и ясно постигаетъ, что въ будущемъ назначена ей жизни цѣль.

Мужчина, обманутый надеждою на сочувствіе въ семейномъ быту, какъ бы ни былъ грустенъ и тяжелъ этотъ обманъ, еще можетъ себя утѣшить, что выраженіе его идеи—дѣла найдутъ участіе въ потомствѣ. А каково женщинѣ, въ которой потребность любить, участвовать и жертвовать развита несравненно болѣе и которой недоставало еще довольно опыта, чтобъ хладнокровнѣе перенести обманъ надежды! Скажите, каково должно быть ей на поприщѣ жизни, идя рука въ руку съ тѣмъ, въ которомъ она такъ

жалко обманулась, который, поправъ ея утѣшительныя убѣжденія, смѣется надъ ея святыней, шутить ея вдохновеніями и влечетъ ее съ пути на грязное распутье?!

Гдѣ средства убѣжать всѣхъ этихъ горькихъ слѣдствій заблужденія? Гдѣ средства съ полною надеждою успокоить вопіющую потребность къ сочувствію? Что можетъ служить ручательствомъ въ успѣхѣ?

Ни возрастъ женщинъ, ни наше воспитаніе, какъ видите, ни опытъ жизни,—невѣрныя поруки. Молодость влечетъ ихъ къ суетѣ. Воспитаніе дѣлаетъ куклу. Опытъ жизни рождаетъ притворство. Еще счастлива та молодость, въ которой суета не совсѣмъ искоренила воспріимчивость души; въ которой свѣтъ, съ его мелочными приличіями, не успѣлъ оцѣпить ее и сдѣлать недоступною къ убѣжденіямъ въ высокомъ и святомъ. Еще счастлива та молодость, когда толпы молодыхъ и старыхъ прислужниковъ, послѣдователей шаткихъ взглядовъ, воспользовавшись этой воспріимчивостью, не усыпили ее для высшихъ впечатлѣній, не уничтожили возможности понять, образовать себя.

Пусть женщина, окруженная ничтожествомъ толпы, падаетъ на колѣни предъ Провидѣніемъ, когда, положивъ руку на юное сердце, почувствуетъ, что оно еще бьется для святого вдохновенія, еще готово убѣждаться и жить для отвлеченной цѣли. Правда, вступая въ свѣтъ, женщина менѣе, чѣмъ мужчина, подвергается грустнымъ слѣдствіямъ разлада основныхъ началъ воспитанія съ направлениемъ общества. Она рѣже осуждена бываетъ снискивать себѣ трудами насущный хлѣбъ и жить совершенно независимо отъ мужчины. Торговое направленіе общества менѣе тяготѣетъ надъ нею.

Въ кругу семьи ей отданъ на сохраненіе тотъ возрастъ жизни, который не лепечетъ еще о золотѣ.

Но зато воспитаніе ея обыкновенно превращаетъ ее въ куклу. Воспитаніе, наряжая ее, выставляя на показъ для зѣвакъ, обставляетъ кулисами и заставляетъ ее дѣйствовать на пружинахъ такъ, какъ ему хочется. Ржавчина сѣдаетъ эти пружины, а чрезъ щели истертыхъ и изорванныхъ отъ времени кулисъ она начинаетъ высматривать то, что отъ

нея такъ бережно скрывали. Мудрено ли, что ей тогда приходится на мысль попробовать самой, какъ ходятъ люди. Эманципация—вотъ эта мысль. Паденіе—вотъ первый шагъ.

Пусть многое останется ей неизвѣстнымъ. Она должна гордиться тѣмъ, что многого не узнаетъ. Не всякій врачъ. Не всякій долженъ безъ нужды смотрѣть на язвы общества. Не всякому обязанность велить въ помойныхъ ямахъ рыться, пытаться и нюхать то, что отвратительно смердитъ. Однакоже раннее развитіе мышленія и воли для женщины столько же нужно, какъ и для мужчины. Чтобъ услаждать сочувствіемъ жизнь человѣка, чтобъ быть сопутницей въ борьбѣ, ей также нужно знать искусство понимать, ей нужна самостоятельная воля, чтобы жертвовать, мышленіе—чтобъ избирать и чтобъ имѣть ясную и свѣтлую идею о цѣли воспитанія дѣтей. Если женщины-педанты, толкуя объ эманципации, разумѣютъ одно воспитаніе женщинъ, онѣ правы. Если же онѣ разумѣютъ эманципацию общественныхъ правъ женщины, то онѣ сами не знаютъ, чего хотятъ. Женщина эманципирована и такъ уже, да еще, можетъ-быть, болѣе, нежели мужчина. Хотя ей и нельзя, по нашимъ законамъ, сдѣлаться солдатомъ, чиновникомъ, министромъ. Но развѣ можно сдѣлаться мужчиной кормилицею и матерью-воспитательницею дѣтей до 8-лѣтняго ихъ возраста? Развѣ онъ можетъ сдѣлаться связью общества, цвѣткомъ и украшеніемъ его? Только близорукое тщеславіе людей, строя алтари героямъ, смотритъ на мать, кормилицу и няньку, какъ на второстепенный, подвластный классъ. Только торговый матеріализмъ и невѣжественная чувственность видятъ въ женщинѣ существо подвластное и ниже себя. Все, что есть высокаго, прекраснаго на свѣтѣ, искусство, вдохновеніе, наука, не должно слишкомъ сродняться съ вседневной жизнью: оно утратитъ свою первобытную чистоту, выродится и запылится прахомъ.

Итакъ, пусть женщины поймутъ свое высокое назначеніе въ вертоградѣ человѣческой жизни. Пусть поймутъ, что онѣ, ухаживая за колыбелью человѣка, учреждая игры его дѣтства, научая его уста лепетать и первыя слова и первую молитву, — дѣлаются главными зодчими общества.

Краеугольный камень кладется ихъ руками. Христіанство открыло женщинѣ ея назначеніе. Оно поставило въ образецъ челоуѣчеству существо, только что отнятое отъ ея груди. И Марѳа и Марія сдѣлались причастницами словъ и бесѣдъ Искупителя.

2.

Ищи быть и будь челоуѣкомъ.

Что же, наконецъ, въ моемъ идеалѣ воспитанія выражаютъ слова отца (сыну): «ищи быть и будь челоуѣкомъ?» Конечно, не новое; напротивъ, старое и очень старое, но истинное. Конечно, не легкое, но достижимое. Значать ли эти слова дѣйствительно, что я добиваюсь невозможнаго, что я ищу въ челоуѣкѣ земнаго совершенства, мечтательнаго гражданина Вселенной или тому подобнаго? Нѣтъ, челоуѣкомъ, какъ я его понимаю, можетъ быть каждый, въ своемъ родѣ, приучившись съ раннихъ лѣтъ хорошо пользоваться различными свойствами души, которыми каждаго изъ насъ надѣлилъ Богъ въ известной мѣрѣ. Въ дѣлѣ воспитанія главное—намѣреніе и убѣжденіе; они зависятъ отъ воспитателей; успѣхъ—отъ Бога. Всѣ мы, къ какой бы націи ни принадлежали, можемъ сдѣлаться чрезъ воспитаніе настоящими людьми, каждый различно, по врожденному типу и по національному идеалу челоуѣка, нисколько не переставая быть гражданиномъ своего отечества и еще рельефнѣе выражая, чрезъ воспитаніе, прекрасныя стороны своей національности.

Но всѣ эти идеалы челоуѣка, и слѣдовательно, идеалы воспитанія, какъ бы различно ни проявлялся въ нихъ національный типъ, должны имѣть одну исходную точку—Откровеніе. Итакъ, словами: «ищи быть и будь челоуѣкомъ» выражается одна главная мысль воспитанія: научите дѣтей съ раннихъ лѣтъ подчинять матеріальную сторону жизни нравственной и духовной. Итакъ, если отецъ, сознавая вполне значеніе этой мысли, скажетъ сыну: «будь челоуѣкомъ», то это значитъ, онъ рѣшается воспитать сына безъ всякой задней мысли, и отдаетъ его въ школу изъ одного

глубокаго убѣжденія, что образованіе необходимо, какъ пища. Это значитъ, что отецъ, готовый всѣмъ жертвовать для нравственно-жизненной необходимости сына, твердо увѣренъ, что все прочее въ жизни должно прійти само собою; а если и не придетъ, то онъ все-таки ничего не потеряетъ въ сущности.

Сынъ, помня слова отца, съ раннихъ лѣтъ приучается видѣть въ образованіи нравственную необходимость и цѣнить его, какъ самую жизнь. Наставникъ, говоря: «я хочу сдѣлать людьми моихъ питомцевъ», рѣшается, значитъ, предпочитать формѣ духъ, мертвой бумагѣ—живую мысль; значитъ, въ наукѣ онъ видитъ не просто одинъ сборникъ знаній, а мощное средство дѣйствовать на нравственную сторону ребенка. Исполняя эти слова, учитель уже не заставитъ ребенка изучать науку одними устами, но направитъ ее на развитіе той или другой душевной способности дѣтей, и каждый учитель вмѣстѣ сдѣлается и воспитателемъ. Наконецъ если цѣлое общество повторитъ эти многозначительныя слова всѣмъ и каждому изъ своихъ сочленовъ, то оно выразитъ, что воспитаніе для всѣхъ, безъ различія сословій и состояній, такъ же необходимо, какъ хлѣбъ и соль, и, при такомъ убѣжденіи, не пощадитъ никакихъ издержекъ для достиженія цѣли, соберетъ капиталы, учредитъ компаніи для распространенія просвѣщенія, обяжетъ всѣхъ содѣйствовать по мѣрѣ силъ, сдѣлаетъ для всѣхъ и cadaго просвѣщеніе обязательнымъ, говоря всѣмъ и каждому: «будь человѣкомъ». Вотъ смыслъ моего идеала, не новаго, но и не недостижимаго. Для достиженія нужны: серьезный взглядъ на жизнь, полное сознаніе нравственной необходимости воспитанія, содѣйствіе духовное и матеріальное, теплая вѣра въ вѣчную истину и добро.

3.

Быть и казаться.

Исторгая безпрестанно ребенка изъ его собственнаго духовнаго бытія, перенося его все чаще въ нашу сферу, заставляя его и смотрѣть и понимать по-нашему, мы, нако-

нецъ, достигаемъ одного: онъ начинаетъ намъ казаться не тѣмъ, что онъ есть. И вотъ вѣнецъ нашей педагогики, вотъ non plus ultra всѣхъ нашихъ трудовъ и усилій! Чего не придумано у насъ къ достиженію этого результата? И дѣтскіе балы, и театры, и живыя картины, и костюмы, и даже школьная обстановка. А чтобы лучше убѣдиться, дѣйствительно ли ребенокъ намъ кажется не такимъ, какъ онъ есть,—мы изобрѣли и срочныя испытанія. Мало этого: нашлись и такіе педагоги, которые придумали изъ самихъ дѣтей сдѣлать орудія наблюденія за дѣтьми же, чтобы и тѣ и другія какъ можно лучше двоили свой духовный бытъ и какъ можно точнѣе раздѣляли бы «бытъ и казаться». Извѣстно, до какихъ блестящихъ результатовъ на этой почвѣ достигли отцы-іезуиты. Если мы, при нашей обыкновенной методѣ воспитанія, много способствуемъ — хотя безсознательно и дѣйствуя по крайнему разумѣнію — къ развитію въ ребенкѣ лжи и притворства, то іезуиты, не довольствуясь этимъ, уже сознательно доводятъ двойственность до степени клеветы.

Твердо вѣрящему въ стремленіе человѣчества впередъ, къ усовершенствованію, кажется уже неприличнымъ утверждать, что и дѣти, и вообще люди въ старину, то-есть когда-то, были лучше.

Но, тѣмъ не менѣе, въ этой извѣстной поговоркѣ стариковъ и недовольныхъ есть доля и правды. Во-первыхъ, для всякаго старика это, дѣйствительно, относительная истина. Онъ, принимая менѣе участія въ дѣйствіяхъ переходнаго состоянія отъ стараго къ новому, видитъ яснѣе худое, всегда сопровождающее каждый переходъ, чего современное ему свѣжее поколѣніе не примѣчаетъ, будучи само проводникомъ новаго. Во-вторыхъ, есть и дѣйствительно такіе періоды для человѣчества, въ которыхъ старое еще недостаточно состарѣлось, а новое, втекающая цѣлымъ потокомъ, еще не успѣло ни созрѣть, ни амальгамироваться со старымъ. Эти періоды такъ же вредны для нравственности, какъ у насъ на сѣверѣ раннія оттепели для посѣва: сѣмена уносятся тающимъ снѣгомъ. И это уже не одна только относительная истина для стариковъ.

Немудрено, если въ старину, при менѣе искусственной обстановкѣ воспитанія, яснѣе обозначались высокіе и выдержанные характеры. Кто выходилъ невредимъ изъ школы жезла, тотъ выносилъ духъ, такъ же хорошо закаленный, какъ закалено тѣло дикихъ и номадовъ, купающихъ новорожденныхъ дѣтей въ студеной водѣ. Но наша современная обстановка воспитанія еще слишкомъ нова, чтобы точно обсудить ея результаты. Только надъ однимъ іезуитскимъ способомъ воспитанія, который также не вовсе потерялъ современность, судъ исторіи уже произнесенъ. Вездѣ, гдѣ онъ господствовалъ, и теперь еще господствуетъ двойственность души. Насильственно раздѣленное іезуитствомъ, «быть и казаться», породило и притворство, и коварство, и клевету съ ябедою и доносомъ. Если все, что я сказалъ, заключаетъ въ себѣ хотя тѣнь истины, то скажите мнѣ: не лучше ли—предъ Богомъ и человѣчествомъ—замѣнить всѣ искусственныя попытки нашего собственнаго воображенія воспитаніемъ, основаннымъ на законахъ дѣвственно-фантастическаго міра дитяти? Въ наше время, когда глубокіе умы посвятили себя изученію духовной стороны даже умалишенныхъ, когда начинаетъ обнаруживаться, что и эти отверженцы нашего общества имѣютъ свою собственную логику, свою послѣдовательность въ дѣйствіяхъ; когда наука, проникнувъ въ ихъ особый міръ, ищетъ въ немъ связей съ нашимъ, должны ли мы—говорю—именно теперь оставаться хладнокровными къ духовному міру нашихъ дѣтей и не изучать его во всѣхъ возможныхъ направленіяхъ?

Скажите, что можетъ быть поучительнѣе, что выше, что святѣе духовнаго сближенія съ этимъ Божіимъ, чуднымъ дѣтскимъ міромъ? Кому не занимательно слѣдить за всѣми его обнаруживаніями, за всѣми проявленіями во времени и въ пространствѣ? Кому не весело самому помолодѣть душою? О, если бы всѣ родители и педагоги по призванію вошли въ этотъ таинственно священный храмъ еще дѣвственной души человѣка! Сколько новаго и неразгаданнаго еще узнали бы они! Какъ обновились бы, какъ поумнѣли бы сами! Одинъ взглядъ, брошенный въ него бѣднымъ швейцарцемъ, сердечно любившимъ дѣтей, произвелъ на

свѣтъ цѣлую систему ученія, котораго плодами мы только что теперь начинаемъ пользоваться. Къ вамъ, матери семействъ, относится преимущественно мой совѣтъ! вмѣсто того, чтобы посылать вашихъ дѣтей на театральную и балльную сцену, ступайте сами за кулисы дѣтской жизни! Наблюдайте отсюда за ихъ первымъ лепетомъ и первыми движеніями души; наблюдайте ихъ здѣсь и тогда, когда они возвратятся къ вамъ, утомленные играми и всегда готовые снова начать ихъ!

4.

Школа и жизнь.

Теперь, слава Богу, люди приходятъ все болѣе и болѣе къ тому убѣжденію, что Церковь, школа и государство нераздѣльны съ жизнью народовъ. Но, прежде нежели человечество окончательно сольется въ своихъ понятіяхъ школу съ жизнью и сдѣлаетъ одну немыслимою безъ другой, школѣ придется испытать еще много тревоженій и превращеній.

Положительной формулы для нея еще не найдено. Современное общество бьется, какъ рыба объ ледъ, отыскивая эту формулу. Въ настоящее время, и именно въ обществѣ еще не созрѣвшемъ и мало жившемъ прошедшею жизнью, всего заманчивѣе кажется тотъ взглядъ на школу, который ее представляетъ чѣмъ-то въ родѣ лѣпной модели для приготовленія людей именно такими, какихъ нужно обществу для его обыденныхъ цѣлей.

И въ самомъ дѣлѣ, чего лучше? Общество является потребителемъ, а школа — фабрикою, приготовляющею товаръ для потребленія. Запросъ есть; стоитъ только удовлетворить ему, и обѣ стороны довольны. Вопіющее современное всегда ближе сердцу и доступнѣе мысли, чѣмъ далекое будущее. Для чего вдумываться, что будетъ чрезъ 25 или 30 лѣтъ, когда новое поколѣніе начнетъ замѣнять старое? Правда, что всякій изъ насъ, спускаясь подъ гору, начинаетъ чувствовать себя какъ-то неловко и сознавать, что онъ не воспитывался для будущаго, но, проживъ такъ,

или саякъ и безъ того, и думая, что въ это время жилось даже лучше, мѣряетъ на свой аршинъ будущее поколѣніе, совѣтуя ему поступать такъ же и итти по его стопамъ.

И вотъ школа, сначала разрознившаяся съ жизнью, начинаетъ сливаться съ нею; и та и другая начинаютъ болѣе понимать другъ друга, но какъ?

Общество и государство, примѣняясь къ настоящему и дѣлая воспитаніе своею монополіей, употребляетъ школу, во-первыхъ, какъ проводникъ къ распространенію въ будущемъ поколѣніи однихъ только извѣстныхъ убѣжденій, взглядовъ и понятій, во-вторыхъ, какъ разсадникъ специалистовъ, ему необходимыхъ для достиженія извѣстныхъ обыденныхъ цѣлей.

Отцы, примѣняясь къ этому же направленію общественнаго воспитанія, посылаютъ дѣтей въ школу: во-первыхъ, чтобы воспитать ихъ для хлѣба, и притомъ, елико возможно, не на своемъ, а на чужомъ или общественномъ иждивеніи, во-вторыхъ, чтобы воспитать ихъ въ духѣ того сословія, къ которому принадлежатъ сами, и, разумѣется, въ тѣхъ же самыхъ убѣжденіяхъ и предубѣжденіяхъ. Итакъ, школа, и примиренная съ жизнью, на первыхъ порахъ не преслѣдуетъ еще никакихъ широкихъ и общечеловѣческихъ цѣлей. Напротивъ, она дѣлается еще болѣе одностороннею и прикладною, чѣмъ въ началѣ своего существованія, когда она, основанная благочестіемъ и гуманностью передовыхъ людей, была болѣе отдалена отъ жизни.

Но все же лучше примириться съ жизнью, какова она ни есть, нежели быть съ нею въ полномъ разладѣ. Вотъ почему настоящее положеніе школы все-таки нужно считать шагомъ впередъ. Но остановиться на этомъ—значило бы мирить школу съ жизнью только наполовину. Мало этого: это значило бы признать безусловно первенство жизни предъ школою и рабскую зависимость отъ настоящаго, тогда какъ все будущее жизни находится въ рукахъ школы, и, слѣдовательно, ей принадлежитъ гегемонія...

И отцы, и общество, и государство должны стремиться возстановить смыслъ и права школы, проистекающіе изъ самой жизни. Должно возстановить прямое назначеніе

школы, примиренной съ жизнью — быть руководителемъ жизни на пути къ будущему. И этого достигнемъ только тогда, когда всѣ человѣку дарованныя способности, всѣ благородныя и высокія стремленія найдутъ въ школѣ средства къ безконечному и всестороннему развитію, безъ всякой задней мысли и безъ рановременныхъ работъ о приложеніи. Когда учиться, образоваться и просвѣтиться сдѣлается такою же инстинктивною потребностью общества, какъ питаться и кормиться тѣлу, тогда приложеніе придетъ безъ хлопотъ, само собою.

Надобно достигнуть того, чтобы здравый смыслъ измѣнилъ самый языкъ. И когда будемъ говорить и мыслить о воспитаніи, то нужно, чтобы высшія понятія, присущія словамъ: ученіе, образъ и свѣтъ, замѣнили матеріальное представленіе питанія, приличнаго тѣлу, а не духу...

Если же прикладное образованіе и считается покуда необходимымъ въ нашемъ обществѣ, то предъ истиннымъ идеаломъ воспитанія оно оказывается только временнымъ и неизбѣжнымъ недостаткомъ. Оно доказываетъ только слабость нашихъ силъ, слабость воли, слабость любви къ человѣчеству и къ истинѣ.

5.

О цѣли литературныхъ бесѣдъ въ гимназіяхъ.

Цѣль всѣхъ научныхъ бесѣдъ есть размѣнъ мыслей, взглядовъ и убѣжденій бесѣдующихъ. Онѣ мощно содѣйствуютъ къ узнанію и разъясненію истины, а слѣдовательно, и къ усовершенствованію науки. Принадлежатъ ли—спрашивается—наши гимназическія литературныя бесѣды къ числу научныхъ бесѣдъ?

Дѣлая этотъ вопросъ, мы, значить, спрашиваемъ себя: служить ли разработка и усовершенствованіе науки ихъ главною цѣлью? Очевидно, нѣтъ, и именно по той очевидной причинѣ, что сама гимназія не можетъ имѣть свою цѣлью разработывать и подвигать науку впередъ. Это дѣло университетовъ и академій. Гимназія есть только преддве-

ріе университета; она должна только приготовить учащихся къ воспріятію и разработкѣ науки, излагая ее въ извѣстной мѣрѣ, въ извѣстномъ объемѣ и въ современномъ видѣ и способствуя общечеловѣческимъ образованіемъ къ всестороннему развитію всѣхъ благихъ способностей человѣческаго духа. Какая же—спрашивается опять—цѣль гимназическихъ бесѣдъ? Онѣ названы—литературными не въ тѣсномъ, а въ обширномъ смыслѣ этого слова. Не собственно такъ называемая литература отечественнаго или иностранныхъ языковъ, а упражненія въ литературныхъ занятіяхъ всѣхъ въ гимназіи преподаваемыхъ наукъ должно быть цѣлью этихъ бесѣдъ. Онѣ должны служить мощнымъ пособіемъ учащимся къ ученическому образованію. Онѣ должны готовить къ университету. А вамъ нужно знать, какъ важно значеніе этого слова: «быть приготовленнымъ къ вступленію въ университетъ». Вамъ нужно знать, что изъ 100 оканчивающихъ гимназическій курсъ 90 навѣрное еще не приготовлены, хотя бы по экзамену и вступили въ число студентовъ университета.

А отчего? Оттого, что въ гимназіяхъ они не готовились къ самостоятельному научному труду, безъ котораго ученіе въ университетѣ бесплодно. Итакъ, вотъ собственная цѣль нашихъ такъ называемыхъ литературныхъ бесѣдъ: онѣ должны послужить средствомъ къ упражненіямъ этого рода. И потому всякое проявленіе самостоятельнаго труда учащихся въ литературной бесѣдѣ должно быть дорого и знаменательно для наставниковъ—руководителей въ этихъ бесѣдахъ. Оно возбуждаетъ надежду, что университетъ получитъ изъ ихъ рукъ ученика, уже хорошо ознакомленнаго съ тѣмъ родомъ научныхъ работъ, который ему предстоитъ во время бытности его въ университетѣ, хорошо подготовленнаго къ умственнымъ занятіямъ и уясниваго себѣ цѣль и значеніе ученія. Не слѣдуетъ ли изъ этого, что выборъ предметовъ для упражненія въ научномъ самостоятельномъ трудѣ въ нашихъ литературныхъ бесѣдахъ можетъ быть совершенно своеволенъ и безразличенъ, что онъ можетъ быть предоставленъ случаю?

Кто такъ думаетъ изъ участниковъ въ нашихъ бесѣдахъ, тотъ сильно ошибается и смѣшиваетъ чисто научныя бесѣды съ нашими литературными, не уяснивъ себѣ хорошо того различія, которое должно существовать между ними, и о которомъ я уже намекнулъ, кажется, довольно ясно. Допустить совершенную безразличность въ выборѣ предметовъ труда, значило бы допустить мысль, что учащійся въ гимназіи уже настолько опытенъ въ самостоятельномъ трудѣ, настолько созрѣлъ умственно и научно, что можетъ уже соразмѣрить свои силы и свѣдѣнія съ предстоящимъ ему дѣломъ. Не значило ли бы это, другими словами, предположить, что онъ вполне знакомъ и со всѣми трудностями и съ тѣми вопросами, которые обыкновенно возникаютъ при предстоящей ему разработкѣ предмета, съ тѣми средствами, которыми ему нужно будетъ воспользоваться и, наконецъ, что онъ уже уяснилъ себѣ вполне и ту органическую связь, которая обнаруживается во всѣхъ научныхъ вопросахъ, требующую, для разрѣшенія ихъ, свѣдѣній нерѣдко глубокихъ и многостороннихъ. Предположивъ это, значить, мы бы предположили такія условія, которыхъ мы не можемъ въ настоящее время требовать и отъ учащихся въ университетѣ.

Все это и было причиною, почему, при самомъ учрежденіи литературныхъ бесѣдъ, я предложилъ гг. наставникамъ указать учащимся именно на такіе предметы, которые бы имъ были дѣйствительно по силамъ, и которые бы, при ихъ разработкѣ, могли дѣйствительно приучить учащихся къ самостоятельному труду. Вся будущая участь нашихъ бесѣдъ, все осуществленіе ихъ цѣли зависитъ именно отъ искусства выбрать такой предметъ, который не осилилъ бы избравшаго, а, напротивъ, котораго бы осилилъ избравшій. Это есть особаго рода тактъ. Его имѣютъ не всѣ, и даже рѣдкіе. Мы видимъ, что и болѣе опытные дѣятели науки, при избраніи предмета, впадаютъ въ непростительныя ошибки отъ недостатка этого такта, отъ самонадѣянности, желанія блеснуть и подражать другимъ, болѣе счастливымъ, не размѣривъ хорошо ни собственныхъ силъ ни глубины предстоящаго имъ труда. Чѣмъ неопытнѣе

самъ избиратель, чѣмъ менѣе онъ созрѣлъ и чѣмъ болѣе онъ самонадѣянъ, тѣмъ легче онъ можетъ промахнуться въ избраніи предмета. Наблюдая постоянно и зорко за ходомъ нашихъ литературныхъ бесѣдъ, я именно это замѣтилъ. Не скажу, чтобы они совсѣмъ не достигли своей полезной цѣли. Нѣтъ, многіе изъ участвовавшихъ въ нихъ доказали явное и научное стремленіе и любовь къ занятіямъ и дарованіе и, слѣдовательно, оправдали наши надежды въ томъ, что бесѣды дѣйствительно могутъ послужить средствомъ къ развитію самостоятельной дѣятельности и къ приготовленію въ университетъ.

Но, къ сожалѣнію, вмѣстѣ съ тѣмъ я замѣтилъ, что многіе прислушивались къ голосу опыта и воспользовались даннымъ совѣтомъ. Нѣкоторые, на примѣръ, избирали предметъ самый обширный, не имѣвъ твердости ограничить свой кругозоръ и желая лучше скользнуть мыслью по огромной поверхности, чѣмъ проникнуть ею въ ограниченное пространство поглубже. Отъ этого вся ихъ работа оказывалась разведенною общими мѣстами и ничего не заключающими въ себѣ взглядами. Другіе, напротивъ, избирали предметъ уже самый ограниченный и замкнутый въ предѣлахъ, доступныхъ для одного только спеціалиста, посвятившаго цѣлую жизнь разработкѣ одной отрасли человѣческихъ свѣдѣній. Третьи, наконецъ, грѣшили не столько относительно границъ и объема избраннаго ими предмета, сколько въ отношеніи его свойствъ, а потому и промахъ былъ не количественный, а качественный. Ни тѣ, ни другіе, ни третьи не взяли въ соображеніе, при выборѣ предмета, окружающей ихъ среды; всѣ переоцѣнили свои силы, и потому всѣ, вмѣсто ясныхъ и неподдѣльныхъ усилій самостоятельнаго труда, обнаружили въ своихъ работахъ не свое, а чужое, отъ котораго они не могли отдѣлаться, потому что не могли сладить съ избраннымъ ими предметомъ, не имѣя еще достаточной зрѣлости и опыта жизни, чтобы умѣть на него смотрѣть не съ одной и не съ двухъ, а со всѣхъ сторонъ. Многіе не уяснили себѣ даже и того, что и чужое передать такъ, чтобы оно не оказалось переваренною массою, нужно имѣть много своего въ запасѣ.

Опытъ говорить, что самостоятельный трудъ никому сразу не дается. Въ немъ нужно испробовать свои силы съ необычайною постепенностью. Самый высокій талантъ легко опозорится, если слишкомъ самоувѣренный захочетъ съ пѣрваго раза измѣрить свои силы въ такомъ дѣлѣ, которое требуетъ огромныхъ предварительныхъ свѣдѣній, зрѣлости ума въ сужденіи и опыта въ жизни. Ни «Фауста» Гете ни «Анналовъ» Тацита никогда не напишетъ шестнадцатилѣтній юноша уже и потому, что онъ, незнакомый съ жизнью, не можетъ еще понять вполнѣ все высокое и всю глубину мыслей, содержащихся въ этихъ твореніяхъ. Итакъ, повторяю, искусный и съ тактомъ предпринятый выборъ труда, означающій вѣрное знаніе самого себя и слѣдующее отсюда искусство совладать съ избраннымъ предметомъ, — вотъ необходимое условіе для начинающихъ пріучаться къ самостоятельному труду. Прошу принять къ сердцу эти указанія, вытекшія изъ желанія быть вамъ истинно полезнымъ на пути къ научному образованію, и руководствоваться ими, приготовляясь выступить на эту многотрудную дорогу ¹⁾.

XXVIII.

П. Г. РѢДКИНЪ.

Петръ Григорьевичъ Рѣдкинъ родился 4 октября 1808 г. въ г. Ромнахъ, Полтавской губерніи. Родители его были малоросійскіе дворяне и довольно зажиточные помѣщики. Первоначальное воспитаніе Рѣдкинъ получилъ дома, а затѣмъ былъ отданъ въ Роменское уѣздное училище, гдѣ преподаваніе шло довольно успѣшно, благодаря хорошему подбору учителей. Очень рано обнаружили педагогическія склонности у Рѣдкина: онъ любилъ собирать вокругъ себя мальчишекъ, задавать имъ уроки и выслушивать ихъ. По окончаніи курса уѣзднаго училища, Рѣдкина отвезли въ г. Нѣжинъ, въ гимназію высшихъ наукъ князя Кушелева-Безбородко. Гимназія того времени отличалась обшир-

---

¹⁾ См. сочиненія Н. И. Пирогова, т. II. Спб. 1887 г.

ной программой, и Рѣдкинъ обязанъ ей тѣмъ энциклопедическимъ образованіемъ, которое въ послѣдствіи принесло ему большую пользу при преподаваніи энциклопедіи законовѣдѣнія. Особенную пользу принесло ему то литературное направленіе, которое господствовало среди учащихъся нѣжинской гимназіи. Рѣдкинъ принималъ дѣятельное участіе въ изданіи гимназическаго рукописнаго журнала и альманаховъ.

По окончаніи курса нѣжинской гимназіи въ 1826 г., Рѣдкинъ отправился въ Московскій университетъ, гдѣ и поступилъ на этико-политическое отдѣленіе. Выдающіяся его способности были замѣчены профессорами, и въ 1828 г. его посылаютъ въ Дерптъ для приготовленія къ профессорскому званію. Дерпту онъ обязанъ очень многимъ. Здѣсь онъ изучилъ, кромѣ нѣмецкаго языка, языки классическіе. Въ концѣ 1830 г. Рѣдкинъ былъ отправленъ за границу и оставался тамъ до половины 1834 г. Слушалъ лекціи въ Берлинскомъ университетѣ у знаменитыхъ Савиньи, Раумера и Гегеля, продолжалъ изученіе древнихъ классическихъ языковъ и учился новымъ: англійскому, итальянскому и испанскому. Пребываніе за границею довершило его какъ общее, такъ и спеціальное юридическое образованіе. Въ 1834 г., по возвращеніи изъ-за границы, онъ выдержалъ экзаменъ на степень доктора правъ и назначенъ въ 1835 г. въ Московскій университетъ читать лекціи по юридической энциклопедіи. Съ этихъ поръ главная его и любимая дѣятельность была преподавательская. Каѳедру въ Московскомъ университетѣ онъ занималъ до 1848 г., съ 1849 г. служилъ въ департаментѣ удѣловъ, а съ 1863 г. былъ назначенъ, кромѣ того, профессоромъ С.-Петербургскаго университета по каѳедрѣ энциклопедіи законовѣдѣнія, какую и занималъ до 1882 г. П. Г. Рѣдкинъ издалъ „Юридическія Записки“, „Библіотеку для воспитанія“, „Обзоръ Гегелевой логики“ и въ послѣднее время „Изъ лекцій по исторіи философіи права въ связи съ исторіей философіи вообще“ (I—VII т.); напечаталъ рядъ педагогическихъ статей въ „Журналѣ для воспитанія“ и въ журналѣ „Учитель“. Его статьи и вообще отношеніе къ дѣлу воспитанія настолько заслужили всеобщее вниманіе, что П. Г. Рѣдкинъ много разъ былъ выбираемъ предсѣдателемъ бывшаго С.-Петербургскаго педагогическаго общества, которое и составилось, главнымъ образомъ, по его почину. Въ послѣднее время Рѣд-

кинъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. Онъ скончался 7 марта 1891 г. на 83 году отъ рожденія.

При безпредѣльной преданности наукѣ это былъ вѣчно юный духъ, отзывчивый на все живое. Своимъ живымъ словомъ, ученъ-емъ онъ возбуждалъ въ своихъ ученикахъ много прекрасныхъ благородныхъ стремленій. К. Д. Ушинскій, бывшій его слушатель, отзывался о лекціяхъ и вліяніи Рѣдкина съ высокой похвалой.

Главною цѣлью преподаванія Рѣдкина было развить въ слушателяхъ любовь къ наукѣ, чувство правды и справедливости, строгую логическую послѣдовательность и ученое направленіе, основанное на изученіи источниковъ. Не даромъ же онъ оставилъ въ своихъ слушателяхъ память человѣка въ высшей степени справедливаго, прямого, искренно и беззавѣтно преданнаго наукѣ.

1.

Изъ статьи „Что такое воспитаніе?“

Если предоставить развитіе человѣка одной природѣ, то при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ оно будетъ весьма медленное. Нельзя полагаться и на то, что человѣкъ самъ себя разовьетъ и образуетъ: въ весьма ограниченной степени воспользуется онъ существующими средствами къ образованію, не имѣя возможности выполнить всѣхъ необходимыхъ къ тому условій. Для полнаго образованія человѣку необходима помощь со стороны уже образованныхъ людей. Эта помощь и есть воспитаніе. Слѣдственно, воспитаніемъ называется сознательное, намѣренное и по опредѣленному плану совершающееся вліяніе образованныхъ людей (воспитателей) на тѣхъ, которые еще не образованы (дѣтей, юношей, воспитанниковъ), состоящее въ томъ, что первые помогаютъ послѣднимъ образоваться. Кромѣ воспитанія, человѣкъ образуется еще и другими средствами; но такое образованіе не слѣдуетъ называть воспитаніемъ, во избѣжаніе смѣшенія разнородныхъ понятій и невѣрныхъ практическихъ выводовъ.

Воспитаніе состоитъ не въ томъ только, чтобы защищать воспитанника отъ всякаго внѣшняго вліянія, уклоняющаго отъ цѣли, къ которой онъ обязанъ стремиться;

также и не въ томъ, чтобы представить дитя, какъ говорится, его собственному развитію, не мѣшая и не позволяя другимъ мѣшать развиваться такъ, какъ указываетъ ему сама природа... Мы совершенно убѣждены, что воспитаніе не можетъ вообще ограничиваться отрицательнымъ дѣйствіемъ, — однимъ устраненіемъ отъ воспитанника всѣхъ вредныхъ вліяній. Напротивъ, отъ воспитателя требуется гораздо больше, — требуется положительное содѣйствіе естественному развитію и образованію воспитанника, направляющее первое къ достиженію послѣдняго... Отклоняйте отъ воспитанника всѣ вредныя вліянія, но въ то же время направляйте его развитіе такъ, чтобы онъ могъ образовать себя въ истинномъ смыслѣ этого слова! Всегда помните, что отрицательная дѣятельность безъ положительной никогда не можетъ привести къ предполагаемой воспитаніемъ цѣли, къ достиженію истинной образованности!..

Но воспитаніе только можетъ содѣйствовать естественному развитію: оно не въ силахъ вложить въ воспитанника способностей, въ которыхъ отказала ему природа. Если въ воспитанникѣ нѣтъ вовсе къ чему-либо естественнаго предрасположенія, нѣтъ никакой способности, что, впрочемъ, бываетъ несравненно рѣже, нежели какъ обыкновенно думаютъ, то воспитателю остается сдѣлать менѣе ощутительнымъ этотъ недостатокъ, усиливъ свое вліяніе на развитіе прочихъ сродныхъ способностей... Если же, какъ это гораздо чаще встрѣчается, какая-либо способность не обнаруживается только потому, что она слаба, то воспитатель можетъ, до извѣстной степени, уничтожить эту слабость, усилить эту способность и, слѣдовательно, заставить ее проявиться: стоитъ только обратить на это особое вниманіе, представить, напр., преподаваемый предметъ съ возможно разнообразныхъ сторонъ, съ новыхъ точекъ зрѣнія.

Вообще воспитаніе должно обнять всего человѣка, какимъ его сотворила природа, а слѣдовательно, дѣйствовать на всѣ его природныя силы, способности и наклонности. Хотя всякое воспитаніе должно начинаться съ физическаго, потому что дитя вначалѣ есть только существо чувственное, и его физическое существованіе совершенно зависитъ

отъ нѣжныхъ непрерывныхъ попеченій воспитателей; но на этомъ воспитаніи останавливаться не должно, потому что тѣло есть только орудіе духа, и что ограничивающійся физическимъ воспитаніемъ воспитываетъ не всего человѣка, а только его животную сторону. Однакоже и при воспитаніи духовной стороны не должно ограничиваться нѣкоторыми только силами, способностями и наклонностями; духъ представляетъ единое цѣлое, при всемъ различіи его особенныхъ направленій; духовныя силы, способности и наклонности находятся между собою въ тѣсной связи и взаимодействіи, такъ что развитіе всѣхъ ихъ равно необходимо для достиженія цѣли образованности.

Всякая односторонность въ духовномъ воспитаніи вредна. Такъ, развитіе умственныхъ способностей, не гармонирующее съ прочими способностями, обыкновенно ведетъ къ холодному эгоизму; чрезмѣрное возбужденіе чувствъ — къ сантиментальности и мечтательности, а одностороннее развитіе воли — къ упрямству или же, напротивъ, къ духовному рабству. Впрочемъ, вполне равномерное образованіе духовныхъ силъ невозможно, вслѣдствіе различія природныхъ способностей и обстоятельствъ жизни; воспитатель долженъ заботиться только о томъ, чтобы условливаемая такими причинами неравномѣрность не препятствовала достиженію человѣческаго предназначенія.

Воспитаніе не должно состоять во внѣшнемъ, механическомъ какъ бы наполненіи воспитанника разными свѣдѣніями, нравственными правилами и т. п.; но и не должно ограничиваться однимъ возбужденіемъ внутреннихъ силъ воспитанника. Есть и теперь много людей, полагающихъ сущность воспитанія въ наполненіи ума и сердца воспитанника тѣмъ, что было бы желательно, чтобы онъ усвоилъ, не обращая вниманія на его самодѣятельность. Всю задачу воспитанія поставляютъ они въ выучкѣ, дрессировкѣ и сообщеніи такъ называемыхъ положительныхъ свѣдѣній, а возбуждать воспитанника ко внутренней самостоятельности считаютъ излишнимъ. Слѣдствіемъ такого воспитанія бываетъ внѣшняя правильность, добропорядочность, легальность, строгое, безусловное повиновеніе авторитетамъ; но

внутреннее духовное образование не можетъ при этомъ развиться... Другіе все искусство воспитателя полагаютъ въ возбужденіи силъ воспитанника къ дѣятельности и развитію... Отъ матеріала требуютъ, слѣдовательно, только того, чтобъ онъ былъ способенъ возбуждать силы воспитанника. Въ оправданіе своего взгляда приводятъ иногда слѣдующее: «Воспитанникъ только можетъ самъ черезъ себя и изъ себя стать тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ быть: природа дала ему всѣ нужныя къ тому силы и способности, а для развитія ихъ необходимо возбужденіе. Итакъ, образование извнѣ во все излишне, если бы оно было и возможно... Многіе воспитатели стараются воспитывать по составленному ими идеалу, не обращая вниманія на особыя способности воспитанника; но опытъ достаточно научаетъ, что этимъ подкапывается въ основѣ своей земное счастье человѣка... Воспитатель, понявшій правильно свое призваніе, будетъ стараться со всевозможнымъ тщаніемъ изслѣдовать особенность природныхъ силъ въ своемъ воспитанникѣ, не будетъ образовывать ихъ извнѣ, но будетъ такъ возбуждать ихъ и такъ руководить ими, чтобы онѣ развились надлежащимъ образомъ, и чтобы ни одно изъ направленій этихъ силъ не имѣло вреднаго перевѣса надъ другими».

Въ этомъ разсужденіи есть много правды, но не все. Полагать, что воспитаніе заключается въ одномъ возбужденіи, значитъ предоставлять воспитанника природѣ и природнымъ его силамъ; а это никогда не приведетъ его къ истинной образованности. Само по себѣ ясно, что безъ сообщенія духовной жизни и образованность невозможна, какъ невозможно питаніе тѣла безъ принятія вещественной пищи. Правильное возбужденіе духовной самодѣятельности невозможно безъ духовной пищи, подобно тому, какъ пищеварительные органы возбуждаются не иначе къ дѣятельности, какъ черезъ принятіе пищи... Какъ тѣло, такъ и духъ, принимая въ себя пищу извнѣ, усваиваютъ ее себѣ, превращаютъ въ свой составъ; какъ пищеварительные органы постепенно дѣлаются способными извлекать изъ грубой пищи питательное вещество, такъ и духъ можетъ и долженъ постепенно, съ помощью воспитанія, изъ образова-

тельныхъ средствъ усвоить себѣ самодѣятельно силу образованности... Кормите же, родители, дѣтей вашихъ здоровою вещественною и духовною пищею, если хотите, чтобы они были здоровы тѣломъ и духомъ! Возбуждайте въ нихъ аппетитъ, но умѣйте и удовлетворять его, не оставляя ихъ голодными. Не забудьте, что все непереваренное и въ желудкѣ и въ умѣ обращается въ гниль, въ ядъ, и потому приспособляйте даваемую дѣтямъ вашимъ пищу къ степени ихъ зрѣлости!

Итакъ, хотя и необходимо возбужденіе силъ воспитанника для того, чтобы могло совершаться естественное развитіе, безъ котораго невозможно образованіе, но въ возбужденіи не состоитъ ни единственная ни даже главнѣйшая задача воспитанія. Она состоитъ въ сообщеніи воспитаннику того, что потребно для его самодѣятельнаго и самостоятельнаго образованія. Это сообщеніе должно быть не механическое, а, такъ сказать, динамическое, потому что воспитанникъ можетъ образоваться только собственными своими усиліями. Онъ не можетъ оставаться тѣмъ, чѣмъ онъ сдѣлался вслѣдствіе естественнаго развитія, или чѣмъ бы онъ сталъ, если бы предоставленъ былъ одному такому развитію; напротивъ, онъ долженъ преобразоваться въ другого человѣка, совлечь съ себя ветхаго человѣка и облектись въ новаго: превратить свою животную природу въ духовную.

Въ этомъ собственно и заключается вся сущность воспитанія... Всякій сообщаемый воспитаннику образовательный элементъ необходимо дѣйствуетъ въ то же время и возбуждительно на воспитанника; ибо тогда только этотъ элементъ и становится образовательнымъ, когда воспитанникъ собственною дѣятельностью превращаетъ его въ свою природу. Образовательные элементы заключаются не только въ свѣдѣніяхъ разнаго рода и въ нравственныхъ правилахъ, необходимыхъ для истинной образованности, но преимущественно во всемъ образѣ мыслей, во всѣхъ чувствованіяхъ и желаніяхъ, согласныхъ съ идеею истинной образованности; всякое познаніе, всякое нравственное правило и всякій согласный съ долгомъ поступокъ превращается для оду-

шевленнаго этою идеею челоуѣка въ образовательный элементъ. Сущность истинной образованности такъ неуловима, что не можетъ быть выражена словами, хотя проявленія ея извѣстны болѣе или менѣе всякому. Она проявляется въ благородствѣ характера, въ твердости убѣжденій, въ живости, свѣжести и теплотѣ чувствованій, логичности ума, въ чистотѣ воли, въ искренней преданности всему прекрасному, истинному и доброму и проч. Но нельзя сказать, чтобъ она была тождественна со всѣми своими проявленіями. Она похожа на благоуханіе цвѣтовъ: мы чувствуемъ всю ея прелесть, но опредѣлить и выразить ее не можемъ. На другихъ она дѣйствуетъ сильно, но не осязательно; она невидима, какъ электрическая искра, потрясающая весь организмъ до тончайшихъ его нервовъ. Эта-то невыразимая словами сущность образованности должна перелиться изъ воспитателя въ воспитанника, давъ ему силу освободиться отъ узъ, налагаемыхъ естественнымъ развитіемъ... Прежде часто было слышно требованіе, чтобы воспитаніе возвратило воспитанника къ природѣ. Такое требованіе, правильно понятое, совершенно согласно съ сущностью воспитанія; но его обыкновенно понимаютъ неправильно, принимая въ смыслѣ противорѣчащемъ сущности воспитанія. Нѣкоторые педагоги, вмѣстѣ съ Руссо, думали, что люди совратились съ настоящаго пути, удалившись отъ природы и предавшись искусственной жизни, и что именно воспитателю принадлежитъ обязанность привести ихъ опять въ естественное, не всѣми, впрочемъ, одинаково понимаемое состояніе. Такой взглядъ ошибоченъ: цѣлью челоуѣческихъ стремленій не можетъ быть такое естественное состояніе, которое противоположно состоянію образованности, необходимому для каждаго челоуѣка. Вмѣсто того, чтобы привести челоуѣка къ естественному состоянію, такое воспитаніе отвело бы его отъ этой цѣли. Челоуѣкъ, какъ членъ внѣшней природы, необходимо подчиненъ ея законамъ: онъ рабъ природы. Но рабомъ онъ не долженъ оставаться: его предназначеніе освободиться отъ рабскихъ оковъ природы и возвыситься къ свободѣ сыновъ Божіихъ. А потому воспитаніе должно прежде всего отстранить челоуѣка отъ природы,

чтобы сдѣлать его образованнымъ. Достигнувши образованности онъ самъ собою возвратится къ природѣ. Не связанный рабски природою, но свободно господствуя надъ нею, онъ тѣмъ болѣе будетъ любоваться ея величіемъ и проникать духовнымъ окомъ въ ея тайнства... Въ этомъ только смыслѣ истинное воспитаніе приводитъ человѣка къ природѣ.

Воспитатель долженъ безпрестанно возбуждать, укрѣплять и усиливать сознательную и свободную дѣятельность воспитанника, такъ чтобы воспитанникъ былъ въ состояніи пріобрѣсть потребныя для самообразованія свѣтлый умъ и твердую волю. Въ этомъ состоитъ самый послѣдній результатъ такъ называемаго формальнаго воспитанія. Коль скоро воспитанникъ достигнетъ этого результата и будетъ въ состояніи самъ продолжать свое образованіе, съ сознаниемъ и съ энергіею—воспитаніе оканчивается... Но одного формальнаго образованія, какъ ни важны его результаты, безъ матеріальнаго недостаточно. Образованность не есть только форма, но она полна и внутренняго содержанія... Образовательный же матеріаль состоитъ въ жизни, основанной на любви, т.-е. на идеяхъ красоты, истины и добра. Воспитанникъ долженъ возбудить теплоту ко всему, въ чемъ выражаются эти идеи... Воспитывайте же, родители, дѣтей вашихъ въ духѣ красоты, истины и добра! Да освѣщаютъ эти божественныя идеи весь путь ихъ земной жизни! Да согрѣваютъ онѣ ихъ умъ и сердце во всѣхъ превратностяхъ судьбы! Да видятъ они въ красотѣ, истинѣ и добрѣ Божество и поклоняются Ему, не творя себѣ кумира и никакого подобія Божія!..

Высшая задача воспитанія есть нравственная. Хотя нравственность преимущественно обнаруживается въ волѣ, но отсюда она разливается и на всю духовную дѣятельность человѣка, на всѣ его жизненныя отношенія. Нравственность, т.-е. согласіе съ идеею добра, можетъ проявляться и въ мышленіи и въ чувствованіи, а не только въ волѣ. Тотъ человѣкъ нравственный въ истинномъ смыслѣ этого слова, кто во всѣхъ чувствованіяхъ, мысляхъ и желаніяхъ, во всемъ, что онъ дѣлаетъ и къ чему стремится, во вся-

комъ званіи и состояніи, во всѣхъ обстоятельствахъ жизни, руководится мыслью, что все это должно ему служить для рѣшенія самой высокой задачи, данной человѣку свыше.

Всякое истинное воспитаніе есть вмѣстѣ и христіанское; истинный воспитатель старается изгнать изъ воспитанника природный эгоизмъ, вложить въ него и возрасти сѣмя любви къ Богу и ближнимъ... Истинное христіанское воспитаніе постоянно направлено къ тому, чтобы сдѣлать человѣка годнымъ для свѣта, для всѣхъ жизненныхъ обстоятельствъ и отношеній, въ которыя онъ будетъ поставленъ по своему званію и состоянію.

Изъ всего сказаннаго о воспитаніи очевидно для всѣхъ и cadaго, какъ важна, велика, трудна его задача. Сдѣлать изъ юноши и дитяти человѣка въ полномъ смыслѣ этого слова; способствовать естественному развитію ихъ нравственной свободы; укрѣпить ихъ волю такъ, чтобы они могли дѣйствовать самостоятельно; изошрить ихъ духовное зрѣніе, чтобы они ясно смотрѣли на жизнь, сознавая задачу ея и стараясь всѣми силами рѣшить ее; посѣять въ душѣ ихъ и возрастить все прекрасное, истинное и доброе; возжечь въ груди ихъ пламенную любовь къ Богу и ближнимъ; ввести ихъ въ свѣтъ здоровыми тѣломъ и духомъ, способными продолжать дальнѣйшее свое образованіе и дѣйствовать для пользы общей и во славу Всевышняго—вотъ черты истинной идеи воспитанія. Кто не согрѣтъ этою идеею, тотъ не можетъ называться воспитателемъ въ истинномъ смыслѣ слова...

Но воспитатель, носящій въ умѣ и сердцѣ своемъ идею воспитанія, обязанъ мало-по-малу знакомить съ нею и самого воспитанника, представляя ее нагляднымъ образомъ, въ идеалахъ. Да будетъ же самъ воспитатель ближайшимъ идеаломъ для своего воспитанника! Но какъ бы ни былъ самъ воспитатель того достоинъ, во всякомъ случаѣ онъ не можетъ проявить въ одномъ себѣ всей идеи.—Проводите же, воспитатели, постоянно предъ воспитанниками вашими тѣ великія и благородныя личности, которыхъ исторія увѣнчала вѣчно зеленѣющимъ вѣнкомъ безсмертія! Соединяйте въ одинъ образъ тѣ отдѣльныя черты изъ жизни

историческихъ людей, которыми каждый изъ нихъ наиболее приблизится къ идеалу! Всего же болѣе старайтесь возбудить воспитанника вашего къ подражанію Тому Высочайшему идеалу, Который призываетъ всѣхъ насъ, да послѣдуемъ стопамъ Его, Который Самъ сказалъ о Себѣ: «Образъ дахъ вамъ, да яко же Азъ сотворилъ вамъ и вы творите...»¹⁾.

2.

О научномъ творествѣ и научныхъ идеалахъ.

Всякое творчество, какъ поэтическое, такъ и практическое и научное, преисполняетъ насъ чѣмъ-то такимъ, что возвышаетъ насъ надъ всѣмъ сотвореннымъ міромъ, что уподобляетъ насъ божеству, когда мы представляемъ его себѣ Творцомъ всего міра, что, поэтому, мы ощущаемъ въ себѣ какъ нѣчто божественное въ этомъ смыслѣ. Но поэтическое творчество не есть вполнѣ сознательное и притомъ есть творчество чего-то недѣйствительнаго, фантастическаго. Творчество практическое можетъ быть творчествомъ сознательнымъ, но не вполнѣ свободнымъ, отъ насъ самихъ только зависящимъ, и хотя оно есть творчество дѣйствительнаго, но такой дѣйствительности, которая обставлена всѣмъ, что переходитъ, что измѣняется. Одно только научное творчество необходимо бываетъ и вполнѣ сознательно и свободно, и всегда есть творчество истинно-дѣйствительнаго, непреходящаго, неизмѣняющагося и необлеченнаго ни во что преходящее, измѣнчивое, ибо содержаніе этой дѣйствительности есть истина, а форма ея не есть ни поэтической образъ фантазіи, вымыселъ, ни практической образъ дѣянія, а есть образъ вполнѣ соответствующій, адекватный истинѣ. А потому никакое творчество не доставляетъ уму человѣческому того несравнимаго ни съ чѣмъ наслажденія, какъ творчество научное, т.-е. добытіе истины для самой истины и въ формѣ истины, добытіе знанія для самого

---

¹⁾ См. «Журналъ воспитанія», 1857 г., томъ I, № 2, стр. 3-я.

знанія и въ формѣ знанія и въ формѣ мысли. Наука и есть единственный органъ такого творчества.

Слѣдовательно, оставаясь вѣрными знамени науки, вы, всякій разъ, когда будете заниматься ею безъ всякихъ внѣшнихъ для нея постороннихъ цѣлей, будете испытывать то неописанное наслажденіе, какое испытываетъ творецъ въ минуту творчества, по мѣрѣ того, какъ вы будете все болѣе дружитья съ наукою и основывать на ней всю свою практическую дѣятельность, осуществляя въ жизни добытыя вами научныя истины и оживляя ими все и въ себѣ и вокругъ себя.

Безъ идеаловъ—не въ смыслѣ заоблачныхъ туманныхъ образовъ, фантазій, а въ смыслѣ послѣднихъ цѣлей всѣхъ стремленій нашей жизни, слѣдовательно, безъ живыхъ идеаловъ жизнь—не жизнь. Безъ идеаловъ невозможна жизнь того свободнаго и разумнаго духовно-тѣлеснаго существа, которое мы называемъ человѣкомъ въ отличіе отъ всѣхъ прочихъ окружающихъ насъ существъ внѣшней природы; возможна только жизнь вегетативная, растительная и животная, а не жизнь истинно человѣческая; поэтому всякій человѣкъ безъ различія невольно и часто даже безсознательно строитъ свои идеалы; при чемъ чѣмъ онъ развитѣе, тѣмъ его идеалы выше.

Безъ научныхъ же идеаловъ невозможна та чистая, безкорыстная любовь къ наукѣ, къ знанію, которою отличается истинно-образованный человѣкъ отъ необразованнаго и полуобразованнаго, истинно-зрѣлый для университета юноша—отъ недозрѣлаго; а вѣдь вы, съ принятіемъ васъ въ университетъ, тѣмъ самымъ признаны зрѣлыми, т.-е. способными къ тому, чтобы быть студентами, способными къ тому, что называется штудированіемъ, изученіемъ науки изъ чистой любви къ ней, по собственному внутреннему побужденію и призванію ¹⁾.

---

¹⁾ Изъ лекціи П. Г. Рѣдкина по исторіи философіи права въ связи съ исторіей философіи вообще. Т. I-й. Спб. 1889 г.

XXIX.

П. Д. Юркевичъ.

Памфилъ Даниловичъ Юркевичъ, сынъ священника м. Липляваго, Золотоношскаго уѣзда, Полтавской губерніи, родился 16 февраля 1826 г. Учился сначала дома, а потомъ въ Переяславскомъ духовномъ училищѣ, въ 1831 г. былъ принятъ въ Переяславскую семинарію. Учился и въ училищѣ и въ семинаріи хорошо: книжныя занятія съ раннихъ лѣтъ сдѣлались его страстью. Любимыми предметами его были латинскій языкъ и математика. По окончаніи курса семинаріи въ 1847 г. Юркевичъ поступилъ въ Кіевскую духовную академію, гдѣ былъ однимъ изъ лучшихъ студентовъ. По окончаніи курса академіи въ 1851 г. ему предложена была должность преподавателя философскихъ наукъ.

Въ 1860 г. появился его философскій этюдъ „Изъ науки о человѣческомъ духѣ“, направленный противъ ученія матеріализма. Этюдъ этотъ обратилъ на автора вниманіе людей науки. Вскорѣ послѣ этого послѣдовало приглашеніе отъ Московскаго университета занять кафедру философіи.

Въ Москвѣ на новомъ мѣстѣ и среди новыхъ знакомыхъ Юркевичъ сохранилъ и любовь, и привязанность, и уваженіе къ старой академіи и въ разговорахъ открыто заявлялъ, что академія развила въ немъ любовь къ философіи и положила твердыя и прочныя основы этой науки.

Къ лекціямъ Юркевичъ всегда готовился и готовился добросовѣстно. Въ 1872 и 1873 гг. онъ уже страдалъ и отъ семейнаго горя (болѣзнь жены) и отъ собственныхъ болѣзней; но при всемъ томъ не разставался съ книгами и очень огорчался, что хлопоты и болѣзни отвлекаютъ его отъ научныхъ занятій. Лекціи его излагались языкомъ свободнымъ, изящнымъ и устно, т.-е. „не чтеніемъ по тетради“. Преданный всей душой философскимъ занятіямъ, Юркевичъ относился съ любовью, уваженіемъ и теплымъ участіемъ и къ тѣмъ юношамъ, въ которыхъ замѣчались способности и призваніе къ наукѣ. Для такихъ юношей онъ былъ учителемъ и другомъ: охотно принималъ ихъ у себя въ кабинетѣ, велъ продолжительныя бесѣды, честно и добросовѣстно давалъ совѣты. По

заявленію современниковъ, на первыхъ порахъ въ Москвѣ было трудновато для П. Д. Юркевича. Предубѣжденное противъ философіи юношество часто наскучало ему неумѣстными, наивными, а нерѣдко и вздорными возраженіями. Юркевичъ выслушивалъ возраженія серьезно и съ разумною сдержанностью оспаривалъ ихъ порою курьезные доводы.

Болѣзнь жены и усиленныя занятія подорвали здоровье Юркевича, осенью 1873 г. онъ слегъ въ постель, долго болѣлъ и послѣ этого не могъ оправиться. Онъ скончался 4 октября 1874 г., погребенъ въ Москвѣ, въ Даниловомъ монастырѣ.

Будучи еще въ Кіевѣ профессоромъ академіи, Юркевичъ къ изученію философіи присоединилъ изученіе педагогики. И вскорѣ педагогика, наравнѣ съ логикой и психологіей, сдѣлалась для него существенною частью философіи и однимъ изъ любимѣйшихъ предметовъ его занятій. Въ Москвѣ Юркевичъ нѣсколько лѣтъ преподавалъ педагогикѣ въ учительской семинаріи военнаго вѣдомства.

Важнѣйшія изъ педагогическихъ работъ Юркевича: „Чтенія о воспитаніи“. Большой трудъ въ 272 стр. in 8°, 1865 г., и „Курсъ общей педагогики съ приложеніями“. Капитальное сочиненіе 404 стр. in 8°, Москва. 1869 г. „Идеи и факты изъ исторіи педагогики“. По поводу сочиненія Модзалевскаго. „Очеркъ исторіи воспитанія и обученія“. („Журн. Мин. Н. Пр.“, 1870 г.). „Планъ и силы первоначальной школы“ (ib., 1870 г.), „Будущность звуковой методы“ (ib., 1872 г.)¹⁾.

1.

Идеи и силы.

Изслѣдованіе зыбкаго понятія гуманность мы начали указаніемъ на вѣчные и общегодные образцы челоуѣчности и кончили указаніемъ на непосредственную дѣйствительность, которая и съ своей стороны должна опредѣлять высшую цѣль воспитанія. Въ самомъ дѣлѣ, высшую цѣль воспитанія постигаетъ всестороннимъ образомъ только таковой воспитатель, который одинаково строго вдумывается и

---

1) Подр. въ біогр. Юркевича. Ж. „Гимназія“, 1888 г.

въ назначеніе человѣка и въ факты его земной, измѣнчивой жизни. Человѣкъ есть предметъ вѣчнаго образованія Божія—это основное убѣжденіе; и когда оно слабо, или когда оно исчезло изъ сознанія воспитателя, то никакія требованія гуманности не охраняютъ его отъ склонности разсматривать воспитанника, какъ средство для какихъ-нибудь частныхъ интересовъ касты, сословія, общества, культуры и т. д. Стремленіе христіанской педагогики запечатлѣть личность воспитанника чертами безсмертія, которыя суть мудрость и любовь, правда и святость, измельчаетъ до простой заботливости воспитать порядочнаго и благоумнаго человѣка, но для осуществленія и идей нужны силы: итакъ, воспитаніе должно усилить юный духъ, укрѣпить и вооружить его на разнообразную жизненную борьбу, которую выдерживать предстоитъ ему. Высшее направленіе жизни безъ соотвѣтствующихъ ему силъ рождаетъ въ духѣ мучительную жажду Тантала. Большія силы безъ высшаго направленія образуютъ Антея, который дѣлается совершенно немощень, когда отдѣляется отъ земли. Здѣсь мы видимъ уже, что искусство воспитанія есть вмѣстѣ эстетическое и практическое.

Но если эстетическое искусство не имѣетъ никакого отношенія ко времени—оно воплощаетъ вѣчную идею; то искусство практическое имѣетъ свою цѣль въ будущемъ. Между тѣмъ будущности воспитанника мы не знаемъ. Не знаемъ мы того жизненнаго поприща, которое изберетъ онъ, и которое потребуетъ отъ него особенныхъ силъ и способностей. Тѣмъ не менѣе, воспитаніе заботится о будущности воспитанника. Какъ можно это? Воспитаніе образуетъ человѣка такъ, чтобы онъ былъ уготованъ на всякое благое дѣло. Отсюда ближайшая и осязательнѣйшая задача воспитанія состоитъ въ равномерномъ развитіи всѣхъ силъ воспитанника. Можетъ быть было бы основательнѣе сказать: въ справедливомъ развитіи, потому что каждая изъ силъ должна быть развиваема до такой степени совершенства, на которой она соотвѣтствуетъ цѣлостной идеѣ человѣческаго назначенія. Гимнастика должна укрѣпить тѣло, но не образовать атлета. Привычки должны внести въ душев-

ную жизнь покой и порядокъ, но не расположить къ рутинѣ. Воображеніе должно быть подвижнымъ и жизненнымъ, но не разнузданнымъ. Страсти должны быть подавляемы, но не для того, чтобы уступить мѣсто апатіи и т. д. По мѣрѣ того, какъ достигается равномерное или справедливое развитіе всѣхъ силъ, воспитанникъ пріобрѣтаетъ способность избирать лучшія цѣли и избирать съ свободою, которая не стѣснена односторонностью воспитанія. Судьба воспитанника въ будущемъ зависитъ отъ того, 1) что онъ знаетъ, 2) что онъ любитъ и 3) что онъ можетъ. Поэтому ученіе о цѣли воспитанія можно сократить въ слѣдующее выраженіе: воспитывай такъ, чтобы воспитанникъ, когда онъ придетъ въ зрѣлый возрастъ, нашелъ или засталъ самого себя 1) знающимъ доброе, 2) любящимъ доброе и 3) имѣющимъ силы совершать доброе. Это доброе, которое мы познаемъ изъ совѣсти и изъ божественнаго откровенія, воплощено также въ трехъ существенныхъ и постоянныхъ формахъ человѣческой жизни: въ семействѣ, въ церкви и въ государствѣ. Самыя возвышенныя наши обязанности относятся къ этимъ тремъ союзамъ; поэтому воспитаніе должно идти въ такомъ направленіи, чтобы воспитанникъ, по достиженіи зрѣлости, нашелъ себя способнымъ къ исполненію своего долга въ церкви, въ государствѣ и въ семействѣ.

2.

Нравственная личность воспитателя.

Два существенныя свойства должны отличать ее: авторитетъ и любовь. Безъ этихъ свойствъ всѣ воспитательныя мѣры будутъ сопряжены съ насиліемъ и не будутъ встрѣчать со стороны дѣтей добровольнаго послушанія, а это значитъ, что онѣ теряютъ свою воспитательную силу. Авторитетъ самъ собою покоряетъ воспитателю дѣтскую волю и удерживаетъ ее отъ беспорядочныхъ движеній. Въ дѣтскихъ сердцахъ авторитету воспитателя соответствуетъ уваженіе и довѣріе къ нему, къ его наставленіямъ и совѣтамъ. Пріобрѣтается авторитетъ превосходствомъ разума и воли и открывается въ послѣдовательности, строгой закон-

ности и справедливости дѣйствій. Воспитаніе дѣлается невозможнымъ, когда дѣти глядятъ на своего воспитателя критическимъ взоромъ, когда воспитатель дѣлаетъ легко замѣчаемыя ошибки, противорѣчитъ самому себѣ, то опровергается опытами, то собственными поступками, когда его нерѣшительная воля дѣлаетъ слово его не довольно твердымъ и честнымъ, чтобы оно производило сильное впечатлѣніе на дѣтей, особенно же, когда вмѣсто разумной воли онъ слѣдуетъ капризу и прихоти. Наконецъ воспитатель положительно развращаетъ дѣтей, когда изъ мнѣнія ихъ дѣлаетъ правило своей дѣятельности, или когда не онъ для нихъ, но они для него авторитетъ. Но если воспитатель такъ счастливъ, что онъ имѣетъ полный авторитетъ предъ своими воспитанниками, то, съ другой стороны, онъ не всегда и не вездѣ долженъ пользоваться всѣми средствами своего авторитета. Въ его лицѣ дѣти видятъ образецъ для своихъ убѣжденій и для своей воли. Они вѣрятъ въ истину, потому что вѣрятъ наставнику, который вѣритъ въ эту истину. Однакоже впоследствии они должны вѣрить въ истину и непосредственно или на основаніи личныхъ опытовъ и личныхъ познаній. Они должны и сами испытывать, что истинно и что ложно, должны дѣлать пробу свободныхъ сужденій и свободныхъ поступковъ. При надлежащемъ воспитаніи этимъ предполагается, что дѣти имѣютъ опредѣленный кругъ свободныхъ занятій и дѣйствій, и что воспитатель не входитъ въ этотъ кругъ съ своимъ авторитетомъ, который сразу смѣнилъ бы свободное развитіе дѣтской жизни движеніемъ ея по готовымъ образцамъ, какіе находятся въ мнѣніяхъ и дѣйствіяхъ воспитателя. Итакъ, должно знать надлежащую мѣру, чтобы не во всемъ наставлять, не во всемъ руководить, не для всѣхъ случаевъ предписывать правила. Чѣмъ охотнѣе дѣти повинуются, тѣмъ болѣе слѣдуетъ предоставлять имъ свободы.

Эту мѣру безъ труда находитъ воспитатель, который имѣетъ любовь къ воспитанникамъ. Какъ мы любимъ Бога, потому что Богъ напередъ возлюбилъ насъ, такъ и воспитатель, который любитъ дѣтей, будетъ любимъ ими. Этотъ

союзъ чрезвычайно облегчаетъ задачу воспитанія. Дѣти, для которыхъ воспитатель есть авторитетъ, и которыя любятъ его, видятъ въ немъ образецъ или идеаль и желаютъ подняться до него; воспитатель же, который любитъ дѣтей, хочетъ поднять ихъ до того образца или до того идеала, который для него самого служитъ авторитетомъ. Но любовь основывается первѣе всего на согласіи ощущеній, и въ этой формѣ существуетъ она между матерью и дѣтьми. Воспитатель, который относится къ воспитанникамъ издали, держитъ себя высоко, всегда говоритъ съ ними въ тонѣ важномъ и чинно, и у котораго правильность дѣйствій доходитъ до мелочного педантизма, безъ сомнѣнія, не пріобрѣтетъ любви воспитанниковъ. Также не привязываетъ къ себѣ дѣтскихъ симпатій воспитатель, склонный къ фамильярности и какъ бы заискивающей у дѣтей; дѣти видятъ въ немъ своего брата, и онъ даетъ себя чувствовать не столько какъ другъ дѣтей, сколько какъ другъ для пошлостей. Но то, что въ своемъ братѣ дѣти извиняютъ, въ учителѣ они презираютъ. Учитель, какъ родная мать, имѣетъ нравственныя средства, чтобы привязать къ себѣ сердца дѣтей. Ласковость въ обращеніи, участіе въ личныхъ радостяхъ или печальныхъ состояніяхъ дѣтей, частныя, хотя бы и незначительныя благодѣянія, которыя оказывать дѣтямъ воспитатель имѣетъ безчисленные поводы, терпѣливость при занятіи съ ними, свѣтлый тонъ всего поведенія, живыя и изящныя формы дѣла и слова—это общеизвѣстныя, но въ своей совмѣстности очень сильныя средства для возбужденія дѣтскихъ симпатій и привязанностей.

Гдѣ нѣтъ авторитета и любви, тамъ происходитъ общество, котораго члены не имѣютъ другъ для друга никакого значенія и въ которомъ сила, съ одной стороны, и хитрость, съ другой, замѣняютъ чистый и плодотворный союзъ, основанный на внутреннихъ нравственныхъ началахъ. Если спросить вообще, на чемъ основывается моральная связь между людьми, то, за исключеніемъ идеи права, она можетъ основываться 1) на согласіи ощущеній, 2) на личномъ достоинствѣ, 3) на благодѣянніи. Изъ перваго источника происходятъ симпатіи, состраданіе, чувства товари-

щества. Личное достоинство вызываетъ уваженіе и довѣріе. Благодареніе вызываетъ благодарность, преданность. Всѣ три формы моральнаго союза должны быть осуществлены въ отношеніяхъ воспитателя къ воспитанникамъ; дѣти любятъ воспитателя, они послушны ему и благодарны ему— въ этихъ трехъ видахъ союза данъ весь моральный духъ, какой только здѣсь возможенъ.

3.

Дисциплинарныя правила.

Нравственныя формы внѣшней жизни должны быть опредѣляемы правилами потому, что онѣ не вытекаютъ сами собою изъ внутренней жизни, какъ бы послѣдняя ни была богата нравственнымъ содержаніемъ. Есть условныя выраженія приличія, вѣжливости, почтительности. Отсутствіе этихъ выраженій въ воспитанникѣ еще ничего не говоритъ противъ него, но говоритъ много противъ воспитателя. Даже уваженіе къ мѣсту имѣетъ свое условное выраженіе, на примѣръ, вступая въ комнату, снимать шляпу. Отвѣчать учителю слѣдуетъ поднявшись съ мѣста, держа себя спокойно, не позволяя играть пальцами рукъ и т. д. Воспитатель долженъ дисциплинировать взоръ и голосъ ученика. Добрый обычай давать воспитанникамъ форменное одѣяніе не у всѣхъ пользуется заслуженнымъ уваженіемъ. Онъ дисциплинируетъ воспитанника относительно произвольнаго выбора одежды, при которомъ одинаково возможны безвкусіе, неряшество и страсть къ щегольству. Полезно въ нравственномъ отношеніи, чтобы дѣти сознавали и даже видѣли себя равными, далѣе, чтобы самая ихъ наружность напоминала имъ о ихъ призваніи, и чтобы другіе сразу узнавали въ нихъ также воспитанниковъ, и такимъ образомъ имѣли бы легкую возможность поставятъ себя въ правильное воспитательное отношеніе къ нимъ. Семья воспитанниковъ должна имѣть одинъ и тотъ же духъ и составлять нравственную корпорацію, которой свойственны опредѣленныя наружныя отличія, не позволяющія членамъ ея исчезать безслѣдно въ каждой случайной толпѣ. Во

всякомъ случаѣ, съ неряшествомъ и съ неприличіемъ въ одеждѣ воспитанниковъ долженъ воспитатель вести открытую войну, потому что это зло больше, нежели какъ обыкновенно думаютъ о немъ.

Нѣтъ нужды писать правила дисциплины и вывѣшивать ихъ на стѣнѣ къ свѣдѣнію воспитанниковъ (подобныя мѣры полезны на публичныхъ гуляньяхъ, въ садахъ или на бульварахъ). Одно это обстоятельство сообщило бы правиламъ значеніе стѣсняющаго формализма, который совершенно исчезаетъ, когда правила выражаются живымъ словомъ воспитателя. Еще хуже было бы вывѣшивать на стѣнѣ и каталогъ взысканій за нарушеніе правилъ. Ученикъ, такимъ образомъ, приглядывался бы къ нимъ, когда въ этомъ нѣтъ надобности, и на досугѣ онъ принималъ бы въ своей головѣ мѣры противъ нихъ. Въ обоихъ случаяхъ живое лицо воспитателя потеряло бы то значеніе, которое принадлежитъ ему, какъ законодателю дѣтской общины и по силѣ котораго онъ, не стѣняясь формами прежняго порядка, приспособляетъ свое законодательство къ состояніямъ своихъ воспитанниковъ.

4.

Н а с т а в л е н і е .

Нерѣдко преподаватели или учителя называются наставниками. Этимъ выражается совершенно вѣрный педагогическій взглядъ, что при сообщеніи свѣдѣній учитель не долженъ отрѣшаться отъ личности ученика, но что онъ долженъ имѣть въ виду всю его жизнь, которая такъ нуждается въ руководствѣ и въ правилахъ опытности. Человѣкъ призванъ жить подъ правилами, потому что иначе онъ былъ бы игра и жертва случая. Но невозможно и представить себѣ такое естественное развитіе, чтобы дитя познавало правила жизни единственно изъ своей собственной опытности. Оно созрѣваетъ подъ наставленіями столь непрерывными, что оно даже и не замѣчаетъ ихъ въ качествѣ наставленій. Изъ наставленій оно знакомится съ нравственнымъ характеромъ своего поступка, съ его буду-

щими послѣдствіями, съ лучшими средствами достигнуть доброй цѣли или преодолѣть затрудненіе и съ искусствомъ правильно обращаться съ людьми и вещами. Въ системѣ воспитанія наставленіе играетъ такую же роль, какъ дыханіе въ системѣ нашей тѣлесной жизни. Но отсюда слѣдуетъ, что оно должно быть такъ же естественно и, если можно, такъ же чувствительно, какъ дыханіе. Наставленіе не относится къ чему-нибудь совершенно новому — это было бы обученіе. Наставникъ не противопоставляетъ себя воспитаннику, какъ знающій незнающему, и не держитъ себя вдали отъ него; между учителемъ и ученикомъ отношеніе можетъ быть отдаленное, между наставникомъ и воспитанникомъ оно всегда должно быть близкое. Наставленіе должно дѣйствовать на душу, какъ увеличеніе свѣта дѣйствуетъ на глазъ, котораго дѣятельность была передъ этимъ задержана темнотою мѣста. Поэтому тонъ наставленія измѣняется съ измѣненіемъ состояній воспитанника. Для сердца, потрясеннаго печалью или величественнымъ зрѣлищемъ, естественно наставленіе, выражаемое въ тонѣ сочувственномъ или вдохновенномъ. Вѣдь большею частью всѣ наши наставленія умны, но весьма немногія изъ нихъ кстати. Иной тонъ должны принимать наставленія при играхъ, иной — при серьезныхъ занятіяхъ; иначе должны быть выражаемы они при случаяхъ ежедневныхъ и иначе при случаяхъ исключительныхъ. Тотъ неспособенъ давать наставленія, кто самъ живетъ только сочиненнымъ и вычитаннымъ; потому что въ наставленіи предполагается какое-нибудь совершенно индивидуальное обстоятельство, овладѣвать которымъ можетъ только живой человѣкъ. Всего хуже, если наставленіе замѣняется чтеніемъ общихъ мѣстъ морали и длинными поученіями, которыя притупляютъ воспріимчивость дѣтей къ движеніямъ нравственной жизни.

Посредствомъ наставленій воспитатель дѣлается спутникомъ воспитанника. Воспитанникъ созрѣваетъ не иначе, какъ дѣлая непрестанные опыты въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ. Наставленіе, съ одной стороны, наводитъ воспитанника на эти опыты, съ другой — содѣйствуетъ тому, чтобы эти опыты обратились въ прочную собственность его

духа. Для этой цѣли опыты истолковываются, поясняются, сближаются съ опытами прежняго времени или пополняются указаніемъ на опыты другихъ людей. Подъ этими условіями личные опыты воспитанника имѣютъ на него сильное образовательное вліяніе, и слѣдовательно, подъ этими же условіями нужно предоставлять воспитаннику просторъ для дѣланія опытовъ. Дѣти дикарей, предоставленныя самимъ себѣ, пріобрѣтаютъ только грубую опытность относительно своихъ фѣзическихъ силъ и способностей самосохраненія. Между событіями, которыя дитя переживаетъ, и ихъ истолкованіемъ въ смыслѣ моральныхъ идей разстояніе чрезвычайно велико, и дитя можетъ пройти это разстояніе только при помощи наставленія.

Наставленіе служитъ для поддержанія дисциплины и для успѣховъ обученія. Часто дѣти совершаютъ безпорядочныя дѣйствія, потому что не имѣютъ достаточной находчивости, чтобы предаться дѣйствіямъ дозволеннымъ, которыя притомъ же могутъ быть и пріятнѣе первыхъ. Часто безуспѣшность при обученіи зависитъ отъ неумѣнья воспитанника взяться за дѣло съ надлежащей стороны. Наставленіе, сдѣланное кстати, уничтожаетъ то и другое зло. Но всего естественнѣе оказывается оно при надзорѣ и обученіи. Въ послѣднемъ случаѣ оно сосредоточиваетъ вниманіе учениковъ на какомъ-нибудь фактѣ, примѣрѣ, мнѣніи или событіи, давая имъ видѣть, какъ это близко и важно для ихъ собственной жизни. Обученіе сообщаетъ свѣтъ для разума, но въ соединеніи съ наставленіемъ оно дѣлается зеркаломъ для личности. При обученіи Закону Божію, исторіи священной и отечественной случаи, дѣлающіе умѣстнымъ наставленіе, представляются сами собою. Наставленіе получаетъ при этомъ свою силу отъ связи съ тѣмъ важнымъ предметомъ, къ которому относилось обученіе. Только бы учитель самъ былъ сосредоточенъ, чтобы не позволять себѣ скучныхъ повтореній и не ослаблять многорѣчіемъ или равнодушіемъ той силы, которая исходитъ отъ предмета обученія.

XXX.

К. Д. УШИНСКІЙ.

Константинъ Дмитріевичъ Ушинскій родился въ г. Тулѣ, въ 1824 г. Родители его были люди образованные и достаточные. Отецъ его сначала служилъ въ военной службѣ, потомъ вышелъ въ отставку и поступилъ уѣзднымъ судьей въ Новгородъ-Сѣверскомъ, Черниговской губерніи, гдѣ и жилъ постоянно въ своей подгородной деревнѣ, въ барскомъ домѣ, съ прекрасной библіотекой и обширнымъ садомъ. Въ своей хорошей семьѣ Ушинскій и получилъ, вѣроятно, то нѣсколько розовое, идеальное отношеніе къ русской семьѣ, которое проглядываетъ въ его статьяхъ. Тамъ же развилась въ немъ любовь къ деревнѣ, природѣ и народу. Въ 1835 г. семья Ушинскаго переселилась въ Новгородъ-Сѣверскъ, и Константина Дмитріевича отдали въ 3-й классъ мѣстной гимназіи. Судьба и тутъ ему улыбнулась. Гимназія оказалась одною изъ лучшихъ, имѣя директоромъ стараго профессора и педагога, извѣстнаго И. Ѳ. Тимковскаго. Тимковскій своей искренней любовью къ Библии, наукѣ и классической литературѣ сумѣлъ вселить въ учащихся высокое религіозное чувство и уваженіе къ наукѣ, и на всю жизнь оставилъ слѣдъ въ душѣ Ушинскаго.

Изъ гимназіи Ушинскій вынесъ основательное знаніе нѣмецкаго языка, любовь къ литературѣ и въ частности къ Шиллеру. Живя же за городомъ, среди прекрасной природы, онъ искренно полюбилъ ее и на всю жизнь сохранилъ эту любовь къ ней.

Въ 1840 г. Ушинскій выдержалъ вступительный экзаменъ въ Московскій университетъ и поступилъ на юридическій факультетъ. Во время студенчества Ушинскій поражалъ своихъ товарищей большою памятью, необыкновенными способностями и чрезвычайно быстрымъ усвоеніемъ самыхъ трудныхъ философскихъ и юридическихъ теорій. Онъ окончилъ курсъ въ 1844 г. вторымъ кандидатомъ правъ и былъ посланъ профессоромъ Ярославскаго Демидовскаго лицея по кафедрѣ энциклопедіи законовѣдѣнія, государственнаго права и науки финансовъ.

Въ лицейѣ Ушинскій прекрасно читалъ лекціи и много работалъ по государственному праву.

Въ 1850 г. Ушинскій вышелъ въ отставку и, женившись на Н. С. Дорошенко, поселился въ С.-Петербургѣ, гдѣ сначала служилъ въ Департаментѣ иностранныхъ исповѣданій, свободное же время посвящалъ философіи, англійскому языку и интересовался землевѣдѣніемъ Карла Риттера. Съ 1852 г. началъ сотрудничать въ журналѣ „Современникъ“, а съ 1854 г. въ „Библіотекѣ для Чтенія“. Масса срочной работы, переводной и компилятивной, притомъ дурно оплачиваемой, едва въ конецъ не разстроила и безъ того слабое здоровье Ушинскаго.

Въ 1855 г. онъ получилъ мѣсто преподавателя словесности, а вскорѣ и инспектора Гатчинскаго сиротскаго института. Здѣсь-то Ушинскій съ ревностью принимается за изученіе обширной педагогической литературы и съ этого времени почти исключительно начинаетъ писать педагогическія статьи въ „Библіотекѣ для Чтенія“, а потомъ въ журналѣ „Воспитаніе“ Чумикова.

Улучшенія, сдѣланныя Ушинскимъ въ Гатчинскомъ институтѣ, обратили на него вниманіе начальства, и въ 1859 г. онъ получаетъ мѣсто инспектора классовъ обоихъ отдѣленій Смольнаго института, которое и занималъ до 1862 г.

Съ половины 1860 г. до ноября 1861 г. былъ редакторомъ „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія“, гдѣ помѣстилъ рядъ педагогическихъ статей¹⁾.

Въ 1861 г. издалъ „Дѣтскій Міръ“ хрестоматію, который вскорѣ сдѣлался необходимою классною книгою во многихъ средне-учебныхъ заведеніяхъ. Въ 1861 г. Ушинскій былъ причисленъ къ Ученому Комитету Мин. Нар. Просвѣщенія и командированъ за границу съ ученою и педагогическою цѣлью.

Съ 1862 г. по 1867 г. Ушинскій жилъ за границей, пріѣзжая въ Россію для лѣченія кумысомъ и для изданія своихъ книгъ. Въ 1864 г. онъ издалъ „Родное Слово“ 2 книжки, съ приложеніемъ руководства къ преподаванію по „Родному Слову“. „Родное Слово“, какъ извѣстно, имѣло и имѣетъ громадное распространеніе въ русскомъ обществѣ и школахъ. 3-я книжка „Родного Слова“, тоже съ Руководствомъ, вышла въ 1870 г.

За границей же (въ Швейцаріи) Ушинскій занимался изученіемъ организаціи народныхъ школъ, учительскихъ семинарій и жен-

1) «Трудъ въ его психическомъ и воспитательномъ значеніи», «Проектъ учительской семинаріи», «Родное Слово» и др.

скихъ училищъ и подготовлялъ свой капитальный трудъ, составляющій цѣнный вкладъ въ русскую серьезную педагогическую литературу. Въ концѣ 1867 г. онъ выпустилъ I томъ „Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія. Опытъ педагогической антропологии“, а въ 1869 г. и второй томъ. Третій томъ остался только въ черновыхъ наброскахъ.

Въ 1870 г. Ушинскаго поразило большое горе (внезапная смерть горячо любимаго сына), послѣ котораго онъ получилъ кровохарканье, болѣлъ недолго и скончался 21 декабря 1870 г.

Педагогическіе труды К. Д. Ушинскаго заслуживаютъ высокой похвалы и гораздо большаго вниманія, чѣмъ какое имъ удѣлялось до сихъ поръ. Они все еще ждутъ серьезнаго изслѣдователя.

На первомъ планѣ мы ставимъ, конечно, его „Опытъ педагогической антропологии“. Это результатъ усиленной пятилѣтней работы, во время которой Ушинскій перечиталъ и изучилъ многихъ древнихъ и новыхъ философовъ и педагоговъ. „Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія“ представляетъ выдающуюся популярную философскую и антропологическую энциклопедію. Онъ подводитъ итогъ всего замѣчательнаго въ области западно-европейской мысли.

Другая громадная педагогическая заслуга Ушинскаго заключается въ созданіи „Родного Слова“. Уже читая его педагогическую статью подъ тѣмъ же заглавіемъ, читатели видятъ, какимъ убѣжденнымъ почитателемъ родного слова является Ушинскій и неудивительно, что въ виду великаго значенія родного слова, онъ ставитъ его центромъ преподаванія.

Изъ педагогическихъ статей Ушинскаго заслуживаютъ особеннаго вниманія: „О народности въ общественномъ воспитаніи“, дающая блестящія характеристики воспитанія нѣмецкаго, англійскаго, французскаго и сѣверо-американскаго и твердо проводящая мысль, что истинное воспитаніе должно быть національнымъ, затѣмъ „Трудъ въ его психическомъ и воспитательномъ значеніи“, составляющая какъ бы profession de foi автора и проводящая ту мысль, что „трудъ сдѣлался довершителемъ законовъ человѣческой природы и необходимымъ условіемъ его тѣлеснаго, нравственнаго и умственнаго совершенствованія, что матеріальные плоды трудовъ составляютъ человѣческое достояніе, но

только внутренняя, духовная, животворная сила труда служить источником человеческого достоинства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нравственности и счастья“.

Въ статьѣ „О нравственномъ элементѣ въ русскомъ воспитаніи“ Ушинскій смѣло высказываетъ убѣжденіе, „что вліяніе нравственное составляетъ главную задачу воспитанія, гораздо болѣе важную, чѣмъ развитіе ума вообще, наполненіе головы познаніями и разъясненіе каждому его личныхъ интересовъ“. (Собр. пед. соч., стр. 225.)

Въ „Педагогической поѣздкѣ по Швейцаріи“ Ушинскій знакомитъ русскихъ читателей съ устройствомъ швейцарскихъ семинарій и народныхъ школъ. Помимо религіи и науки Ушинскій не допускалъ ни возможности истиннаго просвѣщенія Россіи, ни совершенствованія русской школы, ни процвѣтанія русской семьи.

Онъ, можно сказать, оживилъ русскую педагогическую литературу, имѣвшую и прежде серьезныя работы, но забытую и мало кому извѣстную, вдохнулъ въ нее жизнь и привлекъ къ ней вниманіе широкой публики. Въ этомъ его несомнѣнная и большая заслуга.

1.

Изъ статьи „О народности въ общественномъ воспитаніи“.

Системы общественнаго воспитанія у всѣхъ европейскихъ народовъ представляютъ, при первомъ взглядѣ на нихъ, большое сходство, не только въ предметахъ ученья, которые вездѣ одни и тѣ же, но даже въ самой организаціи учебныхъ заведеній, дидактическихъ приѣмахъ и законахъ школьной дисциплины. Это сходство прежде всего, конечно, зависитъ отъ той разумности воспитательныхъ мѣръ, которая опредѣляется болѣе или менѣе общею для всѣхъ народовъ цѣлью воспитанія и единствомъ психологическихъ законовъ, вездѣ служащихъ основою для всякой воспитательной дѣятельности. Но нетрудно замѣтить, что не всѣ черты этого сходства могутъ быть объяснены разумностью, и что многія изъ нихъ указываютъ на историческое единство происхожденія педагогическихъ системъ Европы. И

въ самомъ дѣлѣ, обращаясь къ исторіи, мы видимъ, что всѣ эти разнородныя системы—вѣтки одного могучаго растенія, сѣмя котораго было посѣяно общею для всѣхъ христіанскою Церковью...

Классицизмъ, общее европейское наслѣдіе, и христіанство, перешедшее въ духовную жизнь новой Европы черезъ посредство Рима и Византіи, двухъ великихъ педагоговъ всѣхъ среднихъ вѣковъ, составили однообразную основу общественнаго образованія для всѣхъ европейскихъ народовъ.

Съ наступленіемъ новой исторіи все измѣняется. На мѣсто племени выступаетъ государство. Римская Церковь, рыцарство, монашескіе ордена и схоластика должны были уступить мѣсто новой европейской жизни, устремившейся къ образованію государственнаго начала, а вмѣстѣ съ тѣмъ отдѣльныхъ государствъ и отдѣльныхъ государственныхъ національностей. До начала новой исторіи, которая совпадаетъ съ возрожденіемъ классицизма, самое понятіе о народѣ существовало только въ видѣ понятія о племени. «Феодальныя учрежденія скрывали за собою понятіе объ отечествѣ,—говоритъ г. Токвиль:—самое слово отечество не встрѣчается у французскихъ писателей до шестнадцатаго вѣка» ¹⁾. Но съ этого времени средневѣковыя дѣленія уступаютъ мѣсто дѣленію на великія нравственныя существа—государства и народы, и классическое понятіе о любви къ отечеству, скрывавшееся прежде въ сердцахъ людей за любовью къ своей общинѣ, къ своему сословію, къ своему знанію, снова возрождается и выступаетъ на первый планъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и общественное образованіе также подчинилось общему закону дѣленія по государствамъ и народамъ. Оно не могло уже бороться съ государственнымъ и народнымъ началомъ, какъ боролось прежде съ племеннымъ различіемъ, составлявшимъ характеристику среднихъ вѣковъ. Все пало предъ государствомъ, и вся жизнь Европы заключилась внутри государствъ, подчиняясь въ каждомъ изъ нихъ своему особенному развитію. Народное воспитаніе

---

¹⁾ De la Démocratie en Amérique. Deuxième partie, tome II, p. 113.

подверглось общей участи; одна только наука осталась общею для всѣхъ народностей.

Но, тѣмъ не менѣе, остатки прежняго единства общественнаго образованія Европы сохранились и до сихъ поръ. Классическіе языки, классическіе писатели и до сихъ поръ составляютъ основу воспитанія всѣхъ европейскихъ народовъ, и новѣйшая педагогика, несмотря на множество педагогическихъ системъ, смѣнявшихъ другъ друга, не рѣшилась оторваться отъ этой основы. Классическая древность и до сихъ поръ повсюду оказывается необходимою, не только по содержанию своему, но и по той развивающей и укрѣпляющей разсудокъ силѣ, которую оказываетъ ея изученіе. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи европейская педагогика не изобрѣла еще ничего, чѣмъ бы можно было замѣнить классицизмъ.

Но не одинъ классицизмъ напоминаетъ въ системахъ общественнаго образованія европейскихъ народовъ ихъ общее средневѣковое происхожденіе. Въ школьномъ устройствѣ, въ школьной дисциплинѣ, въ раздѣленіи наукъ, въ названіяхъ множества предметовъ школьнаго міра, даже въ самомъ названіи школа, общемъ для всѣхъ европейскихъ народовъ, мы встрѣчаемъ повсюду разорванные куски средневѣковой схоластики. И къ намъ проникла она черезъ посредство Польши и Кіевской академіи.

Сдѣлавшись однимъ изъ элементовъ государственной и народной жизни, общественное воспитаніе пошло у каждаго народа своимъ особеннымъ путемъ, и въ настоящее время каждый европейскій народъ имѣетъ свою особую характеристическую систему воспитанія. Внѣшнее сходство, о которомъ мы говорили, недолго можетъ вводить въ заблужденіе внимательнаго наблюдателя, и онъ скоро убѣдится, что въ каждой странѣ, подъ общимъ названіемъ общественнаго воспитанія и множествомъ общихъ педагогическихъ формъ, кроется свое особенное характеристическое понятіе, созданное характеромъ и исторіею народа.

Въ школахъ всего образованнаго міра, удержавшихъ вездѣ и до сихъ поръ свое средневѣковое названіе школы, вездѣ преподается одна и та же латинская и греческая

грамматика, изучаются одни и тѣ же греческіе и латинскіе писатели, одна и та же математика, не признающая никакихъ національностей, та же исторія съ своими нескончаемыми Пуническими войнами; но всякій народъ ищетъ и находитъ въ этихъ всемірныхъ учителяхъ особенную пищу, сообразную его національности. Несмотря на сходство педагогическихъ формъ всѣхъ европейскихъ народовъ, у каждаго изъ нихъ своя особенная національная система воспитанія, своя особая цѣль и свои особые средства къ достиженію этой цѣли.

2.

Типическою чертою германскаго характера, которая до сихъ поръ рѣшала роль Германіи въ исторіи и опредѣляла ея значеніе во всемірномъ развитіи человѣчества, является склонность къ отвлеченію и, выходящая изъ нея, склонность къ системѣ. Нѣмецъ во всѣхъ явленіяхъ жизни ищетъ гармоніи и связи, все возводитъ въ отвлеченную идею и отовсюду ее извлекаетъ. Для него недостаточно понимать вещь: но ему непременно нужно опредѣлить ее и дать ей мѣсто въ системахъ своихъ знаній. Опредѣленіями пустѣйшихъ и ничтожнѣйшихъ предметовъ набиты кипы нѣмецкихъ учебниковъ. Безъ опредѣленія для нѣмца и вещь не вещь. Прежде всего видитъ онъ въ каждомъ предметѣ его философскую сторону, и всякое дѣло свое начинаетъ и оканчиваетъ философскою мыслью. Если у него нѣтъ истинной философіи, то онъ выскажетъ самую избитую мысль, годную только для прописи, но ни за что не пропуститъ случая пофилософствовать. Но болѣе всего онъ заботится, чтобы въ головѣ его не осталось ни одного незанятаго уголка, и въ мірѣ ни одного предмета, который бы не помѣстился въ одномъ изъ уголковъ его системы.

Эта страсть къ абстракціи и системѣ создаетъ великихъ ученыхъ, познанія которыхъ обнимаютъ міръ, какъ познанія Риттера и Гумбольдта, поэтовъ-философовъ, какъ Гете и философовъ-поэтовъ, какъ Шеллингъ и Гегель; но она же создаетъ и нѣмецкихъ мечтателей и мечтательницъ въ молодости и самыхъ мелочныхъ формалистовъ и педантовъ

подъ старость. Глубокомыслие и ученость—лицевая сторона этой народной склонности; педантизмъ и резонерство—оборотныя ея стороны. Ей Германія обязана своимъ всемірнымъ значеніемъ въ наукѣ и своимъ политическимъ ничтожествомъ, величайшими произведеніями ума человѣческаго, составившими эпоху въ развитіи человечества, и необозримою грудю бездарнѣйшихъ книгъ, въ которыхъ подъ сѣткою безконечныхъ дѣленій и подраздѣленій, оглавленныхъ буквами всѣхъ размѣровъ и всѣхъ азбукъ, не скрывается часто ни малѣйшей мысли. Вся литература Германіи; въ которой сосредоточились почти и всѣ результаты ея исторической дѣятельности, служитъ лучшимъ доказательствомъ нашихъ словъ.

Эта же красная нить германскаго характера наложила особенный отпечатокъ и на общественное образованіе Германіи.

По страсти своей все систематизировать, германцы возвели и искусство воспитанія на степень науки, наравнѣ съ безчисленнымъ множествомъ другихъ чисто нѣмецкихъ наукъ, и съ любовью разработали ее въ многотомныя системы, обладающія тысячами подраздѣленій. Но, несмотря на твердое убѣжденіе большинства нѣмецкихъ педагоговъ, что они работаютъ надъ воспитаніемъ человѣка вообще, къ какому бы народу онъ ни принадлежалъ, нѣмецкая педагогика наука чисто нѣмецкая. Стоитъ только безпристрастному читателю другой націи прочесть три, четыре нѣмецкія педагогика, чтобы убѣдиться, что идеаль человѣка, воспитаніе котораго въ нихъ разрабатывается, нѣмецкій ессе homo, совершеннѣйшій нѣмецъ.

Прежде всего и болѣе всего нѣмецкое воспитаніе стремится ко всесторонности и систематичности познаній. Программы нѣмецкихъ гимназій, факультетовъ и нѣмецкихъ экзаменовъ пугаютъ своею многосложностью и громадностью. Нетрудно замѣтить, что здѣсь воспитаніе приносится въ жертву наукѣ или, вѣрнѣе сказать, наука и ученость являются окончательною цѣлью, къ которой направлено все воспитаніе.

3.

Общественное воспитаніе Англіи представляетъ крайнюю противоположность германскому воспитанію. Оно менѣе всего заботится о полнотѣ и систематичности знаній, и для него ученость составляетъ одну изъ профессій человѣка, которою онъ можетъ заняться, если ему нечего болѣе дѣлать, но до которой воспитанію нѣтъ никакого дѣла. Для англійскаго воспитанія наука не цѣль, но одно изъ средствъ для развитія характера, привычекъ, образа мыслей, манеръ истиннаго джентльмена, идеала, къ осуществленію котораго направлено все англійское воспитаніе. Молодой англичанинъ, получившій образованіе въ Оксфордѣ, уже поэтому самому считается джентльменомъ, къ какому бы сословію онъ ни принадлежалъ. Оксфордскія и кембриджскія коллегіи, Итонъ, Вестминстеръ, Гарро, Регби, гордятся не тѣмъ, что въ нихъ получили воспитаніе великіе ученые, или что подъ ихъ покровомъ наука открыла новые пути; но, указывая съ гордостью на цѣлый рядъ великихъ характеровъ англійской исторіи, получившихъ первое развитіе въ ихъ стѣнахъ, отвѣчаютъ на упреки въ недостаткѣ ученой дѣятельности, что «ихъ дѣло создавать людей, а не писать книги».

Англійскій джентльменъ, такъ же, какъ и нѣмецъ, просиживаетъ лучшіе годы своей молодости за классиками и пріобрѣтаетъ въ классической литературѣ твердыя, никогда не изглаживающіяся познанія. Но англичанинъ ищетъ въ классикахъ не предметовъ историческаго изученія или философскаго анализа, за которыми гоняется германецъ, а привычки къ той силѣ и ясности языка, опредѣленности и точности выраженій, которыми отличается классическая литература, и которыя имѣли такое сильное вліяніе на образованіе логизма англійской рѣчи.

Но главное въ англійскомъ воспитаніи, это характеръ, привычка владѣть собою (selfgovernment), отличающая всякаго истиннаго джентльмена. На образованіе и укрѣпленіе характера обращено главное вниманіе англійскаго воспитанія. Англійскіе древніе университеты, равно какъ и знаме-

нитыя школы Англии, болѣе воспитательныя, чѣмъ учебныя заведенія. Жизнь воспитанниковъ въ самомъ заведеніи составляетъ правило: воспитанники, живущіе по домамъ и приходящіе только во время уроковъ, представляютъ исключеніе. Въ этихъ закрытыхъ воспитательныхъ заведеніяхъ господствуетъ какой-то полусемейный, полуобщинный духъ, и наблюдается иногда величайшая строгость.

4.

Гораздо труднѣе опредѣлить характеръ французскаго общественнаго воспитанія, именно потому, что въ немъ мало характера. Безпрестанная мѣна правительствъ и системъ управленія не осталась безъ вліянія и на общественное воспитаніе Франціи.

Спокойствіе, независимость и послѣдовательность, которыя такъ необходимы и наукѣ и воспитанію, совершенно оставили французскую педагогику, и политическая лихорадка вполнѣ завладѣла ею. Вмѣстѣ съ тѣмъ народъ потерялъ всякое уваженіе къ воспитанію, школамъ и педагогамъ, и, можетъ-быть, нѣтъ другой страны въ мірѣ, въ которой бы, какъ во Франціи, народъ такъ мало цѣнилъ пользу воспитанія.

Провинціи и города несутъ тягость поддержки коллегій и элементарныхъ училищъ съ явнымъ отвращеніемъ, и рады всякую минуту сбросить съ себя эту тягость на руки правительства или поручить эту заботу іезуитамъ, которые берутся за нее такъ охотно.

Педагогическая дисциплина вся направлена къ тому, чтобы развить самолюбіе воспитанниковъ и заставить соревновать другъ другу тѣхъ изъ нихъ, которые по природнымъ своимъ способностямъ могутъ выйти на эту арену: остальные должны сидѣть смиренно и не мѣшать. Галантливыхъ мальчиковъ, на которыхъ предвидится возможность отличиться, принимаютъ даромъ въ самые дорогіе пансіоны при коллегіяхъ, даже готовы платить за нихъ деньги: объ остальныхъ торгуются почти что съ аукціона: «кто возьметъ меньше»? Провинціальныя же и городскія управленія

заботятся только о томъ, какъ бы подешевле обошлась имъ учебная часть.

Классическіе языки и классическая литература составляютъ основаніе и французскаго общественнаго воспитанія. Но французъ прибавляетъ къ древнимъ классикамъ и своихъ собственныхъ и изучаетъ тѣхъ и другихъ по-своему, чаще всего на память. Онъ не любитъ углубляться въ грамматическія и филологическія тонкости; ему мало дѣла и до древней классической жизни. Онъ слегка пробѣгаетъ содержаніе древней литературы, но выучиваетъ наизусть эффектныя мѣста, и прежде всего кидается на фразу: подмѣчаетъ ее, заучиваетъ, цитируетъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Такъ же поступаетъ онъ и съ своими доморощенными классиками, изученіе которыхъ занимаетъ большую часть его школьной жизни. Онъ выучиваетъ наизусть цѣлыя тирады изъ Фенелона, Боссюета, Массильона, Монтескье, Вольтера, Паскаля, Корнея, Расина, Мольера, Бюффона, Лабрюйера, Мальбранша, Арно и другихъ писателей изъ длиннаго ряда своихъ классиковъ, и пишетъ сочиненія ихъ фразами.

Зато какъ и обработалъ онъ свою фразу! Она готова у него на всякій случай, на всякую мысль, на всякій оттѣнокъ мысли, и ему остается только брать ее, всегда готовую, острую и ловкую.

Французъ съ любовью занимается математикой, находя въ ней гимнастику для своего разсудка, но исторію и географію чужихъ государствъ онъ пробѣгаетъ мелькомъ. Всякая же система не его дѣло. Вся классная дисциплина основывается на принужденіи, съ одной стороны, и на развитіи самолюбія, съ другой. Въ самолюбіи французская педагогика нашла сильнѣйшій рычагъ и работаетъ имъ безпощадно. Для этой цѣли французскіе наставники изобрѣли множество геніальныхъ средствъ: жалуютъ своихъ воспитанниковъ орденами, производятъ ихъ въ чины и печатаютъ ихъ имена въ газетахъ. Народность, изгнанная изъ общественнаго воспитанія, проглянула въ немъ сама собою; но проглянула во всей своей дикости. «Гони природу въ дверь, она влетитъ въ окно», но, можетъ-быть, оставитъ

за окномъ лучшую свою сторону и принесетъ однѣ свои слабости.

Высказавъ слабыя стороны общественнаго воспитанія во Франціи, мы должны указать на блестящую его сторону. Если ученое образованіе, общее умственное развитіе и воспитаніе нравственности и характера мало достигаются французскимъ образованіемъ, зато можно сказать съ убѣжденіемъ, что техническая часть ученія процвѣтаетъ во Франціи. Французскія техническія учебныя заведенія служили образцомъ для заведеній того же рода въ другихъ государствахъ Европы. Но и въ настоящее время трудно указать на какое-нибудь техническое учебное заведеніе Германіи или Англии, которое могло бы соперничать съ Парижской политехнической школой или съ Парижской же центральной школой искусствъ и мануфактуръ...

5.

Какъ ни кратки и ни поверхностны очерки системы общественнаго воспитанія главнѣйшихъ народовъ современности, которые мы здѣсь предложили читателю, но изъ нихъ уже видно, что всѣ эти системы, несмотря на множество одинаковыхъ названій, сходство педагогическихъ формъ и единство учебныхъ предметовъ, существенно различаются между собою. Мы видимъ далѣе, что это различіе, отражающееся и во внѣшнемъ устройствѣ учебной части, зависитъ не отъ случайныхъ обстоятельствъ, но выходитъ изъ болѣе глубокаго источника: изъ той особенной идеи о воспитаніи, которая составила у каждаго народа. Нѣмецъ, англичанинъ, французъ, американецъ требуютъ отъ воспитанія не одного и того же, и подъ именемъ воспитанія заключаются у каждаго народа различныя понятія. Различіе это, не выражаясь опредѣленно, тѣмъ не менѣе, проглядываетъ во множествѣ особенностей, иногда мелкихъ, но характеристическихъ, показывающихъ направленіе общественнаго воспитанія у каждаго народа и ту невысказываемую цѣль, къ которой оно стремится, и которая опредѣлила самыя его формы.

Въ основаніи особой идеи воспитанія у каждаго народа лежить, конечно, особенная идея о человѣкѣ, о томъ, каковъ долженъ быть человѣкъ по понятіямъ народа въ извѣстный періодъ народнаго развитія.

Каждый народъ имѣетъ свой особенный идеаль человѣка и требуетъ отъ своего воспитанія воспроизведенія этого идеала въ отдѣльныхъ личностяхъ. Идеаль этотъ у каждаго народа соотвѣтствуетъ его характеру, опредѣляется его общественною жизнью, развивается вмѣстѣ съ его развитіемъ, и выясненіе его составляетъ главнѣйшую задачу каждой народной литературы...

Что такое вся исторія народа, если не процессъ сознанія той идеи, которая скрывается въ его народности, и выраженіе ея въ историческихъ дѣяніяхъ? Но это сознаніе совершается въ единичныхъ человѣческихъ самосознаніяхъ и, создаваясь изъ атомовъ, дѣлается непреодолимою историческою силою. Чѣмъ сильнѣе въ человѣкѣ народность, тѣмъ легче ему въ самомъ себѣ разсмотрѣть ея требованія, и что относится къ великимъ народнымъ писателямъ и дѣятелямъ, которые подвигаютъ періодами народное самосознаніе, то можетъ быть приложено и къ каждому члену общества. Для того же, чтобы понять великаго человѣка или сочувствовать народному писателю, необходимо носить въ самомъ себѣ зародышъ народности.

Общественное воспитаніе, которое укрѣпляетъ и развиваетъ въ человѣкѣ народность, развивая въ то же время его умъ и его самосознаніе, могущественно содѣйствуетъ къ развитію народнаго самосознанія вообще; оно вноситъ свѣтъ сознанія въ тайники народнаго характера и оказываетъ сильное и благотѣльное вліяніе на развитіе общества, его языка, его литературы, его законовъ, — словомъ, на всю его исторію.

2.

Трудъ въ его психическомъ и воспитательномъ значеніи.

Если бы люди открыли философскій камень, то бѣда была бы еще не велика: золото перестало бы быть моне-

тою. Но если бы они нашли сказочный мѣшокъ, изъ котораго выскакиваетъ все, чего душа пожелаетъ, или изобрѣли машину, вполнѣ замѣняющую всякій трудъ человѣка, -- словомъ, разомъ достигли тѣхъ результатовъ, которыхъ добиваются техники и политико-экономы, то самое развитіе человечества остановилось бы: развратъ и дикость завладѣли бы обществомъ, самое общество распалось бы, и не одна политическая экономія (къ чему бы она служила тогда?) была бы вычеркнута изъ списка человѣческихъ знаній; съ уничтоженіемъ необходимости личнаго труда сама исторія должна прекратиться.

Переходя отъ государствъ къ отдѣльнымъ сословіямъ, слѣдя за возникновеніемъ и паденіемъ ихъ, мы видимъ то же самое: какъ только необходимость труда, будетъ ли то наука, торговля, государственная служба, военная или гражданская, покидаетъ какое-нибудь сословіе, такъ оно и начинаетъ быстро терять силу, нравственность, а, наконецъ, и самое вліяніе, начинаетъ быстро вырождаться и уступаетъ свое мѣсто другому, въ среду котораго переходитъ вмѣстѣ съ трудомъ и энергія, и нравственность, и счастье.

Примѣры частной жизни представляютъ намъ то же самое: кто жилъ и наблюдалъ достаточно, чтобы имѣть возможность припомнить нѣсколько благосостояній, созданныхъ и разрушенныхъ на его памяти, тотъ, вѣроятно, не разъ задумывался надъ однимъ страннымъ, періодически-повторяющимся явленіемъ. Отецъ-человѣкъ, проложившій самъ себѣ дорогу, трудится, бьется изъ всѣхъ силъ, чтобы избавить своихъ дѣтей отъ необходимости трудиться и, наконецъ, оставляетъ имъ обезпеченное состояніе. Что же приноситъ это состояніе дѣтямъ? Оно весьма часто не только бываетъ причиною безнравственности въ дѣтяхъ, не только губить ихъ умственные способности и физическія силы, но даже дѣлаетъ ихъ положительно несчастными; такъ что если сравнить счастье отца, тяжкимъ упорнымъ трудомъ нажившаго состояніе, и дѣтей, проживающихъ его безъ всякаго труда, то мы увидимъ, что отецъ былъ несравненно счастливѣе дѣтей. А между тѣмъ бѣднякъ трудился цѣлую жизнь, чтобы дѣтямъ его не нужно было трудиться,

бился цѣлую жизнь, чтобъ разрушить ихъ нравственность, сократить ихъ существованіе и сдѣлать для нихъ счастье невозможнымъ! О дѣльномъ воспитаніи онъ не заботился: къ чему оно? Были бы деньги! Пусть де воспитывается тотъ, у кого ихъ нѣтъ. И не подумалъ онъ, что трудъ, а за нимъ и счастье сами сыщутъ бѣдняка, а богачъ долженъ еще умѣть отыскать ихъ.

Изъ всѣхъ этихъ примѣровъ мы видимъ, что трудъ, исходя отъ человѣка на природу, дѣйствуетъ обратно на человѣка не однимъ удовлетвореніемъ его потребностей и расширеніемъ ихъ круга, но собственной своею, внутреннею, ему одному присущею силою, независимо отъ тѣхъ матеріальныхъ цѣнностей, которыя онъ доставляетъ. Матеріальные плоды трудовъ составляютъ человѣческое достоинство; но только внутренняя, духовная, животворная сила труда служитъ источникомъ человѣческаго достоинства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нравственности и счастья. Это животворное вліяніе имѣетъ только личный трудъ на того, кто трудится. Матеріальные плоды трудовъ можно отнять, наслѣдовать, купить, но внутренней, духовной, животворящей силы труда нельзя ни отнять, ни наслѣдовать, ни купить за все золото Калифорніи: она остается у того, кто трудится. Недостатокъ-то этой незримой цѣнности, производимой трудомъ, а не недостатокъ бархата, шелка, хлѣба, машинъ, вина погубилъ Римъ, Испанію, губить Южные Штаты, вырождаетъ сословія, уничтожаетъ роды и лишаетъ нравственности и счастья многія тысячи людей.

Трудъ истинный и непременно свободный, потому что другого труда нѣтъ и быть не можетъ, имѣетъ такое значеніе для жизни человѣка, что безъ него она теряетъ всю свою цѣну и все свое достоинство. Онъ составляетъ необходимое условіе не только для развитія человѣка, но даже и для поддержки въ немъ той степени достоинства, которой онъ уже достигъ. Безъ личнаго труда, человѣкъ не можетъ идти впередъ, не можетъ оставаться на одномъ мѣстѣ, но долженъ идти назадъ. Тѣло, сердце и умъ человѣка требуютъ труда, и это требованіе такъ настоятельно, что если, почему бы то ни было, у человѣка не окажется своего

личнаго труда въ жизни, тогда онъ теряетъ настоящую дорогу и передъ нимъ открываются двѣ другія, обѣ одинаково гибельныя: дорога неутолимаго недовольства жизнью, мрачной апатіи и бездонной скуки или дорога добровольнаго, незамѣтнаго самоуничтоженія, по которой человѣкъ быстро спускается до дѣтскихъ прихотей или скотскихъ наслажденій. На той и на другой дорогѣ смерть овладѣваетъ человѣкомъ заживо, потому что трудъ личный, свободный трудъ и есть жизнь.

Самое воспитаніе, если оно желаетъ счастья человѣку, должно воспитывать его не для счастья, а приготавливать къ труду жизни. Чѣмъ богаче человѣкъ, тѣмъ образованіе его должно быть выше, потому что тѣмъ труднѣе для него отыскать трудъ, который самъ напрашивается къ бѣдняку, таща за спиною счастье въ нищенской котомкѣ. Воспитаніе должно развить въ человѣкѣ привычку и любовь къ труду; оно должно дать ему возможность отыскать для себя трудъ въ жизни.

3.

О педагогической подготовкѣ.

Какое общество можетъ быть приличнѣе для проповѣдника религіи Спасителя, какъ не общество дѣтей, которыми такъ любилъ Себя окружать Богочеловѣкъ, и заботу о которыхъ Онъ такъ строго заповѣдалъ Своимъ ученикамъ. Но съ другой стороны искусство воспитанія выросло медленнымъ, историческимъ путемъ, и тотъ, кто хочетъ воспитывать дѣтей, долженъ посвятить много времени этому искусству. Теперь едва ли уже можно сомнѣваться въ томъ, что для воспитателя недостаточно быть только учителемъ и что для самого учителя недостаточно знать, чему учить, но должно еще знать, какъ учить, и не только знать теоретически, но умѣть практически. Неудачные опыты нашего ученія и воспитанія, кажется, должны были уже убѣдить всѣхъ, что искусство воспитанія, какъ и искусство врачеванія, требуетъ долговременной спеціальной, теоретической и практической подготовки. Мы считаемъ совершенно приличнымъ и даже въ высшей степени полезнымъ, чтобы

духовныя лица могли стоять во главѣ не только народныхъ школъ, но быть наравнѣ съ свѣтскими лицами начальниками и главными распорядителями и въ другихъ высшихъ школахъ. Но для этого надобно, чтобы они, по своему общему образованію и по своему педагогическому подготовленію, были способны къ такой всесторонней воспитательной дѣятельности. Однако состояніе нашихъ духовныхъ училищъ, въ которыхъ совершенно нѣтъ никакой педагогической подготовки, и даже отчасти способъ преподаванія Закона Божія въ нашихъ свѣтскихъ училищахъ, являются практическимъ доказательствомъ того, что наше духовенство очень мало знакомо съ педагогическимъ искусствомъ и въ этомъ отношеніи во многомъ еще находится на той ступени, на которой схоластика оставила искусство воспитанія. Вотъ почему мы считаемъ необходимымъ педагогическую подготовку, сообразную съ требованіями новѣйшей педагогики для лицъ, назначающихъ себя къ занятію духовныхъ должностей, если съ этими должностями желаютъ соединить педагогическую дѣятельность.

Но если необходимо, чтобы духовныя лица, посвящающія себя воспитательной дѣятельности, были хорошими педагогами, то съ другой стороны необходимо такъ же, чтобы свѣтскія лица, принимающіяся за воспитаніе, особенно простого народа, были не только хорошіе педагоги, но истинные христіане по своимъ стремленіямъ и убѣжденіямъ, насколько убѣжденія чловѣка доступны взору другихъ людей.

4.

О пользѣ педагогической литературы.

Не всякій педагогъ-практикъ долженъ быть ученымъ и глубокимъ психологомъ, двигать науку впередъ и способствовать созданію, испытанію на дѣлѣ и исправленію психологической системы: эта обязанность лежитъ вообще на педагогахъ, потому что это единственный классъ людей, для практической дѣятельности которыхъ изученіе духовной стороны чловѣка является такъ же необходимымъ, какъ для медика изученіе тѣлесной. Но отъ каждаго педагога-практика можно и должно требовать, чтобы онъ добросовѣстно и со-

знательно выполнялъ долгъ свой и, взявшись за воспита-
ніе духовной стороны человѣка, употреблялъ всѣ зависящія
отъ него средства, чтобы познакомиться, сколько возможно
ближе, съ предметомъ дѣятельности всей своей жизни.

Педагогическая литература представляетъ для этого мо-
гущественнѣйшее средство. Она знакомитъ насъ съ психо-
логическими наблюденіями множества умныхъ и опытныхъ
педагоговъ и, главное, направляетъ нашу собственную мысль
на такіе предметы, которые легко могли бы ускользнуть
отъ нашего вниманія. Если мы требуемъ отъ ремесленника,
чтобы онъ думалъ о своемъ ремеслѣ и старался познако-
миться съ нимъ ближе, то неужели общество, довѣряющее
намъ своихъ дѣтей, не въ правѣ требовать отъ насъ, чтобы
мы старались, по мѣрѣ силъ своихъ, познакомиться съ
тѣмъ предметомъ, который ввѣряется нашимъ попеченіямъ,
съ умственной и нравственною природою человѣка. Педа-
гогическая литература открываетъ намъ широкій путь для
этого знакомства... Педагогическія мѣры и методы воспита-
нія очень разнообразны, и только знакомство со всѣмъ
этимъ разнообразіемъ можетъ спасти воспитателя отъ той
прямой односторонности, которая, къ несчастью, слишкомъ
часто встрѣчается въ педагогахъ-практикахъ, незнакомыхъ
съ педагогическою литературою. И сколько зла можетъ
сдѣлать рутина одного такого педагога, если она ошибочна!

Педагогическая литература одна только можетъ оживить
воспитательную дѣятельность, придать ей тотъ смыслъ и
ту занимательность, безъ которыхъ она скоро дѣлается ма-
шинальнымъ препровожденіемъ времени, назначеннаго на
уроки. Она одна только можетъ возбудить въ обществѣ
вниманіе къ дѣлу воспитанія и дать въ немъ воспита-
телямъ то мѣсто, которое они должны занимать по важности
возлагаемыхъ на нихъ обязанностей. Педагогическая лите-
ратура устанавливаетъ въ обществѣ съ одной стороны пра-
вильныя требованія въ отношеніи воспитанія, а съ другой—
открываетъ средства для удовлетворенія этихъ требованій.

Педагогическая литература, живая, современная и об-
ширная, вырываетъ воспитателя изъ его замкнутой усыпи-
тельной сферы, вводитъ его въ благородный кругъ мысли-

телей, посвятившихъ всю свою жизнь дѣлу воспитанія. Воспитатель, стоящій въ уровень съ современнымъ ходомъ воспитанія, чувствуетъ себя живымъ, дѣятельнымъ членомъ великаго организма, борющагося съ невѣжествомъ и пороками человѣчества, посредникомъ между всѣмъ, что было благороднаго и высокаго въ прошедшей исторіи людей, и поколѣніемъ новымъ, хранителемъ святыхъ завѣтовъ людей, боровшихся за истину и за благо. Онъ чувствуетъ себя живымъ звеномъ между прошедшимъ и будущимъ, могучимъ ратоборцемъ истины и добра и сознаетъ, что его дѣло, скромное по наружности, одно изъ величайшихъ дѣлъ исторіи, что на этомъ дѣлѣ зиждутся царства и имъ живутъ цѣлыя поколѣнія. Онъ видитъ, что вопросы относительно его дѣятельности, рождающіеся въ его мысляхъ, на которые пустая и суетная толпа, исчезающая безъ слѣда со всѣмъ своимъ трескомъ и фейерверочнымъ огнемъ, обращаетъ мало вниманія, занимаетъ зато тысячи благороднѣйшихъ умовъ, постигшихъ глубоко всю важность воспитанія.

Съ другой стороны, при существованіи педагогической литературы, всякій воспитатель имѣетъ возможность не ограничиваться тѣснымъ кругомъ своей плодотворной дѣятельности. Его опытъ, мысль, которую онъ выработалъ въ своей практикѣ, новый вопросъ, родившійся въ его головѣ, все это не остается въ предѣлахъ его школы, или, что еще хуже, не умретъ въ немъ самомъ, но, появившись на литературномъ поприщѣ, облетитъ всѣ концы Россіи, заглянетъ во всѣ захолустья, гдѣ только есть школа, и вызоветъ сочувствіе или споръ въ сотнѣ его товарищей, дѣла которыхъ коснется мысль его прямо: она можетъ вызвать горячее сочувствіе, пріобрѣсть защитниковъ и перейти въ дѣйствительность не въ тѣсныхъ предѣлахъ одного класса или одной школы, но въ обширныхъ предѣлахъ общественнаго образованія цѣлаго государства.

5.

Родное слово.

Люди долго пользовались богатствами родного слова, прежде чѣмъ обратили вниманіе на сложность и глубину

его организма и оцѣнили его значеніе въ своей духовной жизни. Да оцѣнили ли и теперь вполне? Если судить по ходячимъ общественнымъ мнѣніямъ, по принятымъ въ педагогической практикѣ приѣмамъ, по устройству учебной части въ различныхъ заведеніяхъ, то нельзя не сознаться, что до такой оцѣнки еще очень и очень далеко... А между тѣмъ языкъ, который даритъ намъ народъ, одинъ уже можетъ показать намъ, какъ безконечно ниже стоитъ всякая личность, какъ бы она образована и развита ни была, какъ бы ни была она богато одарена отъ природы, передъ великимъ народнымъ организмомъ... Не нужно еще быть большимъ филологомъ, а достаточно сколько-нибудь вдуматься въ свое родное слово, чтобы убѣдиться, что языкъ народа есть цѣльное органическое его созданіе, вырастающее во всѣхъ своихъ народныхъ особенностяхъ изъ какого-то одного, таинственнаго, гдѣ-то въ глубинѣ народнаго духа запрятаннаго зерна. Языкъ народа, лучшій, никогда не увядающій и вѣчно вновь распускающійся цвѣтъ всей его духовной жизни, начинающейся далеко за границами исторіи. Въ языкѣ одухотворяется весь народъ и вся его родина; въ немъ претворяется творческою силою народнаго духа въ мысль, въ картину и звукъ небо отчизны, ея воздухъ, ея физическія явленія, ея климатъ, ея поля, горы и долины, ея лѣса и рѣки, ея бури и грозы, весь тотъ глубокой полный мысли и чувства голосъ родной природы, который говоритъ такъ громко въ любви человека къ его иногда суровой родинѣ, который высказывается такъ ясно въ родной пѣснѣ, въ родныхъ напѣвахъ, въ устахъ народныхъ поэтовъ. Но въ свѣтлыхъ, прозрачныхъ глубинахъ народнаго языка отражается не одна природа родной страны, но и вся исторія духовной жизни народа. Поколѣнія народа проходятъ одно за другимъ, но результаты жизни каждого поколѣнія остаются въ языкѣ, въ наслѣдіе потомкамъ. Въ сокровищницу родного слова складывается одно поколѣніе за другимъ плоды глубокихъ сердечныхъ движеній, плоды историческихъ событій, вѣрованія, возрѣнія, слѣды прожитого горя и прожитой радости,—словомъ, весь слѣдъ своей духовной жизни народъ бережно сохраняетъ въ народномъ

словъ. Языкъ есть самая живая, самая обильная и прочная связь, соединяющая отжившія, живущія и будущія поколѣнія народа въ одно великое историческое живое цѣлое. Онъ не только выражаетъ собою жизненность народа, но есть именно самая эта жизнь. Когда исчезаетъ народный языкъ, народа нѣтъ болѣе!.. Пока живъ языкъ народный въ устахъ народа, до тѣхъ поръ живъ и народъ. И нѣтъ насилія болѣе невыносимаго, какъ то, которое желаетъ отнять у народа наслѣдство, созданное безчисленными поколѣніями его отжившихъ предковъ. Отнимите у народа все и онъ все можетъ воротить; но отнимите языкъ, и онъ никогда болѣе уже не создастъ его; новую родину даже можетъ создать народъ, но языка—никогда! Вымеръ языкъ въ устахъ народа, вымеръ и народъ. Но если человѣческая душа содрогается передъ убійствомъ одного недолговѣчнаго человѣка, то что же должна бы чувствовать она, посягая на жизнь многовѣковой исторической личности народа, этого величайшаго изъ всѣхъ созданій Божіихъ на землѣ?

Являясь, такимъ образомъ, полнѣйшею и вѣрнѣйшею лѣтописью всей духовной, многовѣковой жизни народа, языкъ въ то же время является величайшимъ народнымъ наставникомъ, учившимъ народъ тогда, когда не было еще ни книгъ ни школъ, и продолжающимъ учить его до конца народной исторіи. Усвоивая родной языкъ, легко и безъ труда, каждое новое поколѣніе усвоиваетъ въ то же время плоды мысли и чувства тысячи предшествовавшихъ ему поколѣній, давно уже истлѣвшихъ въ родной землѣ или жившихъ, можетъ-быть, не на берегахъ Рейна и Днѣпра, а гдѣ-нибудь у подошвы Гималая. Все, что видали, все, что испытали, все, что почувствовали и передумали эти безчисленные поколѣнія предковъ, передается легко и безъ труда ребенку, только что открывающему глаза на міръ Божій, и дитя, выучившись родному языку, вступаетъ уже въ жизнь съ необъятными силами. Не условнымъ звукамъ только учится ребенокъ, изучая родной языкъ, но пьетъ духовную жизнь и силу изъ родимой груди родного слова. Оно объясняетъ ему природу, какъ не могъ бы объяснить ее ни одинъ естествоиспытатель; оно знакомитъ его съ ха-

ракторомъ окружающихъ его людей, съ обществомъ, среди котораго онъ живетъ, съ его исторіей и его стремленіями, какъ не могъ бы познакомить ни одинъ историкъ; оно вводитъ его въ народныя вѣрованія, въ народную поэзію, какъ не могъ бы ввести ни одинъ эстетикъ; оно, наконецъ, даетъ такія логическія понятія и философскія воззрѣнія, которыхъ, конечно, не могъ бы сообщить ребенку ни одинъ философъ.

Ребенокъ, развитіе котораго не было извращено насильственно, по большей части въ пять или шесть лѣтъ говоритъ уже очень бойко и правильно на своемъ родномъ языкѣ. Но подумайте, сколько нужно знаній, чувствъ, мыслей, логики и даже философіи, чтобы говорить такъ на какомъ-нибудь языкѣ, какъ говоритъ неглупое дитя лѣтъ шести или семи на своемъ родномъ? Тѣ очень ошибаются, кто думаетъ, что въ этомъ усвоеніи ребенкомъ родного языка дѣйствуетъ только память: никакой памяти не достало бы для того, чтобы затвердить не только всѣ слова какого-нибудь языка, но даже всѣ возможные сочетанія этихъ словъ и всѣ ихъ видоизмѣненія; нѣтъ, если бы изучили языкъ одною памятью, то никогда бы вполнѣ не изучили ни одного языка. Языкъ, созданный народомъ, развиваетъ въ духѣ ребенка способность, которая создаетъ въ человѣкѣ слово, и которая отличаетъ человѣка отъ животнаго: развиваетъ духъ... Но этотъ удивительный педагогъ, родной языкъ, не только учитъ многому, но и учитъ удивительно легко по какому-то недосыгаемо облегчающему методу... Усвоивая родной языкъ, ребенокъ усвоиваетъ не одни только слова, ихъ сложенія и видоизмѣненія, но безконечное множество понятій, воззрѣній на предметы, множество мыслей, чувствъ, художественныхъ образовъ, логику и философію языка, и усвоиваетъ легко и скоро, въ два-три года, столько, что и половины того не можетъ усвоить въ двадцать лѣтъ прилежнаго и методическаго ученія. Таковъ этотъ великій народный педагогъ, родное слово ¹⁾.

---

¹⁾ Всѣ приведенные отрывки изъ статей К. Д. Ушинскаго взяты изъ его «Собранія педагогическихъ сочиненій 1875 г.».

Оглавленіе.

Предисловіе	Стр. 3
-----------------------	--------

ОТДѢЛЪ I.

Педагогика западно-европейская.

I. Платонъ	7
Значеніе музыки и гимнастики	8
О воспитаніи	10
II. Аристотель	12
Общія замѣчанія о воспитаніи дѣтей до семи лѣтъ	14
Значеніе воспитанія для политическаго быта государства	16
Основныя дисциплины общаго образованія	17
III. Квинтиліанъ	22
Лучше ли дѣтей учить дома, или отдавать въ училища	—
Цѣль риторики	25
Какъ распознать способности въ дѣтяхъ	26
О наказаніяхъ	27
О чтеніи ораторовъ и историковъ у ратора	28
Какихъ писателей прежде читать должно	29
Надо заставлятъ дѣтей учить наизусть нѣкоторыя мѣста изъ ораторовъ или историковъ	30
О подражаніи	31
IV. Св. Іоаннъ Златоустъ	33
О воспитаніи дѣтей	34
V. Мишель Монтэнъ	39
О педантизмѣ	40
О самостоятельности	42
VI. Амосъ Коменскій	45
Изъ предисловія къ «Открытой двери языковъ»	48
Задачи «Великой Дидактики»	50
Польза искусства обученія	52
Человѣкъ долженъ получить образованіе	53
Все юношество обоого пола нужно поручить школѣ	54
Преподаваніе въ школахъ должно быть обширное	57
Школы могутъ быть преобразованы къ лучшему	58
Тѣло должно быть охраняемо отъ болѣзней	59
О методѣ	—
Все съ своихъ основаній	60
Природа переходитъ отъ болѣе легкаго къ болѣе трудному	61
Методъ нравственнаго образованія	62

	Стр.
Школьная дисциплина	64
Идея народной школы	66
Законы благоустроенной школы	67
Законы для учителей	70
Законы для ректора	71
О дѣятельности	72
Упражнения чувствъ	—
VII. Джонъ Локкъ	73
Здоровый духъ въ здоровомъ тѣлѣ	74
Плаванье	75
Воздухъ	76
Сонъ	77
Лѣкарства	78
Желанія	79
О наградахъ	80
О правилахъ	81
Привычки	83
Разсужденія съ дѣтьми	—
О выборѣ воспитателя	84
О любознательности у дѣтей	86
О правдивости и благорасположеніи	87
Объ ученіи	88
VIII. Ролленъ	89
Цѣль образованія	90
Дары образованія	—
Цѣль всѣхъ занятій	92
Хорошій вкусъ	94
Какую слѣдуетъ ставить себѣ цѣль при воспитаніи?	97
IX. Фенелонъ	99
Важность воспитанія дѣвицъ	101
Недостатки обычнаго воспитанія	103
Не должно насиловать дѣтской природы	105
О разказахъ изъ священной исторіи	107
Наставленіе женщинамъ касательно ихъ обязанностей	108
X. Жанъ-Жакъ Руссо	110
О воспитаніи	113
Задачи воспитанія	—
О воспитаніи чувствъ	115
Объ истинныхъ потребностяхъ	116
Учите тому, что полезно для ребенка	117
Робинзонъ	119
О значеніи ремесла	121
О довѣріи къ воспитателю	123
XI. Иммануиль Кантъ	124
Человѣкъ можетъ стать человѣкомъ только черезъ воспитаніе	126
Задачи воспитанія	129
Дѣтей надо научить работать	130
Правила	131
Моральная культура	—
XII. Генрихъ Песталоцци	133
О работѣ въ Станцѣ	138
Форма, число и слово	139
Методъ	140
О значеніи любви	142
Идея элементарнаго образованія	145

	Стр.
XIII. Іоганнь Гербартъ	149
Важность знанія психологіи и педагогика	150
Педагогика какъ наука	153
Значеніе авторитета и любви въ воспитаніи	157
О многосторонности интереса	160
XIV. Фридрихъ Фребель	162
Ребенокъ	164
О познаніи законмѣрности въ природѣ	167
Математика	168
Языкъ	170
Изученіе природы и внѣшняго міра въ отрочествѣ	171
Природа и жизнь	172
XV. Адольфъ Дистервегъ	173
О высшемъ или основномъ принципѣ воспитанія	176
I. Правила обученія по отношенію къ учащемуся	181
II. Правила, относящіяся къ предмету преподаванія	191
III. Правила преподаванія, относящіяся къ учителю	197
IV. Правила преподаванія относительно внѣшнихъ обстоя- тельствъ	201
XVI. Гербертъ Спенсеръ	203
Необходимость найти мѣрило цѣнности знаній	204
Цѣль воспитанія	206
Подготовка къ родительскимъ обязанностямъ	208
Важное значеніе теоріи воспитанія	210
Польза самообученія	212

ОТДѢЛЪ II.

Педагогика русская.

XVII. Поученіе Владиміра Мономаха	215
Изъ «Поченія Владиміра Мономаха»	216
XVIII. Изъ «Устава Луцкой школы»	218
XIX. Симеонъ Полоцкій	223
Педагогическіе взгляды Симеона Полоцкаго	225
XX. И. И. Бецкой	227
Изъ «Генеральнаго учрежденія»	228
Краткое наставленіе	231
XXI. Императрица Екатерина II	238
Изъ Инструкціи князю Николаю Ивановичу Салтыкову при назначеніи его къ воспитанію великихъ князей	239
XXII. Ѡ. И. Янковичъ-де-Миріево	243
Изъ «Руководства учителямъ перваго и втораго класса на- родныхъ училищъ Россійской Имперіи»	245
XXIII. Г. С. Сковорода	250
О значеніи воспитанія	252
О народномъ воспитаніи	253
Глава дѣла	254
XXIV. А. А. Прокоповичъ-Антонскій	—
О воспитаніи	256
XXV. Н. И. Новиковъ	260
О воспитаніи и наставленіи дѣтей для распространенія общепользныхъ знаній и всеобщаго благополучія	261

	Стр.
XXVI. Архієпископъ Евсевій	267
Понятіе о воспитаніи	268
Какъ должно воспитывать	269
Польза и необходимость воспитанія	271
XXVII. Н. И. Пироговъ	272
О высокомъ назначеніи женщины	275
Ищи быть и будь чловѣкомъ	279
Быть и казаться	280
Школа и жизнь	283
О цѣли литературныхъ бесѣдъ въ гимназіяхъ	285
XXVIII. П. Г. Рѣдкинъ	289
Изъ статьи «Что такое воспитаніе?»	291
О научномъ творчествѣ и научныхъ идеалахъ	299
XXIX. П. Д. Юркевичъ	301
Идеи и силы	302
Нравственная личность воспитателя	304
Дисциплинарныя правила	307
Наставленіе	308
XXX. К. Д. Ушинскій	311
Изъ статьи «О народности въ общественномъ воспитаніи»	314
Грудь въ-его психическомъ и воспитательномъ значеніи	323
О педагогической подготовкѣ	326
О пользѣ педагогической литературы	327
Родное слово	329

Віцебскі педагогічны
ІНСТЫТУТ ІМ. С. М. КІРЛОВА